

Е. В. Вишнеvский

Колумб Севера
Николай Николаевич
УРВАНЦЕВ

Е. В. Вишневский

Колумб Севера

**Николай Николаевич
УРВАНЦЕВ**

Новосибирск
«Свиньин и сыновья»
2022

*Издано при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации*

Вишневский, Е. В.

В55 Колумб Севера. Николай Николаевич Урванцев. –
Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2022. – 494 с. : ил.
ISBN 978-5-98502-250-6

Николай Николаевич Урванцев – великий русский полярный путешественник, геолог, геодезист, картограф, первооткрыватель крупнейшего в мире Норильского полиметаллического месторождения. Его недаром называли «Колумбом Севера», поскольку он в составе крошечной экспедиции исследовал и составил первую подробную карту архипелага Северная Земля, а также нанёс на карту и многие другие географические объекты Арктики. Главной целью Н. Н. Урванцева была разведка полезных ископаемых, во всех своих опасных путешествиях он изучал все возможности для использования открытых им несметных богатств на благо своей страны.

*Автор выражает огромную благодарность
своему юному другу Дмитрию Уткину
за бескорыстную помощь
при создании рукописи этой книги*

Предисловие

Имя Николая Николаевича Урванцева, замечательного полярного исследователя, геолога и геодезиста, чьё имя, безусловно, стоит в одном ряду с такими великими именами первооткрывателей Арктики, как Руал Амундсен, Фритъоф Нансен, Роберт Пири, Георгий Седов, Эдуард Толль, Владимир Русанов и другие. И если практически все эти великие полярники имели целью лишь достижение какого-то объекта или даже географической точки (например, Северного полюса) с тем, чтобы утвердить своё имя на географической карте мира, то главной целью Н. Н. Урванцева всегда была разведка полезных ископаемых, нужных его стране. Во всех своих опасных путешествиях он не только наносил на карту новые земли, но и исследовал все возможности для использования открытых им богатств на благо своей страны, своего народа.

Все свои путешествия, даже самые фантастические, полные неожиданностей и, казалось бы, непреодолимых трудностей, Урванцев тщательно просчитывал и скрупулёзно готовился к ним. Никогда и ничего не делал он сам и его соратники по нелёгкому, часто смертельно опасному труду, «на авось». В его экспедициях всё до последней мелочи всегда бывало чётко взвешено и продумано: снаряжение, оружие, одежда, провиант, транспорт, но главное – состав команды. Всегда рядом с Николаем Николаевичем в его экспедициях трудились такие же, как он, отважные, профессиональные, талантливые и надёжные люди.

Я имел счастье не только лично знать Николая Николаевича Урванцева, но даже принимать его у себя дома. В начале 80-х годов у нас, в Академгородке, в Институте геологии и

геофизики СО АН один из моих близких таймырских друзей Лев Васильевич Махлаев¹ защищал свою докторскую диссертацию. И оппонентом на этой защите у него был доктор геолого-минералогических наук, профессор Николай Николаевич Урванцев, может быть, самый большой знаток геологии Таймыра. В то время у нас в стране широким фронтом развернулась «борьба за народную трезвость». «Трезвятники», как тут же нарёк народ активистов этого движения, проникли едва ли не во все сферы тогдашней жизни, в том числе и в государственные, партийные и научные. Поэтому устраивать традиционные банкеты после защиты диссертаций начальством в ту пору категорически не рекомендовалось. Однако учёный люд никак не хотел мириться с этим запретом и умудрялся находить разного рода лазейки для того, чтобы его обходить. Вот я и предложил Льву Махлаеву устроить у меня дома, вместо традиционного банкета, вечер тёплых «таймырских воспоминаний». Мое предложение было с радостью принято, тем более, что я пообещал, что на столе у нас будут стоять исключительно таймырские кушанья, а также только таймырские напитки.

Надо ли говорить, что за столом у нас «царил» сам «патриарх таймырской геологии», у которого, несмотря на преклонный возраст, оказалась прекрасная память и удивительное чувство юмора.

В самом конце застолья один молодой восторженный аспирант-геолог вдруг спросил Урванцева:

– Скажите, Николай Николаевич, вот вы – первооткрыватель норильских углей и руд, фактический Колумб Таймыра и Северной земли, человек-легенда, подаривший нашей стране столько богатств и способствовавший её могуществу! А как с вами обошлась эта неблагодарная страна?! Нет, я знаю,

¹ Лев Васильевич Махлаев, бывший старший научный сотрудник НИИ геологии Арктики (НИИГА), руководил в 1973 году таймырской экспедицией в районе горного массива Тулай-Кирыка-Тас. Я работал в этой экспедиции поваром и лагерным рабочим, о чём впоследствии написал книгу «Записки бродячего повара», которая выдержала несколько изданий. (Здесь и далее – примечания автора.)

сейчас вы полностью реабилитированы, вам вернули все ваши награды, звания, ордена и даже наградили новыми. И всё-таки что вы чувствуете теперь, после того, как с вами так обошлись? Как себя ощущаете?

Урванцев усмехнулся и ответил:

– Знаете, молодой человек, я ведь глубокий старик, родившийся в XIX веке и учившийся в Томском технологическом институте ещё до революции. Я хорошо помню прежние времена и разные удивительные истории, случившиеся в то время. Вот одна из них. При дворе императора Николая II служил министром двора барон и граф Владимир Борисович Фредерикс. И была у него дочь, довольно-таки перзрелая барышня, да к тому же ещё и с очень неудачными внешними данными. В связи с этим выйти замуж было ей весьма проблематично. И вдруг стал ухаживать за нею какой-то красавец-гусар. То ли он на деньги будущего тестя позарился, то ли намеревался с помощью родственных связей карьеру себе выстроить, Бог весть. Дело уверенно шло к свадьбе, но в последний момент расчётливый гусар от выгодной женитьбы отказался (как видно, уж очень страшна была его избранница) и бежал за границу, опасаясь гнева могущественного отца невесты. Скандал при дворе вышел чрезвычайный, тем более, что неудачливая невеста вскоре стала ходить с весьма округлившимся животиком. Безутешный отец кинулся в ноги к царю-батюшке с просьбой помочь в приключившейся беде. Царь вошёл в положение своего министра и выдал оскандалившейся невесте справку следующего содержания: «Такую-то барышню (фамилия, имя, отчество, звание) считать девственницей». Далее – подпись, печать, выходные данные, словом, всё как положено. Так что теперь бывшая невеста могла этот государственный документ предъявить кому угодно в своё оправдание. Вот приблизительно такая же история вышла в нынешние времена и со мной.

Впервые я услышал это имя – Николай Николаевич Урванцев – в далёком 1963 году в только начинавшем тогда строиться Академгородке от своего друга геолога Сергея Леонидовича Троицкого, который с семьёй переехал на посто-

янное место жительства и работы в Сибирь из Ленинграда. А прежде Сергей работал учёным секретарём в НИИГА. Там он близко сошёлся с Николаем Николаевичем, и они стали дружить семьями. Сергей Троицкий целью своей жизни поставил выяснение вопроса: кто в течение многих лет упорно и яростно писал доносы на Урванцева в НКВД. Молодой учёный секретарь досконально разобрался в этом мерзком деле и свои обвинения документально подтвердил, ознакомив с ними геологическую общественность, и всё «полярное братство».

Как известно, Н. Н. Урванцева в первый раз арестовали «по политическим мотивам» 11 сентября 1938 года, но вскоре освободили «за недоказанностью обвинения». А он к тому времени, между прочим, был не только выдающимся геологом и геодезистом, открывшим богатейшие месторождения на Таймыре и Северной Земле, но и доктором геологических наук, заместителем директора по науке Арктического института, полярником, знаменитым на весь мир, награждённым, к тому же, орденом Ленина.

Впрочем, на свободе пробыл Урванцев недолго – 3 марта 1939 года последовал его вторичный арест. Теперь уже без каких-то там смутных «мотивов», а конкретно – «за вредительство и участие в контрреволюционной организации». И 11 ноября 1939 года он был осуждён Военным трибуналом Ленинградского военного округа на 15 лет ИТЛ по ст. 58 УК РСФСР, пп. 7 и 11.

Однако 22 февраля 1940 года по неизвестным мне причинам произошёл пересмотр этого дела и прекращение его «за отсутствием состава преступления», а также полная отмена приговора, включавшая «возвращение прежде осуждённому всех его званий, должностей и наград».

И вновь недолго жил и работал на свободе Н. Н. Урванцев – 11 сентября 1940 года последовал третий арест. А следом, 30 декабря 1940 года, и приговор, вынесенный Особым Совещанием при НКВД СССР по обвинению в «участии в антисоветской вредительской организации» – 8 лет ИТЛ с зачётом отбытого срока.

Справедливости ради, отмечу, что уже в 1943 году Н. Н. Урванцев был «расконвоирован» и даже руководил геологическими поисковыми работами, двигаясь по реке Пясине и её притокам, а также в районе шхер Минина на моторной шлюпке. Ну, а 3 марта 1945 года зэк Урванцев был полностью освобождён из-под стражи и назначен старшим геологом геологического управления Норильского комбината, впрочем, без права выезда из Норильска и проживания в других городах нашей страны

Как и следовало ожидать, вскоре после смерти Сталина, Николай Николаевич Урванцев был полностью реабилитирован по всем своим судимостям. В чём, я считаю, несомненно, была заслуга и моего друга Сергея Троицкого.

Что касается меня, то лично я буквально «за руку» был приведён Серёжей Троицким в Арктику, где в составе маленьких геологических отрядов провёл потом около двадцати полевых сезонов, хотя по своей профессии был математиком и никакого отношения к геологии, казалось бы, не имел.

У нас, в Академгородке, на работе у учёных многих специальностей такого понятия как «трудовая дисциплина» тогда практически не существовало. В особенности у тех, кому для успешной работы ничего, кроме собственной головы, да ещё, может быть, доступа к ЭВМ (такой аббревиатурой называлось тогда то, что сейчас всем известно как просто компьютер) не требовалось. Мы обязаны были лишь посещать научные семинары, где обсуждались проблемы, связанные с постановкой новых задач и рассматривались результаты коллег, а также статьи, представляемые к публикации. Таким образом, можно было, сделав порядочный задел в основной работе, отправиться с каким-нибудь отрядом в замечательное путешествие, чем охотно пользовались многие «аборигены Академгородка». Для меня это почти всегда бывал Крайней Север, который я полюбил на всю жизнь.

Огромной удачей всей моей жизни стало первое путешествие такого рода на Заполярный Урал, севернее Константинова Камня, на мистическое озеро Ямын-Лор, где расположены погребальные капища ямальских ненцев, в составе

отряда «четвертичников»². Этим отрядом как раз и руководил тогда Сергей Троицкий. Так же, как и во всех остальных моих «отпускных полях», я был там отрядным рабочим, то есть поваром (это – прежде всего!), охотником, рыбаком и вообще человеком, отвечающим за жизнеобеспечение отряда. Впоследствии я побывал с Серёжей Троицким на восточном берегу Карского моря, на полярной станции «мыс Мааре Сале»; на полярной базе НИИГА «Усть-Тарей»; на реке Пясине; в шхерах Минина и других знаменитых местах, связанных с личностью Н. Н. Урванцева. И во всех наших путешествиях едва ли не каждый день Сергей рассказывал нам об этом великом геологе и человеке, которого считал своим дорогим старшим другом и лучшим наставником.

К сожалению, Сергей Леонидович Троицкий рано ушёл из жизни (в 54 года), и свои «отпускные путешествия» по Ямалу, Таймыру, Заполярному Уралу, северо-западной Якутии и другим заветным местам Крайнего Севера, я продолжал уже с его учениками, а потом и с другими геологами, друзьями друзей моего покойного друга. Чаще всего это бывали биостратиграфы³ (почему-то именно у этих специалистов бывают самые лучшие «поля»). На многих базах знаменитых геологических НИИ, где нам приходилось ожидать либо заброски в поле, либо наоборот, возвращения домой после тяжких полевых работ, я нередко слышал воспоминания геологов, лично знавших Николая Николаевича и работавших с ним. Впрочем, чаще всего это бывали лишь пересказы историй о нём, изложенные своими словами геологами новых поколений, пришедших в Арктику. Тем не менее, имя Николая Николаевича Урванцева, к тому времени получившего у геологов неофициальный титул «Колумб Таймыра», знали практически все.

² Четвертичная геология – раздел геологии и палеогеографии, изучающий четвертичный период истории Земли, который начался примерно 2,6 млн лет назад и продолжается до сих пор.

³ Биостратиграфия – наука, занимающаяся определением относительного геологического возраста пород путём изучения распределения в них ископаемых остатков организмов.

Истории приключений «Колумба Таймыра», изложенные в этих пересказах для слушателя, незнакомого с личностью Урванцева, казались беспросветным враньём, которое непрерывно хотелось оборвать суровым возгласом: «Будет врать-то!». Ибо даже представить себе такие приключения часто бывало просто невозможно. Однако в основе всех их всегда бывала чистая правда, часто приукрашенная, конечно, различными прихотливыми подробностями от рассказчика. Вот некоторые из них, самые яркие на мой взгляд.

Помню, как в хатангской «Индии»⁴ впервые услышал я рассказ о том, как в 1919 году Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак разыскал в Томске молодого геолога Николая Урванцева и послал его на Западный Таймыр, к устью Енисея, на разведку месторождений каменного угля. При этом он выдал своему посланнику мандат следующего содержания: «Все приказы предъявителя сего исполнять, как мои собственные. Верховный правитель всея России адмирал А. В. Колчак». Колчаку уголь в этом районе позарез нужен был для того, чтобы заправлять им корабли Антанты с оружием и войсками, идущие на помощь «белому движению».

Геолог Урванцев разведал богатейшие запасы прекрасного каменного угля и в 1921 году с этой радостной вестью явился в один из северных посёлков Красноярского края: то ли в Дудинку, то ли в Игарку, то ли даже в Енисейск. В это время гражданская война в Сибири уже закончилась, и к власти в Сибири почти повсеместно пришли большевики. Беднягу адмирала (кроме всего прочего, ещё и знаменитого полярного гидрографа, сподвижника Эдуарда Толля, а также героя русско-японской войны) давно уже «шлёпнули» в Иркутске на льду Ангары, но Урванцев ничего об этом, конечно же, не знал. Он, как обычно, предъявил тот самый мандат, которым Колчак давал ему ничем не ограниченные полномочия,

⁴ Хатанга – неофициальная столица Восточного Таймыра, довольно крупный по северным масштабам посёлок. «Индиями» полярные геологи называли тогда стационарные базы НИИГА, может быть за то, что там всегда бывало тепло, поскольку непрерывно топилась печь, за которой присматривали специально назначенные для этого дежурные.

и, разумеется, тут же был взят под стражу. Большая удача, что Николая Николаевича сразу же не «поставили к стенке», а в связи с сугубой важностью, отправили под конвоем в Москву, на личный допрос к Ф. Э. Дзержинскому.

«Железный Феликс» проговорил с молодым геологом то ли шесть, то ли даже восемь часов кряду, после чего выдал ему мандат приблизительно такого же содержания, но уже за своей подписью. И затем вновь отправил его на Таймыр разведывать полезные ископаемые, необходимые молодой Советской республике.

Или вот ещё один рассказ, который я слышал в крошечном посёлке Усть-Тарей, где речушка Тарей впадает в великую таймырскую реку Пясину. Там в прежние времена размещалась ещё одна знаменитая база НИИГА, известная, в том числе, и тем, что в 1952 году вертолётчик-испытатель Миша Тревич (по паспорту Мойша Трейвиш) разбил там по пьянке один из первых советских вертолётов МИ-1. Диковинных «винтокрылых игрушек»⁵, уверенно шедших в то время на смену трудягам «Аннушкам» (самолётам АН-2), во всей нашей стране было тогда всего то ли шесть, то ли семь штук. В связи с этим, в Москву была отправлена шифрованная радиограмма с таким текстом: «Возвращаясь с гулянки, лётчик Трейвиш разбил гармонь. Присылайте государственную комиссию». Впрочем, в этом трагикомическом происшествии тогда, кроме самой винтокрылой машины, никто, к счастью, не погиб и даже не пострадал.

В той же Усть-Тарее на пирушке, посвящённой окончанию поля, услышал я рассказ о том, как Николай Николаевич во второй (и последний) раз женился.

Итак, рассказывали, что, отправляясь поздней осенью 1923 года последним пароходом вниз по Енисею в район Норильска на свою вторую зимовку, в ресторане Красноярского речного вокзала Урванцев бурно отмечал с друзьями «отходную», как это принято у полярников и моряков. А рядом, в том

⁵ Это определение товарища Сталина, который к вертолётной технике относился тогда иронически.

же ресторане, гуляла свадьба. И Николай Николаевич начал очень громко, так, чтобы его речь слышала невеста, рассказывать о Таймыре, о прекрасном Заполярном Севере, о том, как они нашли почту Амундсена, а также о других своих необыкновенных приключениях. Дело кончилось тем, что прямо «из-под венца», в подвенечном платье невеста бежала в Норильск, где и зимовала потом с ним всю его вторую зимовку 1923–1924 гг. Впоследствии Елизавета Ивановна (та самая невеста) стала его верной спутницей на всю жизнь. И даже в мир иной они отошли с разницей всего лишь в 43 дня.

В посёлке Валёк, в аэрогидропорту «Норильск», на бывшей перевалочной базе Норильлага, я не раз слышал рассказы о двойной жизни зэка и главного геолога Норильского горно-металлургического комбината (в одном лице) Николая Николаевича Урванцева.

О том, как каждый день в восьмом часу утра вели его в общей колонне прочих зэков на работу. На месте своей службы он переодевался в «цивильный» костюм и заходил в свой персональный кабинет. Рассказывали, что был у него даже свой собственный вохр-конвоир, который весь день сидел с винтовкой у дверей и сторожил своего удивительного подопечного. А кроме того, была у знаменитого зэка якобы и своя секретарша, которая приносила ему чай с лимоном в серебряном подстаканнике. Но ровно в восемь вечера каждый день вставал он из-за стола и вновь переодевался в «зэковскую робу» с тем, чтобы, сложив руки за спиной, под конвоем опять отправиться к нарам и параше.

Таймырские геологи рассказывали мне, что когда в 1922 г. стало известно о том, что Урванцев со своим знаменитым проводником Никифором Бегичевым⁶ нашли почту Амундсена, король Норвегии Хокон VII якобы публично объявил, что готов заплатить любые деньги за то, чтобы эта находка была передана в Норвегию.

⁶ «Улахан Ничипор» («Огромный Никифор») – так звали Н. А. Бегичева местные националы (нганасаны, долганы и ненцы), судя по всему, за высокий рост и богатырскую силу.

*Памятник Н. Бегичеву
в посёлке Диксон*

Попутно замечу, что Никифор Бегичев – это известный землепроходец, мореплаватель и исследователь Арктики. Памятник ему (работы скульптора Аделя Абдрахимова) стоит теперь в заполярном посёлке Диксон. Бегичев служил боцманом на шхуне «Заря» Русской полярной экспедиции Академии наук под командованием Эдуарда Толля (1900–1902).

Но вернёмся к рассказу о геологе Н. Н. Урванцеве и его отношениям с королём Норвегии Хокон VII. Получив такое предложение от монаршей особы, Урванцев (напомню: человек низкого, купеческого, сословия) якобы обратился к монаршей особе с гневным открытым письмом, суть и смысл которого были приблизительно таковы: «Как смеете вы, милостивый государь, торговаться со мной в этом

вопросе? Я – порядочный человек. И если мне случайно удалось найти корреспонденцию, адресованную на чьё-то имя, как честный человек, я готов переслать её адресату, которому она, в сущности, и предназначалась. И ни на какую плату за это я не претендую! И никаких денег не возьму».

Получив от геолога Н. Н. Урванцева почту Амундсена, сопровождаённую таким ответом, король Норвегии Хокон VII, величественно поблагодарил его и попросил принять в подарок именные золотые часы, которые тот так же величественно принял. Впоследствии, на одной из пересылок Аклага⁷

⁷ Так именовался тогда Актюбинский комбинат ферросплавов НКВД, где Н. Н. Урванцев работал вначале лаборантом, потом техническим руководителем, а впоследствии даже начальником геологического бюро Донских рудников хромистого железняка.

Николай Николаевич обменял эти часы на килограммовую банку свиной тушёнки, о чём вспоминал потом, как об одной из самых удачных сделок в своей жизни.

И многие другие истории. Таким потрясающим «воспоминаниям», рассказам и байкам о Николае Николаевиче Урванцеве (якобы абсолютно достоверным), где удивительные, хотя и очень сомнительные подробности тесно переплетаются с не менее удивительной правдой жизни, не было конца. Мне давно хотелось написать настоящую, реальную биографию этого великого, даже фантастического человека и путешественника, тщательно «отделив зёрна от плевел». Много лет это искушение не давало мне покоя. И вот, наконец, я осуществил это своё желание, несмотря на всю сложность и даже сомнительность этой акции. Ибо, как сказал в своё время Анатолий Франс: «Лучший способ избавиться от всякого искушения – поддаться ему». И результат этой работы перед тобой, читатель.

Как я это делал? Прежде всего, там, где это было возможно, я опирался на документальную основу, а также на рассказы своих знакомых полярных геологов из числа тех, кому я, безусловно, доверял. Сюда же относятся и подборки биографических вех удивительной жизни Николая Николаевича, во множестве изданных в конце прошлого тысячелетия и начале нынешнего, как официальные, так и собранные энтузиастами «Мемориала», а также теми, кому дорога память о великом первооткрывателе. Среди этих, последних, мне хочется упомянуть подробные справки, составленные С. Щегловым, М. Ермолаевым (в соавторстве с Т. Львовой), А. Львовым, В. Долговым и другими.

Ну и, конечно, моими главными путеводителями и помощниками в этой работе были книги самого Н. Н. Урванцева о его путешествиях, изданные в разные времена в разных издательствах нашей страны. В их числе: «Два года на Северной земле» (Л.: Изд. Севморпути, 1935), «Норильск» (М.: Недра, 1969), «Таймыр – край мой северный» (М.: Мысль, 1978) и «Открытие Норильска» (М.: Наука, 1981).

Мне нравится проза Урванцева – чёткое, информативное, лишённое особых «художественных красот» письмо, когда

едва ли не за каждой фразой видна личность автора. Его воля, ум, благородство, желание непременно добиться поставленной цели, несмотря ни на что. У прозы писателя Н. Н. Урванцева почти нет прилагательных, главными «действующими лицами» его письма являются глаголы, то есть слова, описывающие действия. Что, впрочем, никак не умаляет интереса читателя, ибо правда жизни, обаяние факта часто бывают гораздо сильнее любых стилистических красот.

Читая книги Урванцева, я отчётливо представлял себе, каких трудов стоило ему не касаться тех тем, событий и реальных персонажей, которые, он знал это, никак не устроят «литературоведов в штатском», и, вместе с тем, остаться правдивым, точным и порядочным автором. К сожалению, далеко не всегда это ему удавалось. Вместе с тем, однако, не стоит забывать о том, в какие времена жил, работал и писал свои книги наш герой.

Да, в своих книгах он не только ни разу не упомянул об адмирале А. В. Колчаке (это-то как раз понятно, почему), но ни словом не обмолвился, скажем, и о своём тогдашнем друге Александре Сотникове. А ведь именно он пригласил будущего первооткрывателя Норильска Н. Н. Урванцева в их первую экспедицию на те самые «заповедные места», где ещё с дореволюционных времён стоял заявочный столб с затёсом, на котором было вырезано: «С. 1915 сент. 9»⁸. И это была реально зарегистрированная заявка на богатое месторождение прекрасного угля, которое они вместе должны были «открыть». Но А. А. Сотников впоследствии стал одним из лидеров енисейского казачества и был расстрелян большевиками в 1920 году. И ещё много раз в своих книгах Н. Н. Урванцев был вынужден умалчивать многие важнейшие детали своей тогдашней жизни и работы, а также имена своих сподвижников только потому, что они были «идеологически неверными» и не устраивали официальные советские органы.

⁸ «С.» – тут, конечно же, означает «Сотников». «9 сент. 1915 г.» – дата заявки. А «заповедное место», где и возникнет потом город Норильск, я далее по тексту буду просто называть этим словом.

«Когда смотришь на прошлое с высоты прожитых лет, становится понятным, что только очень ограниченный человек может ставить в вину службу – верой и правдой! – кому бы то ни было. Не искупить только безвинно пролитой крови», – так ответил Н. Н. Урванцев на вопрос какого-то ретивого тележурналиста в телевизионном интервью.

И возвращаясь к своему детищу, к этой книге о великом человеке, с которым по щедрости своей меня свела когда-то судьба, я заявляю, что очень доволен тем, что все те трудности, о которых я говорил выше, мне всё-таки как-то удалось преодолеть. И правдивая, а также достоверная биография Николая Николаевича Урванцева явилась в свет. По крайней мере, автор очень надеется, что именно таким образом отнесётся к ней читатель.

Часть I
Норильск

Глава 1

Юность «таймырского Колумба»

Николай Николаевич Урванцев родился 17(29) января 1893 года в заштатном уездном городке Лукоянове Нижегородской губернии в строгой купеческой семье.

Впрочем, городок этот, несмотря на свою кажущуюся незначительность, был, тем не менее, довольно известным.

Во-первых, рядом с ним, буквально по соседству, располагалось имение А. С. Пушкина «Большое Болдино» (кто не слышал о знаменитой «Болдинской осени»?!), откуда поэт часто наезжал в уезд по своим «вотчинным делам». Местные краеведы покажут вам дом № 326 по улице Пушкина, – бывшую гостиницу Агеева – где Пушкин часто останавливался. А ещё они непременно расскажут вам, что многие яркие моменты истории города Лукоянова с окрестностями и быта его жителей прекрасно и точно описаны классиком в неоконченной хронике «История села Горюхина».

В самом конце XIX века в городе Лукоянове и Лукояновском уезде в борьбе со страшным голодом, случившемся в России в 1891–1892 гг., участвовал писатель и общественный деятель В. Г. Короленко. Его знаменитый очерк «В голодный год» как раз и рассказывает о разгуле «царь-голода» в тех местах, где вскоре родится великий геолог и полярный исследователь Н. Н. Урванцев.

В Лукоянове родился также и нынешний глава Русской православной церкви патриарх Кирилл, поскольку его дед и отец были жителями этого городка.

Ну и наконец, находящееся неподалёку село Кудеярово, которое предания связывают с именем известного разбойника Кудеяра⁹, ныне является городской окраиной города Лукоянова.

⁹ Вспомним строки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Было двенадцать разбойников, / Был Кудеяр – атаман; / Много разбойники пролили / Крови честных христиан...

Большая купеческая семья Урванцевых (отец, мать и шестеро детей: два сына и четыре дочери) жила в собственном каменном доме, где и родился будущий «Колумб Таймыра». Дом этот сохранился до сих пор – ещё недавно (вплоть до самой перестройки) в нём размещался довольно большой продовольственный магазин. Семья жила по суровым законам Домостроя: там царили чинопочитание, строгость нравов, трудолюбие, скромность в желаниях, рациональность и бережливость во всём. Отец семейства Николай Максимович был человеком крутого нрава, к тому же ещё и ортодоксальным старовером, а потому являлся непререкаемым авторитетом для своих домочадцев. Не знаю, как с прочими членами семьи, но с сыном Николаем его отношения не сложились сразу же, с самого раннего детства. Так что уже со времён отрочества сын начал буквально ненавидеть своего отца.

Одно только нравилось Коле в родном доме: там была огромная библиотека, где в больших шкафах в два ряда стояло множество самых разнообразных книг. Тут были энциклопедические издания Брокгауза и Эфрона, собрания сочинений едва ли не всех классиков (приложения к журналу «Нива»), описания великих путешествий и открытий, книги по истории, философии и даже психологии творчества. Откуда же они взялись в этом по-староверски бережливом доме, ведь в ту пору хорошие книги считались предметом роскоши и стоили немалых денег? Ответ на этот вопрос впоследствии дал сам Н. Н. Урванцев, беседуя со своим биографом А. Л. Львовым: «У нас кругом было много помещичьих имений, недалеко – Пушкинское Болдино. Имения эти тогда были уже большей частью покинуты, и мой отец, разъезжая по своим делам, заглядывал в них. Вероятно, он видел там оставленные, как ненужные, книги и забирал то, что его интересовало или то, что считал особенно ценным».

Я не знаю, чем торговал купец Н. М. Урванцев, и почему его торговля требовала частых посещений брошенных барских усадеб, но это объяснение кажется мне вполне убедительным. Теперь понятно, как попали в дом к купцу-староверу книги Нансена, Пржевальского, Свена Гедина, Стэнли,

Карамзина и даже французского дипломата Ле Руа¹⁰, которыми, едва научившись читать, начал интересоваться будущий исследователь Арктики.

В 1903 году десятилетний Коля был отдан на обучение во Владимирское реальное училище Нижнего Новгорода¹¹, которое закончил в 1911 году с очень хорошими оценками по всем учебным предметам (кроме иностранных языков) и рекомендацией к дальнейшему обучению для получения высшего образования.

Разумеется, он мечтал о Московском или Петербургском университете, но судьба распорядилась иначе. Ко времени окончания реального училища его отец разорился, потерял всё своё состояние и вынужден был пойти работать приказчиком. Так что даже и разговора о столичных университетах быть теперь не могло – не только платить за обучение, но даже просто содержать сына в столице бывший купец Н. М. Урванцев не мог, даже если бы и захотел. Перед юношей маячила горькая перспектива возвращения в Лукоянов, в постылый отчий дом, пред грозные очи сурового отца. А также на всю жизнь – безнадёжная карьера мелкого торгового служащего.

Но тут судьба неожиданно предложила юному Коле Урванцеву щедрый шанс. Родной дядя Николай Михайлович Потапаев (брат матери Анфисы Михайловны) позвал племянника поселиться у него, в городе Томске, с тем, чтобы продолжить обучение в недавно созданном Томском техноло-

¹⁰ Книга Ле Руа «Приключения четырёх русских матросов на Шпицбергене» рассказывает о том, как четверо охотников с русского промыслового судна, зашедшего на ночёвку на остров Шпицберген, сошли на берег поохотиться и заночевали в старой промысловой избе. Ночью поднялся страшный шторм. Судно сорвало с якоря и унесло в океан, а промысловики остались и прожили там шесть лет, никого не встретив.

¹¹ Биографы Урванцева часто спорили о том, где он учился в реальном училище: во Владимире или Нижнем Новгороде? Он учился в Нижнем Новгороде, но училище называлось «Владимирским», в честь какого-то неизвестного мне Владимира. Я видел диплом об окончании им этого училища.

гическом институте имени Императора Николая II¹², где можно получить специальность инженера. Дело в том, что дядя, работавший в местном лесничестве, к тому времени оказался совершенно один. Жена Ольга Александровна бросила его, навсегда уехав из Томска с любовником, а сын Сергей из-за своего разгильдяйства нелепо замёрз в тайге, легкомысленно отправившись на охоту.

Надо ли говорить, что Николай Урванцев ухватился за эту возможность, как вошь за овчину. Мало того, он отправился в Томск не один: с ним поехали его двоюродный брат Фёдор Валов и товарищ по Владимирскому реальному училищу Михаил Филатов.

В то время в Томский технологический институт принимали на обучение выходцев из мещан, купцов, духовенства, зажиточных крестьян, а также любых слушателей учебных заведений европейской части России. В этом ВУЗе имелось три отделения: механическое, горное и строительное. Трое друзей из Лукоянова решили поступить на механическое отделение.

Поначалу все они, разумеется, поселились у Н. М. Потапаева, но вскоре Николая Урванцева и его друзей стала тяготить опека дяди, а также размеренный и упорядоченный провинциальный быт того времени, царивший в его доме. Молодые студенты начали изо всех сил рваться в свою собственную, самостоятельную жизнь, а потому быстро покинули надоевшего им дядю и стали снимать квартиру в доме, принадлежавшем одному из самых богатых в Томске семейств Шалаевых. Впрочем, в этой съёмной квартире поселились лишь братья Николай Урванцев и Фёдор Валов, которые каким-то образом умудрились близко познакомиться с сёстрами Варварой и Галиной Шалаевыми. Куда при этом девался Михаил Филатов, мне неизвестно.

Семейство Шалаевых не только владело в Томске и других сибирских городах домами, землями и торговыми заведениями, но являлось также и одним из основных учреди-

¹² Этот технический ВУЗ, старейший и крупнейший за Уралом, потом стал называться Томским политехническим институтом (ТПИ).

телей Ленских золотых приисков. Неудивительно поэтому, что сёстры Шалаевы были в ту пору заводилами в обществе «золотой молодёжи» Томска, а их дом – местом встреч и развлечений интеллигентского толка. Никаких оргий и кутежей сёстры у себя не допускали, считая это «признаком дурного тона и низких вкусов». Там беседовали о музыке, поэзии, политике, моде, устраивали спиритические сеансы. Вот на одном из таких мероприятий сёстры как-то и познакомили Николая Урванцева с Александром Сотниковым, внуком самого Киприяна Михайловича Сотникова, богатого предпринимателя и купца второй гильдии, фактического хозяина всего Таймырского севера, а также тогдашнего предводителя Енисейского казачества. Именно это знакомство коренным образом переменило всю жизнь героя нашей книги.

Новый знакомец Николай Урванцева, юный енисейский казак Александр Сотников, уроженец села Потаповское, что неподалёку от Дудинки, к этому времени закончил горный факультет Томского среднего политехнического училища (не-что вроде нынешнего техникума) и поступил на первый курс горного отделения Томского технологического института. Молодые люди вскоре подружились, и Александр уговорил своего нового приятеля перевестись с механического на горное отделение. Дело было в 1912 году, Николай Урванцев уже учился тогда на втором курсе института, но в связи с переводом ему пришлось перейти на курс ниже, поскольку учебные дисциплины на этих отделениях совершенно не совпадали. Так что он вынужден был начать теперь своё высшее образование заново, «с самого нуля», в одной учебной группе с новым другом.

Отчего же Николай согласился на такой невыгодный обмен? Чем соблазнил его новый приятель? Практически во всех последующих автобиографических книгах и статьях, а также в различных интервью при ответе на этот вопрос Н. Н. Урванцев ссылался на свои юношеские увлечения книгами о путешествиях в разные суровые, но заманчивые страны. Он упоминал о толстых, покрытых пылью фолиантах, где описывались героические преодоления сильными и

целестремленными людьми нечеловеческих трудностей и испытаний, утверждая, что в своих юношеских мечтах живо представлял себя Нансеном, Амундсеном, Джоном Франклином или Пржевальским. Не раздумывая, он мысленно бросался в самые тяжёлые схватки с природой, врагами и обстоятельствами, и всякий раз выходил из этих сражений победителем. А ещё стремился он на горное отделение, по его словам, потому, что в то время там преподавал знаменитый профессор В. А. Обручев, лекции которого студент-механик Николай Урванцев часто посещал, хотя никакого отношения к механике они не имели. Ибо именно В. А. Обручев, впоследствии опубликовавший свои знаменитые научно-фантастические романы «Плутония» и «Земля Санникова», был тогда его кумиром.

Однако у любого читателя тут сразу же возникает множество вопросов. Во-первых, для чего же, в таком случае, Николай Урванцев поступал на механическое отделение? На какие романтические приключения он мог рассчитывать, став инженером-механиком? Во-вторых, по поводу лекций профессора В. А. Обручева Николай Николаевич явно лукавил. К моменту его поступления в Томский технологический институт профессор В. А. Обручев уже несколько лет там не преподавал. Из-за разногласий с министром образования Сибири (существовала в то время, оказывается, и такая должность) Обручев был исключён из состава профессуры, скорее всего потому, что делил геологию с политикой, отдавая предпочтение последней. В-третьих, Николай Урванцев всегда был весьма целестремленным юношей, но к какой прекрасной цели стремился он, намереваясь стать механиком, Бог весть. Боюсь, что ничего определённого по этой части в ту пору у него за душой просто не было. В-четвёртых, почему Александр Сотников так легко склонил его на свою сторону, ведь год учёбы, выброшенный псу под хвост, это не пустяк. И в-пятых, почему впоследствии Н. Н. Урванцев изо всех сил старался нигде и никак не упоминать о друге своей студенческой юности Александре Сотникове? Казалось бы, загадка на загадке.

А ларчик просто открывался. Николая Урванцева в ту пору интересовал не столько молодой приятель Александр, сколько его ближайшие родственники: отец Александр Киприянович, дед Киприан Михайлович и дедов брат Пётр Михайлович Сотниковы. Их имена были хорошо известны даже в Томске многим деловым людям в связи с тем что, Сотниковы были удивительно предприимчивыми, энергичными людьми, быстро сколотившими себе на Енисейском севере большое состояние. Они пользовались в Дудинском округе непререкаемым авторитетом, имели превосходные торгово-промышленные связи, так что слава об их деловых способностях к тому времени гремела едва ли не всю Центральную и Северную Сибирь.

Братья Киприан и Пётр Сотниковы были фактически хозяевами всего тогдашнего приенисейского Таймыра. Едва ли не все жители этих мест, не только русские, но и местные националы (нганасаны, ненцы и долганы), были их должниками. Ещё в первой половине XIX века, братья прибыли на Крайний Север, в Дудинку, с большим количеством разнообразного товара, необходимого местным жителям, и стали «уступать» его (то есть отдавать в кредит) с последующей расплатой пушниной, рыбой, олениной или просто отработкой. Надо ли удивляться тому, что Киприан и Пётр Сотниковы вскоре стал купцами второй гильдии, а также казаками-урядниками всего Дудинского округа. Кроме того, они (в особенности Киприан) торговали с местным населением довольно честно. Разумеется, не в убыток себе, но прочие-то купцы местное население попросту спаивали.

Обо всём этом Николаю Урванцеву рассказала Варвара Шалаева и посоветовала отнестись к дружбе с Александром Сотниковым «как можно почтительней». А ещё она поведала о том, что слышала, будто давно, лет сорок-пятьдесят назад, какой-то нганасанин, кочевавший со своими оленями между озёрами Пясино и Мелкое, за бутылку водки рассказал Киприану Сотникову о волшебной горе яркого сине-зелёного цвета. Она имела форму огромной медвежьей головы и потому называлась у националов «Медвежьим камнем».

Нганасанин не только рассказал об этой удивительной горе, но подробно и толково объяснил, где она находится и как туда добраться. Откуда Варвара узнала обо всём этом, история умалчивает.

Впоследствии выяснилось, что это была отнюдь не байка и вымысел, а чистая правда. Мало того, рассказанная история оказалась вовсе не бесполезной трепотнёй, поскольку зелёно-синяя гора оттого имела такой цвет, что была сложена минералами, содержащими медь (металл, из которого делали тогда мелкие деньги). Так Киприян Сотников узнал о Норильском¹³ месторождении медной руды, а как вскоре оказалось, и хорошего угля, обнаруженного там же, поблизости. Не откладывая дела в долгий ящик, заявку на это месторождение Киприян Сотников сделал уже в 1865 году, поставив там заявочный столб, на затеси которого было вырезано: «К. и С. 1865 сент.». Этот столб затем геолог Н. Н. Урванцев нашёл на северо-западном склоне горы Рудной неподалёку от ручья Угольного; буквы «К» и «С» означали там фамилии заявитчиков: «Кытманов»¹⁴ и «Сотников», а цифры – дату заявки. Впоследствии такая заявка позволило семейству Сотниковых претендовать на право собственности этого месторождения медной руды и угля.

На следующий год по приглашению Сотниковых район Норильских гор посетил Фёдор Богданович Шмидт, академик Императорской академии наук, оказавшийся в этих местах летом 1866 года в связи с поисками там трупа мамонта. Труп

¹³ Такое название с давних пор имели тамошние горы и протекавшая там река, которая славилась изобилием рыбы, так как соединяла два очень рыбных озера: Пясино и Мелкое. Местные жители часто рыбачили там ставными сетями, обычно зимою, подо льдом. Для продёргивания тети-вы ставных сетей от лунки к лунке тогда употреблялся длинный тонкий шест-пластина, который исстари назывался здесь: «норило».

¹⁴ Игнатий Петрович Кытманов был купцом первой гильдии, городским головой и потомственным почетным гражданином города Енисейска, а также известным золотопромышленником. Киприян Михайлович пригласил его для совместного ведения «медного и угольного дела», небезосновательно полагая, что такой компаньон будет ему весьма полезен.

мамонта он не нашёл (обнаружил лишь его скелет да и то неполный), но зато проделал другую очень важную работу. Проведя геологическую экспертизу, он дал высокую оценку перспективности промышленной выплавки черновой меди из местных руд, однако усомнился в реальности этого предприятия в те времена. Впоследствии утёс «Медвежий камень», где располагалось месторождение медных руд, был переименован в «гору Шмидта», в просторечии – в гору «Шмидтиху».

Сразу после отъезда Ф. Б. Шмидта назад, в Петербург, Киприян Сотников отправился в Барнаул, для того, чтобы официально зарегистрировать свою заявку, а кроме того, познакомиться с технологией обработки медной руды и приобрести оборудование, необходимое для этой цели. А также для того, чтобы найти мастера, способного руководить там, в Норильской долине, выплавкой меди.

Несмотря на заверения академика, что выплавка меди в условиях вечной мерзлоты и полного отсутствия строительных материалов для возведения плавильной печи невозможна, уже в 1868 году Киприян Сотников продал в казну около двухсот пудов выплавленной им черновой меди. Для этого ему пришлось разобрать на кирпичи единственное во всей округе каменное здание – православный храм в честь «Введения во храм Пресвятой Богородицы». Но вначале Киприян выстроил в Дудинке новый деревянный храм, гораздо больший и красивый, чем прежний, и только потом, получив благословение местного владыки, приступил к разборке старого храма на кирпичи. Их все до единого перевезли потом на оленях в Норильскую долину к «горе Шмидтихе» (а это, между прочим, 85 километров полного бездорожья) и выстроили из них медеплавильную печь. Благо, что заботиться о топливе при выплавке меди было не нужно: рядом оказалось и месторождение прекрасного угля.

Через некоторое время, впрочем, выяснилось, что Ф. Б. Шмидт был не так уж и далёк от истины: выплавка меди вручную в условиях Таймыра оказалась делом совершенно нерентабельным. Гораздо практичнее и выгоднее было добывать в Норильской долине уголь. И уже зимой 1893–1894 гг.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Дудинке, построенная К. М. Сотниковым взамен разобранной на кирпичи для медеплавильной печи, 1913 г.

дудинский купец Александр Киприянович Сотников (сын К. М. Сотникова и отец А. А. Сотникова) добыл в Норильской долине и вывез на оленях в Дудинку несколько тысяч пудов каменного угля. В угле остро нуждались тогда суда, приходившие в устье Енисея Северным морским путём с товарами для Сибири, а кроме того, и все прочие суда, ходившие по этой великой реке – единственной в то время дороге на севере Красноярского края. Капитаны разбирали этот товар бойко и давали за него хорошую цену: по 25 копеек за пуд.

Всю эту информацию, я полагаю, позднее сообщил Николаю Урванцеву его новый друг Александр Сотников, дополнив рассказ «всеведущей» Варвары, и это решило дело – оба друга вместе стали учиться геологическим наукам на горном отделении Томского технологического института в одной группе.

– Выучимся на геологов, освоим месторождения Норильской долины, которые принадлежат нашему семейству, откроем рудники, поставим медеплавильные заводы, станем первыми богачами во всей Сибири, – соблазнял новоиспечённый студент Александр Сотников своего друга и, судя по всему, легко добился успеха.

Николай Урванцев, несмотря на молодость, был довольно проникательным и практичным парнем, хорошо знакомым, к тому же, с нравами, обычаями и принципами богатого купечества того времени. Он хорошо помнил финансовый взлёт и последовавшее затем сокрушительное падение своего отца.

Николай понимал, что никогда не будет иметь такой, как у его друга Александра, финансовой, деловой и юридической поддержки. И единственный его надёжный шанс – быть знающим, нужным, необходимым специалистом-геологом. Поняв это, он стал изо всех сил учиться, и уже к третьему курсу был одним из лучших студентов, любимым учеником профессора и заведующего кафедрой петрографии Павла Павловича Гудкова.

В 1915 году, по окончании третьего курса института, студентам горного отделения полагалось пройти геологическую практику, причём район этой практики они тогда выбирали по своему усмотрению. Надо ли говорить, что студенты Александр Сотников и Николай Урванцев отправились на Таймыр. Сначала в вотчину Сотниковых – селение Потаповское, а оттуда – напрямиком в Норильскую долину, к их собственному месторождению медной руды и угля – легендарной зелёно-синей «медвежьей голове». Друзья решили при этом одним выстрелом убить не двух, а даже трёх зайцев разом: пройти полагающуюся по программе обучения практику, собрать нужные им образцы и подготовить к эксплуатации принадлежащее Сотниковым богатое месторождение. Само собой разумеется, что они получили при этом полную поддержку старших Сотниковых. Те не только укомплектовали студенческий отряд опытными «хозяевами тундры» с их собственным транспортом – оленями, но снабдили юных геологов также и снаряжением, провиантом и даже кое-каким оборудованием, необходимым для проведения буровых работ.

Эта экспедиция завершилась полным успехом. В ней была собрана богатая и толковая коллекция минералов, к которой впоследствии были добавлены все необходимые геологические пояснения.

По возвращении в Томск после своей «студенческой» экспедиции на Таймыр Николай с Александром разделили фронты работ. Отчёт по практике писал Александр, а Николай занимался петрографо-минералогическим исследованием добытых там образцов. Впоследствии, в 1919 году, Александр Сотников преобразует свой студенческий отчёт в брошюру «К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения угля, графита и медной руды в связи с практическим осуществлением Северного морского пути», которую издаст на собственные деньги в Томске. Работа Урванцева вошла туда отдельной главой «Геологический и петрографический очерки». Эта брошюра была послана ими в Петербург в Российский геологический комитет и получила высокую оценку известных геологов. Особенный практический интерес у них вызвал тот факт, что минералы, добытые из зелёно-синей «медвежьей головы» горы «Шмидтихи», содержали не только медь, но в большом количестве также никель, а кроме того, молибден и даже платину.

Друзья вновь с головой окунулись было в изучение геологических наук, но вскоре, уже в конце декабря 1915 года, Александра Сотникова призвали в действующую армию (он был на два года старше Николая Урванцева) и направили на учёбу в Иркутское военное училище. Напомню, в это время шла Первая мировая война, и России во множестве требовались младшие офицеры для театра военных действий. Поэтому руководство Томского технологического института посчитало, что семи семестров учёбы для студента Сотникова вполне достаточно, и выдало ему удостоверение о наличии у того «среднего политехнического образования»¹⁵ и с этим выпустило его в жизнь на все четыре стороны.

К осени следующего, 1916 года Александр успешно закончил краткосрочный курс Иркутского военного училища, получил звание поручика и чин хорунжего, но в действующую армию не попал, поскольку Первый съезд Енисейского свободного казачества избрал его атаманом Енисейского каза-

¹⁵ Что это за «политехническое образование», я сказать затрудняюсь.

чьего войска. В этом качестве он активно занимался мобилизацией казаков и даже некоторое время, будучи всего лишь поручиком командовал Первым Томским гусарским казачьим полком. Активный член партии левых эсеров и яростный противник большевизма, атаман Александр Сотников в начале 1918 года возглавил мятеж сибирских казаков в Красноярске, вызванный попыткой большевиков разоружить Красноярский казачий дивизион. У историков гражданской войны этот мятеж получил название «мятежа Сотникова».

Атаман Енисейского казачества поручик А. А. Сотников с семьёй

В сентябре 1918 года власть в Сибири в свои руки взял какой-то непонятный мне Совет Директории, опиравшийся на левых эсеров, но вскоре после этого она оказалась почему-то в жёстких руках адмирала А. В. Колчака, объявившего себя Верховным правителем всея России, а также Верховным Главнокомандующим огромной державы. Однако фактическая власть адмирала распространялась лишь на азиатскую (вернее, сибирскую) часть страны, да и там была сугубо номинальной.

То же касалось и правительства, сформированного Верховным правителем России. Кого в нём только не было! В частности, морским министром в правительстве Колчака (правда, временным) оказался атаман Александр Сотников, который вскоре в рамках своих новых полномочий был назначен также и главным гидрографом дирекции маяков и лоций Морского министерства¹⁶. Возглавлял же эту дирек-

¹⁶ Кстати, в своё время сам А. В. Колчак был гидрографом в экспедиции Эдуарда Толля, а затем, после гибели барона, возглавил её.

цию ещё один известный гидрограф – Дмитрий Фёдорович Котельников. Так Александр Сотников перестал быть военным и политиком, неожиданно для себя перейдя в разряд государственных хозяйственных деятелей, но зато вновь вернулся к геологии, связанной с его любимым Енисейским Севером.

И уже в мае 1919 года он по личному распоряжению Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака занялся организацией (на правительственные деньги, разумеется) своей первой профессиональной геологической экспедиции, которая должна была найти поблизости от Енисея богатые залежи хорошего угля и подготовить их к эксплуатации. У адмирала Колчака был собственный резон для организации «угольной экспедиции» под началом атамана Сотникова: каменный уголь позарез требовался кораблям Антанты для доставки через устья великих сибирских рек (прежде всего Енисея) оружия и боеприпасов его войскам, воюющим с местными партизанами. Кроме того, уже к началу 1919 года А. В. Колчак стал ясно понимать, что без поддержки регулярных войск Антанты, ему вряд ли удастся справиться с большевистским партизанским пожаром, охватившим едва ли не всю Сибирь.

Возглавить эту экспедицию Александр Сотников назначил себя сам, а своим заместителем по геологии и геодезии взял друга-однокашника Николая Урванцева. Кроме того, в состав экспедиции был также включён дядя Сотникова (младший брат его матери), а также три студента выпускных курсов ТТИ, которых Урванцев выбрал себе в помощники.

Надо ли уточнять, что эта экспедиция планировалась в Норильскую долину, к сине-зелёной горе «Шмидтихе», то есть к семейному месторождению Сотниковых, о чём с 1865 года оповещал всех стоявший там заявочный столб. Рядом с ним впоследствии, после той самой, «студенческой» экспедиции, появился ещё один заявочный столб, на затеси которого можно было прочесть: «С. 1915 сент. 9»¹⁷.

¹⁷ Теперь это уже – только «Сотников» и новая дата заявки.

Пока Александр Сотников занимался продвижением вверх по карьерной, военной, политической и социальной лестницам, его друг Николай Урванцев продолжал самоотверженно учиться, «грызть гранит геологической науки». И достиг в этом значительных успехов.

Вместе с тем, природа и молодость забирали своё, поэтому в личной жизни нашего героя тоже происходили разные значительные события. Студент Николай Урванцев 12 января 1917 года подал ректору ТТИ прошение о разрешении жениться на девице Синёвой, студентке того же института, где учился и он сам (таковы были студенческие правила того времени). Нужное разрешение он получил, но эта женитьба почему-то не состоялась. Вместо этого 2 января 1918 года, незадолго до окончания полного курса обучения, Николай женился на Варваре Шалаевой, а вместе с ним, на её сестре Галине Шалаевой женился его двоюродный брат Фёдор Валов. Получилось так, что братья женились на сёстрах. Что было тому причиной, Бог весть: материальный расчёт, внезапно вспыхнувшая любовь, неожиданные обстоятельства, угроза раскрыть какую-то ужасную тайну, или что-то ещё – теперь этого уже никто не узнает. Вскоре у Николая и Варвары Урванцевых родился сын Михаил, к сожалению, не унаследовавший того отменного здоровья, каким обладали его родители. Впрочем, в ту пору это Николая Урванцева не очень-то интересовало – все его мысли были о геологии и Крайнем Севере.

К началу осени 1918 года студент Николай Урванцев окончил курс обучения в Томском технологическом институте (ТТИ) «по первому разряду» («с красным дипломом», как сказали бы сейчас) и сразу же приступил к работе геолога на весьма высокой для неопытного выпускника должности. Профессор и заведующий кафедрой ТТИ Павел Павлович Гудков оставил своего лучшего ученика для работы на ниве петрографии в качестве собственного ассистента. А вскоре вслед за этим, став председателем Сибирского геологического комитета (Сибгеолкома) при правительстве адмирала А. В. Колчака, профессор Гудков предложил ему также и

Выпускник горного отделения
Томского технологического
института, геолог
Николай Николаевич Урванчев

должность адъюнкт-геолога. Хитро подмигнув, он сообщил при этом, что первой и главной задачей Урванцева станет открытие новых богатых месторождений каменного угля, желательно в непосредственной близости от устья Енисея.

Это вполне соответствовало всем планам и устремлениям новоиспечённого адъюнкта, и потому он с радостью согласился. Кроме того, молодого выпускника ГТИ пригласили преподавать геологические и геодезические дисциплины в Томское политехническое реальное училище, то самое, которое в своё время заканчивал его друг и однокашник

Александр Сотников. Исправно исполняя все свои научные и педагогические обязанности, Николай Урванцев, тем не менее, сразу стал готовиться к своему первому настоящему полевому сезону, к своей первой профессиональной разведочной экспедиции. Тем более, что происходить она будет на Крайнем Севере, в районе, о котором он грезил все годы своей юности.

И тут вдруг судьба наносит ему удар, да какой! В начале 1919 года Николая Урванцева, забрав прямо с работы, мобилизуют в действующую армию адмирала А. В. Колчака, где назначают на какую-то «писарскую» должность при штабе полка. Однако спустя полтора месяца, в начале марта, в лютый мороз, полураздетый, ночью он бежит по льду реки Томь и прячется у своих дальних родственников. Через каких-то «шапочных» знакомых ему удаётся дать знать о себе пред-

седателю Сибгеолкома, профессору П. П. Гудкову. Тот докладывает выше, дело доходит до самого адмирала, и вскоре Николая Урванцева освобождают от воинской повинности. Для него всё вновь возвращается «на круги своя». Он опять может заниматься любимой геологией и готовиться к своей долгожданной «угольной» экспедиции в низовья Енисея для поиска запасов каменного угля, столь необходимого судовым котлам кораблей Северного морского пути.

Глава 2

Уголь для судов Северного морского пути

Экспедиция 1919 года, первая профессиональная геологическая экспедиция Урванцева закончилась полным успехом. Да и могло ли быть иначе: ведь открывать-то геологам, в сущности, ничего было и не надо. Заповедные места, богатые прекрасным каменным углем и медью были известны ещё с середины прошлого века. Кроме того, их небольшой экспедиционный отряд возглавлял сам Александр Александрович Сотников, атаман Енисейских казаков, младший член семейства, которому, согласно заявочным столбам и затесям на них, давным-давно принадлежало богатое месторождение каменного угля и медных руд. Впрочем, практически все жители Дудинского округа и так считали семейство Сотниковых истинными хозяевами всех угодий в районе нижнего течения Енисея и окружавшей его необозримой тундры. А также всего того, что в ней находилось: людей, оленей, ездовых собак, пушного и морского зверя, и, может быть даже, всех зверей, птиц и рыб. Молодым геологам предстояло лишь исследовать геологическое строение месторождения, отобрать и описать образцы, сделать их минералогический анализ и хотя бы приблизительно оценить запасы.

«Угольная» экспедиция Сотникова – Урванцева началась довольно поздно, в самом конце июня, поскольку приобрести в Томске необходимое снаряжение, закупить там продовольствие и горючее, найти рабочих, а также доставить всё приобретённое в Красноярск было весьма непросто. Караван лихтеров казённого пароходства до Дудинки к этому времени уже ушёл вниз по реке. Другого речного транспорта туда в обозримом будущем не предвиделось, поскольку никакой надобности в том ни у кого не было. Однако А. А. Сотникову удалось, используя свои связи на самом высоком уровне, организовать ещё один пассажирский рейс в Дудинку на колёсном пароходе. Так как грузов и пассажиров на нём было

совсем немного, судно шло вниз по реке почти без остановок. Да и те были очень короткими, в основном, для заготовки дров, которыми топились тогда судовые котлы.

Состав экспедиции был невелик: начальник А. А. Сотников, геолог и геодезист Н. Н. Урванцев, топограф А. К. Фильберт да трое студентов-старшекурсников ТТИ.

Пароход у села Потаповского, вотчины Сотниковых, причалил всего через десять суток пути (с учётом долгого и трудного прохождения Казачинских порогов), причём пристать удалось к самому берегу. С корабля спустили сходни, и все члены экспедиции Сотникова – Урванцева сошли на берег, даже не замочив обуви. Туда же вскоре выгрузили и всё экспедиционное имущество, после чего пароход сразу же отправился дальше, вниз по реке, до Дудинки (это было совсем недалеко по местным масштабам).

«Хозяина» с его большой компанией встретили, разумеется, с распростёртыми объятиями. Всех участников экспедиции препроводили в «господский» дом, где для них уже был сервирован прекрасный обед, не уступавший по роскоши и изобилию трапезам столичных ресторанов. Кушанья из молодой оленины и провесные балыки из нельмы и осетра были способны украсить любой, самый изощрённый и изысканный «стол». Из напитков на столе присутствовали: русская водка, лафит, а для «господ хозяев» даже бутылка хорошего французского шампанского.

В тот же день, вечером, в гостиной господского дома состоялся первый большой разговор о будущей работе. Главной заботой был, конечно же, транспорт.

– Оленей пока нет, – сказал рослый мужик с крупными чертами лица, явно смешанной крови (русской и нганасанской), – но они уже на подходе. Там три надёжных пастуха, хорошо знающих окрестную тундру. Дней через пять-шесть, от силы через неделю, они должны быть здесь.

Урванцев вопросительно посмотрел на Сотникова:

– Отчего же так долго?

– Тут поблизости оленей не держат. Для них здесь нет никакого корма. Оленей пасут в глубине тундры, километрах

в пятидесяти отсюда, на ягельных увалах. А, кроме того, олени непрерывно едят на ходу, так что скорость их движения приблизительно та же, что и у пешего путника, – ответил атаман и затем вновь обратился к мужику-полукровке. – Сколько оленей будет у нас во всём аргише, Валентин? Насколько они хороши? И кто у пастухов будет идти за старшего?

– Сотни полторы голов, однако, не меньше, – ответил тот и после небольшой паузы добавил. – Олени лучшие из всех, какие есть в округе. Половина из них – учики¹⁸. Так что никаких проблем со скотиной быть не должно. Старшим у пастухов – нганасанин Манто, а с ним два его сына. Они прекрасно знают местную тундру, всю от Енисея до Пясины, а, кроме того, давно работают с русскими и потому понимают русский язык и даже немного говорят на нём.

– Это очень хорошо, – обрадовался Урванцев. – Нормальное общение с проводниками в отряде – первое дело. Не на пальцах же нам с ним в пути объясняться?!

– Общение с проводниками в пути дело важное, конечно, – с усмешкой заметил Урванцеву опытный Александр Сотников, – но для нас совсем не актуальное. С нами проводником поедет Валентин, а уж он-то дорогу к «Медвежьей голове» знает, как свою ладонь. Кстати, ты забыл, что в прошлый раз, в пятнадцатом году, именно он туда нас и возил?

– А ведь верно, – смутился Урванцев. – Я смотрю – знакомое лицо, а откуда, уж и не упомяну.

– Летняя езда на оленях по тундре – вообще дело сложное. Ведь ездить придётся так же, как и зимой по снегу, на саях. С вьюками олени ходить не приучены, да и для верховой езды они подходят плохо. Колёса летом в тундре совершенно не годятся. И без хороших иряк¹⁹ тут нам ни за что

¹⁸ Учик (или учак) – это верховой олень, как правило, самый упитанный и сильный. Он может везти не только груз на санках, но и всадника.

¹⁹ Иряка – лёгкие санки на высоких копыльях с широкими полозьями. В них обычно впрягают четырёх оленей. Груза на одни санки кладут не более четырёх-пяти пудов, поскольку больше по раскисшей летней тундре даже самым сильным оленям никак не увезти.

не обойтись. Так же как и без погонщиков-нганасан, которые сызмальства умеют профессионально обращаться не только с оленями, но и с их сбруей, санками, а также прочим тундровым инвентарём. Впрочем, с этой точки зрения Манто меня вполне устраивает. Я ездил с ним по тундре летом, знаю. Кстати, а что у нас с иряками?

– Иряки привезут со стадом, а также сбрую для оленей, шестовые чумы, разную утварь... Словом, всё, что нужно для нормальной жизни в тундре, – ответил на это замечание Валентин.

– А потом, кто знает, может быть, нам наш отряд для съёмочной работы на части разделить придётся, – задумчиво сказал Урванцев. – Тогда непременно второй проводник понадобится.

– Ну ладно, с этим понятно. Тут, я думаю, всё будет хорошо. А что с нашим катером? Нам ведь не только в тундре работать придётся, но и вдоль Енисейского берега идти. До самого Усть-Порта.

– Ну, этого я не знаю, – махнул рукой Валентин. – Моё дело – олени и тундра

– Катер ваш, – солидно ответил плотный мужик маленького роста с густой бородой, покатыми плечами и огромными ручищами, – лет уж пять или шесть, однако, без дела стоит на высоком сухом берегу возле устья речки Фокиной. Она впадает там в Енисей. Это верстах в трёх отсюда, выше по течению.

– Катер на ходу? – быстро спросил Урванцев.

– Да кто же его знает, может, и на ходу, – пожал своими могучими плечами маленький бородач. – А может, и нет.

– Ладно, в этом мы как-нибудь разберёмся, – сказал Урванцев. – Завтра, с утра пораньше, я отправляюсь в маршрут берегом, вверх по течению Енисея. Возьму с собой человека три-четыре для осмотра катера, благо, что мне это по дороге. В машинах я хоть и немного, но разбираюсь. Надеюсь, вы тоже составите нам компанию? – спросил он маленького бородача, которому обращение на «вы» явно понравилось.

– Само собой, – солидно ответил тот.

Небольшой катер Сотниковых с паровой машиной мощностью примерно в десять лошадиных сил, изрядно траченный временем, лежал на боку посреди высокого сухого берега Фокиной речки, на довольно большом расстоянии от воды. Даже поверхностного осмотра было достаточно, чтобы понять: и корпус, и машина, и котлы потребуют довольно серьёзного ремонта

– Значит так, я ужогу с работой по берегу на юг, вверх по течению Енисея. Назад буду часов через шесть-семь. Непременно дождитесь меня. Слава богу, сейчас полярный день и круглые сутки светло, – строго сказал Урванцев. – Ваша задача: как следует осмотреть корпус катера на предмет обнаружения течи и, если удастся, попробовать просмолить его со всех сторон...

– Да это же работы на неделю, – охнул отрядный рабочий, студент Коля.

– И потом мы никакой смолы с собой не взяли, – добавил другой отрядный рабочий Виктор, тоже студент.

– Ну, во-первых, за смолой можно и сходить, – усмехнулся Урванцев. – Тут до Потаповского полтора часа неспешного хода. А во-вторых, я не думаю, что наши олени придут раньше, чем через неделю, так что у вас ещё будет достаточно времени. Ну, а если и его вам не хватит, мы двоих оставим в Потаповском, пока сами на оленях будем путешествовать до Норильской долины и обратно, – сказал Урванцев, после чего отправился берегом вверх по течению Енисея, а будущие речники принялись за работу.

Через три дня в село Потаповское снизу, из Дудинки, на своём катере прибыл известный местный купец Ксенофонт Васильевич Пуссе, потомок пленного итальянца Отечественной войны 1812 года (так он отрекомендовал себя сам). В Дудинке он узнал от пароходной команды, что в Потаповское прибыла экспедиция, которая ищет каменный уголь, во главе с самим атаманом Енисейских казаков Александром Сотниковым. Ксенофонт Пуссе пригласил руководителей экспедиции к себе, в Дудинку, сказав, что местное купечество будет счастливо познакомиться со столь значительными лицами.

А лично сам он готов показать те осыпи угля, которые во множестве видел в склонах и обрывах высокого правого берега Енисея между Дудинкой и Усть-Портом.

Однако к большому огорчению визитёра, Александр Сотников от визита в Дудинку отказался, объяснив это нехваткой времени, и Урванцев поехал с ним один: его, как геолога, весьма интересовали прибрежные обнажения высоких обрывистых круч правого берега Енисея, а также отрогов близлежащих гор. И разумеется, выходы каменных углей в непосредственной близости от Енисея.

Вечером того же дня К. В. Пуссе у себя дома устроил богатый приём в честь знаменитых гостей, главный из которых (Александр Сотников), на него, к сожалению, так и не явился. Хозяин пригласил на эту встречу известных дудинских купцов и предпринимателей. Самым интересным персонажем для Николая Урванцева среди них оказался некто Никифор Бегичев, бравый молодец с лихой боцманской выправкой старого морского служаки. Он и вправду во время русско-японской войны служил боцманом флагманского корабля русской эскадры и, кроме того, впоследствии был ординарцем самого адмирала А. В. Колчака. А перед этим Никифор Бегичев в 1900–1902 гг. участвовал в знаменитой полярной экспедиции Академии наук России под руководством барона Э. В. Толля, занимавшейся поиском на шхуне «Заря» легендарной земли Санникова (а может даже, и целого материка – «Арктиды»). В ту пору некоторые отчаянные романтики и фантазёры считали даже, что этот огромный, ледяной, совершенно пустынный материк достигает даже Северного полюса или подходит к нему достаточно близко.

Позднее, в 1915 году, Бегичев на оленях вывез в Дудинку часть команды с судов Русской гидрографической экспедиции Северного ледовитого океана, из-за тяжёлых льдов зазимовавшей у берегов Западного Таймыра. Словом, это был человек, весьма известный на Таймырском севере: охотник, зверопромышленник, купец, предприниматель в одном лице. Но более всего, удачливый землепроходец и полярный исследователь. Следует отметить, что это знакомство впо-

следствии весьма помогло Н. Н. Урванцеву в его изысканиях и путешествиях.

Против ожиданий, выходы каменного угля, расположенные поблизости от Дудинки и ниже по Енисею, особого интереса для Урванцева не представили. Всё это были, в основном, незначительные линзы в толще рыхлых песчано-глинистых четвертичных пород и, конечно же, этот уголь по своему количеству (да и по качеству тоже) никак не годился для корабельных котлов ледокольных судов. Впрочем, Урванцев был готов к этому: практически ту же самую картину он наблюдал возле села Потаповского и выше по течению Енисея. Поэтому уже через три дня на том же катере К. В. Пуссе он вновь вернулся к месту дислокации своей экспедиции в село Потаповское.

А ещё через два дня нганасаны привели в Потаповское большое стадо упитанных лоснящихся оленей, и на другой же день экспедиция отправилась в путь, поскольку, как уже сказано, пропитания для оленей на берегу Енисея не было практически никакого.

И вот весь экспедиционный караван («аргиш»²⁰, как называют его на Таймыре) цугом – одна упряжка за другой – медленно бредёт на север по бесконечной тундре, всё дальше и дальше уходя от могучего Енисея. Впереди, на первой иряке, выбирая дорогу, едут проводник Валентин с геологом Николаем Урванцевым и начальником отряда Александром Сотниковым. Следом за передовой ирякой следуют остальные, с грузом и людьми. Ни дорог, ни троп, тут, разумеется, нет и быть не может, есть только направление движения к Норильской долине. Погода стоит превосходная: теплынь, тишь, на небе ни облачка, во всю мочь жарит практически незакатное солнце. Назойливый летний комар уже пропал, а осенний гнус (мошка) пока ещё не появился. Словом, полный комфорт. Время от времени Урванцев покидает свою иряку. Отходя в сторону; он осматривает осыпи или обнажения, за-

²⁰ Аргиш – это не только олений караван, но и единица расстояния, – суточный отрезок пути, пройденный этим караваном. Говорят: «до такого-то места столько-то аргишей пути».

интересовавшие его, иногда даже подбирает или откалывает образцы. А потом вновь догоняет свой «экипаж». Проводник Валентин уверенно ведёт неторопливый караван по самым низким местам со спокойным рельефом, выбирая те, которые покрыты мокрым мхом, чтобы оленям было проще тащить по ним свои иряки, а также места, богатые ягелем: олени в пути должны непрерывно жевать.

За первый день, огибая многочисленные озёра и переходя вброд небольшие речушки, текущие в Енисей, прошли километров пятнадцать.

– Для первого дня нормально, – одобрительно отметил Сотников, пока нганасаны устраивали «аргиш» на ночёвку. – Олени ещё не втянулись в работу, да и упряжь на них должна притереться. Ирякам, как следует, раскатиться нужно. И всё такое прочее. Дальше пойдём ходче.

– В пятнадцатом году мы с оленями и туда, и обратно по снегу шли, точно помню. А это намного проще, чем по такой болотистой тундре, – вспомнил Урванцев.

– Да, нам тогда с погодой здорово подфартило, – согласился Сотников. –

Конец июня уже был – лето, и вдруг, откуда ни возьмись, снежная туча, и буквально через два часа всё вокруг стало бело. Снег шёл весь день и не таял потом целую неделю. Само собой, сразу же исчезли и комары с оводами. Олени мигом повеселели. Прекрасная тогда была дорога: весёлая, лёгкая, быстрая...

– Не то, что сейчас, – грустно согласился Урванцев.

На следующий день, обогнув группу больших озёр, аргиш свернул на северо-восток, хотя к Норильским горам идти короче и быстрее было бы напрямик.

– Напрямик, предгорьями, нам идти никак нельзя, – предостерег опытный Валентин. – Там острый щебень кругом – мы в момент и полозья иряк изотрём, и копыта оленям израним. Нам выгоднее дать приличного крюка, но идти мягкими низинами, где, кроме того, и с ягелем никаких проблем нет.

– Но там, кажется, какая-то река бежит с гор на запад, – посмотрев в бинокль, озабоченно сказал Урванцев.

– Это река Дудинка, которая впадает в Енисей возле села того же названия, – терпеливо пояснил Валентин. – Я знаю место, где ширина её всего метров десять-пятнадцать, не больше, а глубина не более метра. И течение не очень сильное. Перейдём её вброд, и ног не замочим.

К концу третьего дня пути у западного подножия гор, свернув за довольно высокий утёс, они увидели широкую пологую равнину, простиравшуюся, насколько хватало глаз, на северо-восток вглубь тундры. Переночевав там, они на другой день отправились дальше и километров через двадцать вошли в ещё более широкое пространство, окаймлённое с востока и запада пологими горными склонами, открытое на север к горе Шмидта, а на юг – к реке Хантайке. И тут аргиш опять повернул на север.

Вскоре путники вновь встали на ночлег, а на другой день с утра берегами небольших озёр (один-два километра в поперечнике, не больше) отправились на север дальше. Для выхода через перевал к Норильску Валентин выбрал удобную боковую лощину, густо заросшую карликовым лесом, по которой, впрочем, каравану, хотя и с трудом, но всё-таки удавалось продвигаться вперёд. Перевалив невысокий водораздел, а затем, постепенно спускаясь по лощине вниз, аргиш вошел в пределы обширного низменного пространства, открытого на север к великому озеру Пясино, а с прочих трёх сторон окружённого высокими горными склонами. Это и была цель их путешествия – Норильская долина с её знаменитой зелёно-синей горой, отороченной широким чёрным поясом. Прежде нганасаны называли её «Медвежьим камнем», но к тому времени она уже официально получила имя «горы Шмидта» (или в просторечии – «Шмидтихи»). Вот этот «чёрный пояс» как раз и интересовал экспедицию Сотникова – Урванцева более всего. Это был столь нужный адмиралу А. В. Колчаку уголь, способный на долгие годы обеспечить топливом суда Северного морского пути, а также суда Красноярского речного пароходства.

На другой день к вечеру аргиш уже был возле «Шмидтихи». И весь следующий день участники экспедиции, труди-

лись, сооружая базовый лагерь, из которого геологи в течение двух недель (а если понадобится, то и больше) будут выходить в пешие маршруты для детального описания месторождения.

Норильские горы, в сущности, представляют собою огромное плато, которое является северо-западной оконечностью обширной горной страны – Средне-Сибирского плоскогорья, раскинувшегося на всём пространстве от Лены до Енисея, к северу от великой реки Нижней Тунгуски. Теперь повсеместно его называют «плато Путорана», и знатоки считают его одним из красивейших мест на земле. Широкими и глубокими долинами это плоскогорье делится на ряд «столовых возвышенностей», одной из которых как раз и является Норильское плато. Оно, в свою очередь, тоже не монолитно и делится на ряд крупных горных образований с плоскими вершинами. Самую западную из них, высокую и живописную, нганасаны издавна называли «утёсом Медвежий камень». Даже беглый осмотр в бинокль позволяет установить, что чёрные угольные осыпи довольно высоко опоясывают весь северный край этой чудесной горы, а затем, постепенно снижаясь, простираются вдоль борта ущелья на юг.

А ещё через день пришельцы приступили к непосредственной геологической работе. Они решили начать с расчистки угольных пластов горы «Шмидтихи». Вскоре обнаружилось, что угольные осыпи опоясывают не только восточную, но и западную сторону горы. Мало того, дальнейшая расчистка горы показала, что общая площадь угольных выходов составляет тут более двух квадратных километров. А при расчистке осыпи по борту ущелья, названного старателями «Угольным», выяснилось, что здесь имеются сразу два мощнейших угольных пласта, разделённых пачкой углистого сланца. При этом мощность самих «угольных пачек» местами превышала десять метров. На соседней к востоку горе, сложенной, в основном, зелёно-синими диабазами, выходов угля почти не было, зато были выходы медной руды. У северного подножья горы, были отчётливо видны устья двух небольших штолен и развалины медеплавильного заводика Киприяна Сотникова.

Дальнейший осмотр Норильской долины возле горы «Шмидтихи» позволил геологам сделать заключение, что это месторождение угля, скорее всего, будет очень крупным, способным надолго обеспечить топливом суда Северного морского пути. Однако доставка угля к Енисею представит большие трудности: ведь до Дудинки отсюда около сотни километров по болотистой тундре, а до селения Потаповского – километров восемьдесят пять. Так что следует поискать уголь поближе к какой-нибудь значительной реке, лучше всего, разумеется, к самому Енисею. Для этого имелись весьма убедительные геологические основания: угольные пласты в Норильске залегали почти горизонтально и могли тянуться на запад почти до древней долины Енисея. Однако поначалу других месторождений угля, достойных внимания в связи с поставленной задачей, геологам нигде более обнаружить не удалось. Поэтому по окончании работ в районе горы «Шмидтихи» руководством экспедиции было принято решение разделить аргиш на две части. Геолог Урванцев с проводником Манто и дюжиной самых лучших, сильных и упитанных оленей на двух иряках отправились на запад, в обход, по краю местных «столовых» гор в надежде обнаружить угли поближе к Енисею или иной «большой воде». А второй, большой аргиш, напрямик отправился назад, в село Потаповское.

В путь оба аргиша, большой и малый, отправились 24 августа, каждый своим путём. Погода по-прежнему стояла великолепная. Места, по которым пролегал путь малого аргиша, были очень хороши для оленьего путешествия: тундра полна ягельного мха, полноводных или порожистых рек практически не было, каменных осыпей и щебня тоже. Груза олени везли очень мало, а кроме того, им почти постоянно удавалось отдыхать, пока Урванцев занимался своей геологической работой. Словом, всё было прекрасно, за исключением одного: ни одного приличного месторождения хорошего угля более найти так и не удалось.

Через неделю Урванцев с проводником Манто безо всяких приключений прибыли в село Потаповское. Основной аргиш вернулся ещё позавчера, и пастухи с оленями сразу

же ушли на летние пастбища, покрытые обильным ягельным мхом. Манто с оставшимися оленями на своей иряке тоже поспешил за ними вслед.

Между тем уже наступил сентябрь. Полярный день заканчивался: солнце часам к семи уже начинало закатываться, и наступала настоящая ночь, пока ещё, слава богу, не полярная (то есть не круглосуточная). Через пару-тройку недель движение по Енисейскому заливу станет весьма затруднительным, ибо енисейская вода начнёт превращаться в «сало», а геологам надо с работой дойти ещё до самого Усть-Порта.

Слава Богу, за время отсутствия экспедиции катер Сотниковых был приведён во вполне рабочее состояние: машину вынули, разобрали на части и основательно вычистили, смазав машинным маслом; котёл промыли и дважды опробовали водою под давлением в десять атмосфер с помощью плунжерной помпы для подачи воды в котёл под парами. Давление держалось надёжно. Течи в котле не было. Корпус катера проконопачили и просмолили с обеих сторон. Мало того, катер уже стоял, слегка покачиваясь, на воде у берега Фоминой речки, здесь же в беспорядке валялись куски круглых брёвен, очевидно, их использовали, как катки. Скорее всего, катер уже опробовали в деле, на воде. Топить котёл можно было тем каменным углём, запасы которого ещё сохранились в селе Потаповском с прежних времён. Кроме того, за кормой катера уже покачивалась на воде лодка, полная угля (на самом катере сложить его было негде, а путь предстоял ещё немалый). Всё это вселяло хорошие надежды.

Ещё через день экспедиционный катер с лодкой на буксире двинулся вниз по Енисею. Погода по-прежнему благоприятствовала путешествию. Повсюду вдоль Енисея были видны яры с очень хорошими обнажениями, в основном, из глины и песка. Ожидать тут встречи с хорошими выходами каменного угля не приходилось.

Попадались изредка лишь небольшие скопления обломков угля от размывов коренных отложений, залегающих ниже.

Дудинку прошли сходу: Урванцев в свой первый визит уже внимательно изучил тут всё до самого устья Пшеничного ру-

чья. Впрочем, и далее, ниже по течению, картина была всё та же, по-прежнему, надежд на уголь никаких, Однако до Усть-Порта им требовалось дойти всё равно, во что бы то ни стало.

Ещё через день погода начала портиться, подул свежий южный ветер, который постепенно начал набирать силу. Ниже острова Леонтьевского, когда Енисей сделал поворот к востоку, «южак» стал боковым, так что катеру с лодкой на буксире нужно было как можно дальше отходить от правого берега великой реки. С каждым часом делать это становилось всё труднее и труднее, пока, наконец, прямо на окраине села Малышовка слабая машина катера перестала справляться с ветром и водой. Судно вместе с лодкой свирепая вода выбросила на большой песчаный пляж под высоким обрывом, на котором стояло селение (слава Богу, что не на скалы). Продрогшие и промокшие насквозь путешественники пошли за подмогой в село. Однако оно оказалось совершенно пустым: перед ледоставом на Енисее шла самая путина, и все жители, видимо, уехали на рыболовные пески.

Делать нечего, пришлось нашим речным путешественникам превратиться в пеших странников. Хорошенько подкрепившись в селе, временно оставленном его жителями, просушив одежду и обувь, исследователи решили пешком вдоль по берегу отправиться в Усть-Порт, до которого было ещё километров тридцать. С собою они взяли только самое необходимое – ведь всё это пришлось нести на своей спине, в рюкзаках.

Но зато в Усть-Порте их ждала большая удача: они встречали там небольшой караван гидрографических судов, пришедших своим ходом в устье Енисея из Архангельска для проведения изыскательских работ. Гидрографы намеревались пройти вверх по реке на зимнюю стоянку в Енисейск, а если позволят глубины, то и в сам Красноярск. Командовал отрядом хорошо известный Александру Сотникову гидрограф Константин Неупокоев²¹. Недолго размышляя, участники

²¹ В 1922 году К. К. Неупокоев был назначен начальником Управления по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях сибирских рек (УБЕКО Сибири).

«угольной» экспедиции решили плыть с гидрографами, по крайней мере, до Енисейска, но взяли с них слово, что при первой же возможности те доставят катерок и лодку Сотниковых в село Потаповское. Надо ли говорить, что всё это было им не только твёрдо обещано, но и выполнено впоследствии.

В путешествии до Енисейска у гидрографических судов ни происшествий, ни затруднений не было. Однако дальше, вверх по Енисею их не пустили Казачинские пороги, и гидрографам пришлось остаться в селе Казачинском на зимовку. Участники же «угольной» экспедиции Сотникова – Урванцева пересели на один из последних пароходов и вверх по Енисею, уже начинавшему застывать, прибыли в Красноярск. Тут их пути разошлись: Сотников с топографом Фильбертом отправились в Омск, в Управление дирекции маяков и лоций Северного морского пути, а Урванцев с оставшимися членами экспедиции (студентами ТТИ) убыли в Томск. Там, на кафедре петрографии ТТИ до конца года они будут готовить геологический отчёт о своей экспедиции. И перед самым Новым, 1920-м годом отправят его в Петербург, в Росгеолком.

В самом конце 1919 года в Сибири «окончательно и бесповоротно»²² пришли к власти большевики. Поначалу, впрочем, это никого особенно не заинтересовало: в то время власть так часто переходила из рук в руки, что данный факт простым обывателям был практически безразличен. Однако это безразличие длилось совсем недолго.

Сначала Сибирский геологический комитет (Сибгеолком) превратился в Сибирское отделение геологического комитета ВСНХ РСФСР с центром в городе Томске. Для организации геологической работы на новых принципах туда прибыл с серьёзными полномочиями представитель горного отдела ВСНХ некто И. Л. Шейнцвит, настроенный весьма сурово и решительно.

Однако все геологические работы по поиску перспективных месторождений каменного угля на Енисейском Севере,

²² Это распространённый журналистский штамп в революционных газетах того времени.

против его ожиданий, не только были проделаны грамотно и весьма профессионально, но и сулили большие успехи в деле освоения богатств Сибири, а также успешного плавания по Северному морскому пути. В результате, вскоре был составлен и затем утверждён план дальнейшей разработки Норильского угольного месторождения, включавший в себя «разведку угольных пластов шурфами и канавами с целью выяснения их запасов и оценки качества угля». Этот план Геологическим комитетом ВСНХ РСФСР в Петербурге был не только утверждён, но с множеством грозных предостережений спущен исполнителям в Томск.

Объём намеченных в Норильской долине работ по тем временам был весьма значительным и требовал немалых усилий от различных людей и организаций. Для его выполнения нужны были большие финансы, квалифицированные рабочие, а также хорошие специалисты (геологи и топографы). Согласно плану, надо было организовать три группы: геологоразведочную, топографическую и транспортно-хозяйственную общим числом не менее чем в двадцать человек.

Основной базой будущей экспедиции предполагалось сделать Дудинку, от которой до места работ было порядка ста километров по болотистой тундре. Добраться туда в летнее время можно было только на оленях, которых следовало заказать и доставить заранее. Купить такое количество оленей (да и кто бы из нганасан их продал?!) нереально. Поэтому, скорее всего, придётся прибегнуть к «конфискации для нужд революции» – обычный приём того времени, хотя делать этого геологам очень не хотелось. Особенно казачьему атаману А. А. Сотникову, который очень ценил свой авторитет среди местного населения и очень надеялся на него.

Кроме того, в район горы Шмидта («Шмидтихи») надо было завезти хотя бы самое примитивное горнопроходческое оборудование, кузницу для правки инструментов, палатки и шестовые чумы для жилья, а также хозяйственный инвентарь, продовольствие на два месяца, а также личные вещи членов экспедиции.

По самым скромным подсчётам для этого потребуется на менее двухсот пятидесяти голов рабочих оленей. Собрать такое стадо даже для Александра Сотникова будет весьма непростой задачей. Существенную помощь в этом деле теперь, правда, может оказать «Комсеверпуть»²³, кровно заинтересованный в работе геологов. Впрочем, у этой организации ни своих оленей, ни денег на их покупку не было, а была лишь возможность отдавать строгие приказания, ссылаясь на всё те же «нужды революции». И вот по ходатайству этого комитета Сибревком через Красноярск даёт телеграфное указание Дудинскому исполкому: «арендовать» у местных оленеводов для геологической экспедиции 250 голов ездовых оленей, а также иряки и оленью сбрую. При этом строго указывается, что ко времени прибытия экспедиции в Дудинку (к середине июня) стадо должно находиться на кормёжке где-нибудь неподалёку, чтобы геологи смогли выехать в Норильскую долину сразу же после прибытия в Дудинку.

Впрочем, всё это – будущие хлопоты, до них ещё не менее трёх месяцев. А сейчас на улице – февраль, и пока что надо делать не менее важную, но далёкую от реальности подготовительную работу. Сотников уехал за снаряжением в Иркутск; Урванцев начал заниматься кадровыми вопросами в Томске; Котельников решал в Омске вопросы, связанные с гидрографией, геодезией и топографией.

Безусловно, самая трудная часть работы досталась Урванцеву: в то время найти квалифицированных рабочих, готовых вдали от семьи, в труднейших условиях Арктики, за призрачную оплату трудиться не щадя своих сил, было практически нереально.

Долгое время единственным работником, готовым поехать в эту экспедицию, был двоюродный брат Урванцева Фёдор Николаевич Валов, его двоюродный брат, с которым они «породнились» во второй раз, женившись на родных сё-

²³ «Комсеверпуть» – «Комитет северного морского пути» при «Сибревкоме». В то время любили сокращать длинные названия организаций, превращая их вывески в головоломки.

страх и проживая в богатом доме Шалаевых на правах зятёв. Похоже, Фёдор Валов находился под влиянием своего брата и с его слов тоже грезил Арктикой. А кроме того, будучи человеком умным и отчасти даже прозорливым, он понимал, что спокойно жить в Томске им не дадут новые большевистские власти, которые на богатеев Шалаевых стали уже основательно «наезжать». Так что лучше от греха подальше спрятаться от их пристального внимания на Крайнем Севере. Кстати, впоследствии, в 1921 году, именно он, Фёдор Валов, станет первопроходцем Норильского угольного месторождения, вручную прорубив кайлом первую штольню.

А потом в голову Урванцеву пришла блестящая идея. Как уже сказано, в то время, кроме геологической работы в Сибгеолкоме, он также преподавал горное дело и геологию в Томском среднетехническом училище. В том самом, которое в своё время заканчивал его соратник по Норильским «угольным» экспедициям Енисейский казачий атаман Александр Сотников. Студенты последнего курса этого учебного заведения должны были проходить практику по своей будущей специальности. Вот Н. Н. Урванцев и предложил своим студентам поехать с ним (исключительно по их желанию!) в Норильск для прохождения производственной практики по разведке реального угольного месторождения.

А для того, чтобы по-настоящему увлечь их, он прочёл небольшую лекцию об истории Северного морского пути, о первых русских арктических землепроходцах, о легендарной Мангазее. Но также (и это самое главное!) о тех переменах, которые сулит новое открытие. На лекцию кроме учащихся горного отделения пришли и студенты топографического отделения вместе с их руководителем Е. М. Ольховским.

Результат оказался не просто удачным, но даже превосходным. В Норильск на практику пожелали поехать шесть учащихся горного отделения и трое топографического. А вместе с ними и преподаватель Ольховский, который был к тому же заядлым охотником и рыбаком. Мало того, у Ольховского оказался приятель, тоже рыбак и охотник, работавший снаб-

Преподаватель горного дела и геологии Н. Н. Урванцев со студентами на практическом занятии при описании обнажения

женцем в Москве на заводе «Дукс»²⁴ А. И. Левкович, который тоже грезил Крайним Севером с его практически нетронутой природой и живностью. Впоследствии, на посту завхоза экспедиции, он станет одним из самых верных и нужных сподвижников Урванцева в Норильске на долгие годы.

Таким образом, геологическая работа экспедиции Сотникова – Урванцева теперь была обеспечена не только инструментальной топографической картой высокой точности, но и опытом честного профессионального снабженца, умевшего виртуозно работать с советскими чиновниками самого высокого ранга.

На первом же собрании будущей экспедиции было решено, что в поле они отправятся из Красноярска как можно раньше, с первым караваном судов «Госпароходства», идущим вниз по Енисею сразу за ледоходом. А вернуться домой,

²⁴ Завод «Дукс» (Дух) – Императорский самолётостроительный завод, производивший самолёты, автомобили, аэросани, дрезины, дирижабли, а также велосипеды и мотоциклы. В 1919 году переименован в Государственный авиационный завод № 1 (ГАЗ № 1).

соответственно с последним пароходом. Это обеспечит максимально возможный срок работы в Норильской долине. Инструменты для съёмки (теодолит, мензулу, кипрегель и т. п.) Ольховский пообещал взять из училища. Кайлы, лопаты, кувалды и прочий шанцевый инструмент Левкович обещал достать в Красноярске, где у него было много друзей среди снабженцев разного уровня. Но самым важным Урванцев считал приобретение в Томске документов от Реввоенсовета, Сибревкома, Сибгеолкома и прочих важнейших советских и партийных организаций для Красноярского губисполкома, совнархоза, а также для всякого мелкого пугливого начальства, которое встретится им в пути. Как ни странно, с этой сложнейшей задачей он справился превосходно и множество бумажек с фиолетовыми печатями, солидными «шапками» и строгими подписями раздобыл. В них строго говорилось, что эта экспедиция считается одной из важнейших. И все в обязательном порядке должны оказывать ей всяческую по- сильную помощь.

Словом, всё поначалу шло вроде бы просто замечательно, но вдруг в один чёрный для нашего героя день полетело кувыркком псу под хвост. Контрразведка РККА отдала распоряжения в Омское, Томское и Иркутское отделения чека об одновременном аресте и последующем «допросе с пристрастием» А. А. Сотникова, Н. Н. Урванцева и Д. Ф. Котельникова в связи с их прежней контрреволюционной деятельностью. Указанных граждан, разумеется, тут же арестовали, хотя и в разных городах, но, похоже, по одному и тому же сигналу.

Бывшего атамана Енисейского казачества А. А. Сотникова этапировали в город Красноярск, где Сибревком уже через неделю решил его судьбу: расстрелять. Накануне своей казни атаман написал в Сибревком записку о государственной значимости и хозяйственной выгоде их совместных с Урванцевым геологических экспедиций по освоению Норильского месторождения каменного угля. Однако никакого впечатления эта записка на чекистов не произвела.

Урванцева, просидевшего в Томской тюрьме губчека около двух месяцев, возможно, ждала та же самая участь, что и

соратника, но неожиданно допросы его были прерваны запросом из Красноярского геолкома: для работы на Таймыре просили срочно командировать в их распоряжение ценного специалиста геолога Н. Н. Урванцева. Геолкому тут же ответили, что это невозможно, поскольку упомянутый гражданин сидит в чека, арестованный за контрреволюционную деятельность. Вскоре после этого начальник Главсевморпути Б. В. Лавров получил телеграмму из Петербурга, подписанную самим Ф. Э. Дзержинским: «Найти Н. Н. Урванцева, освободить его и срочно послать руководителем экспедиции на север Таймыра». Надо ли говорить, что это распоряжение было тотчас выполнено. Каким-то непостижимым образом завхоз будущей экспедиции А. И. Левкович умудрился получить в Томске копию этой телеграммы, которая впоследствии несколько лет безотказно служила потом «охранной грамотой» не только самому Урванцеву, но и всей его экспедиции.

Что послужило первопричиной этой телеграммы, да ещё с такой подписью, Бог весть: то ли предсмертная записка Сотникова, то ли какой-то из Ленинских декретов по поводу освоения севера, то ли какая-то, случившаяся внезапно государственная надобность, теперь об этом можно только гадать.

Что же касается гидрографа Д. Ф. Котельникова, то каким образом сложилась его дальнейшая судьба мне неизвестно. Впрочем, это и не входит в мои задачи, так как никоим образом его жизнь далее не пересекается ни с самим Н. Н. Урванцевым, ни с последствиями его деятельности. Я знаю лишь, что вскоре Д. Ф. Котельников стал военным гидрографом ВМФ РККА, а в 1926 году вышла в свет его книга, которую я, впрочем, не читал, а потому ничего сказать о ней не могу.

И вот в конце мая 1920 года вся экспедиция собралась в Красноярске. Нынче она была в несколько раз больше прошлогодней и состояла, в основном, из молодых здоровых ребят, к тому же ещё и вполне профессионально подкованных, с нетерпением рвущихся к настоящей работе на Крайнем Севере. К тому же мудрый А. И. Левкович умудрился уговорить на это приключение ещё и двух ценных помощников себе:

повара Ивана Ауэрбаха и сапожника Александра Кудрявцева. В экспедиции теперь, правда, не было главного участника, слово и сам факт присутствия которого решали едва ли не все возникавшие в процессе работы проблемы – фактического хозяина всей Нижне-Енисейской тундры, атамана Александра Сотникова. Как теперь Урванцеву удастся решать транспортные проблемы? Как договариваться с нганасанами? Где доставать оленей, иряки, упряжь, продовольствие? Пока всё это было покрыто мраком неизвестности.

Отплытие каравана судов, с которым экспедиция Урванцева собиралась добираться до Дудинки, было намечено на середину июня. Во главе каравана пойдёт мощный буксир «Туруханск». Он поведёт за собой три железных лихтера: два грузовых и один грузопассажирский²⁵. По дороге караван будет забирать по прибрежным сёлам рыбацкие артели и выгружать их для работы на рыболовецких песках в низовьях Енисея и в Енисейском заливе. Осенью, в конце навигации, такой же караван заберёт их с уловом и развезёт по местам зимнего проживания. А пока участники экспедиции разбрелись по всему Красноярску для того, чтобы добыть всё, что только возможно для будущего полевого сезона: тёплую одежду, обувь, продукты, кое-какое снаряжение.

Сам Урванцев отправился в отделение Сибревкома, а также в Красноярский губисполком и совнархоз, чтобы обзавестись необходимыми бумагами для властей на местах и, разумеется, попробовать добыть всё, что можно, здесь, в Красноярске. Нужные бумаги ему выдали сразу и даже, в придачу к ним, дали немного денег, но более ничего, кроме, правда, десяти пар солдатских сапог. Как говорится, спасибо и за это!

Но более всего Урванцева беспокоила, конечно же, транспортная проблема, которую теперь придётся решать ему одному. По своему (пусть и небольшому) опыту он знал, как сложна работа по организации «аргиша» и управлению им, насколько слабы олени по сравнению с вьючными лошадьми.

²⁵ Лихтер – разновидность баржи, грузовое несамходное однотрюмное морское судно без экипажа с водонепроницаемым люком.

Кроме того, он знал, что часть оленей в пути неизбежно погибнет при столь тяжёлой работе. Поэтому он решился на шаг, поначалу показавшийся всем безрассудным: отправил вперёд по Енисейскому тракту с деньгами и важными бумагами одного из своих самых расторопный ребят, Николая Александрова. Тот по окрестным сёлам должен был добыть (купить, арендовать, экспроприировать – всё равно) вьючных лошадей, а также сено или овес для их пропитания в дороге. При этом никакой связи с посланцем в дороге, разумеется, быть не могло (откуда связь в глухой Сибири в те времена?!)

Караван судов из Красноярска отправился в путь вниз по Енисею 16 июня, когда ледоход в Туруханске уже начался, но до Дудинки он ещё не добрался. Поначалу суда шли очень ходко и к берегу практически не причаливали вообще: дров и угля, захваченных из Красноярска, пока хватало, а артели рыбаков с их снаряжением и снастями будут грузиться ниже по течению, в таких крупных сёлах (станциях), как Ворогово, Ярцево, Имбацкое.

В станции Казачинской, расположившейся неподалёку от знаменитых порогов, караван встречал сияющий Николай Александров. Увидев его, Урванцев и все члены экспедиции не поверили своим глазам: рядом с Николаем стояли семь крепких рабочих лошадей, а неподалёку возвышалась гора конной упряжи и тюки сена. Лошадей с сеном и вьючными сёдлами погрузили на отдельную баржу, которую пришили к каравану и поплыли вниз по Енисею дальше. Договорились, что в пути за скотиной будет присматривать водолив баржи²⁶, а Николай Александров вернулся в компанию своих друзей-геологов.

Ниже Енисейска, после впадения Ангары, ширина реки стала много больше километра, и на прямых плёсах её водный простор, уходящий на север, был просто необозрим. Теперь стоянки у сёл и станций стали гораздо более долгими: на лихтеры грузились рыбацкие артели, отправлявшиеся на

²⁶ Водолив баржи – рабочий, выливавший или откачивавший воду из баржи в процессе её движения.

богатый промысел в низовья Енисея и в Енисейский залив Карского моря. Никаких причалов возле этих селений, как правило, нет, и караван судов останавливается на рейде, настолько близко к берегу, насколько позволяет глубина Енисея. Погрузка же идёт с лодок: шум, толкотня на воде, матерные угрозы, словом, светопреставление. Капитан каравана время от времени даёт протяжные гудки к отвалу, но это никого не беспокоит. Все прекрасно понимают, что без рыбаков суда дальше не пойдут, а захватить с собой рыбакам нужно не только снасти, но также снаряжение, провиант и вообще всё необходимое до конца путины.

Далее караван двигался вдоль правого, крутого берега Енисея намного медленнее, но его пассажиры в первое время получали от путешествия большое удовольствие. Природа дивно хороша – по берегам великой реки стоит непроходимая тайга с практически непуганым миром зверей и птиц. Огромные пространства над водой продуваются ветром так, что ни комаров, ни оводов практически нет. Погода прекрасная: на небе ни облачка. Дай Бог такую до самой Дудинки!

Однако теперь число стоянок намного увеличилось. Причаливать к берегу приходилось не только за тем, чтобы взять рыболовецкие бригады, но и для того, чтобы погрузить дрова, нужные для судовых котлов. Огромные штабеля уже приготовленных дров стояли по берегам над высокими обрывами в тех местах, где глубина позволяет судам подойти прямо к берегу. Ниже Дудинки начнётся лесотундра, и дров практически не будет, придётся идти только на угле. Так что капитан не упускает возможности экономить загруженный ещё в Красноярске уголь. В погрузке дров принимают активное участие не только члены команды, свободные от вахт, но и рыбаки, геологи и все прочие пассажиры. Всем хочется как можно быстрее попасть в пункт назначения.

В Дудинку, столицу Таймырского национального округа, рыбацкий караван пришёл 8 июля, пробыв в пути три недели с гаком. Пароход подвёл лихтер «угольщикова» почти вплотную к берегу. Молодые и крепкие ребята Урванцева лихо бросили сходни и, не мешкая, начали выгружать экспедиционное

Причалы Дудинки на Енисее

имущество: столь приятное им поначалу плавание к концу пути основательно надоело.

В тот год весна на Крайний Север пришла позднее обычного. Было довольно холодно, зелени практически никакой, по берегам – груды льда от недавно прошедшего ледохода. Первая задача руководителей экспедиции – где и как найти хоть какое-то жильё для двадцати трёх человек. (Был бы с ними А. А. Сотников, этой проблемы, как и многих других, у них сейчас бы не было.) Пришлось идти за помощью в Окружной исполком и Реввоенсовет, не очень-то надеясь на понимание. Пошли: сам Н. Н. Урванцев, завхоз А. И. Левкович и «посланник» Коля Александров, заслуженно получивший большой авторитет в отряде после успешно проведённой им операции по приобретению лошадей.

Против своих ожиданий, изумлённые «ходоки» встретили в суровом Окружном исполкоме не только полное понимание со стороны новых властей, но даже испуганный лепет типа «Чего изволите?». Выяснилось, что пока «угольная»

экспедиция на своём лихтере добиралась до Дудинки, властные начальники из Красноярска, Томска и даже Петербурга бомбардировали телеграммами и депешами едва ли не всех новых мелких «царьков» в посёлках от Енисейска до Дудинки с требованиями «оказывать всяческое содействие угольной экспедиции Урванцева». Тут мелькали фразы типа: «Винные в неказании помощи будут считаться саботажниками!»; «Противодействие работам экспедиции будет караться по всей строгости революционного времени!»: «Снабжать в первую очередь всем необходимым!» и так далее. Здесь же упоминался какой-то Ленинский декрет о Севморпути, а также почему-то фраза М. В. Ломоносова о том, что «Могущество России будет приумножаться Сибирью и Северными морями». И всё это венчалось подписью самого Ф. Э. Дзержинского, грозного председателя Чека. Да-а, было от чего потерять голову местному начальству!

Тут же Урванцеву сообщили, что олени для экспедиции уже готовы и стоят неподалёку, километрах в тридцати, на восточном берегу Боганидского озера. Там прекрасные ягельные пастбища, а, кроме того, река Боганидка, вытекающая из него, впадает в реку Дудинку. Так что до оленьего стада легко добраться на лодках. Старшим пастухом идёт с ними И. М. Манто, а с ним – два его взрослых сына, Михаил и Афанасий, которые хорошо понимают русскую речь и прекрасно знают Норильскую долину. Услышав об этом, Урванцев довольно улыбнулся: ему ли было не знать об этом!

– Каким же образом вы так быстро и легко нашли для нас столько оленей? Как договорились с нганасанами и уговорили Манто работать с нами? – удивлённо спросил Урванцев председателя исполкома, вспомнив прежнего хозяина этих мест Александра Сотникова.

– Да проще простого! – всплеснул руками председатель. – Оленей мы взяли у местных купцов, которые пошли на эту сделку охотно, поскольку им теперь запрещено тут торговать и «ездить в тундру». Все расчёты они будут производить только через местные власти, то есть через нас. Так что вы можете ни о чём не беспокоиться.

– Где бы нам с нашими ребятами разместиться тут на постоянной до отъезда в тундру? – озаботился Левкович. – Судя по всему, отелей в Дудинке пока не построили?

– Мы можем предложить вам довольно большой дом купца Василия Голого в Малой Дудинке, в трёх километрах вверх по реке Дудинке. Он его бросил и там сейчас никто не живёт, и вы можете неплохо разместиться в этих «таймырских хоромах» до отъезда в Норильскую долину. Печи там исправные, все стёкла в окнах целы. Но главное – цела крыша...

– Я сегодня же схожу туда и всё проверю, – торопливо согласился Левкович. – Благо, что сейчас стоит полярный день, поэтому дела можно делать и ночью.

– Сколько оленей у вас есть? – спросил Урванцев.

Председатель исполкома смутился.

– Вообще-то всего нами собрано двести пятьдесят голов, но по телеграмме от Комсеверпути сто голов пришлось выделить для железнодорожной партии, которая должна прибыть со следующим пароходом.

– Железнодорожной партии? – удивлённо спросил Александров. – Откуда тут железная дорога? Кто, как и из чего будет тут её строить?

– Согласно декрету от товарища Дзержинского, – пожал плечами председатель и тут же торопливо добавил, – а ещё мы зимой в Норильске запасли для вас на весь сезон сухарей. Сложили их в старой промысловой избушке и хорошо укрыли брезентами.

– Значит, всего сто пятьдесят голов оленей... – задумчиво протянул Урванцев. – Пожалуй, нам этого будет маловато для того, чтобы забросить всё в Норильск одним «аргишем»...

– У нас есть ещё семь хороших вьючных лошадей, – напомнил Александров. – Ладно, как-нибудь выкрутимся, – сказал Урванцев, встав со стула. – Спасибо и на этом.

Они пожали друг другу руки и расстались очень довольные друг другом.

Последующие дни прошли в Дудинке в сборах и различных хлопотах. Сам Урванцев отправился в однодневный поход по окрестной тундре для разведки обстоятельств бу-

дущего серьёзного многосуточного перехода. С ним напросился в дорогу молодой местный казак Тимофей Даурский. Он раньше ходил с местными купцами до самой Хатанги, и в «аргише» до Норильска будет несомненно полезен в качестве проводника и ещё одного пастуха.

Тундра порадовала Урванцева: снега на ней было немного, но повсюду наст был ещё достаточно крепок. По такой дороге и завьюченные лошади пройдут, не проваливаясь глубоко, и олени иряки с грузом будут скользить легко. Погода обещала быть прекрасной для подобного путешествия: безветренной и пасмурной.

Ночью 12 июля И. М. Манто с сыновьями пригнали в Малую Дудинку стадо оленей для «аргиша». Туда же к этому времени Коля Александров со товарищи привели и осёдланных под вьючные сёдла лошадей. Пастухи-нганасаны таких диковинных зверей, отродясь, не видели, и как обращаться с ними, понятия не имели. Поэтому было решено, что «аргиш» геологов будет устроен так. Первым, разумеется, на своей «иряке» поедет проводник И. М. Манто, выбирая путь. Следом за ним – все олени, кто с «иряками», кто под вьюками. Последними – завьюченные лошади. Лошадей будут вести в поводу пешие коноводы из числа студентов-геологов. Поскольку оленей было «в обрез», количество «личного груза» пришлось экономить: каждый участник экспедиции мог взять с собою не более одного пуда (16 кг) вещей, но каждый из коноводов на свою лошадь мог положить любое количество личных вещей (в разумных пределах, конечно).

На другой день, сразу после обеда, «аргиш» отправился в путь. В первый день удалось пройти совсем немного – около шести километров: то олени путались в сбруе, то грузы были укреплены плохо, то ломалась чья-то иряка и её приходилось чинить.

В первый же день перехода выяснилось, что лошадям и оленям вместе идти очень неудобно. Для оленей нужна мокрая, моховая или травянистая тундра, желательна со снежком или небольшими наледями в низинах, по которым хорошо скользят полозья иряк, сами же олени при этом кормятся

ягелем на ходу. А вот лошадям с поклажей лучше держаться сухих возвышенных мест с ещё не совсем оттаявшей мерзлотой. Поэтому уже на другой день было принято решение: лошадям и оленям двигаться порознь, но в пределах видимости, и только на переправах через реки или большие ручьи сходиться вместе, поскольку броды легче искать верхом на лошадях.

К концу второго дня пути караван упёрся в довольно большую речку Косую (приток Дудинки), шириной метров в тридцать, глубиной более метра и довольно сильным течением. (В прошлом году, в переходе от села Потаповского до Норильска команда Урванцева никаких серьёзных рек на своём пути не встретила, да и груза тогда было существенно меньше.) После небольшого совещания решили развьючить лошадей и оленей, а вьюки переправить через реку на самодельных плотках. Слава Богу, по берегам реки Косой во множестве стояли сухие лиственницы, а практически все ребята в отряде мастерски владели топорами (коренные сибиряки, что тут скажешь!). На этих же плотках, кроме тюков со снаряжением, провиантом и инструментами, по двое-трое переправили и всех участников экспедиции. Иряки же разгружать не стали, а просто привязали к ним длинные крепкие верёвки и потом общими усилиями, одну за другой, вытащили их на противоположный берег. Как только там оказались все люди и все грузы, олени стадом, без каких либо понуканий, сами переплыли Косую. Плавают эти жители тундры отлично, и даже Енисей для них – не препятствие. Сложнее было переправить на противоположный берег развьюченных лошадей, но и для этой непростой задачи нашлось решение. Ту лошадь, которая в караване шла первой, подвели к плоту, на котором уже стоял её коновод. Он взял её под уздцы, оттолкнулся от берега, и они поплыли. За ними вошли в воду и остальные лошади.

Переправа каравана и грузов заняла около двенадцати часов, но закончилась довольно успешно. Утопили только переносный горн для правки кайл, но эта потеря для экспедиции не была катастрофической. Проводник Манто сказал,

что дальше до самой Норильской долины таких крупных рек больше не будет. Все остальные речки и ручьи можно будет спокойно перейти вброд.

Поскольку переправа через Косую отняла столько времени и сил, решили сделать днёвку: осмотреться, просушить одежду и обувь (кое-что всё-таки подмокло) и перепаковать всё снаряжение на иряках.

Опытный И. М. Манто оказался прав: следующую реку, Ямную, удалось пересечь, даже не замочив верха иряк, а вода в реке едва достигала оленьего брюха, не говоря уже о лошадях. А дальше пошла болотистая безлесная тундра. Взору открылось бесконечное пространство слабо всхолмленной равнины с относительно небольшими высотами всего лишь в несколько десятков метров. Нигде не было видно ни одного, даже самого чахлого деревца. Караван растянулся длинной цепью, иногда километра на два. Люди шли вразброд, кто, как и куда хотел, стараясь не терять взглядом упряжку проводника Манто на передней иряке.. Время от времени приходилось просить его останавливаться, поджидая отставших, и даже стрелять в воздух. Потеряться здесь нетрудно: пологие, абсолютно похожие друг на друга увалы сокращают видимость; примет нет никаких, и стоит только перевалить гряду не в ту сторону, куда надо, караван пропадает из глаз, и нет вокруг ничего, что дало бы возможность сориентироваться. Дважды на стоянках недосчитывались по пешему студенту. Тогда И. М. Манто на пустой санке делал по тундре большой крюк и с вершины холма находил заблудшего, который, как правило, брёл совсем в другую сторону.

На пятый день пути подошли к большому озеру, которое нганасаны называют Дорожным, поскольку оно лежит на полпути к Норильской долине. Озеро круглое, как блюдце, имеет километров пять в поперечнике и лежит чашей посреди ровной, как стол, тундры. (Вот такая сервировка: чаша на столе.)

За Дорожным озером тундра постепенно стала повышаться. Каменные гряды и холмы начали сливаться в крупные возвышенности асимметричного профиля: на север кру-

тым склоном, на юг – положим. Почва из болотистой, зыбкой превратилась в твёрдую, каменистую. Лошадям стало идти легче, оленям – труднее. Вскоре путешественники достигли реки Амбарной, за которой, по словам Манто, и начинается Норильская долина. До конечной цели пути им осталось всего два, максимум три дня пути. Отсюда вдаль уже довольно хорошо виден зелёно-синий профиль северного крутого уступа горы «Шмидтихи». К нему-то и направляется экспедиция Урванцева. Народ повеселел – всем надоело брести по монотонной тундре и месить ногами начавшую оттаивать глину, путаясь в крепких, как проволока, зарослях карликовой березки. Впрочем, предстояло ещё переправиться и через реку Амбарную – последнюю водную преграду на пути к заветной цели. Эта была горная река, крутая, с быстрым, даже стремительным течением, а также каменистым дном, усыпанным крупными валунами, но зато не слишком широкая и глубокая. Сплав по такой реке, разумеется, невозможен, её можно пересечь только вброд, хотя вода в ней была несусветно холодной.

Урванцев вырубил крепкую увесистую жердину и, надев высокие, бродовые резиновые сапоги, направился через реку Амбарную первым, осторожно ощупывая дно жердиной впереди себя. Остальные, поддерживая друг друга и ведя под уздцы лошадей, следовали за ним. Кроме того, все были связаны друг с другом одной крепкой верёвкой. Таким образом, единая цепь из людей и лошадей, очень медленно и осторожно, отдыхая за большими валунами, в течение часа преодолела эту преграду. Олени же перемахнули через реку сами, без посторонней помощи и каких бы ни было утрат. Разумеется, все вымокли до нитки в ледяной воде, так что пришлось делать ещё одну стоянку, хотя цель путешествия была уже в пределах видимости. Слава Богу, сухого леса в долине Амбарной было предостаточно, так что дрова можно было не экономить.

Последний отрезок пути оказался просто райским. Заползшая весна была в своём полном расцвете. Кругом стоял настоящий серьёзный лес. Не карликовые «проволочные»

берёзки и кустарники чахлой ольхи украшали теперь ландшафт, а красивые гордые деревья: широколиственные берёзы, ивы и даже ели. Лиственницы уже покрылись нежно-зелёным пухом, наполнив северный воздух тонким ароматом. Склоны гор плотно поросли кустарниковым подлеском. Везде густым коврам расстилалась высокая сочная трава, на которую тут же с жадностью набросились лошади геологов (лакомая еда оленей – ягельный мох – их совершенно не устраивала). Кругом летали гуси, утки и кулики, гнездящиеся на соседних озёрах и старицах, токовали куропатки, турухтаны, пеночки (полярные воробы). В сравнении с Дудинкой природа различалась чрезвычайно. Видимо, сказывалась здесь, на предгорьях плато Путорана, защитная роль горных склонов, спасающих местную растительность от жестоких северных ветров. Кроме того, скуное местное, хотя и незаходящее солнце в этих местах отчего-то грело сильнее.

Дальше путь каравана продолжался без каких бы то ни было препятствий. Перевалив через невысокую каменную гряду, которую нганасаны называли почему-то «Шеей» (без уточнения: чьей), геологи подошли к северному уступу горы Шмидта и, обогнув его, вышли на ровную площадку подножия Норильских гор. Здесь они и решили разбить свой базовый лагерь. На весь путь от Дудинки до этих райских мест у них ушло девять дней.

Пока ребята-топографы и сыновья И. М. Манто ставили лагерь, Н. Н. Урванцев с самим Манто, руководителем группы топографов Е. М. Ольховским и завхозом А. И. Левковичем обсуждали планы работ и передвижений на весь полевой сезон. Выяснилось, что поблизости от лагеря оленей пасти невозможно: тут их одолеют комары и особенно оводы, которые со дня на день должны здесь во множестве появиться²⁷. Пастушить надо в «столовых» горах, на поверхности плато, где летом прохладно, ветер отгоняет гнус, и есть хорошие кормовые моховища. Трава для оленей – пища малокалорий-

²⁷ В отличие от лошадей, у оленей практически нет хвостов, а потому перед местным убийственным гнусом они беззащитны.

ная, а главный их белковый деликатес – тундровые грибы – появятся только ближе к осени.

– В тундре, – назидательно сказал пастух, – без мяса никто не живёт. Уже сейчас среди наших оленей есть хромые, которые на последнем переходе по каменистому предгорью повредили себе копыта. Некоторые так сильно, что уже не могут ходить. Через две-три недели они начнут умирать от бескормицы: олень умеет есть только на ходу. Надо быстро заколоть их на мясо, освежевать, а туши зарыть в ближайшем снежнике.

– Да, – подтвердил завхоз, – на чае с сухарями да на каше с маслом много не наработаешь. Особенно на Крайнем Севере...

– А потом мы вам сюда и рыбу посылать будем, – добавил Манто. – Много рыбы.

– А рыба-то у вас откуда возьмётся? – вытаращил глаза завхоз. – Вы же олени люди.

– Да мы пастушить наверняка возле какого-нибудь озера будем, – пожал плечами проводник. – Кинем пару-другую сеточек – вот она и рыба. А потом, тут недалеко, на реке Рыбной рыбацкая артель стоит. На порожней иряке до неё мигом добежать можно.

– А чем вы с рыбаками рассчитывать за эту рыбу будете? – испуганно спросил завхоз.

– В тундре рыбу и мясо люди друг другу просто так дают, – засмеялся пастух. – Мы же сами даром её тут получаем.

Сделав все свои дела, попив чаю с сахаром и сушками, пастухи собрали стадо и отправились вверх по одной из долин, ведущих на юг в пределы Норильского плато. А геологи и топографы остались в лагере одни, решив посвятить вторую половину дня хозяйственным хлопотам, обозрению ближайших окрестностей и обсуждению планов на будущее.

Неподалёку от базового лагеря из палаток и чумов, устроенного ребятами, стояла унылая полуразвалившаяся избушка без крыши. Её в незапамятные времена поставил из местного леса дудинский житель Потанин, который много лет

приезжал сюда на промысел песка. Потанин давным-давно умер, но жильё его до сих пор так и зовётся: «изба Потанина». Именно в неё местные начальники, встревоженные грозными телеграммами из центра, в конце зимы сложили целую пропасть ржаных сухарей для геологов Урванцева, накрыв их огромным брезентом. Сухари для экспедиции кое-где подмокли, а кое-где отсырели и стали плесневеть. Завхоз А. И. Левкович очень расстроился в связи с этим, поскольку сухари – продукт серьёзный, единственный настоящий хлеб, возможный в тундре. Поэтому, оставив прочие дела, он самолично, с тремя молодыми помощниками сразу же стал перебирать их и сушить. Ещё четверо ребят, раскидав лопатами большой сугроб, притаившийся в тени возле горы, сняли пласт земли и на вечной мерзлоте устроили ледник для оленьего мяса, пять туш которого уже дожидались разделки на жилики²⁸.

А вечером, перед сном, Урванцев с Ольховским подробно рассказали членам отряда о планах геологических и топографических работ экспедиции, поскольку уже с завтрашнего утра планировалось начать работы по обоим этим направлениям разом.

Молодым ребятам, впервые принявшимся за такую работу, предстояло к осени (всего за полтора месяца) для этой, прежде пустынной, неисследованной территории составить крупномасштабную инструментальную топографическую карту с рельефом, а на её основе – геологическую карту (карту угольного месторождения). Эти работы надо будет вести одновременно и параллельно, чтобы данные геологии и разведки сразу же наносились на топографическую карту, которая будет создаваться тут же, в полевых условиях. Таким методом работы является мензурная съёмка, когда на планшете по опорным точкам, привязанным к конкретным астрономическим данным, рисуется карта местности с ре-

²⁸ Жилик – анатомически отдельный кусок мяса, соединённый с другими частями туши лишь жилами, сосудами или суставами, то есть кусок мяса, совершенно изолированный и герметизированный, обтянутый своей полостью и плёнкой.

льефом в горизонталях. При правильной организации труда мензурная съёмка весьма эффективна и даёт точные карты. Правда, она требует хотя бы от одного участника съёмки способностей к рисованию с натуры. В нынешнее время такой метод работы уже практически нигде не применяют. Его заменила аэрофотосъёмка, а прежде все пограничные карты Российской империи делались только с помощью мензурной съёмки. В экспедиции Эдуарда Толля эту работу блистательно выполнял довольно известный профессиональный белорусский художник В. К. Бялыницкий-Бируля, именем которого был назван один из крупных заливов на западном берегу моря Лаптевых (залив Бирули).

Решили, что на съёмке с Е. М. Ольховским будут работать трое, а в трудных местах – четверо ребят. С дальномерными рейками пойдут двое, а в трудных местах – трое; с мензурой будут работать вдвоём: сам Ольховский с помощником. На такую работу нужны сноровистые ребята, быстро, без указки соображающие, как стать с рейкой в нужную точку. С мензурой станет работать, конечно же, сам Евгений Михайлович, который будет также командовать и всей группой. Он не только отменный рисовальщик, но и обладатель великолепного глазомера (это, пожалуй, главное достоинство геодезиста).

За полтора месяца команде Е. М. Ольховского нужно будет отснять и зарисовать двадцать пять квадратных километров Норильских гор, непрестанно бегая с рейками по осыпям, крутым подъёмам и скользким валунам. Это потребует от всех его ребят не только выносливости и отменного здоровья, но и верности своему делу, дружбы и взаимопонимания друг с другом. А кроме того, надёжной и прочной обуви, которая на такой работе горела, как на огне, так что сапожник Алексей Кудрявцев никогда не сидел в лагере без дела.

При разбивке топографической сети пришлось давать названия горам, долинам, ручьям и урочищам Норильской долины. Про утёс «Медвежий камень», названный горою Шмидта, я уже говорил выше. Соседнюю с ней гору, расположенную к востоку, назвали горой Рудной, а разделяющий

их ручей, бегущий в ущелье, – Угольным ручьём. Гору, расположенную к западу от горы Шмидта наименовали Надеждой, а разделяющий их ручей – Разведочным. Гора к востоку от Рудной стала Барьерной, а долина между ними – Медвежьим ручьём. Гора на юго-востоке от неё получила название Гудчихи, а ущелье вдоль неё назвали Каскадным.

Топографическую съёмку решили начать с горы Шмидта и долины Угольного ручья, чтобы геодезические работы шли параллельно с горными. «Горняков Урванцева» разделили на две бригады по три человека в каждой. Пашу Даурского назначили в резерв, помогать той или иной бригаде, а в случае надобности – и ребятам Ольховского.

Первый разрез «горняки» произвели в верховьях Угольного ручья, где добывали кайлами уголь ещё в XIX веке для экспедиции генерала А. И. Вилькицкого²⁹. При этом оказалось, что в этой работе участвовал и юный в то время пастух И. М. Манто. Он-то впоследствии и указал атаману Александру Сотникову место, где производилась добыча котельного топлива.

Второй разрез решили заложить по левому берегу Угольного ручья на юго-восточном склоне горы Шмидта.

Поначалу крепкими, но «желторотыми» геологами Урванцеву приходилось почти непрерывно руководить самому, указывая, как следует вести расчистку, замерять пласты и породные прослойки в них, зарисовывать разрезы, отбирать образцы, вести опробование пластов целиком и послойно – словом, делать текущую рутинную работу геолога-съёмщика. Но уже через неделю все эти работы пошли полным ходом практически без участия геолога-наставника Николая Николаевича.

Погода почти всё время благоприятствовала работягам, но платою за это были полчища комаров и оводов, взявшихся неизвестно откуда. Приходилось в лагере непрерывно жечь

²⁹ Генерал Андрей Ипполитович Вилькицкий – русский гидрограф-геодезист, полярный исследователь, начальник Главного гидрографического управления России.

большие костры, дававшие не тепло и свет, а лишь густые клубы дыма. Ошалевшие от гнуса лошади буквально лезли в них мордами, спасаясь от напасти, а вот людям спасения не было никакого: о существовании репеллентов тогда даже и не подозревали. Накомарников ни у кого не было, да и махать кайлами в них, честно говоря, было бы невозможно. Горняки на работе мазались угольной сажой, глиной, дёгтем, словом, чем попало, и лишь опытный Е. М. Ольховский, которому у мензулы был нужен широкий кругозор, натирал лицо и руки гвоздичным маслом, предусмотрительно захваченным им из Томска.

Поначалу те же проблемы касались и старых палаток – в них было много дыр, в каждую из которых безнаказанно просачивался ужасный гнус, и солнечной ночью многие ребята, несмотря на каменную усталость, не могли сомкнуть глаз. И тогда Урванцев объявил всеобщий выходной специально для приведения в порядок лагеря, в особенности – брезентовых жилищ. Прежде всего, палатки понизу обложили мелким щебнем, а затем засыпали песком и мелкой землёй; на большие дыры поставили заплаты, мелкие – заштопали; входы обшили вторым рядом брезента, а все окна и двери занавесили тюлевыми шторами. (Запасливый завхоз Левкович прихватил с собою из Москвы рулончик мелкого тюля.) И вот наступила первая блаженная «ночь», когда все смогли уснуть, не опасаясь безжалостного гнуса. Мало того, гул беснующейся за стенками палаток «крылатой нечисти», теперь уже совершенно безопасной, многими воспринимался, как колыбельная песня.

Питание в отряде было хотя и двухразовым (утром и вечером), но очень обильным, вполне калорийным и даже вкусным, хотя по большей части и одинаковым: наваристый олений суп с крупой, перловая, пшённая или ячневая каша с маслом и непременно чай. Изредка стол удавалось разнообразить. В свободное время завхоз Андрей Иванович брал ружьё и уходил на охоту, благо, что на ближайших болотцах, протоках и озерцах плавали неисчислимы стада гусей, уток и казарок. Стрелком он был отменным и всегда приносил

с собой пару-тройку, а иногда и полудюжину этих вкусных птиц. (Жаль, правда, что свободного времени у завхоза всегда было мало.) К середине июля вокруг лагеря в изобилии начали появляться лесотундровые грибы, в основном, маслята и подберёзовики. А затем в один прекрасный день явились посланцы от пастухов И. М. Манто с обещанной рыбой (хариусами, муксунами и чирами).

Проблемы были только с хлебом (вернее, с сухарями). Несмотря на титаническую работу «сухарной команды» под руководством завхоза Андрея Ивановича, спасти удалось далеко не всё, что приготовили для геологов дудинские начальники, а кроме того, часть сухарей пришлось отделить пастухам. Чаю же геологи и топографы ежедневно выпивали разлитое море. Для этого в отряде был огромный (ведёрной ёмкости) голубой чайник, который, впрочем, вскоре открылся чёрной «лакировкой».

После «палаточного» выходного работа вновь закипела без праздников и прочих пропусков по двенадцать часов в сутки. Впрочем, бывало, что наиболее азартные работяги задерживались и дольше, поскольку стоял полярный день, и круглые сутки светило незакатное солнце. В этом случае утренний подъём некоторые молодцы просыпали, что очень не нравилось строгому начальнику Николаю Николаевичу. Своим приказом он чётко и безоговорочно обозначил время трапез: завтрак в восемь утра, ужин в девять вечера. Опоздавшим рекомендовано было пенять на себя.

Несмотря на тяжкую жизнь и ежедневные трудности (утомительную ходьбу по опасным осыпям и крутым горным склонам, вечную мерзлоту, свирепый гнус и однообразное питание) весь полевой сезон молодые горняки и топографы были веселы и жизнерадостны. Повар Иван Ауэрбах и сапожник Александр Кудрявцев, остававшиеся в лагере, взяли выпускать юмористический журнал «Голубой чайник», где описывали разные события прошедшего дня, приключения, трудности, текущие заботы и их разрешение. Вечером, после ужина журнал зачитывался вслух, как правило, под громовой хохот всех присутствующих.

Закончив дела на разрезах вдоль Угольного ручья, горняки Урванцева занялись вскрышными работами на восточном склоне горы Шмидта (на «Шмидтихе»). Туда ежедневно приходилось подниматься на высоту двести-триста метров по крутым каменистым склонам, усеянным остроугольными осколками базальта. При такой ходьбе обувь буквально горела на ногах у горняков. Пришлось пустить в оборот запасные сапоги, приобретённые в Красноярске. Пока одну пару носили, другая находилась в ремонте. Через три-четыре дня их приходилось менять местами: пара сапог из починки шла в работу, предыдущая пара – в починку. Уже через месяц после таких «обменов», лоскутов кожи, захваченных из Дудинки на заплаты, стало не хватать. Пришлось использовать кусочки упряжи с оленей, пущенных на мясо. Впрочем, и это не решило дело: к осени едва ли не вся обувь пришла в такое состояние, что многие ребята вернулись в Дудинку, в сущности, босиком.

С головой погрузившись в «угольные» заботы и хлопоты, Урванцев, тем не менее, не переставал думать о том, что представляет собою медное месторождение К. М. Сотникова в Норильске. Теперь, когда прежде неопытные горняки достаточно «оперились» для того, чтобы работать самостоятельно, он захотел оценить, что это за «медистые сланцы», каков их минеральный состав и как они залегают.

Неподалёку от базового лагеря, в северо-западном углу горы Рудной, у её подножия были видны устья двух небольших штолен, заложенных, скорее всего, ещё К. М. Сотниковым для добычи медной руды. Метрах в двухстах к северу от них находились развалины медеплавильного заводика: останки плавильной печи, срубы каких-то построек, небольшие кучки каменного и древесного угля, а также зеленоватой руды. Плавильная печь представляла собою деревянный сруб высотой около метра и площадью приблизительно в квадратный метр, внутри заполненный крупной галькой с песком. Эта прослойка служила её фундаментом. Поверх гальки были выложены кирпичные стенки и под самой плавильной печи. Этот под частично сохранился, а стенки, ограждавшие его, развалились, поскольку кирпич, из которого они были сло-

жены, стал от времени рыхлым и легко крошился от удара молотком. Серьёзных строений на металлургическом подворье было два: одно, по-видимому, жилое; другое служило складом или амбаром. Теперь от него остались только нижние венцы. Остальное дерево ушло на постройку «избы Потанина», а также было разграблено на дрова охотниками, промышлявшими тут песцов.

Руда, лежавшая в кучке неподалёку, выглядела очень бедной – скорее всего, это были лишь отбросы с того, что ушло на выплавку меди.

Две штольни, одинаковые по размеру, располагались друг над другом, по высоте разнясь на два метра, по ширине – на четыре. На устье обе они были так забиты спрессованным и смёрзшимся снегом, что со временем он превратился в мощную ледяную пробку. Скорее всего, с середины XIX века в эти штольни никто не заглядывал. К счастью, за этими пробками, с которыми пришлось основательно повозиться, в штольнях было довольно сухо. Крепление подгнило и частично обрушилось только при самом входе, а далее, где температура не менялась, и летнего оттаивания не было, крепёжный лес был совершенно свеж, как только что срубленный. Вблизи устьев, куда летом проникал влажный воздух, стены штолен и их потолки были покрыты гирляндами крупных снежных кристаллов в форме шестилучевых звёзд. Такие звёздочки-снежинки иногда зимой можно видеть в южных широтах, но там они размером не превышают нескольких миллиметров, а здесь их размеры измерялись сантиметрами. Впрочем, это понятно: они же росли тут в течение многих десятилетий в полном покое. Это было феерическое зрелище – от света свечи всё вокруг блестело и сверкало алмазами в сотни каратов. Это была волшебная, мистическая, ни на что не похожая, ни с чем несравнимая, завораживающая красота. Как жаль было Урванцеву разрушать эти хрустальные покои Снежной Королевы, куда он попал, но обе штольни надо было непременно внимательно осмотреть глазом профессионального геолога. При малейших движениях воздуха причудливые ледяные гирлянды рассыпались с мелодичным, грустным зво-

ном. Однако медное оруднение глинистых сланцев было там бедным, непромышленным да и то лишь в нижней штольне. Скорее всего, месторождение выработали «под нуль» ещё при К. С. Сотникове. Но интуиция геологоразведчика подсказывала Урванцеву, что где-то тут, в этой горной системе возможны богатейшие запасы меди и других металлов. Он был уверен: поблизости тут есть коренное месторождение. Отобрав образцы и пробы на анализ, работу в штольнях Урванцев решил прекратить, снова занявшись углем.

Постепенно, шаг за шагом, экспедиция Урванцева накапливала для будущего Норильска с его горнорудным комплексом богатый геологический материал, позволяющий оценить промышленные перспективы района. Впрочем, пока это относилось лишь к этому участку местности со знаменитой горой Шмидта в центре, который со временем станет городом Норильском, а вокруг, даже в самых ближайших окрестностях всё по-прежнему оставалось сплошным геологическим белым пятном. Правда, в хорошую погоду в бинокль вполне можно было разглядеть, что горы к северу, на противоположной стороне реки Норильской, представляют собой такое же плоскогорье, как и здесь, в Норильске. Оно обрывается таким же гигантским уступом в равнинную тундру. Словом, с геологической точки зрения, там всё было устроено в точности так же. Местные нганасаны называют эти горы «Караелахом»³⁰, то есть на их языке «Еловым камнем», так как там, по рассказам пастухов, кроме лиственницы, растёт и много елей, что является в этих широтах большой редкостью. Впрочем, в тех местах никто из геологов ещё не бывал. Чем сложены эти горы, какими породами? Похожи ли они на Норильские? Есть ли там какие-либо полезные ископаемые? Всё это пока ещё никому известно не было.

³⁰ Ныне на всех географических картах эти горы именуются «Хараелах», а приток реки Норильской – рекой Хараелах. Существует даже «Хараелахская геологическая свита», но Н. Н. Урванцев в своих дневниках называет эти горы «Караелахом». Впрочем, на нганасанском языке буквы «х» и «к» практически неразличимы. Я буду именовать эти горы так, как написано в дневниках Н. Н. Урванцева.

И вот в одну прекрасную солнечную ночь, в одиночестве гуляя по экспедиционному лагерю, Урванцев вспомнил, как в прошлом году в гостях у дудинского купца К. В. Пуссе тот рассказывал ему, что километрах в пятнадцати отсюда стоит старинная православная часовня, возле которой он (Пуссе) летом рыбачит в реке Рыбной. Пуссе тогда настойчиво звал Урванцева в гости и даже обещал предоставить в его распоряжение хорошую крепкую лодку и любые рыболовные снасти. И вот в голове Урванцева возникла и с каждым днём стала всё сильнее и сильнее крепнуть сумасшедшая мысль: воспользоваться этим приглашением, но не столько для рыбалки, сколько для геологических исследований.

Километрах в пятнадцати от горы Шмидта действительно протекает река Рыбная. Неподалёку от её впадения в большую Норильскую реку стоит старинная православная часовня. В прежние времена раз в год приезжал сюда миссионер-священник, который разом отправлял все требы за год: крестил новорожденных и родившихся в течение года, венчал поженившихся, отпевал умерших. Однако, судя по всему, где-то около десяти лет назад он умер, поскольку с тех пор больше сюда никогда не приезжал. И хотя теперь никто в часовне уже давно не служил, не только строение, но и само место до сих пор называется «Часовней». Вот там-то, по соседству с часовней, К. В. Пуссе построил для себя рыбацкую избушку, привёз из Дудинки туда лодку, смастерил в вечной мерзлоте просторный и глубокий ледник для рыбы, а с началом зимы, по первому снегу вывозил её в Дудинку.

В один из погожих дней Урванцев в одиночку налегке отправился в путь до часовни (что такое пятнадцать километров для такого ходока, как он?!), надеясь по дороге провести и кое-какие геологические исследования. Впрочем, главной целью этого небольшого путешествия было узнать, там ли сейчас К. В. Пуссе и если там, то попытаться договориться с ним о сотрудничестве.

К счастью, Ксенофонт Васильевич собственной персоной оказался на месте, в своей избушке на берегу Норильской реки. Он несказанно обрадовался визитёру, с которым, раз-

умеется, никак не ожидал здесь встретиться. Не откладывая дела в долгий ящик, они тут же договорились, что Пуссе перевезёт Урванцева с двумя-тремя спутниками в своей лодке на другой берег реки Норильской, а потом, в назначенный срок заберёт их с той стороны реки обратно. Несмотря на горячие уговоры остаться и порыбачить несколько дней, Урванцев, отобедав у гостеприимного хозяина, тут же отправился в обратный путь, прихватив с собою в рюкзаке подарок: пуда полтора крупной мороженой рыбы (нельм, муксунов и чиров) для своей экспедиции.

Через несколько дней и недолгих сборов Н. Н. Урванцев, взяв себе в напарники (и отчасти в проводники) Тимошу Датурского, отправился в десятидневную экспедицию. Он посчитал, что больше помощников ему не понадобится: Тимофей мало того, что вырос в здешней тундре, много путешествовал по ней и был весьма лёгок на ногу, так ещё и дважды бывал на самом Караелахе, куда они теперь и направлялись. Правда, бывал он там зимой, а это совсем другое дело, чем летом. В этот долгий маршрут они решили взять с собою палатку, брезент, провизии на десять дней, спальные принадлежности, сменную одежду, а также кое-что из посуды. Ну и, разумеется, геологические молотки, топоры, а также объёмные рюкзаки для будущих образцов. Полагая, что дороги, как прямая, так и обратная, будут для них достаточно тяжёлыми, решено было взять с собою двух вьючных лошадей.

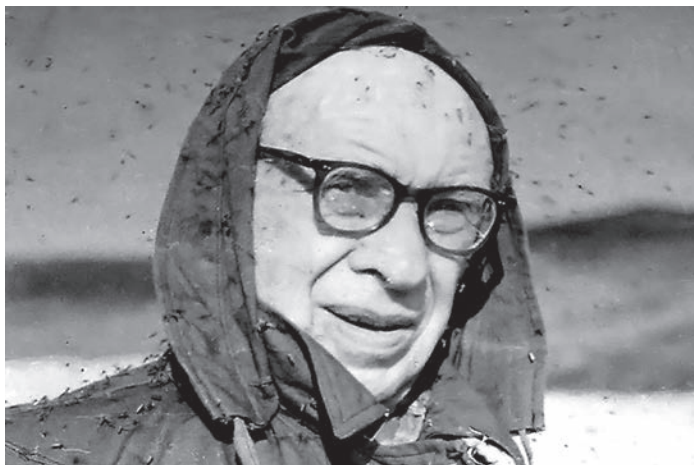
Перед отправкой Урванцев показал назначенным им самим «горным бригадирам» где и как производить разработку следующих «угольных разрезов»; оставил за себя старшим по экспедиции завхоза А. И. Левковича; пожелал всем удач и успехов в труде и других делах, после чего отправился в путь.

Переправа в лодке через полноводную, шириной более полукилометра реку Норильскую прошла без каких-либо затруднений. Обе таёжные лошади (предварительно развьюченные, разумеется) спокойно переплыли её вслед за лодкой без понуканий и поддержки под уздцы. Затем они вылезли на берег и, лениво отмахиваясь хвостами от местных кровососущих вампиров, не без удовольствия стали пастись на

прибрежном лужке, пока хозяева в лодке переправляли через реку их поклажу. Договорившись с К. В. Пуссе о времени и месте встречи при обратной переправе, геологи вновь завьючили своих лошадей и отправились в путь.

На другой стороне реки, почти сразу же, от самого берега, дорога в сторону гор Караелах превратилась в сплошной ад для путешественников. Долина реки Норильской представляла собой здесь загадочный лабиринт из беспорядочно разбросанных холмов и гряд, между которыми лежали десятки озёр и луж с сильно заболоченными берегами. Сами холмы и гряды густо заросли тут лесом, а низины – сплошь карликовой берёзой и ольхой провололочной крепости, так что во многих местах геологам приходилось даже прорубать себе дорогу топорами. Лошади временами вязли в тине по самок брюхо, временами плашмя падали в коварную тину, запутавшись в карликовом березняке. Приходилось их десятки раз на дню развьючивать, самим по пояс барахтаясь в мерзкой ледяной жиже, перетаскивать и лошадей, и их поклажу на сухое место, а потом выючить заново. Оба путешественника не только выбились из сил, но и перемазались в грязи до неузнаваемости. Впрочем, в этом был и свой плюс: комары и оводы им и лошадям уже не так досаждали: через толстый слой грязи добраться до крови крылатым вурдалаками было не так-то просто. А было их там превеликое множество – временами казалось, что над маленьким караваном движется, непрерывно меняясь по форме, большое чёрное облако.

Почти двое суток, без еды, сна и отдыха добирались путешественники к подножию гор, хотя напрямую до них было всего километров пятнадцать, и наконец, добрались. Здесь, в предгорьях Караелаха, болот не было вовсе, не было ни противной жижи, ни комаров с оводами, ни надоевших спутанных зарослей карликовой берёзы, словом, никакой пакости. Тут стоял настоящий высокий лес: могучие лиственницы, берёзы и ели; под ногами – трава по пояс, вперемешку с цветами; повсюду летали и пели лесные птицы. Словом, рай, особенно в сравнении с только что пройденной болотистой тундрой, да и с тем местом, откуда пришли сюда.

Н. Н. Урванцев с таймырскими комарами

Впрочем, ничего непонятного в этом для геолога Урванцева не было: теперь они с Тимошей шли на запад южной стороны горных склонов, которая гораздо лучше освещалась и прогревалась солнцем.

Несмотря на острый дефицит времени, Николай Николаевич с Тимофеем решили позволить себе день отдыха. Они вымылись и постирали одежду, приготовив себе на костре тёплой воды, затем переоделись в чистое и сухое бельё, настряпали впрок много еды из подаренной им рыбы, досыта наелись и рано завалились спать, с тем, чтобы завтра, с самого утра, отправиться в маршрут.

Весь следующий день они шли на запад по сухому, чистому и весёлому лесу, забираясь в лощины и небольшие ущелья, поднимаясь на невысокие вершины, осматривая обнажения и накапливая образцы, благо, что набрать их с собою можно было практически сколько угодно: путников сопровождали вьючные лошади. Геологическая интуиция не обманула Урванцева: строение местных гор было, в сущности, таким же, как и в Норильской долине: те же песчаники и сланцы с пластами каменного угля, местами значительной мощности. Было очевидно, в здешнем районе есть не только

уже известное им угольное месторождение, но целый ряд их присутствует и на противоположной стороне реки, в Караелахе. Теперь уже можно было говорить о существовании большого угленосного района, охватывающего всю территорию Норильских гор.

Через день по одному из отвесных ущелий, глубоко прорезавшему склоны столовых гор, Урванцев поднялся до самого верха плоскогорья. Путь туда был очень нелёгок и весьма опасен: приходилось карабкаться по краям водопадов, то и дело рискуя сорваться и полететь в какую-нибудь из глубоких водяных чаш выработанных многовековой деятельностью воды, падающей с огромной высоты. Разумеется, с лошадьми в поводу преодолеть эти препятствия было невозможно, поэтому Тимофей остался с конями на небольшом лужке, густо поросшем сочной травой и какими-то жёлтыми цветами, а Урванцев полез дальше вверх один. Цепляясь за трещины и выступы в стенах лавового покроя, весь мокрый от водяных струй, падающих вниз, он взобрался, наконец, на гигантский каменный стол плоскогорья и огляделся вокруг.

Урванцев стоял на километровой высоте, у края гигантской равнины, мокрый, овеваемый ветром и освещённый солнцем. Он был совершенно счастлив. У его ног к югу вертикальным уступом обрывалась в Норильскую долину гигантская стена, а на север уходила волнистой гладью до пределов видимости унылая, ровная, как стол, каменная тундра. Если отвернуться от обрыва, то никак нельзя было сказать, что находишься на большой высоте, а не на поверхности низменности. Под ногами у него расстилалась Норильская долина, окружённая со всех сторон, кроме западной, амфитеатром гор. В этот ясный, солнечный день вдаль был виден весь рудный Норильск, зелёно-синяя гора Шмидта, соседняя Рудная гора и под ними точками – белые палатки базового лагеря экспедиции. На западе лежала беспредельная Таймырская тундра, этот болотный ад, по которому они с таким трудом продвигались с лошадьми сюда, к горам Караелаха. А ещё правее и дальше к северу, блестела под солнцем неоглядная даль великого озера Пясино. Отсюда было отчёт-

ливо видно, как в реку Норильскую впадают многочисленные притоки, бегущие как со склонов Кариелаха, так и от Норильска. И ещё было отчётливо видно, что поверхности всех окружающих гор не только имеют плоский, «столовый» характер, но, что особенно примечательно, находятся на одной высоте.

«Похоже, некогда они составляли единое целое и лежали много ниже, – подумал Урванцев, – и только потом, каким-то гигантским катаклизмом были частично подняты вверх. Интересно, каким?»

Спустившись вниз, к подножью Караелаха, где его уже заждался Тимофей с лошадьми, Урванцев после часового перерыва на обед отправился с ними дальше на запад, по-прежнему исследуя по дороге все лощины, ущелья и осыпи, а также отбирая образцы. Так они прошли ещё километров пятнадцать, после чего стали лагерем для того, чтобы устроиться на ночлег, а также осмыслить полученные результаты и наметить планы на ближайшее будущее.

Перед тем, как отойти ко сну, после долгих и грустных размышлений Урванцев, тяжело вздохнув, принял решение: завтра с утра им следует возвращаться назад, хотя до западного края гор Караелаха было ещё довольно далеко. Прошла уже неделя их путешествия, и через два дня в условленном месте их должен ждать с лодкой К. В. Пуссе.

– Ну, что же, – грустно улыбнувшись, сказал Урванцев и развёл руками, – жаль, конечно, что не удалось осмотреть весь Караелах до конца. Придётся отложить это до ближайшего будущего.

Назад, к реке Норильской, они вернулись вполне благополучно, и даже тот самый «болотный ад» прошли всего за один день и с гораздо меньшими мучениями, чем прежде. Ксенофонт Васильевич с лодкой уже ждал их. А ещё через день они со своими лошадьми уже были у себя в базовом лагере в Норильске.

За время их путешествия проходка угольных разрезов на горе Шмидта была полностью закончена. Оказалось, что везде там выходит всё та же угольная пачка с двумя мощными пластами угля и прослойкой углистого сланца между ними.

То есть угли слагают гору Шмидта целиком. Их там можно будет легко добывать самым простым способом – штольнями. Составленная группой Е. М. Ольховского точная карта горы Шмидта и горы «Надежда» с нанесёнными на неё выходами угольных пластов и элементами их залегания позволяет геометрически точно построить предполагаемую линию пересечения плоскости угольной пачки с криволинейной поверхностью рельефа. Это позволит определить места выходов пластов угля на поверхность. Вернее, те точки, где их надёжнее всего искать.

На этом, вообще говоря, работу геологов и топографов экспедиции Н. Н. Урванцева можно было считать успешно законченной с многих точек зрения. Во-первых, были обнаружены богатейшие запасы прекрасного каменного угля в районе гор Шмидта и «Надежда». Во-вторых, были составлены точные и подробные карты этих месторождений, а кроме того (это, может быть, даже самое главное), студенты Томского политехникума получили необыкновенную, незаменимую практику на разведке реального, очень нужного стране угольного месторождения.

Наступил сентябрь, и пора было собираться в Дудинку к подходу каравана судов, который сейчас уже, наверное, грузит рыбаков с их богатым уловом в Енисейском заливе. Годных в упряжку оленей осталось существенно меньше сотни. Остальные, так и не оправившиеся после весеннего тяжкого перехода, были либо съедены, либо умерли собственной смертью от «копытки» (совершенно прав оказался мудрый И. М. Манто!). Так что идти через тундру всем, кроме проводников, опять придётся пешком, несмотря на то, что весь проходческий инструмент и большая часть снаряжения оставлены в лагере до будущего сезона. Но зато теперь придётся везти с собой образцы горных пород, руд и угля, а также пробы для химического анализа и технических испытаний.

И вот 5 сентября экспедиционный «аргиш» Урванцева отправился от подножия горы Шмидта в Дудинку. В Норильской долине отряд Урванцева проработал всего сорок два дня, но какой же гигантский объём работы был сделан за

это время! Только молодецкие сила и удаль студентов, а также их желание научиться сноровке и мудрости настоящих землепроходцев помогли справиться с ним. Осенний путь каравана оказался для оленей гораздо более лёгким. Дождей было очень мало, поэтому все реки, речушки и ручейки значительно «похудели». И там, где весной приходилось переправляться на плотах, вплавь или брести по пояс, теперь воды было не более, чем по колено, а иногда просто можно было идти посуху. А вот лошадям пришлось совсем несладко. Их пришлось практически полностью разгрузить и вести в поводу порожняком. За лето мерзлота оттаяла на глубину в десять-двадцать сантиметром, а кое-где и больше, так что люди и лошади проваливались в вязкую глину едва ли не по колено, поэтому коноводы предпочитали таких мест избегать. Хорошо ещё, что под оттаявшим грунтом лежала твёрдая, как каменный пол, вечная мерзлота, которая давала опору ногам и не позволяла проваливаться глубже. А вот олени, запряжённые в иряки, напротив, предпочитали именно низкие места, по которым полозья скользили гораздо лучше.

С каждым днём примораживало всё сильнее и сильнее, особенно по утрам. Лужи и мелкие озерца покрывались некрепким льдом, а мох и травка смачно хрустели под ногами людей и копытами животных. В ясные ночи небо практически всегда полыхало полярным сиянием. Временами оно бывало настолько ярким и сильным, что вся северная часть неба украшалась немислимыми движущимися абстрактными картинками. В такие ночи ребята из отряда Урванцева поминутно выскакивали босиком из своих тёплых спальных мешков на улицу и, раскрыв рты, подолгу смотрели на небо, замороженные этой немислимой красотой. Некоторые понимали, что не увидят этого блистательного спектакля больше никогда.

В Дудинку аргиш Урванцева пришёл 11 сентября, потратив на этот раз на дорогу всего шесть дней против прежних девяти. Подгоняли наступавшие холода и боязнь упустить речной «рыбачкий» караван судов, а кроме того, сказывался опыт слаженной работы на месторождениях в Норильске.

В Дудинке пока каравана нет, он всего две недели назад ушёл вниз по Енисею и теперь только повернул обратно, собирая рыбаков с их уловом где-то в районе устья реки Гольчихи. Пользуясь свободным временем, все участники отряда стали приводить в порядок самих себя, а также геологические материалы (образцы, пробы, записи). Манто с сыновьями почти сразу же увёл поредевшее оленье стадо на зимнюю стоянку в верховья реки Агапы на тамошние обильные ягельные пастбища. Это стадо теперь стало государственной собственностью, перейдя в ведение Дудинского исполкома. Урванцев лично проследил, чтобы все документы об этом были оформлены надлежащим образом. Он надеялся в ближайшем будущем вернуться сюда для продолжения изыскательских работ, и без оленей тогда обойтись ему будет никак невозможно.

Караван судов от устья Енисея пришёл через неделю. Он состоял из всё того же буксирного парохода «Туруханск», который вёл за собой те же три лихтера и пустую баржонку. Между тем основательно похолодало, озёра уже замёрзли так, что по их льду можно ходить без особых опасений. Капитан очень торопился к югу, вверх по течению, боясь попасть в ледовый плен. Ребята Урванцева, у которых всё уже давно было готово к погрузке, лихо провели эту операцию и уже через час караван отвалил из Дудинки.

До Туруханска дошли всего за пять дней, поскольку в пути стоянок было совсем немного, да и те оказались очень короткими. В тамошнем Исполкоме Урванцев отметил все командировочные удостоверения и справки, поставив на них жирные синие печати. А также передал на местный баланс семь вьючных экспедиционных лошадей, которых местные власти приняли с большим удовольствием, ибо сильно нуждались в сухопутном транспорте. Лошадей можно было бы, наверное, оставить советским властям и в Дудинке, но там всю зиму их нечем было бы кормить.

Из Туруханска до Енисейска «рыбный» караван добирался очень долго, более двух недель, поскольку теперь едва ли не в каждом селе приходилось выгружать рыбацкие артели с их снастями и богатым уловом. Этот год был очень про-

мысловым, и все артели везли много рыбы, особенно омуля из Енисейского залива. А вот выше Енисейска таких разгрузок стало намного меньше, но зато целые сутки пришлось преодолевать знаменитые Казачинские пороги. Весь караван пришлось расчаливать, и все суда туэром⁵¹ по одиночке поднимать вверх по реке.

В Красноярск геологи Урванцева прибыли только в середине октября, проведя в пути более месяца, и очень удивились тамошней тёплой, бесснежной погоде.

Сразу по приезде в Томск, в ближайшую неделю, Урванцев сделал большой обзорный доклад в Сибгеолкоме о разведке и перспективах освоения угольных запасов Норильска и Караелаха, который был встречен с большим интересом. Особенное удивление и даже восхищение вызвал тот факт, что вся работа была проделана студентами, причём даже не Технологического института, а Томского среднетехнического училища (по нынешнему наименованию, колледжа).

Затем, засучив рукава, Урванцев взялся за обработку материалов, собранных в Норильске: отобрал и сдал на анализ образцы и пробы угля, а также руд, подготовил образцы пород на изготовление шлифов для исследования их под микроскопом. Планшеты топографических карт, сделанные группой Е. М. Ольховского, были сведены в единую топографическую карту Норильска, охватившую горы Шмидта, «Надежду», «Рудную» и «Малую Барьерную» общей площадью в двадцать пять квадратных километров. На её основе была составлена пластовая карта угольного месторождения на горе Шмидта и подсчитаны его запасы. Они превысили семьдесят миллионов тонн, что обеспечивало удовлетворение потребностей в высококалорийном топливе не только всех судов Северного морского пути, но и Енисейского речного флота на много лет вперёд.

Не менее важными и интересными оказались материалы и по горе «Рудной». Химический анализ проб из сульфидных шлифов её северного мыса показал очень высокий процент

⁵¹ Туэр – цепь, проложенная по дну реки или канала во всю длину и служащая для подтягивания и передвижения судна.

содержания никеля и меди, а также существенные присадки молибдена и даже платины. Этому новому месторождению северного мыса горы Рудной Урванцев дал название «Норильск-1», будучи уверен, что в ближайшее время в Норильске будут найдены и другие богатые месторождения подобного типа.

В декабре 1920 года Н. Н. Урванцев был командирован из Томска в Петроград в Центральный геологический комитет для утверждения планов работ Сибгеолкома на 1921 год. Там он сделал доклад Учёному совету о своих «угольных» работах в Норильске и находке нового сульфидного медно-никелевого месторождения на горе Рудной.

После утверждения этого плана и оформления соответствующих документов Урванцев возвратился в Томск с надеждой продолжать работу по освоению природных богатств Норильска и дальше.

Глава 3

Первая зимовка в Норильске

Находка богатого медно-никелевого месторождения на горе Рудной, всего в полутора километрах от богатейших угольных пластов горы Шмидта, существенно увеличила промышленные перспективы Норильска, как будущего горно-рудного комплекса. Легкодоступный высококалорийный каменный уголь мог стать тут не только топливом для морских судов Северного морского пути и речных судов Енисейского пароходства, но и основой для энергетической базы мощного горнорудного предприятия.

Однако все эти несметные богатства находились в Арктике, на триста километров севернее Полярного круга. Возможны ли там вообще какие-либо серьёзные горнопроходческие, строительные и монтажные работы? Особенно полярной круглосуточной ночью, в условиях «твердокаменной» вечной мерзлоты, суровой зимой, которая длится тут почти девять месяцев? В жестокий мороз и умопомрачительную пургу? Опыта таких, сколько-нибудь серьёзных работ в ту пору ни у кого в мире не было. Велись, правда, в Центральной Сибири, да в Америке, на Аляске, кое-какие кустарные «старательские» работы по добыче рассыпного золота, но это были совсем другие масштабы, да и производись они лишь поздней весной, летом и ранней осенью.

Для того, чтобы ответить на эти и другие возникшие в процессе работы вопросы, Сибгеолком постановил: разведочные работы в Норильской долине продолжить и в зимних условиях.

Для этого предстояло сделать следующее. Во-первых, заложить на угольных пластах горы Шмидта разведочные штольни и вести их проходку зимой в условиях весьма низких температур и промёрзших горных пород. Во-вторых, при условии наличия взрывчатки, заложить также штольню и на сульфидные руды на горе Рудной. В-третьих, в течение всей зимовки вести регулярные метеорологические наблю-

дения по программе Главной геофизической обсерватории, для того, чтобы установить роль и влияние погодных условий на зимние работы в Дальнем Заполярье. Вслед за принятием Сибгеолкомом этого постановления, центральные комитеты предприятий «Сибпромразведка» ВСНХ РСФСР и «Комсеверпуть» Сибревкома этот план одобрили и утвердили. Они обещали экспедиции Урванцева всяческую поддержку на всех уровнях. Комсеверпуть взял на себя финансирование работ, оставив за Сибревкомом научное и техническое руководство.

План работ по этому проекту предстоял не просто большой, но даже чрезвычайный. На территории Норильской долины неподалёку от гор Шмидта и Рудной следовало возвести первое капитальное жильё и хозяйственные постройки. Надо было для начала поставить там жилой дом на десять-двенадцать человек, общежитие на тридцать-сорок человек, склад, баню, конюшню, мастерские. Разумеется, невозможно было даже для такого небольшого строительства завезти из Дудинки все эти дома (пусть и в разобранном виде) на оленях, доставив их прежде по Енисею на больших баржах из Енисейска или Красноярска. Вся надежда была только на местные ресурсы. Нет, не зря Урванцев в прошлом году совершил своё путешествие на южные склоны Караелаха. Он своими глазами увидел и удостоверился в том, что там в изобилии растёт прекрасный строевой лес, который вполне сгодится для будущей новостройки. Сибревком по разнарядке Севморпути через краевые советские организации обязал Дудинский исполком подрядить дудинских жителей готовить в Норильской долине и вывезти в Норильск к месту строительства тысячу брёвен круглого леса длиной не менее восьми аршин (5,7 м) и четырёх вершков (18 см) в отрубе у комля.

Попутно замечу, что параллельно со строительством посёлка Норильск также планировались и работы по прокладке узкоколейной железной дороги от Дудинки до Норильска. Всем было понятно, что на оленях всё, что потребуется для такой грандиозной стройки, не завезти. Особенно во время летней распутицы.

Весьма тяжёлой задачей оказалось также снабжение и обеспечение стройки продовольствием, материалами, горнопроходческим оборудованием, инвентарём, приборами и инструментами. Даже личных вещей, считая по весьма жёсткой норме – пуд на человека выходило около тонны. При самом экономном расчёте следовало доставить в район будущего посёлка не менее четырёх-пяти тонн груза. Для этого было необходимо не менее четырёхсот голов оленей. Да голов 150–200 требовалось для железнодорожной экспедиции. Арендовать 500–600 оленей в Дудинке было невозможно (там их столько просто не было). Выход был один – создавать своё собственное оленьё хозяйство, закупив оленей у местных нганасан.

Поначалу эта задача казалась невыполнимой, но, тем не менее, по строгому указанию Сибревкома Дудинскими советскими организациями было закуплено у местных нганасан пятьсот голов оленей. Каким образом и по какой цене они закупались – об этом история умалчивает. По просьбе Урванцева Дудинский исполком назначил старшим пастухом этого гигантского стада нганасана Исаака Михайловича Манто и направил его в посёлок Хатангу для приёма оленей. С помощью своих сыновей тот блестяще справился с возложенной на него задачей. К середине весны стадо из лучших во всей округе оленей собрали в шестидесяти километрах от Дудинки, в верховьях рек Агапы и Сухой Дудинки, в тех местах, где были хорошие ягельные пастбища.

Формирование новой Норильской экспедиции происходило в Красноярске и Томске. В Томске от Сибгеолкома были получены научные инструменты, палатки, снаряжение и хозяйственный инвентарь. Кроме того, тут удалось приобрести весьма сомнительную копию какого-то «Декрета В. И. Ленина об освоении Арктики посредством Севморпути»³². Главная геофизическая обсерватория из Петрограда прислала

³² Впоследствии, несмотря на все старания, оригинал этого Декрета историками так и не был обнаружен, поэтому неизвестно, существовал ли он вообще.

комплект метеостанции II класса и подробную инструкцию к ней. Почти всё остальное с помощью той же сомнительной «копии» удалось получить по нарядам в Красноярске. Профессиональных плотников в Красноярске подрядить было несложно, а вот найти хороших пильщиков леса оказалось намного труднее. Но и этот кадровый вопрос решили с помощью всё того же совнархоза. Через его строительные организации удалось выйти на «шабашников», работавших по местным сёлам, и законтрактовать их для работы на Крайнем севере.

Полагали, что серьёзные кадровые трудности возникнут и с горнорудными рабочими. Но тут на помощь опять пришёл Красноярский краевой совнархоз. Там порекомендовали Урванцеву своего сотрудника – горного инженера А. К. Вильма, который до этого работал на Балейских угольных коях близ Красноярска. Тот съездил на Балей и быстро сформировал там бригаду горнорабочих для проходки угольных штолен из знакомых ему специалистов.

Единственной серьёзной неудачей была тщетная попытка достать и, главное, доставить в Дудинку взрывчатку для горных работ. Так что теперь придётся вести проходку угольных штолен вручную – кайлами. А от штольни для проходки рудных тел на горе «Рудной» отказаться совсем, перенеся эти работы на более поздние сроки.

Далее жизнь экспедиции потекла по уже проторённому руслу. Из Красноярска выехали в конце мая с первым («рыбацким») караваном лихтеров сразу вслед за ледоходом. Сбор рыбаков с их имуществом на промысел в Енисейском заливе занял более месяца, так что в Дудинку экспедиция Урванцева попала только в начале июля, разместилась там в своём прошлогоднем пристанище на Малой Дудинке и сразу же приступила к организации каравана в Норильск. Одних только грузов, несмотря на жёсткую экономию, набралось более шести тонн, да людей – более сорока человек. Чтобы сократить и облегчить путь, оленьим караваном решили выйти от Боганидского озера, куда из Дудинки легко добраться на лодках по большой воде. Оттуда хода до Норильска было

не более пятидесяти километров по хорошей дороге, а это – существенное облегчение тягот пути и экономия времени. Правда, при этом пришлось отказаться от вьючных лошадей, которые очень пригодились бы в Норильске.

Сразу по прибытии в Дудинку Урванцев дал знать на Агапу, чтобы оленей с иряками перегнали к Боганидскому озеру, что и было незамедлительно сделано. И. М. Манто с сыновьями ещё во время стоянки на Агапе занялись заготовкой иряк для аргиша, идущего в Норильск, а также отремонтировали всю оленью сбрую, оставшуюся с прошлого года. Мало того, они заготовили недостающее количество новой сбруи, для чего А. И. Левкович получил в фактории по наряду исполкома необходимое количества кожи: юфти и сыромяти, а также верёвок и обрезков брезента.

К восьмому июля у Боганидского озера собрался весь экспедиционный отряд с оленями и сразу двинулся в путь, к Норильску. Караван получился огромным. Все люди, разумеется, шли пешком около своих иряк, готовые в любой момент прийти на помощь каюрам. Под грузы было занято шестьдесят иряк да для каюров ещё пятнадцать, так что аргиш растянулся километра на три, и двигался он очень медленно. Непрерывно слышался крик то из его головы, то из хвоста, то из середины: «Той! Той!» (то есть: «Стой! Стой!»). Это означало, что либо порвалась оленья сбруя, либо опрокинулась или поломалась какая-то из иряк, либо, запутавшись, упали олени (последнее – чаще всего). Олени, в основной своей массе, были «мясными», в упряжке не ходившими, и хотя И. М. Манто с сыновьями ещё зимой пытались их объезжать, проку от этого оказалось немного. А ведь работа горнорудного комплекса, в сущности, ещё толком и не начиналась. Что же будет дальше? Нет, без железной дороги от Дудинки до Норильска уже в недалёком будущем обойтись будет никак невозможно. Через по-весеннему полноводную речку Амбарную караван переправился с грехом пополам, но зато далее вплоть до самого Норильска дорога уже была совершенно сухой, и её легко удалось преодолеть всего за два дня. От Боганидского озера караван шёл шесть дней, делая

за сутки не более десяти километров, и это ещё хорошо, если принять во внимание размеры, громоздкость и безалаберность этого аргиша.

В Норильске поначалу лагерь экспедиции разместили на прошлогодней площадке, поставив палатки возле старого склада. За зиму склад был приведён в порядок: крыша заново перекрыта, стены законопачены, окно и дверь исправлены, продукты и грузы аккуратно сложены. При этом ничего не подмокло и не отсырело. Рядом со складом лежал большой штабель заготовленного строевого леса. Все брёвна, полномерные, восьмиаршинные, как и было заказано, аккуратно сложили в ряды с жердяными прокладками.

Первый день после изнурительной дороги был для всех объявлен выходным. Под скупым северным солнцем народ с удовольствием предавался блаженной лени, прерываемой лишь для того, чтобы помыться, почиститься, поесть, попить и поспать после обеда, а далее, ближе к ночи, все стали устраиваться на покой с тем, чтобы уже завтра, с самого утра, приступить к настоящей, тяжёлой работе. И только Урванцев вместе с завхозом Левковичем и томским студентом-технологом Умновым отправились выбирать место для закладки первых домов будущего посёлка.

Между устьями Медвежьего и Угольного ручьёв, в полукилометре от горы Рудной, был выбран ровный участок шириной пятьсот метров в поперечнике с плотным галечно-песчаным грунтом. В его юго-западном углу стояла сооружённая ещё в прошлом году пирамида астропункта и полевого пикета, а немного дальше был палаточный лагерь экспедиции. Недолго посоветовавшись, планировщики решили, что вся эта территория пойдёт под застройку в первую очередь. Продольные улицы посёлка протянутся вдоль склона гор, то есть с запада на восток, а поперечные – с севера на юг, точно в направлении долины Угольного ручья.

Первый дом будет ориентирован так, чтобы он вписывался в планировку будущего строительства длинной стороной по широте, а короткой – по меридиану. Причём место ему было выбрано неподалёку (примерно в ста пятидесяти шагах)

Первый дом Норильска, постройка 1921 года

от астрономического пункта, на ровной площадке, не требующей планировки. Размеры дома были увязаны с длиной заготовленных брёвен так, чтобы получить максимальную экономию стройматериалов. Длинную сторону решили делать из двух брёвен, короткую – из одного. К дому было необходимо пристроить глухие холодные сени, как это делают повсюду на Крайнем Севере. В таких сенях хранят дрова, лёд для воды, продовольствие на несколько дней, словом, всё необходимое для жизни на случай длительной пурги, когда невозможно выйти на улицу в течение нескольких суток.

Вход в дом будет сделан через сени, а дверь из сеней на улицу так, чтобы её не заносило снегом во время пурги. У старых промысловых изб вход всегда делают с наветренной стороны преобладающих зимою ветров. Тогда сильное завихрение начисто выметает снег, оставляя вход в избу свободным. С подветренной стороны, наоборот, снегу обычно наносит столько, что он образует сугроб до самой крыши. Входная дверь на улицу непременно должна открываться внутрь, а не наружу, чтобы в любом случае её можно было

открыть, отгрести снег и выйти на улицу. В Арктике бывали случаи, когда после сильной пурги зимовщикам приходилось разбирать крышу, чтобы выбраться из дома наружу хотя бы по физиологической надобности. Здесь, в Норильске, зимою, в пургу, сильные ветра будут чаще дуть со стороны Норильского плато (из ущелья Угольного ручья), то есть будут ветрами южного и юго-западного направлений. Поэтому одну сторону дома надо будет сделать глухой, без окон, а сени пристроить к дому с южной стороны.

Вторую постройку (общезитие) решили делать больше: в длину из трёх брёвен, в ширину из одного и поставить строение невдалеке от Угольного ручья, чтобы всем было проще ходить на работу. Баню (по одному бревну на каждую сторону) решили поставить прямо на берегу Угольного ручья, у самой воды и. нижние венцы всех домов класть прямо на грунт, без лежней или козел, только разравнивая место под оклад. На Крайнем Севере низы строений в мерзлоте сохраняются лучше, чем верхние, иногда на сотни лет.

Обсудив все эти вопросы в деталях, проектировщики будущего посёлка наметили колыями расположение построек с тем, чтобы плотники уже на другой день могли приниматься за работу. И только после этого Урванцев, прихватив с собой горного инженера Вильма, отправился выбирать места для прокладки разведочных штолен. Их надо будет заложить, конечно, в самой горе Шмидта, со стороны Угольного ручья, в районе одного из первых угольных разрезов прошлого года.

Осмотр намеченного участка показал, что место это очень непростое для проходки и повозиться тут придётся изрядно. Во-первых, оно находится на крутом склоне на высоте порядка ста метров над уровнем Угольного ручья. Во-вторых, оно покрыто мощной осыпью крупных глыб базальта. Так что прежде, чем приступить к закладке, надо расчистить ровные площадки и проложить от ручья дорогу вверх по склону до самых штолен. Крепёжные оклады придётся готовить заблаговременно в лагере, а крепёжный лес подвозить на оленях, для чего очистить от валунов дорогу вверх по ручью до начала дороги к штольням.

На другой день с самого утра, как только горнорабочие начали заниматься этими непростыми делами, Урванцев отправил гонца за оленями, которые паслись неподалёку, на краю Норильского плоскогорья. Олени с десятком иряк пришли довольно быстро и сразу же были отправлены за крепёжным лесом. При этом перед каюрами была поставлена непростая задача: управиться со столь нелёгким делом за один день. Поскольку дорога проходила, в основном, по каменистому руслу ручья, на одну иряку удавалось класть леса не более, чем на один оклад. При этом каюрам приходилось идти рядом, поддерживая иряки и помогая оленям в трудных местах. Весь этот лес сложили штабелем около крутого подъёма к штольням. Выше к ним его придётся тащить на себе.

И вот 28 июля была торжественно заложена первая угольная штольня на верхний пласт, что ознаменовало начало реальных горных работ на Норильском месторождении. Впоследствии эта штольня реально стала эксплуатационной и получила название: «Угольная штольня 13» (именно она в 1930-е годы и обеспечивала топливом строительство Норильского горно-металлургического комбината).

Из-за отсутствия взрывчатки работу по проходке штольни приходилось вести вручную – кайлами. Уже с первого метра появилась вечная мерзлота. За ночь во время перерыва в работе забой успевал оттаять не более, чем на ширину ладони. На таёжных золотых приисках в этом случае мерзлоту оттаивают костром. Здесь делать это невозможно: может загореться уголь. Приходилось долбить мёрзлый забой кайлами и ломami, продвигаясь за смену на двадцать-тридцать сантиметров. Во избежание обвалов крепить штольню приходилось сплошными окладами. Добытые при проходке куски угля горняки в мешках уносили с собой в лагерь, где употребляли его в кузницах для правки и закалки кайл, а также для хозяйственных нужд. Горел он превосходно и почти не оставлял золы.

Одновременно с началом строительных и проходческих работ пришлось также заниматься и метеорологией,

то есть ежедневными наблюдениями за погодой по программе Главной геофизической обсерватории применительно к метеостанциям II класса. Для этого экспедицию снабдили необходимым оборудованием, комплектом инструментов и соответствующими инструкциями. Такие наблюдения будут очень важны для строящегося в Норильске горно-металлургического комплекса. И хотя в Дудинке уже тогда была своя метеостанция II класса, работавшая (правда, с перерывами) с 1907 года, положение её резко отличалось от Норильской. Ибо Дудинка лежит на открытой равнине, на берегу великой реки, а Норильск – в горах возле плато Путорана. Погодные условия в них, безусловно, будут разными, и их сопоставление наверняка окажется полезным. Монтаж метеостанции и работа с приборами были поручены студентам: Томского технологического института С. Д. Базанову и Томского университета Б. Н. Пушкарёву. Оба они и далее будут вести метеонаблюдения, в случае необходимости подменяя друг друга.

Строительство домов шло успешно. Вообще возводить жилой дом, особенно на Севере – это радостная и даже праздничная работа, требующая, тем не менее, сноровки и мастерства, а часто ещё и смекалки. Все плотники знают, что при возведении бревенчатого дома нужно много пакли для прокладки между венцами, а вот где, скажите, взять её на Крайнем Севере? Паклю удалось заменить мхом «кукушкин лён», которого в тундре всегда достаточно. Завхоз А. И. Левкович с добровольными помощниками собирал и складывал его для просушки рядами, используя каждый солнечный час.

Но особенно пристальное внимание было уделено кладке настоящей русской деревенской печки. Печь на Севере – это мать родная! От неё и тепло, и сытость, и покой, и уют, и даже хорошее настроение в доме. В ней пекут хлеб, варят щи, сушат обледеневшую одежду и обувь, заготавливают впрок мясо и рыбу. На Севере печь надо ставить с умом, осторожностью и строжайшим соблюдением правил. Ставить печь на грунт тут категорически нельзя, поэтому её кладут на специальный сруб, плотно набитый галькой, пересыпан-

ной сухим песком. При этом печь не должна иметь с самим домом прямой связи, чтобы их колебания от просадки были независимы.

Но вот срубы домов готовы, теперь дело за крышей, полом и потолком. И тут дело застопорилось: пыльщики не успевали готовить плахи, хотя и работали в две смены по двенадцать часов. Здешние лиственницы (лучший материал для половых и потолочных плах) растут очень медленно, поэтому их древесина мелкослойна и обильно насыщена смолой. Это сильно тормозит процесс пилки и тупит пилы, так что точить их приходится по несколько раз в день. Тут кто-то из плотников вспомнил, что смола хорошо оттирается керосином. Решили попробовать – точно так! К счастью, у запасливого завхоза Андрея Ивановича нашёлся целый бидон этого продукта (для заправки «линейных» ламп в конце сезона, когда полярный день будет подходить к концу). Немедленно взяли весь керосин на строгий учёт, а пыльщикам выдали его по полулитровой банке для протирки зубцов пил. Работа пыльщиков сразу же пошла много бойчее, хотя все равно не так бойко, как хотелось бы всем.

Проходка штолен тоже шла очень медленно. За первых две недели удалось углубиться в угольный пласт всего на четыре метра. Много времени приходилось тратить на крепёж штольни. Заготовленного крепёжного леса не хватило, пришлось вновь вызывать на помощь с Норильского плато И. М. Манто с его оленями.

Однако вскоре, ещё через два метра угольного пласта, проходчики решили ставить крепёж уже не вплотную, а «вразбежку», что существенно повысило скорость их продвижения внутрь угольного пласта. А затем они начали подготовку к закладке второй штольни на нижний пласт «угольного тела». И 21 августа вторая штольня на нижнюю пачку «угольного тела» была заложена. К этому времени первая штольня была пройдена уже на десять метров. Отсюда уже во всю идёт не просто хороший, но превосходный уголь в крупных кусках, которые не рассыпаются даже при перевозке его оленями на иряках.

Чем ближе была осень, тем скорее подходило к своему концу строительство первого дома. В нём будут четыре комнаты: три жилые и кухня. Между ними коридор с выходом в закрытые сени с одной стороны, и окном – с другой. В каждой комнате будет по одному окну, и только в комнате, выходящей на север – два. Глухие стены сделали из листовенных плах и поставили их с южной стороны с выходом на улицу к западу. Плотники, поставившие не один дом на Крайнем Севере, были уверены, что при такой планировке дверь в пургу заносить не будет. Пильщики перешли на заготовку тёса, которого понадобится довольно много, ибо из-за здешних жестоких пург крышу крыть придётся не вразбежку, а в два ряда сплошняком. В плотницкой бригаде нашлись опытный печник и два хороших столяра, которых сразу поставили на заготовку оконных рам и дверей. Внутренние рамы будут сделаны с двойным остеклением, как это почти всегда бывает на Севере. Вокруг дома непременно нужно будет насыпать земляную завалинку, иначе полы будут сильно промерзать, поскольку они здесь будут, к сожалению, одинарными из-за малого количества тёса.

В начале сентября в Норильск, к строящемуся посёлку будущего горного комбината, нанесла визит изыскательская партия Комсеверпути под руководством инженера С. А. Рыбина, завершавшая разведку трассы Дудинка – Норильск. Эта трасса оказалась почти вдвое короче первоначального варианта Усть-Порт – Норильск и во много раз проще для прохождения. Но от реки Амбарной оба варианта совершенно совпадали, так что полевой пикет у астрономического пункта остался прежним. Партия пробыла у строящегося посёлка всего один день. Изыскателям показали деревянное строительство, их сводили к прорубленным штольням, рассказали о перспективах будущего горно-металлургического гиганта, после чего они убыли назад, в Дудинку. Тут сразу стало понятно, что в обратный путь вскоре пора собираться и «угольной экспедиции Н. Н. Урванцева».

А между тем неоконченных дел осталось ещё довольно много: не закрыта крыша второго дома (общежития); не до-

строена баня, а новый склад строить даже и не начинали, поскольку не хватило напиленных досок. И ещё много чего не успели по мелочи. Склад в прежней, старой избе до следующего сезона так пока и останется. Плотники хорошо отремонтировали его: укрепили стены, подновили накатник на крыше, заменили гнилые доски на полу. Для новой бани сделали только стены и печной сруб, оставив возведение крыши с накатником до лучших времён, а пока решили для бани по-чёрному приспособить полуразвалившуюся избёнку прошлого века.

В Дудинку всем отрядом горняки прибыли только в середине сентября. Там Урванцева ждало весьма неприятное известие от Сибгеолкома. Из-за недостатка средств Комсеверпуть сильно сократил финансирование зимних работ в Норильске. Зимой там предполагалось ограничиться лишь наблюдениями за условиями работ на открытом воздухе и в горных выработках.

Урванцев тотчас телеграфировало своё несогласие с такой постановкой задачи, поскольку считал этот объём зимних работ совершенно недостаточным. Он полагал, что важнейшее значение для Норильска, промышленные перспективы которого теперь бесспорны, имеет транспортная проблема, особенно сейчас, когда узкоколейная железная дорога от Дудинки до Норильска ещё только проектируется. Вести какие-либо серьёзные горнодобывающие работы, полагаясь лишь на «оленью тягу», просто несерьёзно. Остаётся водный путь: по реке Пясине, далее по озеру Пясино и затем по реке Норильской. При этом работы на озере Пясино и реке Норильской можно вести даже зимой, с тем, чтобы летом, спустившись по реке Пясине в лодке до самого её устья, полностью исследовать эту водную дорогу. Через трое суток разрешение на проведение таких работ от Сибгеолкома было получено.

Проводив с последним пароходом всех членов экспедиции в Красноярск, норильские зимовщики стали ждать санного пути, чтобы отправиться на оленях в свой, теперь уже родной им посёлок, и начать там свою зимовку.

Зимовать в Норильске остались восемь человек: разумеется, сам Н. Н. Урванцев, топограф С. Д. Базанов, метеоролог-наблюдатель Б. Н. Пушкарёв, горный инженер А. К. Вильм, завхоз А. И. Левкович, его жена Е. С. Левкович, горнорабочий Г. И. Петров и житель Дудинки В. В. Желудков.

У них будет теперь своё собственное оленьё стадо под присмотром И. М. Манто и двух его сыновей, которое они будут пасти неподалёку, в долине реки Рыбной, впадающей в реку Норильскую. Там много хороших ягельников, а главное, озёра и реки, буквально кишат прекрасной рыбой. Дел зимовщикам предстоит довольно много. Прежде всего, надо проконопатить дома, установить там печное отопление камельками, сделать завалинки и вообще привести все строения в жилой зимний вид. Всю зиму в меру своих сил зимовщики будут продолжать разработку штолен, а добытый уголь вывозить на площадку к построенным домам, отапливать которые они им и будут, а дровами топить станут только русскую печку, да и то лишь при выпечке хлеба. Неугомонный завхоз А. И. Левкович раздобыл где-то в Дудинке много больших кусков старых пеньковых канатов, которые всю зиму надо будет распускать, трепать и получившейся паклей утеплять стены домов. Словом, зимой в Норильске от безделья скучать никому не придётся.

В самом начале октября, наконец, на замёрзшую тундру лёг снег, и зимовщики сразу отправились к себе в Норильск, куда попали уже к концу следующего дня. Зимняя дорога на севере – не чета летней, так что этот путь показался им не только коротким, но и весьма приятным. И поскольку важнейшей частью зимней программы исследований являлись топографические и геодезические работы, было решено, что Урванцев с топографом Базановым будут заниматься только ими. По крайней мере, до тех пор, пока не придёт настоящая полярная зима с её непроглядной тьмой, трескучими морозами и бешеной пургой. Остальные же члены отряда станут пока что заниматься прочими делами: строительными работами, проходкой штолен и заготовкой пакли, и конечно, повседневными трудами и заботами.

В начале двадцатых годов прошлого века никаких сколько-нибудь надёжных карт Таймыра практически не существовало. Имелась лишь карта очень мелкого масштаба азиатской части России, изданная в 1911 году Российским генеральным штабом. Почти всё, что было показано на этой карте касательно района Норильска, никакого отношения к истине не имело. По крайней мере, не соответствовало тому, что Урванцев видел в своих путешествиях или слышал от местных жителей. Так река Норильская на самом деле была намного больше показанной на карте, а река Рыбная на ней не существовала вовсе, хотя ширина её долины достигает сорока километров. На карте генштаба была показана цепь озёр: Пясино, Быстровское, Давыдово, Матушкино, соединённых между собой речными протоками. В действительности же существовало только озеро Пясино, из которого вытекает река Пясино. Остальных озёр с такими названиями просто нет в природе. Маршрут, которым летом 1920 года прошёл сам Урванцев, позволил установить, что горы Караелах к северу от места их нынешней зимовки на противоположной стороне реки Норильской, вовсе не хребет, как показано на карте, а обширное плоскогорье, простирающееся на многие десятки километров. Такими же «столовыми», скорее всего, являются и горы к востоку от нынешней зимовки. Их массивные очертания хорошо видны из посёлка Норильска особенно в ясную морозную погоду, когда воздух удивительно чист и прозрачен. Всем было очевидно, что в первую очередь следует заняться картографическими проблемами, поскольку без их разрешения геологическими, а также транспортными вопросами заниматься невозможно.

Сначала Урванцев с Базановым наметили для себя план картографических работ. Западную часть района с рекой Норильской и озером Пясино решено было снять в самом начале зимы, в октябре-ноябре, а восточную часть со всеми Норильскими озёрами и реками – в конце зимы, в феврале-марте с непременным бурением льда.

Съёмку и промеры глубин в реке Пясино решили провести следующим летом, для чего заранее к истоку этой реки из

одноимённого озера зимою, по снегу, завезти рыбацью лодку из Дудинки. На ней сразу после ледохода спуститься потом вниз по реке до самого устья, то есть до Карского моря, откуда уйти морем на Диксон, где есть действующая полярная станция. Съёмочные топографические работы Урванцев с Базановым планировали проводить вдвоём, а все геологические наблюдения Урванцев взял на себя. Зимой эта работа будет, конечно, маршрутной, где пройденные расстояния зависят от скорости хода оленьей упряжки. Для абсолютной достоверности такие маршруты надо непременно привязывать к точно определённым пунктам. Ими у съёмщиков чаще всего бывают астрономические пикеты в устьях рек и прочих географически приметных местах через каждые пятьдесят километров маршрута (приблизительно).

Вести съёмки зимой на севере в мороз и ветер дело очень нелёгкое. Чтобы облегчить себе эту работу, съёмщики сделали специальные рамочные планшеты с вмонтированными в них буссолью, часами и тетрадь для записей и зарисовок. Тетрадь вкладывалась внутрь рамки так, чтобы она не трепалась под ветром и легко вынималась для перемены страницы. Карандаш и резинка крепились на шнурках и вкладывались в футлярчики, закреплённые на планшете. Сам же планшет прятался в парусиновый чехол, который висел на шее съёмщика. Одеты съёмщики были в полушубки с подшитыми к рукавам меховыми рукавицами, прорезанными у ладоней, чтобы в щели можно было просовывать пальцы для записей и зарисовок. В самые сильные морозы поверх полушубков надевали ещё и сокун – меховой балахон до пят с капюшоном. Однако работать в нём было очень неудобно, поэтому надевали его только в случае крайней необходимости.

В начале ноября, когда все съёмочные работы в районе пешей доступности от посёлка были закончены, с пастбищ пастухи пригнали оленей, запряжённых в зимние нарты. На одной из них, самой большой, стоял нартяной чум – передвижной дом из тонких планок, каркас которого был обтянут выделанными оленьими шкурами. Сверху, для защиты от сырости, на него был надет чехол из парусины, а внутри всё

*Н. Н. Урванцев в зимнем «пешем» съёмочном маршруте
во время первой норильской зимовки*

было обтянуто «весёленьким» ситчиком яркой расцветки. Внутри чума, в его передней части, стояла небольшая железная печечка, а в задней части – разборные нары для сна.

Кроме громоздкого нартяного чума, в «топографическом» караване было ещё шесть лёгких грузовых нарт, на трёх из которых поедут пастухи Михаил и Афанасий Манто, а также долганин Костя Лаптуков. Отправиться в долгий путь для топографической съёмки озера Пясино и его окрестностей

решили от Часовни, где прошлым летом геологов принимал хозяин этих мест, гостеприимный К. В. Пуссе (сейчас здесь пусто – никого нет). Первым делом, разумеется, определили астрономические координаты отправной точки, а потом Урванцев решил: пока братья Манто собирают и упаковывают аргиш для долгого путешествия, следует съездить на лёгких санках с Костей Лаптуковым на Орон. Так зовётся у здешних долган какой-то большой порог вверх по течению реки Рыбной. Там исстари ловят рыбу долганские родственники Кости ставными сетями из-под льда. До этого порога совсем недалеко, километров двадцать пять, так что по зимней дороге можно управиться всего в один «аргиш».

Если нганасан называют «оленьим народом», и они, кочуя со своими стадами, досконально знают всю местную тундру с её горами, плоскогорьями, увалами и равнинами, то долганы кормятся, в основном, с рыбалки, а потому им хорошо известны все местные реки, озёра и протоки.

Главной целью Урванцева в этой поездке было узнать у стариков долган расположение озёр: Мелкого, Ламы, Глубокого (Омука) и Кеты, которые, по их рассказам, много больше размером, чем это показано на «штабной» карте. А некоторых озёр, которые присутствуют на карте, на самом деле не существует в природе вообще.

Из озера Кета, по словам стариков-долган, как раз и вытекает река Рыбная, долина которой была ещё шире долины реки Норильской. Долина Рыбной была бугристой, с грядами, сопками, болотами и озерками между ними. Всё это теперь, конечно же, было покрыто льдом и снегом, поэтому Урванцев с Костей решили ехать напрямик, не придерживаясь берега реки. Погода стояла пасмурная, шёл снег, постепенно спустился туман. Олени, тащившие лёгкие сани с путешественниками, летели стрелой. Вскоре стало ясно, что они заблудились в этой безжизненной белой пустыне, лишённой каких бы то ни было деталей и примет. Тогда Костя решил сделать большой круг с расчётом, что олени попадут на запах дыма от становища, и сами повернут к нему. У оленей прекрасное обоняние, а запах дыма для них – чудесное лакомство, от

которого сладко кружится голова. Такой приём в пургу заблудившиеся в тундре путешественники применяют часто. Костя стал закладывать один круг за другим, и вот в одном месте олени вдруг забеспокоились и, раздув ноздри, рванулись вперёд. Тут путники, отпустив поводья, дали оленям волю, и вскоре упряжка достигла стоянки чумов у порога Орон.

Взаимоотношения человека, живущего в тундре, с его домашними оленями следует признать весьма неравноправными, несправедливыми и даже довольно-таки свинскими. Каждое домашнее животное получает от своего хозяина какую-то компенсацию за свой труд, мясо, шерсть, молоко или шкуры: регулярное питание (особенно необходимое в то время, когда самому животному добыть его не так-то просто или даже вовсе невозможно), кров, уход и заботу, защиту от хищников, даже регулярное освобождение от излишнего молока (доение). И только домашний олень, который фактически целиком содержит своего хозяина в тундре, не получает от него ничего.

Питается домашний олень так же, как и его дикие собратья, ягелем, травой или грибами, и никакого корма оленивод для своего стада впрямь никогда не заготавливает и сам ничем его не прикармливает. Причём, если дикий олень может круглосуточно пастись, где ему заблагорассудится, и лакомиться всем, что найдёт в тундре, в своё удовольствие, то домашний – только в свободное от работы время и там, где ему позволит хозяин.

Никаких хлебов, овчарен, конюшен, коровников, котухов, а также укрытий или загонов, словом, никакой крыши над головой, то есть никаких специальных помещений никто никогда для оленей не сооружает – они пасутся в тундре круглый год в точности так же, как и их дикие собратья.

Олень (как домашний, так и дикий) – животное стадное, а в стаде никакие хищники ему, в общем, не страшны. Полярные волки убивают только больных, слабых либо по какой-то другой причине отставших от стада животных. И тут судьба как диких, так и домашних оленей практически одна и та же. Даже собак, охраняющих стадо, у олениводов практически

нет: на Крайнем севере у собак совсем другая работа. Стоит ли после этого удивляться тому, что особой любви к людям домашние олени не испытывают и при малейшей возможности готовы бежать от своего хозяина в безбрежную тундру. Особенно склонны к этому молодые важенки, которых запросто уведут из стада дикие и свободолюбивые кавалеры-сожой с их роскошными многоярусными рогами. Как правило, никакого труда им это не составляет – важенки природным материнским чутьём понимают, что от спаривания с этими красавцами, у них родятся особенно здоровые и жизнеспособные телята.

Единственное, что получает домашний олень от человека – это дым, защищающий его от свирепого тундрового гнуса (комаров и оводов). Дело в том, что перед этими маленькими, но многочисленными кровососущими насекомыми олень совершенно беззащитен. У него нет ни хвоста, ни гривы, ему нечем обмахиваться. Гнус облепляет бедное животное двойным или, бывает, тройным слоем, лезет в губы, глаза, уши. Набивается в лёгкие при дыхании, иногда даже до полного удушья. Поэтому дикие олени, сбиваясь в огромное стадо, в самом начале лета одной и той же дорогой, генетически запрограммированной в их подсознании, устремляются на север, к самой кромке «Большого льда», где их мучителей, маленьких вампиров (мошек, комаров и в особенности оводов) практически нет. А стадо домашних оленей должно идти туда, куда его ведут пастухи. И вся защита от гнуса при этом ложится на плечи человека. Недаром, первое, что делают оленеводы при всякой остановке в пути, – разжигают несколько больших дымокурных костров. Олени, сбиваясь в кучу, лезут в этот дым и готовы стоять в нём сколько угодно, балдея от него, как от наркотика. Жажда этого дыма запрограммирована у домашнего оленя, как поиск безусловного счастья, и передаётся из поколения в поколение.

Порог Орон образовался в месте пересечения рекой мощных коралловых известняков, образующих два трёхметровых уступа, с которых низвергается вниз гигантский десятиметровый поток. Под порогом находится большое озёрное расши-

рение, где по краям образовалось огромное «улово» – тихое обратное течение. Вот в нём-то и ловят долганы рыбу подо льдом ставными сетями. Сейчас это улово, конечно же, замёрзло, но посреди подпорожья бежит быстрая струйка воды от водопада. Промысел нельмы, чира и муксуна тут просто сумасшедший – за зиму одной сетью добывают до двух тысяч штук, в среднем по полпуда каждая рыбина.

Переночевав в чуме, путешественники на другой же день вернулись к Часовне, захватив с собой подарок родственников Кости Лаптукова – огромную нельму почти в человеческий рост. За время отсутствия командира топограф Базанов уже перенёс на карту реку Рыбную от Часовни до самого её устья. Слава Богу, даже сейчас, зимой, при самой малой воде, глубин на ней меньше двух-трёх метров нигде обнаружено не было.

Но вот все подготовительные работы были успешно закончены, и небольшой олений караван топографов («аргиш») тронулся в путь в обход, вдоль береговой линии.

Озеро Пясино оказалось довольно мелководным, поэтому главной задачей съёмщиков стало найти фарватер для движения будущих плавучих средств. Кроме того, надо было проследить его путь и тщательно промерить там глубины. Как ни странно, именно теперь, зимою, это сделать было проще всего. При низкой воде глубокие места на озере выделяются просадкой льда, и потому фарватер имеет вид широкого жёлоба. Это, впрочем, во время своей экспедиции подметил ещё землепроходец Харитон Лаптев, который в своём отчёте о поездке из Дудинки к Пясинскому побережью Карского моря писал: «А река Пясины вышла из озера Пясинского. Озеро это мелкое и токмо серединою идёт глубокая вода от реки Норильской, в него впадающей». Поэтому Урванцев с Костей Лаптуковым, передвигаясь на оленьих санках по

Харитон Лаптев

фарватерному жёлобу, непрерывно долбили во льду лунки, измеряя там глубину и ширину. А в это время топограф Базанов, двигаясь вдоль береговой кромки озера, наносил на карту его береговые очертания.

Поздними вечерами, которые с каждым днём становились всё длиннее, в нартяном чуме у топографов царила полная благодать. Когда топилась печь, сидеть можно было даже в рубашке. Вода в ведре, стоящем на полу, при этом, конечно, покрывалась тонкой корочкой льда, но за столом можно было чаёвничать, читать и даже работать: приводить в порядок дневные записи, наносить на карту отснятые точки, разбирать образцы.

К зимнему питанию в заполярном путешествии надо привыкнуть. Печёный хлеб тут не пригоден: он так замерзает на морозе, что от него отскакивает топор³³. Для еды тут годятся только сухари, сушки да чай, очень крепкий и сладкий. Ну, и конечно же, строганина, лучше всего из нельмы или чира. Для приготовления строганины не очень крупную рыбину, килограммов в пять-шесть, нужно на минуту сунуть в горячую печь, чтобы кожа на ней слегка обтаяла. Затем, сделав ножом два надреза от головы к хвосту, в два резких движения эту кожу следует снять, после чего острым, как бритва, ножом строгать от хвоста к голове нежнейшее рыбье мясо, превращая его в бело-розовую стружку кольцами. Едят строганину, макая эти кольца в смесь соли и перца, иногда сдабривая слабым раствором уксуса. После такой трапезы вначале в желудке появляется острое ощущение пустоты и даже голода, как будто вообще ничего не ел. Однако вскоре оно сменяется чувством хорошей добротной сытости. После такого утреннего завтрака можно спокойно работать весь день практически в любой мороз с полной отдачей сил. Впрочем, в отличие от долган, нганасаны готовят строганину из молодой оленины.

³³ В конце 50-х годов полярный геолог НИИГА В. А. Вакар придумал «вакар-хлеб», который вовсе не стынет на морозе. Для этого хлебное тесто надо замешивать не на воде, а на жиже из-под свиной или говяжьей тушёнки

По мере продвижения топографов к северу, берег озера Пясино начал понемногу поворачивать к северо-востоку, а его прибрежная глубина становилась всё больше и больше. В самой северной береговой точке озера во время одной из ночных стоянок команду топографов захватила жестокая пурга, налетевшая с юго-запада. Поначалу эту напасть ничто не предвещало. Было тихо, пасмурно, темно, как в банке с чернилами, и барометр не «падал». Вдруг посреди ночи, неизвестно почему, прилетел страшный ураган со снегом. Урванцев с Базановым сейчас же проснулись, почувствовав, как затрясся их нартяной дом и загудел под ветром его брезентовый чехол. Однако, слава Богу, он не опрокинулся, так как был поставлен по правилам, вдоль застрогов, обозначающих направление господствующих ветров в этом месте. Ветер бушевал трое суток, так что Урванцев с Базановым стали беспокоиться, что там творится с их пастухами, которые жили в своём чуме неподалёку, метрах в ста. Из-за ужасного снежного вихря не было видно ни их самих, ни даже их чума из жердей и оленьих шкур. А ветер буквально валил с ног, так что добраться до грузовых нарт в трёх-четырёх шагах от нартяного чума для того, чтобы взять продовольствия и керосина для лампы, можно было только ползком.

Впрочем, опасения топографов оказались напрасными – все остались живы, здоровы и никакого урона ураганный ветер ни оленям, ни людям, ни их имуществу не нанёс. Теперь важно было найти своих оленей. Впрочем, для нганасан это – не проблема. Они знают, как искать оленей после пурги. Олени в таких случаях сбиваются в плотную массу лбами против ветра. Самые сильные впереди, те, что послабее, а также важеньки с телятами – сзади. Так и стоят против ветра – сутки, двое, трое – подаваясь вперёд при сильных порывах. Кто не выдержит, повернётся по ветру, тот уже вскоре погибнет: снежная пыль сразу набьётся под шерсть и в момент заморозит слабака. Обычно на стоянках пастухи пару-тройку оленей держат на арканах, чтобы потом поехать на них собирать стадо. Нынешняя пурга пришла с юго-западным ветром, поэтому Афанасий с Костей поехали искать

олений на юго-запад. И вскоре пригнали всё стадо без каких-либо потерь. Оно ушло к Норильским горам километров на пятнадцать.

Ещё через два дня, обойдя озеро с севера, аргиш топографов подошёл к истоку реки Пясины, где Урванцев решил сделать стоянку, чтобы определить координаты астрономического пункта. Исток Пясины перегорожен высокой валунно-галечной косой, которая тянется вдоль всего северного края озера в широтном направлении. Она-то и создала подпруды, образовав огромное по площади, но мелководное озеро. Жёлоб-фарватер на нём как раз и представлял собой продолжение русла реки Норильской, которая, впрочем, ниже гряды уже вытекает под именем реки Пясины. Это русло-фарватер вполне судоходно: даже сейчас, при низкой «зимней» воде глубина везде не менее полутора метров.

Закончив работу в районе истока Пясины, аргиш Урванцева повернул вдоль восточного края озера на юг, и к Новому году топографы благополучно вернулись в Норильск. Здесь все здоровы, штольня продвинулась вглубь метров на шесть, уголь идёт просто превосходный! Он не только отлично горит в камельках горняков, но, как уже сказано, почти не даёт золы.

В большой маршрут на восток по Норильским озёрам решили идти только в конце февраля – начале марта, когда появится солнце, и дни станут длиннее. А пока Н. Н. Урванцев с А. И. Левковичем отправились в Дудинку с тем, чтобы подобрать там хорошую лодку для летнего путешествия по реке Пясине до самого Карского моря. Эта лодка должна иметь большую грузоподъёмность (не менее полутора тонн), но, вместе с тем, быть достаточно лёгкой, чтобы её по зимней тундре можно было завезти к истоку реки Пясины. Там, километрах в двадцати пяти есть брошенное село (станок) Введенское, через которое раньше шёл тракт на Хатангу. Оттуда и будет стартовать весенняя Пясинская топографическая экспедиция Н. Н. Урванцева.

В конце февраля появилось солнце, и установилась ясная морозная погода. Теперь можно было собираться в маршрут

по «верхним» озёрам Норильской земли. Начать Урванцев решил с самого крупного озера, которое долганы называют озером Лама. По их словам, оно лежит глубоко в горах и связано протоками с озером Мелким, из которого как раз и вытекает река Норильская. Этих озёр на карте «генерального штаба России» просто нет. Все вышеперечисленные озёра «второй цепи» лежат высоко в горах, а снега там высокие и рыхлые, в которых «тундровые» олени нганасан просто не пройдут. Там сгодятся только крупные, таёжные олени. Урванцеву с помощью его молодого спутника Кости Лаптукова удалось договориться с долганами Седельниковым (Нягдой) и Суловым (Эльбеем), которые согласились провести аргиш топографов по этим местам. Они бывали там не раз и знают их хорошо. Олени у них крупные, лесные, и бродов не боятся. Этот караван будет значительно меньше и подвижнее, так как с нартовым чумом там пройти никак невозможно. Придётся обходиться лёгкими «шестовыми» чумами и меньшим экспедиционным грузом.

Аргиш для этого путешествия вновь собрали в Часовне и отправились оттуда вверх по реке Норильской до самого её истока из озера Мелкого. Выше устья реки Рыбной река Норильская сильно сузилась, её течение стало быстрее, появились полыньи, так что каравану пришлось идти не по льду реки, а по её берегу. На истоке реки путешественники обнаружили ряд каменистых перекатов, которые, судя по всему, ни в какой мороз тут не замерзают.

Озеро Мелкое Урванцев с Базановым так же, как и прежние озёра, объехали с работой с разных сторон: один правым берегом, другой левым, а весь остальной аргиш прошёл посередине, напрямик, к истоку небольшой речушки, вытекающей из озера. Своим происхождением озеро, так же, как и огромное Пясино, обязано подпруде валунно-галечной грядой, которая тянется здесь с севера на юг вдоль западного края озера. На устье этой речушки, бегущей к озеру Лама, оба топографа соединились со своим основным аргишем и верх по её руслу легко добрались до озера. Как легко догадаться, речушка эта на «штабную» карту тоже не была нанесена

и поэтому своего названия не имела. По аналогии с рекой Пясиной, названной в честь озера, откуда она вытекает, эту речушку назвали Ламой. Речка была хотя и широкой, но мелкой и маловодной. Здесь, на её истоке из озера, путники определили астрономические координаты, нанесли их на карту и после небольшого отдыха отправились в путь дальше.

Далее пошли с работой в том же «озёрном» режиме, что и прежде: Урванцев – правым берегом, Базанов – левым, а аргиш напрямик, посередине. Погода стояла отличная: ясная, тихая, временами даже солнечная, но, правда, с морозом за тридцать градусов. Впрочем, для здешних мест это не такой уж и большой «колотун». Дивной красоты картина открывалась тут путешественникам повсеместно. Они, как два небольших насекомых, с двух сторон ползли по огромному, сверкающему алмазами зеркалу озера, вставленного в шикарную каменную раму гор Путорана.

По мере продвижения вглубь массива, высота его гор росла, берега становились всё выше и круче. Местами они обрывались в воду огромными уступами, словно фиорды Норвегии. Врезанные в борта озера долины ручьёв и речек повсюду «дымили» паром от бегущих талых вод, которые, разливаясь по льду, создавали крупные наледи, от которых в страхе шарахались бегущие олени. Да и людям совсем не улыбалось в пути промочить ноги на таком морозе. Толщина льда тут превышала рост человека, так что пробивание лунок пешней для измерения глубины всякий раз становилось нелёгким делом и занимало много времени. По ночам путешественников иногда будили мощный гул и раскаты грома, похожие на орудийную пальбу. Это ревел, раскалываясь, толстый лёд, сжимаемый морозом. При потеплении он, наоборот, расширяется, образуя поперечные гряды торосов, идущие поперёк озера. Местами они бывают настолько высоки и широки, что дорогу среди них часто приходится прорубать пешнями и кайлами.

Только на пятый день этой тяжкой «ледовой эпопеи» топографы добрались до противоположного конца озера. Длина его оказалась равной почти ста километрам, а шири-

на колебалась от нескольких километров до трёхсот метров. Но горная долина, в которой лежит это озеро, простиралась и дальше на восток. В озеро, сливаясь веером, впадали сразу три речки, образуя громадный ледяной бугор, разбитый, словно взрывом, радиальными трещинами. Из трещин фонтанами била вода восхитительного небесно-голубого цвета. Такого же цвета тут на изломе был и лёд. Подобную красоту можно увидеть только в Арктике, когда при очень низких температурах вода, попадая между двумя слоями мёрзлых пород и льда, при сильном морозе сжимается так, что приподнимает свою кровлю и с силой рвёт её на части.

По берегам озера Лама здесь, в глубине долины, стоит густой строевой лес, состоящий из лиственниц, елей и крупных берёз. Он произрастает тут, благодаря огромной массе воды озера, наличию толстого одеяла из рыхлого снега зимой, а также высоким и крутым горным склонам, не позволяющим разгуляться полярной пурге. Долганы умудряются заниматься здесь добычливой охотой на таёжного пушного зверя: белку, куницу и даже соболя. И это, не говоря уже о роскошной рыбалке в озере. По их словам, тут водятся даже осетры в несколько пудов весом.

По глубокой поперечной долине караван топографов перевалил от озера Лама в соседнее к югу озеро – Глубокое (Омук), которое тоже лежало в своей горной долине, однако его размеры были намного меньше. Окружающий ландшафт тоже был фиордовым, как и на озере Лама. Урванцеву очень хотелось поехать туда с геологической инспекцией, но пастухи от этого наотрез отказались: они боялись потерять там оленей из-за больших наледей и очень глубокого снега. Урванцеву пришлось с этим согласиться, поскольку ему ещё предстояло снять на карту всю реку Рыбную и озеро Кета, из которого она вытекает. Впрочем, всё это будет потом на исходе полярной зимы. А пока они всем караваном поехали домой, в Норильск с тем, чтобы в конце марта, когда ещё сильнее посветлеет, отправиться к истокам реки Рыбной и там уже окончательно закончить этот зимний съёмочный сезон.

В свой последний маршрут этого зимнего сезона Урванцев отправился в самом конце марта, без аргиша, вдвоём с долганином Эльбеем. В путь они тронулись на двух лёгких санках, по четыре оленя в упряжке и практически без груза. С собой взяли только топографические инструменты, продовольствия на неделю, примус с небольшим количеством керосина, спальные мешки да большой брезент, вместо палатки. Там, на озере, при истоке реки Рыбной, есть «голомо» – чум из жердей, крытый корой и плотно засыпанный землёй, а в нём небольшая железная печечка. Для здешних мест зимой – вполне комфортабельное жилище.

До «голомо» добрались за двое суток, переночевав по дороге в чуме долганина Яковенко на Ороне. Пока Урванцев занимался астрономическими работами – определял координаты отправной геодезической точки – Эльбей с оленями отправился к близстоящему чуму долгана Седельникова (Нягды). Там он оставил ему их на выпас, а себе у него взял свежих оленей во временную аренду. Такой метод общения местные националы часто практикуют на Севере. По окончании оговоренного срока обратный обмен происходит, как правило, без каких-либо шероховатостей. Оленеводы прекрасно знают всех своих оленей и с одного взгляда определяют: чей он, из какого стада..

Объезжать озеро Кета Урванцев с Эльбеем решили кругом: сначала по северному берегу, а обратно, к устью Рыбной – по южному. Ночевали прямо на снегу, постелив на него брезент, а поверх – зимние оленьи шкуры, снятые с сидений своих санок. Остановки делали, в основном, при устьях каких-нибудь речек: во-первых, там больше ягеля для оленей, во-вторых, проще устанавливать реперные точки при картировании местности. На ночь оленей отпускали пастись на длинных арканах, чтобы они не разбежались. При крошечном стаде топографов в восемь голов, они непременно разбегутся, чтобы присоединиться к какому-нибудь большому стаду, может быть даже и диких оленей (особенно, если там есть важенки). Всё это время погода стоит просто великолепная: ясная, морозная, тихая. Здесь, в глубине гор пурге разгу-

ляться негде, так что тут её практически не бывает никогда. По своей конфигурации и размерам озеро Кета сходно с озером Ламой: те же крутые «норвежские» фиорды, такой же изгиб в средней части, только более плавный и направленный к югу, а не к северу, как на Ламе.

Полный объезд озера Кета Урванцев с Эльбеем закончили всего за четверо суток. Этому способствовали прекрасная погода, «свежие» олени, которые бойко несли своих седоков по хорошей снежной дороге, а также то, что никакие измерения глубин здесь не проводились. Эльбей, хорошо знавший эти горные озёра, утверждал, что глубины тут даже у самого берега весьма велики, и у Урванцева были все основания доверять ему. Всё, что касалось рыболовного промысла в местных реках и озёрах, было известно местным долганам досконально. Так в своё время они рассказали ему про приток реки Норильской, где водится круглый, как валёк, сиг³⁴, а в озере Кета – горбатый сиг-мончугор, которого ни в одном другом озере больше нет. Правда, ловится он редко, так как обитает лишь на больших глубинах. На выходе озера из отвесных гор плато Путорана их юго-западный край образует вертикальный скалистый обрыв в сотни метров высотой. Этот дивной красоты гигантский уступ, с которого в озеро падают с огромной высоты десятки водопадных струй, на всю жизнь остаётся в памяти всякого путешественника. Местные националы называют его: «Хукольд-Якин», что в переводе на русский означает: «Совсем оборвался».

Переночевав ещё раз в «голомо» и обменяв у Нягды (И. Седельникова) его уставших оленей на своих, заметно отдохнувших и отъевшихся, Урванцев с Эльбеем за один дневной аргиш добрались домой, в Норильск. Тут, слава

³⁴ Урванцев с Базановым, нанося эту речку на карту, назвали её именем «Валёк» в честь этой уникальной рыбы. Теперь против её устья на левом берегу реки Норильской стоит пристань, посёлок и гидроаэропорт с тем же названием: «Валёк». Впоследствии в Красноярской ихтиологической лаборатории подтвердили, что эта рыба, действительно, является новым видом, и присвоили ей научное название: «*Prosopium cylindraceum* (Pennant, 1784)».

богу, всё было в полном порядке: все люди здоровы, штольни уверенно продвигались вглубь угольного пласта, никаких серьёзных происшествий не случилось. Все зимовщики при любой возможности теперь предпочитали, несмотря на порядочный мороз, находиться на улице, тем более, что солнце давно уже целиком появилось над горизонтом и в полдень стояло выше гор.

Глава 4

Водный путь из Норильска в Карское море

В апреле 1922 года Урванцев со своими товарищами начал готовиться к Пясинской экспедиции по поиску надёжного водного пути из Норильска в Карское море. Добытый в штольнях горы Шмидта («Шмидтихе») каменный уголь вывозить на оленях даже до Дудинки было нерентабельно, особенно летом. Узкоколейная железная дорога до Дудинки была ещё только в стадии проектирования, и раньше чем через несколько лет ждать её не приходилось. Оставался только один единственный – водный путь. Зимняя топографическая съёмка с промерами глубин 1921–1922 годов показала, что озеро Пясино и река Норильская вполне судоходны. Теперь надо было исследовать реку Пясино, особенно её устье и выход в Карское море, где, скорее всего, есть большой мелководный бар, который может стать серьёзным препятствием для морских судов.

Состав экспедиции определился уже давно: Н. Н. Урванцев – геолог, астроном и топограф; С. Д. Базанов – топограф; Б. Н. Пушкарёв – зоолог и ботаник. Оба – студенты томских вузов. Ввиду того, что возвращаться домой участникам экспедиции, возможно, придётся морем, четвёртым участником пригласили бывшего моряка с гидрографического судна «Вайгач» И. В. Борисова, работавшего в Дудинке на радиостанции. Ещё в 1918 году «Вайгач» в Енисейском заливе намертво сел на подводную скалу. Снять судно оттуда, несмотря на все усилия, так и не удалось. Всё радиооборудование с него демонтировали и доставили в Дудинку, соорудив там радиостанцию, персонал которой составили из членов команды «Вайгача».

Завхоз А. И. Левкович в середине апреля съездил в Дудинку и отправил оттуда на Пясину, в станок Введенское, по пока ещё крепкому насту добротную рыбацью лодку, две палатки, брезент и прочее хозяйственное оборудование, запасные материалы для всяческих ремонтных работ в пути, а также маленькую долблёную лодочку-ветку. Возвратившись в Норильск, он передал Н. Н. Урванцеву желание Н. А. Бегичева, известного путешественника, предпринимателя и знатока Севера, а также бывшего боцмана яхты «Заря» полярной экспедиции Академии наук под руководством барона Эдуарда Толля³⁵, принять участие в этой экспедиции. Бегичев собирался организовать артель для промысла песка и морского зверя в низовьях Пясины, и ему хотелось осмотреть эти места в летнее время для того, чтобы выбрать удобный участок для зимовки. Левкович настоятельно рекомендовал Урванцеву принять это предложение.

«Бегичев, – говорил он, – человек бывалый и весьма авторитетный во всех кругах Таймырского общества. Тут поголовно все знают и уважают его. Конечно, характер у него – не сахар, но ведь экспедиция предполагается короткой, без зимовки. Рекомендую взять». И хотя особенной необходимости в пятом участнике вроде бы не было, Урванцев согласился, что отказываться от услуг такого человека было бы весьма неблагоразумно. Таким образом, Н. А. Бегичев был принят в отряд на должность проводника.

А в самом конце апреля последним санным путём из Норильска в станок Введенский уехали С. Д. Базанов с Б. Н. Пушкарёвым, захватив с собой оставшееся продовольствие и снаряжение.

В Дудинку за Бегичевым и Борисовым Урванцев приехал из Норильска в конце мая по ещё довольно крепкому насту. В полдень, правда, уже довольно сильно подтаивало, но ночью порядочно морозило, и потому наст держал крепко и санки, и оленей. Поэтому тут же, ни часа не мешкая, они отправились к чуму И. М. Манто, стоявшему в сорока

³⁵ Эта экспедиция, напомним, проходила в 1900–1902 гг.

Участники Пясинской экспедиции 1922 года:

С. Д. Базанов, Н. А. Бегичев, Б. Н. Пушкарёв, Н. Н. Урванцев

километрах от Дудинки в верховьях реки Агапы, притока реки Пясины. Отсюда до Введенского было всего километров шестьдесят. Стоял приличный морозец, поэтому до Пясины добрались довольно быстро. Река пока что стояла довольно прочно, даже заберегов не было видно. Базанов с Пушкарёвым встретили товарищей по путешествию с восторгом: они и так уже заждались их.

Станок Введенское представлял собою, в сущности, только развалины. От всего посёлка осталась одна единственная изба, составленная из двух половинок, соединённых холодными сенями. В ней летом живёт долганин Филипп Лаптуков (Лимка), промышляющий тут рыбалкой. Вообще-то Введенское – старинное поселение, упоминающееся во многих документах: в таможенных мангазейских книгах, в отчётах Миддендорфа и даже Харитона Лаптева. Через Введенское когда-то шёл знаменитый санный путь из Дудинки на Хатангу. Здесь в стародавние времена жили оседло и подолгу. Свидетельством тому служат два кладбища: одно на восемь,

другое на шесть крестов. Печки в домике не было, и вообще он представлял собой весьма угрюмое зрелище, поэтому оселиться в нём путники не захотели, а поставили на бугре высокого правого берега Пясины свои палатки и стали в них ожидать ледохода.

Наступил июнь, и с ним в тундру пришла ранняя полярная весна. На местные болота, протоки и озёра во множестве прилетели гуси, утки, казарки, кулики всех видов, ржанки, гаги и гагары. В тундре во всю затоковали куропатки и туруханы в своих ярких жабо. Мёртвая прежде тундра теперь ожила и наполнилась весёлым гомоном птиц.

Вода на реке начала прибывать. Путешественники при этом не сидели, сложа руки. Они принялись за основательный ремонт лодки, которую изрядно растрясло при переезде по суше из Дудинки: в ней появились щели и отошёл кранец. Впрочем, лодка-то была довольно старая, да и ту достали в Дудинке с большим трудом. Её хорошенько проконопатили, залили варом и смолой, обили железом и укрепили шпангоуты, сделали уключины и настил на дно. Бегичев с Борисовым принялись за пошивку паруса и изготовление мачты из тонкой и высокой, но прочной лесины, привезённой из Норильска.

А вода в Пясине, между тем, прибывала довольно быстро: по полметра за сутки, и уже 7 июня при высоте в три метра над меженью там начался ледоход, который шёл три дня. Но отправляться в путешествие к Карскому морю пока ещё было рановато.

Чтобы не терять времени зря, Урванцев прошёл на «ветке» вверх по течению до самого истока Пясины из озера того же названия, с тем, чтобы снять её с прилегающими берегами на карту А также промерить в ней глубины в ключевых местах, а также сделать привязку съёмки к астрономическому пункту, оставленному у истока ещё зимой. Результат этого одиночного плавания на «ветке» обрадовал его: вся река Пясины от самого выхода из озера до станка Введенского, скорее всего, была вполне проходимой даже для судов с большой осадкой.

Перед отплытием в тысячекилометровый путь путешественники разделили свои обязанности так: на веслах все, независимо от специализации и положения в отряде, сменяя один другого, работают по часу; съёмку ведут тоже по часу попеременно Урванцев с Базановым; Пушкарёв с Борисовым меряют лотом глубину каждые пятнадцать-двадцать минут хода, сообщая эти данные съёмщику. Скорость хода измеряет Бегичев каждые два-три часа; за рулём попеременно сидят Бегичев и Борисов. Перед каждой стоянкой, бросая якорь, непременно измеряют лагом скорость течения реки. Для осмотра выходов горных пород по команде командира (геолога) будут приставать к берегу в любом указанном им месте. При благоприятном ветре, разумеется, поднимут парус. Впрочем, надежд на это мало: близ побережья летом господствуют муссонные ветры северных румбов.

Тундра стала потихоньку зеленеть. Пушкарёв, отправившись в прибрежную тундру за своими ботаническими трофеями, вместо трав и цветов, принёс большого, килограммов на шесть, икряного чира, которого поймал руками в яме на пойменной террасе, куда заходила высокая вода.

В свой протяжённый, полный неизвестности и опасных приключений водный маршрут экспедиция отправилась 15 июня при холодной, но ясной погоде и встречном северном ветре. Фарватер с глубиной в два-три метра долго шёл под крутым правым берегом реки, которая текла прямо, без излучин, на север – северо-восток.

Километров через тридцать они проплыли мимо устья речки Половинки. На правом берегу была видна крохотная избушка. Путешественники знали, что летом в ней живёт, рыбача, долганин Григорий Лаптуков (неужели все долгане здесь имеют одну фамилию?!) Однако приставать к берегу путники не стали, тем более, что чира, добытого Пушкарёвым, им хватит ещё дня на два-три. Километров через десять уже на левом берегу Пясины появилась ещё одна избушка, нежилая, а рядом с нею – довольно большое кладбище с крестами. Река постепенно расширялась, и путникам то и дело встречались крупные отмели и большие острова. За одним из

них, длинным и лесистым, расположился станок Заостровка из трёх избушек, как обычно, без крыш, с одним только накатом. Живут тут три семьи: две – только летом, а одна – и зимой тоже. Для разездов держат упряжку собак, которых кормят вяленой рыбой, в основном, налимами и щуками. Неожиданным гостям рыбаки чрезвычайно обрадовались и дали в дорогу много рыбы, и свежей, и вяленой. Те, в свою очередь, одарили их сушками, сухарями и кирпичным чаем, а также (этому хозяева станка обрадовались больше всего) преподнесли в подарок бухту хорошей, прочной верёвки.

Сильный северный ветер продолжал упорно дуть путникам навстречу («в лоб», как говорят речники). «Ночью» он обычно немного стихал, а к полудню вновь набирал силу, поэтому решили перейти на «ночной» режим движения, тем более, что солнце круглые сутки стояло над головой: полярный день был в самом разгаре. В высоких широтах Арктики, где полярный день сменяется полярной ночью, можно жить по любому времени, и на всех полярных станциях, к примеру, люди живут по московскому времени, и никаких неудобств от этого не ощущают. Экспедиционное судно двигалось практически за ледоходом, то есть за северной весной. Впрочем, тундра пока была не зелёная, а бурая, и почки на веточках ольхи, карликовой берёзы и редких тонких лиственниц только ещё начали набухать.

Далее, километрах в пятнадцати ниже по течению, на правом, крутом берегу Пясины, в устье реки Чёрной располагался старинный станок того же названия (то есть Чёрный). (Так, по крайней мере, было указано на карте «генерального штаба».) Он состоял из жилой избушки и нескольких полу-сгнивших срубов. В избушке в ту пору жил рыбак-долганин Михаил Лаптуков (опять Лаптуков?!), который хорошо знал Никифора Бегичева и относился к нему с большим почтением. Надо ли говорить, что, в связи с этим, экспедиция была принята промысловиком Михаилом весьма любезно. Все путешественники были усажены за стол, на котором уже дымился казан с роскошной ухой из гигантского осетра, от которой по всей избе стлался такой головокружительно вкус-

ный запах, что у голодных путников сразу потекли слюни. За трапезой, конечно, пошёл разговор «по делу». Тут выяснилось, что местные промысловики станок и реку зовут своим именем: *Икон*, и что река эта бежит с северных склонов плато Караелах от самого Норильска. Михаил Лаптуков не без гордости сообщил, что он – настоящий хозяин этих мест, и тут его «родовое гнездо». Что здесь жили и промышляли его отец и дед. Что испокон века они ловили тут летом рыбу, а зимой – песцов. И что они – первые долганы, кто завёл себе здесь ездовых оленей. Прочие же ездили и ездят до сих пор только на собаках. А ещё он рассказал, что именно здесь проходит граница лесотундры. И если прежде, выше по течению, ещё попадались отдельные лиственницы, то ниже по Пясине их уже не будет ни одной.

Далее, за станком Чёрным (или, если угодно, за *Иконом*) Пясина вновь стала расширяться, достигая местами полукилометра. Путники проехали ещё три станка: Турдакино, Крышево и Коргу. Все нежилые, состоящие из одной-двух развалившихся избушек. И через неделю пути подъехали к устью реки Дудыпты, где расположен известный станок Кресты. Поскольку вниз по Пясине они проплыли уже более ста километров, решили именно здесь поставить очередную реперную точку и определить её астрономические координаты, нанеся их на карту. Несмотря на свою известность, станок Кресты теперь тоже был необитаем, и все строения его развалились. Только на самом мысе, близ большого кладбища стояла небольшая пустая избушка с пристройками, да на противоположном, левом берегу Пясины ещё одна, а подле неё два небольших амбара.

Верховья Дудыпты довольно близко подходят к бассейну реки Хатанги, чем ещё в XV веке часто пользовались промысловые люди легендарной Мангазеи, проложившие водный путь с волоком от Дудинки на Енисее до Волочанки на Хете³⁶. И станок Кресты в то время, судя по всему, служил

³⁶ Реки Хета и Котуй, сливаясь воедино, образуют ещё одну большую реку Таймыра – Хатангу, текущую в море Лаптевых.

Останки старинного кладбища у станка Кресты

на этом пути удобным перевалочным пунктом. Водный путь от Енисея до Хатанги был весьма популярен среди промысловых и торговых людей того времени, и берега Пясины на всём её протяжении довольно густо заселены. Достаточно сказать, что на расстоянии менее ста пятидесяти километров Урванцев и его спутники встретили более дюжины поселений с останками жилых строений, нынче, к сожалению, людьми брошенных. А вот ниже Дудыпты до самого устья – ни одного, лишь изредка – шестовые чумы рыбаков (долган и эвенков).

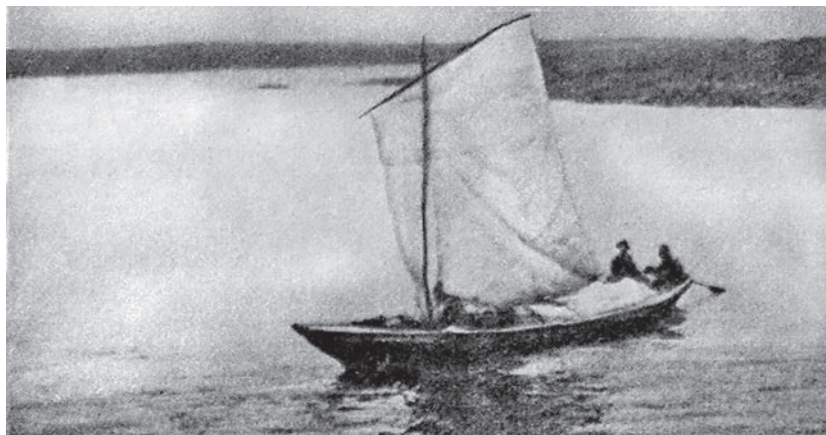
Ниже устья Дудыпты ширина Пясины увеличилась более, чем вдвое и местами превышала уже целый километр. А ещё через восемьдесят километров путники приплыли к устью ещё одного крупного притока – реки Агапы, впадавшей, правда, в Пясину с левого берега. Здесь они вдалеке увидели три долганских шестовых чума, но гостевать к рыбакам не поехали, поскольку Урванцев решил, что для них гораздо важнее поставить с правого берега в этом месте ещё один астрономический реперный пункт и определить его координаты с тем, чтобы нанести на карту. А Никифор Бегичев, тяжело вздохнув, вспомнил, как знакомые рыбаки из енисейских казаков рассказывали ему, что именно здесь, в устье Агапы, третьего года они за летнюю путину поймали более двух тысяч осетров, многие из которых были в рост человека.

Вскоре Пяси́на расширилась ещё более, но при этом распалась на бесчисленные рукава и протоки, образовав необозримое «многоостровье». После краткого совещания путники решили продолжать плыть вдоль крутого правого берега, полагая, что речной фарватер проходит именно там, но при этом измерять глубину реки как можно чаще. Впрочем, глубин менее трёх метров, они, слава Богу, пока ещё не встречали на Пяси́не ни разу.

Многочисленные здешние острова, особенно те, что заросли травой, были битком набиты всяческой птицей, особенно гусями, сидящими на яйцах в гнёздах. Ни песцов, ни канюков, ни людей поблизости тут нет и, похоже, никогда не было, так что птицы никого и ничего не боятся. Их гнёзда расположены буквально рядом друг с другом, поэтому ходить приходится весьма осторожно, чтобы не нанести беспечной птице урона. Птицы на яйцах сидят смирно и не слезают с гнёзд, даже если подойти к ним вплотную, а лишь сжимаются в комок и, втянув голову в плечи, пытаются слиться с окружающими их болотными кочками.

Шлюпка путешественников продвигалась вниз по течению очень медленно – ей мешал постоянно дующий «в лоб» сильный встречный ветер. Выгрести на вёслах против него, особенно на открытых плёсах, было не просто трудно, но даже, временами, невозможно. Приходилось часто останавливаться и ждать хотя бы небольшого затишья. Это обидно, во-первых, из-за потери времени (ведь главная их работа – исследование мелководной дельты Пяси́ны на предмет обнаружения хоть какого-то фарватера – ещё впереди), а во-вторых, потому, что при таких ветрах стоит обычно ясная, сухая погода, лучше которой (на суше) и не придумать.

Широким, открытым настежь всем ветрам плёсом длинной аж в пятьдесят километров речные путники с тяжкими мучениями шли почти двое суток до тех пор, пока Пяси́на не разделилась на пару больших рукавов с огромным островом посередине. Ширина острова достигала нескольких километров, и идти на вёслах между ним и крутым правым берегом реки стало намного легче.

Шлюпка Пясинской экспедиции в полном снаряжении

Следующий астрономический пункт Урванцев зафиксировал на своей карте в устье ещё одного притока Пясины – реки Янгоды. А километрах в десяти ниже по течению, там, где оба рукава реки соединились вновь в единое русло, ещё один. Таким образом, путники добрались до четвёртого крупного притока Пясины – реки Тареи, за которой, к удивлению путешественников, великая река вдруг круто повернула под прямым углом к западу и потекла в широтном направлении.

Такого резкого поворота Пясины на старой карте «генерального штаба» показано не было, и Урванцев с Базановым, ещё раз проверив все астрономические координаты снятых ими реперных точек, уверенно исправили эту оплошность своих топографических предшественников. Впоследствии оказалось, что к северу от устья Тареи тянется горный кряж гор Бырранга. Он-то и загоразивал путь Пясине к Карскому морю. Отроги этого кряжа были хорошо видны с Пясины, особенно в ясную погоду, а некоторые отдельные утёсы подступали даже к самой реке. Эта картографическая поправка, получившая впоследствии наименование «Широтного пясинского колена», стала важным открытием команды топографов Урванцева, и внесла существенную поправку в географию Западного Таймыра.

В этом месте команда Урванцева сделала большую остановку для того, чтобы внести все необходимые поправки, а также зафиксировать и нанести на карту ещё один важнейший астрономический пункт. На этом месте впоследствии, уже в пятидесятых годах, возник, один из самых известных таймырских посёлков – знаменитая Усть-Тарая, где в течение многих последующих лет находилась полярная база НИИГА. Сколько замечательных баек и историй, якобы произошедших здесь, было рассказано полярными геологами по всей стране! И главным героем в них часто бывал Николай Николаевич Урванцев! Как правило, истина в этих рассказах искусно переплеталась с вымыслом, что нисколько не умаляло их прелести.

Далее до самого устья ещё одного крупного притока – реки Пуры – Пясины продолжала свой путь в широтном направлении, а затем вновь резко повернула на север. На всём этом «широтном колене Пясины» длиной в сто пятьдесят километров она текла по прямой узкой долине с довольно высокими скалистыми берегами. Однако, ни крупных порогов, ни особенных быстрин там более не было. Течение везде было спокойным, со скоростью два-три километра в час, а глубина везде пять-десять метров, что было очень хорошо, как для продвижения экспедиции к устью Пясины, так и для дальнейшего интенсивного судоходства.

«Широтное колено Пясины» до сих пор является серьёзным препятствием для диких оленей на пути их массовой осенней миграции с морского побережья на юг, к границе лесотундры у края плато Путорана и Средне-Сибирского плоскогорья. Логами речушек, бегущих в Пясины с левого берега, олени подходят к великой реке и огромными стадами переплывают её. Места таких переправ хорошо известны местным нганасанам, которые караулят тут свою добычу на лёгких лодочках-ветках. Дождавшись момента, когда всё стадо спустится в воду и окажется на середине реки, охотники из засад выплывают им навстречу и почти в упор бьют оленей из ружей. В прежние времена, когда у нганасан огнестрельного оружия не было, они кололи оленей копьями. Поэтому

места таких оленьих переправ называются у них «поколками» до сих пор.

Далее, на отмелях левого берега Пясины были во множестве видны довольно крупные обломки хорошего каменного угля. Это означало, что где-то поблизости есть угольное месторождение, но искать и описывать его команда Урванцева не стала. Они торопились, а цель их экспедиции была совсем иной. Однако в своём геологическом дневнике Урванцев этот факт отметил и место «угольной россыпи» указал. Позднее, уже в конце тридцатых годов, большое и удобное для разработки месторождение каменного угля геологами тут, действительно, было обнаружено. Оно находилось совсем недалеко, вверх по речке, впадающей в Пясину. Норильский горный комбинат (в конце тридцатых годов он уже во всю работал) заложил тут штольню, углём из которой до сих пор пользуются посёлок, стоящий в устье Пясины, и суда, плавающие по этой реке.

Осмотрев угольные отмели, экспедиция Урванцева двинулась дальше теперь уже вдоль левого берега Пясины, который тут был намного выше и круче правого, а потому, скорее всего, являлся коренным. Поэтому фарватер реки должен был идти вдоль него. Вокруг, вдоль берега, по-прежнему стояли каменные сопки и невысокие гряды широтного простирания, которые местами подходили прямо к воде и выступали над нею скалистыми обрывами. Один такой роскошный выступ дивной красоты, сложенный базальтовыми породами, километрах в шестидесяти ниже устья Пуры, до такой степени очаровал путешественников, что они даже дали ему имя – «Трапповый утёс» – и нанесли его на карту. Вообще-то Урванцев с Базановым (картографией занимались обычно они) старались, насколько возможно, сохранять старые названия географических объектов, выспрашивая их у встречных промысловиков и националов.

После «Траппового утёса» долина реки Пясины стала расширяться, и в ней повсюду появились островки, а между ними – многочисленные ручейки и протоки. Очевидно, экспедиция входила в то дельтовое расширение Пясины, о котором

зимой в Норильске рассказывал Урванцеву нганасан Иван Горнок, с которым он договорился тут встретиться. Отсюда, от высокого левого берега этой великой реки, на севере уже хорошо была видна песчаная коса (скорее всего, это был её устьевой бар), а за ним – открытое Карское море, совершенно свободное сейчас ото льда.

Итак, 29 июля экспедиция, наконец, прибыла к устью Пясины, проплыв от станка Введенского, стоящего у её истока, более восьмисот километров на обычной вёсельной шлюпке и лишь изредка пользуясь парусом. Лагерем путешественники стали на высоком мысу левого берега, повернутого к западу, возле развалин старинной избы. Весьма вероятно, что поставлена она была ещё во времена Великой Северной экспедиции начала XVIII века, так как именно отсюда, вот так же пройдя вниз по Пясине, Харитон Лаптев отправился в свой маршрут на восток вдоль побережья моря. Верхние венцы и накатник крыши избы уже сгнили и развалились, но нижние венцы были целы и даже свежи. Они звенели, если ударить по ним обухом топора.

Погода стояла отличная, как случается тут почти всегда по ночам, когда стихает ветер. Ярко светило полуночное солнце. С озёр, болотцев и островков дельты слышались гогот гусей, визгливые вопли гагар, хохот чаек, свист куликов, криканье уток. Природа была полна жизни. По прибрежной тундре бродили группками по две-три головы олени. Однако чума Ивана Горнока, который обещал быть тут к этому времени, нигде видно не было. Это странно, в высокоширотной тундре, обещания и договорённости националами выполняются обычно с безукоризненной точностью. Уж они-то точно знали, что Север небрежности и разгильдяйства не прощает. Да и олени его – вот же они, бродят по всему побережью! Но пока суть да дело, Бегичев решил поставить у самого берега рыболовную сетку-пушальню. Почти сразу же её поплавки запрыгали, и он, взяв «ветку» подплыл к «кормилице» и лихо выхватил из воды огромную, килограммов в десять нельму, из которой тут же сварили богатую уху и, наевшись до отвала, сразу же улеглись спать.

А на другой день к вечеру на оленях приехал Иван Горнок и привёз только что добытую им тушу дикого оленя. Охотясь за ним, он издалека, с вершины высокой сопки, увидел палатки лагеря Урванцева и, помня о договорённостях, поспешил к нему. Иван Горнок со своим стадом стоит не здесь, а в трёх километрах отсюда, в глубине тундры. А те олени, что в изобилии бродят вокруг, оказывается, вовсе не его, а дикие. При этом Иван очень удивился: как можно спутать дикого оленя с домашним? И ещё он сказал, что в этом году огромный «урожай» песцов в тундре. Едва ли не из-под каждой второй кочки, если встать на неё и потопать ногами, услышишь глухой лай и визг песцовых щенков, поскольку всё вокруг изрыто песцовыми норами.

Здесь, в дельте Пясины, Никифор Бегичев не переставал восхищаться: «Какой благословенный край для промысла! Всё есть: и рыба, и дикие олени, и песцы и морской зверь. И главное, избу тут легко можно поставить из плавника, который во множестве валяется по всему побережью». В основном, это лес, принесённый Енисеем во время половодий и потом выброшенный морским прибоем на берег.

Весь следующий день участники экспедиции под руководством Ивана Горнока занимались промерами глубин той протоки, по которой они прибыли к береговой кромке Карского моря. А затем ещё долго исследовали всё морское побережье вокруг, которое Иван знал, как свою ладонь. И все полученные данные тут же наносились на карту. Как и предполагал Урванцев, место, где сейчас стоит их лагерь, единственное, через которое могут идти морские суда вверх по Пясине. Всё остальное – сплошное мелководье, причём такое, что олени по нему не плавают, а ходят пешком, и вода не достаёт им даже до колен. Проехать по ним даже на лодке-ветке достаточно сложно.

Таким образом, всем стало ясно, что тут существует единственный реальный вход в великую реку Пясину, а потому мыс, где стоит теперь их лагерь, они так и назвали: «Входным». И под этим именем нанесли на карту. Топографы сообща поставили большой, хорошо видимый издалека

столб-мачту из плавника, как опознавательный знак входа из моря в реку. Впоследствии, уже после начала строительства Норильского горного комбината, здесь вырос довольно большой посёлок, также названный «Входным», через который вверх по Пясине отправлялись суда с грузами для этого грандиозного строительства.

Обследованием бара и всей дельты Пясины работа экспедиции была закончена. Теперь надо было думать о том, как возвращаться домой.

Можно, оставив здесь лодку с частью ненужного снаряжения, отправиться назад с аргишом Горнока, а можно уплыть на своей шлюпке морем до Диксона. Правда, Горнок со своим стадом будет идти на юг, к Норильску, очень медленно и появится там уже глубокой зимой, в ноябре, а может даже, и в декабре. Но зато у Урванцева и его команды в пути, скорее всего, не будет никаких проблем.

Плавание же по Карскому морю на вёсельной шлюпке чревато всякими неожиданностями и проблемами, связанными с погодой, ледовой обстановкой, поломкой шлюпки, белыми медведями, моржами или белухами и прочим. Но главное, никто не знает (радиосвязи-то тогда у них не было), как выбираться из Диксона: будут ли там пароходы, рыбацьи окаязии или какие-то санные караваны на юг или на запад – для них нужны олени или собаки, а удастся ли достать их на Диксоне, неизвестно. Правда, можно, не заходя на Диксон, на своей шлюпке сразу отправиться в Енисейский залив и там попытаться отыскать тот караван лихтеров, который каждый год вывозит рыбаков с их уловом до Енисейска. Но удастся ли его отыскать – это большой вопрос. После зрелых размышлений всё-таки решили от услуг Ивана Горнока отказаться и отправиться морем на запад на своей шлюпке, а там уж как Бог даст. Тем более, что вариант с аргишом, хотя и надёжный, но единственный, а «морской» вариант может быть связан с разными неожиданными возможностями. Поэтому, в конечном счёте, был выбран именно он.

Распростившись с Горноком, Урванцев со спутниками пожелали ему счастливого пути, а сами уже на другой день

свернули лагерь и, погрузившись в шлюпку, обогнули песчаную косу и морем отправились на запад. При движении они старались держаться поближе к берегу не только потому, что это безопаснее, но и для того, чтобы были видны выходы коренных пород, которые Урванцева, как геолога, весьма интересовали.

Поначалу берег был совершенно прямым, за три дня пути ни одной сколько-нибудь значительной бухты путникам не встретилось. Поэтому на стоянках лодку всякий раз приходилось разгружать и по каткам (благо, что повсюду валялось много круглых лесин) вытаскивать подальше на берег, опасаясь морского прибоя и сильных порывов ветра.

На четвёртый день пути случилось первое крупное происшествие. Во время стоянки, когда все готовились к путевой трапезе и непременно чаепитию, Пушкарёв взял винтовку и пошёл по берегу посмотреть, нет ли где поблизости диких оленей. Вскоре он бегом возвратился и сообщил, что, вместо оленя, встретился с огромным белым медведем, но не решился в него стрелять, а побежал за подмогой. Бросив все свои дела, Урванцев с Бегичевым, взяв винтовки, осторожно пошли по прибойной полосе, умело скрываясь за уступами береговой террасы.

Огромный белый медведь лежал на берегу неподалёку от прибойной полосы. Он спал. Охотники смело пошли ему навстречу, первым шёл Бегичев. Когда до медведя осталось метров пятьдесят, медведь, услышал шаги и поднялся во весь свой великолепный рост. Тут Бегичев сел на песок и сделал три прицельных выстрела. Медведь был убит наповал. Весьма довольные таким исходом дела, охотники сразу же в три ножа начали снимать с него шкуру.

Они довольно долго возились с этим непростым делом, но через некоторое время к ним прибежал взволнованный Базанов и сообщил, что у них на стоянке произошло чрезвычайное происшествие. Оказывается лодку они, хотя и вытаскивали на берег, но недостаточно далеко. А тут, откуда ни возьмись, налетел сильный порыв ветра, а с ним ударил и вал прибоя. Лодка попала в него, её повалило на бок и на-

чало бить о гальку. Надо ли говорить, что охотники, бросив добычу, кинулись спасать своё транспортное средство, ибо ничего важнее и дороже у них не было. С большим трудом, по пояс в ледяной морской воде, они вытащили уже частично замытую галькой лодку и тщательно осмотрели её. Она пострадала основательно: лопнули два шпангоута, отошёл кранец, в днище появилась большая трещина.

Делать нечего, пришлось ставить лагерь для того, чтобы заняться ремонтом, а заодно высушиться и отогреться самим. Слава богу, что вокруг валялось много всяческого плавника. Нашли хорошую крепкую листовницу, вырубил из неё новые шпангоуты³⁷ и усилили ими старые, а также укрепили корму. Щель в днище проконопатили, залили варом и обили железом. Затем шкуру с убитого медведя сняли до конца, прихватив с собою также и мяса (медвежатины) на пробу. На всё это ушло три дня работы.

Дальше путники вновь пошли на вёслах. Воспользоваться парусом им по-прежнему не удавалось, так как всё время дули либо встречные (западные), либо боковые (южные) ветра, а киля у их лодки не было. Для их паруса годился только попутный (восточный) ветер, а его-то как раз и не было. Однажды на свой страх и риск они попробовали было поставить парус, когда дул южный ветер, но лодку сразу же угнало в открытое море километров на десять. Тогда назад они еле-еле выгребли к берегу и более решили таких экспериментов не повторять.

А затем, 9 августа произошло ещё одно удивительное событие. Когда лодка следовала на запад в непосредственной близости от берега, Урванцев заметил в прибрежной гальке какие-то странные белые пятна, которые он поначалу принял за обломки кварцевых жил, которых, по его мнению, тут быть никак не могло. Он велел причалить к берегу для его осмотра, тем более что к тому времени они уже шли довольно долго, и экипажу следовало отдохнуть. И тут выяснилось, что бе-

³⁷ Шпангоут – поперечный брус, ребро корпуса судна, служащее основой для обшивки.

лыми пятнами были не куски кварца, а... листки бумаги. Это были странички из разорванных записных книжек, тетрадей и каких-то документов на английском языке. Всё это в беспорядке валялось вдоль береговой полосы на протяжении десяти метров. Изумлённому взору Урванцева предстали: размокшая записная книжка-календарь за 1903 год с фотографической карточкой, заполненная лишь в самом начале. Такая же книжка за 1904 год, частично разорванная, некоторые листки которой выпали и лежали рядом, другие, скорее всего, были вовсе утрачены. Книжка была заполнена, но она сильно намокла, буквы на её страницах местами слились, а местами оказались смыты, так что прочесть что-либо там было невозможно. Кроме того, повсюду валялись обрывки каких-то писем, печатных документов и текстов неизвестного предназначения, а также три исписанные тетради, частью разорванные на отдельные листы. Всё это, разумеется, отсырело, но кое-что всё-таки можно было прочесть.

Немного выше прибрежной полосы среди выброшенного на берег плавника путешественники обнаружили нечто вроде разграбленного склада из толстых лесин, сложенных в клетку. Внутри этого склада прежде кто-то сложил три больших пакета, зашитых в непромокаемую материю. На одном было написано по-английски: «Директору А. А. Бауэру. Отдел земного магнетизма Института Карнеги в Вашингтоне, США». На другом: «Господину Леону Амундсену, Христиания. Почта, рукописи, фотографии, карты, зарисовки». Содержимое третьего пакета в беспорядке было разбросано кругом, а сам он, пустой, валялся метрах в четырёхстах к западу. На его обложке можно было разобрать: «Господину Леону Андерсену, Христиания». Тут же рядом валялись самодельные подошвы из тюленьей кожи. Было ясно, что это почта, которую отправил Руал Амундсен из бухты Мод с членами своей экспедиции Петером Тессемом и Паулем Кнутсеном в Норвегию осенью 1919 года.

Вот перечень того, что удалось собрать тогда на песке участникам экспедиции Урванцева. Карманное заплесневевшее портмоне, в котором находились: пятьдесят три рубля

царских денег, а также двадцать рублей ассигнациями какого-то сомнительного архангельского белогвардейского «правительства»; семь серебряных и три медных норвежских монеты; пароходный билет на имя П. Л. Тессема; свёрнутый лист бумаги с адресом и наименованием какой-то американской фирмы и пять визитных карточек на имя Руала Амундсена с одинаковыми надписями (три на английском и две на русском языке). Вот их текст: «М. Г. не откажите в возможном содействии г-ну П. Л. Тессему

Руал Амундсен

при отправлении им телеграммы и в дальнейшем продолжении пути с почтой в Норвегию». Также здесь валялись: испорченный шлюпочный компас в полуразвалившемся деревянном футляре; походный одноминутный теодолит в раздавленной коробке; наполовину сгнившая кожаная походная сумочка с бинтами, марлей и двумя катушками плёнок; жестяной бидон ёмкостью около литра с остатками керосина и пустой раздавленный бак. Рядом находились: испорченный заржавевший бинокль театрального формата; одна алюминиевая и две железные немного помятые кастрюли; изгрызенная леммингами и почти напрочь сгнившая папка с чистой бумагой, фотографиями, вырезками из газет и двумя флагами – норвежским и американским. Далее отдельной кучкой лежали: лекала и транспортир, ртутный термометр в медном футляре, ржавый бритвенный безопасный прибор, а также заржавевшая готовальня в напрочь сгнившем футляре. Повсюду были рассыпаны пуговицы, нитки, мелкие пряжки и прочая фурнитура. На довольно большой площади валялись обрыв-

ки и ошметки одежды, обуви, белья и прочего конфекциона: разодранные на куски кальсоны, полустгнившая изорванная шапка финского покроя на бараньем меху, драные шерстяные носки и изорванные самодельные туфли из тюленьей кожи. Но самым удивительным было то, что нигде в округе не было никаких следов костра. Костёр, несомненно, свидетельствовал бы о том, что кто-то останавливался здесь на некоторое, более или менее продолжительное время. Нигде не было также никакой записки, в которой было бы сказано, кто, когда и почему оставил здесь всё это имущество.

Этот разграбленный склад экспедиция Урванцева нашла примерно в ста двадцати километрах западнее мыса Входного, что в устье Пясины, и в километре к востоку от устья реки Зелееева, где находится астрономический пункт лейтенанта Н. Н. Коломейцева, члена экспедиции барона Э. В. Толля. Разодранный пакет, поваленный сруб, рваное бельё и шапка, а также прочие безобразия свидетельствовали о том, что здесь побывал белый медведь, который, не найдя тут ничего съестного, всё раскидал, разодрал и убыл восвояси. При этом обращала на себя внимание свежесть бумаг, разбросанных на берегу в полосе прибоя. Первый же шторм или даже просто хороший дождь должен бы был смыть всё это в море или, по крайней мере, размочить бумаги так, что там ничего невозможно было бы прочесть. Но ведь этого не случилось, значит, разграбление склада произошло совсем недавно, может быть всего несколько дней назад. И все члены экспедиции сразу же вспомнили того медведя, которого они убили недавно. Скорее всего, это его лап дело. Это он учинил разгром склада, после чего пошёл дальше на восток, навстречу экспедиции Урванцева, то есть навстречу своей смерти.

В связи со случившимся приключением, путникам пришлось своё путешествие прервать и почти на двое суток стать лагерем для того, чтобы разобрать, привести в порядок и просушить вещи и, главное, бумаги экспедиции Руала Амундсена. Что и было проделано со всей возможной тщательностью: имя великого норвежца всем участникам экспедиции Урванцева было хорошо известно.

Поздним вечером 12 августа экспедиция вновь отправилась в путь дальше и после двенадцатичасового перехода, в устье реки Убойной остановилась на отдых возле двух полуразвалившихся избушек с амбарами при них, а также стоявшей невдалеке ещё одной избой, тоже нежилой. Рядом стоял и астрономический знак. В избушке оказались две пары вполне исправных лыж с клеймами известной норвежской фирмы «Хаген и Ко» и более ничего.

А на следующий день на восточном мысе бухты «Двух Медведей» перед последним переходом до Диксона путники решили стать на ночёвку. Пока готовился ужин, Бегичев, взяв винтовку, отправился вдоль по приливной полосе, но никакой добычи не встретил, но зато нашёл памятный знак. Одна сторона его замшела и подгнила, а другая оказалась хорошо сохранившейся. Славянской вязью на ней было написано: «1738 году августа 23 мимо сего мыса именуемого Енисея северо-восточного на борту Оби Почтольоне от флота штурманъ Федоръ Минин прошёл к осту оной в ширине 73° 14' N».³⁸

К вечеру 14 августа экспедиция Урванцева прибыла, наконец, на полярную радиостанцию острова Диксон, где её участники собирались ждать ледокольного парохода, который должен привезти новый состав зимовщиков, их снаряжение и провиант на весь зимовочный сезон. С тем, чтобы отправиться на нём на Большую землю.

Эта радиостанция была построена летом 1915 года, а работать начала с 1916 года. Расположена она на северном берегу бухты и состояла тогда из жилого дома, радиостанции, бани и склада. Кроме того, там был ещё и угольный сарай, построенный в 1902 году для экспедиции барона Э. В. Толля. Радиостанция для того времени была довольно мощной и имела постоянную связь с Дудинкой и полярной станцией Мааре-Сале на Ямале.

Вскоре из Дудинки на Диксон пришло сообщение, что смены нынче у полярников не будет, и пароход на Диксон не пойдёт. А нет людей на смену – нет и продовольствия.

³⁸ Судя по всему, дело было в районе шхер Миина.

Радиостанция на острове Диксон в Карском море

Впрочем, эта новость не очень-то расстроила полярников: запасов у них было предостаточно, а охота на оленей и добычливая рыбалка могли обеспечить свежим мясом и рыбой не только всех зимовщиков, но и их собачьи упряжки.

А вот участники экспедиции Урванцева расстроились не на шутку: в их планы зимовка на Диксоне никак не входила. И они решили немедленно плыть на своей шлюпке дальше, чтобы успеть догнать караван лихтеров, который будет непременно собирать рыбаков с тоней ниже устья реки Гольчихи. Правда, теперь вверх по Енисею они пойдут только вчетвером, поскольку И. В. Борисов по разрешению, полученному из Дудинки, оставался зимовать на Диксоне.

Перед отъездом следовало основательно запастись в дорогу мясом, поэтому Бегичев, Пушкарёв и Базанов отправились на охоту за дикими оленями на восточный берег материка, лежавший прямо против острова Диксон, а Урванцев остался переписывать дневник и приводить в порядок образцы, собранные в их нелёгком пути. Не прошло и часа, как вернулись обескураженные охотники с удивительным сообщением. Они нашли останки человека, скорее всего, одного

из исчезнувших норвежцев. Н. Н. Урванцев, как руководитель экспедиции, и Н. В. Ломакин, как начальник радиостанции, вместе с «охотниками», обнаружившими тело, отправились к месту происшествия для его исследования, составления подробного объяснения и точного описания ситуации.

Мёртвый человек лежал на высоком берегу метрах в четырёх от воды. Берег был крутым, сложенным базальтом и основательно отполированным льдами. Останки человека представляли собою скелет без ступней и кистей рук, вероятно отгрызенных песцами. Кожа сохранилась только на голове, на самой макушке. На нижней челюсти справа последний коренной зуб был запломбирован цементом. Скелет был одет в две егерские фуфайки и синюю фланелевую рубашку с карманами. Всё это было заправлено в меховые штаны, стянутые кожаным корсажем, пришитым к штанам. Шапки на голове не было. На обрубке правой ноги виднелись остатки меховой обуви из шкуры нерпы. Ниже пояса от его одежды остались лишь отдельные обрывки. Фуфайки были практически целы, а фланелевая рубашка почти целиком истлела. Сверху скелет был одет в брезентовый балахон, сохранившийся лишь на рукавах, на туловище от него остались одни лохмотья. Ниже по склону невдалеке валялась шерстяная рукавичка. В стороне слева лежал разорванный пополам шарф, а справа – лыжная палка, сломанная в нескольких местах и связанная шпагатом. Выше на два метра по склону валялся нож промыслового образца с изогнутым концом. В карманах фланелевой рубашки находились винтовочные патроны, коробка спичек, перочинный нож и маленькие ножницы. Никаких документов при трупe не было. Около пояса лежали металлические карманные часы, на задней крышке которых было выгравировано по-английски: «Полярная экспедиция Циглера. Петеру Л. Тессему, корабельному плотнику судна "Америка". В благодарность за его добровольное желание остаться в лагере Амбурцкого 1901–1905 гг. От Антони Фиала и основателя В. М. Циглера». На ремешке у пояса висели свисток и обручальное кольцо с гравировкой на внутренней стороне: «Паулина». Ни лыж, ни винтовки поблизости не

было. Погибший лежал навзничь, на земле, но сразу под его ногами шёл гладкий каменный склон. Руки несчастного были вытянуты вдоль тела, левая нога – прямая, правая – немного подогнута.

Такое положение погибшего – навзничь, с подогнутой ногой – говорило о его внезапной гибели на ходу, а не на отдыхе. Усталый человек обычно стремится прилечь или, хотя бы, присесть возле какого-нибудь укрытия и в этом положении замерзает. Тут поза погибшего, положение его тела в начале крутого гладкого каменного склона свидетельствовала о том, что, спускаясь по нему, человек поскользнулся, упал и потерял сознание, даже, может быть, получив сотрясение мозга, и замёрз. Истощён и ослаблен он был чрезвычайно, в этом нет сомнения, и, скорее всего, замёрз, не приходя в сознание.

Тут важно отметить ещё и то, что обувь норвежца была сделана из кожи нерпы. Четыре дня назад у речки Зеледеева, разбирая содержимое разграбленного медведем тюка, члены экспедиции Николая Урванцева среди прочего имущества нашли и туфли с запасными подошвами к ним, сделанные из тюленьих шкур. Должно быть, норвежцы, добывая нерп, их мясо пускали в пищу, а шкуры – на обувь. (Впрочем, вполне может быть, что нерпичьи обувь и шкуры были взяты посланцами Амундсена про запас ещё с судна.) Давно известно, что нерпичьи сапоги – незаменимая обувь для полярных походов,

Останки погибшего норвежца у острова Диксон

непромокаемая и прочная – имеют чрезвычайно скользкие подошвы. На каменном гладком склоне они, скорее всего, его и подвели: он поскользнулся сразу обеими ногами, упал с размаху навзничь, сильно ударившись головой о камень, что и привело его к смерти.

Найденные при погибшем обручальное кольцо и часы вроде бы устанавливали его личность: Петер Тессем, жену которого как раз звали Паулиной. Однако тот факт, что обручальное кольцо находилось на ремешке у пояса, а не на пальце, у многих вызывало сомнение в достоверности этой версии. Они полагали, что кольцо могло быть снято с умершего в пути Тессема, и Кнутсен взял его себе для того, чтобы потом, в Норвегии, передать родственникам умершего. У норвежцев (да и у прочих народов тоже) есть обычай: надев обручальное кольцо, не снимать его до самой смерти. Вместе с тем, известно также, что сильный мороз крепко холодит пальцы под металлом, и при длительном пути на сильном холоде есть опасность отморозить не только палец, но и всю кисть. Опытные путешественники, отправляясь в далёкую дорогу суровой зимой, в связи с этим как раз снимают обручальные кольца. Очень вероятно также и то, что и часы принадлежали погибшему. Вряд ли его спутник стал бы брать чужие именные часы. У него наверняка были свои, а если бы он и взял их, у него было бы двое часов.

Впрочем, заниматься обстоятельным следствием для выяснения, чей же это всё-таки труп, у путников не было ни времени, ни сил, ни возможностей. Да и задача такая, честно сказать, перед экспедицией Урванцева не стояла. Поэтому, посоветовавшись с начальником радиостанции Диксона Н. В. Ломакиным, они решили считать находку трупом Петра Тессема, найденные останки и все связанные с ними предметы подробно заактировать, а бывшее тело придать земле. А если у кого-то и возникнут вопросы, пусть ответами на них занимаются соответствующие органы.

Ни одного гроба на полярной станции Диксон найти, конечно же, не удалось, поэтому предполагаемые останки Тессема положили в большой фанерный ящик и похоронили

тут же, немного выше по склону, рядом с тем местом, где их и обнаружили. Над могилой соорудили небольшой холм из некрупных камней и поставили памятный знак: бревно с затёсом из плавника, на котором была вырезана дата захоронения³⁹. Затем сообща выстрелили залпом в воздух из винтовок, отдав последний долг отважному полярнику, после чего свою миссию посчитали оконченной. Сами же вновь вернулись на полярную станцию для того, чтобы как можно быстрее отправиться на вёслах в Енисейский залив в надежде встретиться с «рыбацким» караваном лихтеров или каким-нибудь судном, отправляющимся вверх по великой реке хотя бы до Дудинки. Они должны были спешить: наступал сентябрь месяц и через неделю-другую в устье Енисея мог начать образовываться лёд. Забереги возле берегов там уже были.

Распростившись с гостеприимными зимовщиками Диксона, экспедиция Урванцева на вёслах через день отправилась в свой дальнейший путь. И вновь погода им не благоприятствовала. Осенью муссонные ветры северных румбов переходят тут на южные, и потому вновь оказываются встречными, «любовыми» для всех путешественников, плывущих на юг, вверх по течению Енисея. Так что выгребать против них мучительно трудно, а скорость движения шлюпки становится почти нулевой. Неподалёку от бухты Широкой экспедиция Урванцева повстречала лодку промысловика Фролова, который вместе с женой выбирал сети, готовясь отправиться к себе в зимовьё, расположенное ниже по течению в бухте Омулёвой. Промысловики, разумеется, хорошо знали Никифора Бегичева и относились к нему с почтением, а потому сразу же пригласили встреченных путников к себе в гости на ночлег. При этом они пояснили, что идти в такой ветер вверх по течению Енисея на вёслах бессмысленно, а ждать ночи, когда он хотя бы немного стихает, глупо, поскольку уже часам к восьми вечера становится так темно, что это чревато серьёзной опасностью.

³⁹ В 1958 году останки норвежца (к тому времени выяснилось, что это был всё-таки Петер Тессем) перенесли на край мыса у полярной станции Диксон и над его могилой поставили памятник – гранитную глыбу на пьедестале. Будучи на Диксоне в 1991 году, я своими глазами видел его.

А главное, пароход «Ангара», который ведёт «рыбачий» караван лихтеров в Енисейск, сейчас пережидает непогоду в Шайтанской Курье, километрах в шестидесяти отсюда.

На другой день утром ветер не только не стих, но даже усилился, став почти штормовым. Однако за ночь он полностью переменяет направление с южного на северное и из встречного превратился в попутный. У команды Урванцева появилась возможность догнать «Ангару», поставив парус. Конечно, при этом была большая опасность – их шлюпка была латаной и битой, а потому могла в любой момент дать течь или даже опрокинуться. Но они решили рискнуть, поскольку им никак не улыбалась перспектива остаться на зимовку в бухте Омүлёвой. А догнать на вёслах «Ангару» было, похоже, нереально даже при попутном ветре и таким молодцам, как спутники Урванцева

Как только они вышли на вёслах на просторы Енисейского залива и поставили парус, лодка рванулась вперёд, как необъезженный жеребец, и тут понадобились вся богатырская сила и морской опыт Никифора Бегичева, чтобы удерживать её «в узде». Словом, уже к семи часам вечера, в сгущающихся сумерках они причалили к «Ангаре», стоящей в Шайтанской Курье и собирающейся наутро отправиться в путь при любых обстоятельствах. Ибо капитан всерьёз начал опасаться ледового плена. С лихтера парусную лодку, ведомую Бегичевым, заметили издали и были в недоумении: что же это за судно их догоняет? В сумерках рефракция значительно увеличивает размеры лодки и особенно паруса, поэтому казалось, что это какая-то парусная шхуна или даже яхта ледового класса. Матросы «Ангары» даже спорили, откуда она идёт: из Архангельска или из-за границы? Но увидев, что это всего лишь вёсельная шлюпка с парусом, пришли в полное восхищение. Ещё бы, совершить более, чем тысячекилометровый поход на рыбачьей вёсельной шлюпке, в том числе и по Карскому морю – это иначе, как морским подвигом не назовёшь! Надо ли говорить, что героям была устроена торжественная встреча, и они до самого конца рейса стали тут знаменитостями, так что матросы «Ангары» относились к ним с большим почтением.

В Дудинке участники водной экспедиции Урванцева распрощались со своим лоцманом Н. А. Бегичевым и его труженицей-шлюпкой, но зато при этом приобрели попутчиков из числа участников Норильской зимовки, которые давно прибыли оленьим караваном и ждали здесь парохода до Енисейска. Они уже знали, что путешественники по Пясины не только добрались до Диксона, но даже и выехали из него вверх по Енисею. Великое благо цивилизации – радиосвязь! Однако никакие детали этого огромного путешествия были им, разумеется, неизвестны.

В Дудинке Урванцева поджидала ещё одна удача. Он повстречался здесь с Г. Д. Красинским, уполномоченным «Севморпути», совершавшим в 1922 году путешествие из Петербурга до устья Енисея с целью ознакомления с работой полярных станций, их служб, радиостанций и ледовой обстановки во время навигации. Корабль, на котором Красинский пришёл в Дудинку, оставался тут на зимовку с тем, чтобы вернуться назад, в Петербург, в следующую навигацию, а инспектор Красинский должен был отправиться вверх по Енисею до Красноярска для того, чтобы вернуться в Москву уже железной дорогой. Ему-то с соблюдением всех положенных формальностей и препоручил почту Руала Амундсена Н. Н. Урванцев, а также собственный доклад, который он написал тут же, при нём, о находке этой почты и останков погибшего норвежца. Он попросил инспектора Красинского сдать все эти материалы в Наркоминдел РСФСР⁴⁰ для срочной пересылки в Норвежское королевство.

Через некоторое время по прибытии в Томск Н. Н. Урванцев сделал на коллегии «Сибгеолкома» большой обзорный доклад о проделанной работе. В нём он рассказал, что установленная судоходность реки Пясины существенно превышает тот уровень, который может понадобиться для нужд какого-либо серьёзного промышленного строительства в Норильске. Мало того, на первых порах вполне можно будет возить каменный уголь до Диксона баржами и этим же путём

⁴⁰ СССР был образован только в конце декабря 1922 года.

завозить грузы в Норильск для строительства. Прокладка железной дороги от реки Пясины до месторождения (всего двенадцать – пятнадцать километров) не представит большой трудности, так как грунт там крепкий и хорошего леса для шпал вполне достаточно. Топографические съёмки на основе определённых астрономических пунктов позволят составить предварительную судоходную карту реки Пясины, озера Пясино и реки Норильской («Норилки»), которую, впрочем, впоследствии надо будет, конечно, уточнить для создания полной лоции всего Пясинского региона.

С помощью круглогодичных метеонаблюдений удалось установить, что зимние работы в Норильске вести вполне возможно. Даже пятидесятиградусные морозы не могут тут быть для этого препятствием, так как они всегда сопровождаются штилевой погодой. А вот сильные ветры южных и юго-западных румбов – это в здешних местах настоящее большое несчастье. При скоростях ветра в пятнадцать – двадцать метров в секунду работать на открытом воздухе очень трудно, а при скоростях более двадцати метров просто невозможно. Но таких дней в году бывает не слишком много. Так за всю зиму 1921–1922 годов, с октября по апрель, их было всего двенадцать, правда, при половине из них скорость ветра была более тридцати метров в секунду. Тут вообще говорить было не о чем. Подземные горные работы можвскйно, конечно, вести при любой погоде. Трудно только в такие дни добираться от жилища до места работы. Тут придётся ставить вешки или натягивать канаты, чтобы не сбиться в пути.

Итак, предварительную разведку каменноугольного месторождения на горе Шмидта можно было считать законченной. Далее уже следовало заниматься его подготовкой к реальной эксплуатации с помощью подземных горных выработок, осуществляя пробную добычу и доставку угля к устью Енисея. Впрочем, эти работы были уже прерогативой промышленных организаций, в первую очередь – Комитета Северного морского пути («Комсевморпути»). А Сибгеолком свою работу здесь выполнил, причём выполнил более, чем достойно. Можно сказать даже, блестяще. Теперь ему

необходимо было заниматься изучением медно-никелевого месторождения «Норильск-1», открытого в 1920 году на северном склоне горы Рудной.

Однако, как ни странно, вовсе не важнейшие геологические, топографические и геодезические работы, прекрасно выполненные в тяжелейших условиях Крайнего Севера, стали предметом гордости и принесли славу их исполнителям. Настоящей мировой сенсацией стала находка экспедицией Урванцева почты Амундсена и разъяснение трагической судьбы доставщиков этой почты от моря Лаптевых в Норвегию («арктических почтальонов»).

Дело в том, что мечта о покорении Северного полюса много лет не давала покоя многим полярным исследователям, прежде всего самым опытными, отважными и успешными. В числе их были и такие знаменитости, как норвежцы Фригьёф Нансен и Руал Амундсен.

Нансен на основе находок у берегов Гренландии стволов сибирского леса и останков судна «Жанетта» экспедиции Де-Лонга, раздавленного льдами севернее Новосибирских островов, пришёл к убеждению, что они могли попасть туда только с дрейфующими льдами, двигавшимися через весь полярный бассейн мимо Северного полюса. Ибо по-другому они оказаться там не могли никак. Поэтому следует построить достаточно прочное судно ледового класса с яйцевидным корпусом, способное при сжатии льдов не ломаться, а всего лишь выдавливаясь вверх. Далее следует войти на нём в многолетние паковые льды где-нибудь у северо-восточных сибирских островов, где оно будет вместе со льдами двигаться в околполюсном пространстве и, в конце концов, непременно окажется в Гренландском море. А по дороге либо пересечёт Северный полюс, либо окажется в непосредственной близости от него.

Такое судно было построено⁴¹, и на нём Нансен в 1893 году от Новосибирских островов отправился в своё авантюрное путешествие, которое через три года вынесло его к северу

⁴¹ Оно называлось: «Фрам», что по-норвежски означает: «Вперёд!».

от Шпицбергена. При этом никто из членов экипажа судна не погиб. Мало того, этот экипаж даже увеличился: в пути ошенилась ездовая сука. Однако главная цель достигнута не была. Судно пронесло довольно далеко от полюса, в восьмидесяти шести градусах северной широты.

В 1918 году этот авантюрный дрейф решил повторить другой знаменитый норвежский полярный исследователь Руал Амундсен на судне такого же типа, которое было построено по его чертежам и названо им «Мод» (в честь тогдашней норвежской королевы)⁴². Руал Амундсен был уверен, что учтёт все ошибки своего предшественника и непременно добьётся успеха. И прежде всего, он вморозит своё судно намного восточнее и севернее, чем это сделал Нансен.

Плавание шхуны «Мод» было очень тяжёлым. В навигацию 1918 года удалось пройти только пролив Вилькицкого и, встретив далее сплошные льды, зазимовать у восточных берегов Таймыра. В следующую навигацию судно прошло недалеко на восток – за устье реки Колымы и зазимовало у острова Айон, а в 1920 году – возле мыса Сердце-Камень. Лишь в 1922 году судно «Мод» удалось вморозить в сплошной лёд и лечь в дрейф, но, к сожалению, произошло это не в приполярных, а в приматериковых льдах. В течение двух последующих лет оно болталось потом параллельно сибирским берегам всего лишь в пятистах километрах от Евразийского материка и вновь возле суши очутилось лишь невдалеке от северного края Новосибирских островов, где и остановилось.

Во время первой зимовки у берегов Восточного Таймыра в бухте, также названной ими «Мод» (то ли в честь королевы, то ли в честь шхуны), моряки из экспедиции Амундсена сложили на берегу из камня-плитняка хижину, в которой вели магнитные, астрономические и метеорологические наблюдения. После вскрытия льдов 12 сентября 1919 года судно

⁴² Мод Шарлоотта Мариия Виктория – младшая дочь английского короля Эдуарда VII и Александры Датской; супруга норвежского короля Хокона VII и мать следующего норвежского короля Улафа V.

«Мод» вырвалось из ледового плена и отправилось дальше на северо-восток, а два участника экспедиции – Пауль Кнутсен и Петер Тессем остались на берегу с тем, чтобы вернуться в Норвегию и доставить туда почту и материалы зимних научных наблюдений. Им предстояло прожить в каменной хижине экспедиции до замерзания рек, а затем пройти почти тысячекилометровый путь до Диксона. При отправлении в дорогу в своей каменной хижине они оставили записку, датированную 15.10.1919 года, в которой было написано: «Моторное судно "Мод" ушло на восток, а мы отправляемся на запад, к Диксону для того, чтобы доставить научные данные и почту экспедиции в Норвегию. У нас есть собаки, нарты и необходимое снаряжение. Тессем и Кнутсен».

Однако посланцы Амундсена до Диксона не дошли, а бесследно растворились в ледяной безвестности. Только зимой 1920 года в Норвегию пришло письмо Руала Амундсена с сообщением о походе П. Тессема и П. Кнутсена, но более ничего о «норвежских посланцах» известно не было. По настоянию Фритьофа Нансена правительство Норвегии отправило на Диксон экспедицию для поиска «норвежских почтальонов» на шхуне «Хэймен» под руководством Хуле Хансена и Ларса Якобсена.

Эта шхуна 12 августа 1920 года вышла из Тромсё и уже 23 августа была на Диксоне, но пробиться далее на восток, к мысу Вильда из-за тяжёлой ледовой обстановки не смогла. Да к тому же у них поломалась судовая машина, и они должны были вернуться на Диксон и зазимовать там.

Правительство и король Норвегии весной 1921 года вынуждены были обратиться к Советскому правительству за помощью в поиске норвежских полярников. Единственным человеком, способным организовать такую поисковую экспедицию, был новый «хозяин Таймыра» Никифор Бегичев, бывший, как известно, в своё время боцманом шхуны «Заря» в экспедиции барона Э. В. Толля и ординарцем адмирала А. В. Колчака. У Бегичева уже был опыт спасательного похода в 1915 году к зимующим во льдах пароходам «Таймыр» и «Вайгач». С огромным трудом тогда он справился с этой

задачей, имея аргиш из пятисот рабочих оленей, девяти проводников и двадцати пяти лёгких нарт.

Новый поисковый отряд Н. А. Бегичева, в который входили также капитан Якобсен и переводчик Карлсен, двинулся из Диксона на восток, тщательно обследуя побережье, обходя все заливы, бухты и мысы. Вскоре в глубине бухты Михайлова Никифор Бегичев нашёл на песчаной косе угли большого костра из плавниковых дров, чьи-то обгоревшие кости, а также много разного, разбросанного в беспорядке мелкого барахла. Он решил, что нашёл место гибели одного из «норвежских почтальонов», но это единственное, что смогла сделать тогда его экспедиция. Конечно, это был не тот результат, о котором они мечтали, но всё-таки хоть какой-то, да результат. Потому-то с такой настойчивостью Никифор Бегичев и просился в отряд к Урванцеву, надеясь получить ещё один шанс найти что-то, касающееся пропавших «норвежских почтальонов». Кроме того, могу добавить, что много лет спустя, выяснилось, что и этого скудного результата не было. Ибо нашёл тогда Никифор Бегичев в бухте Михайлова стоянку не норвежских «почтальонов», посланцев Руала Амундсена, а моряков с судна «Геркулес» русской полярной экспедиции, руководимой Владимиром Александровичем Русановым⁴³, о судьбе которой, к сожалению, больше ничего не известно до сих пор.

Тут следует, наверное, посетовать на несправедливость судьбы. Судите сами: Никифор Бегичев, поддерживаемый норвежским правительством, несмотря на упорные, самоотверженные поиски, на огромные затраты, на весь свой опыт и большой авторитет, за целый год так и не смог найти ничего, что было бы связано с «почтовым» походом Тессема и Кнутсена. А Николай Урванцев, который и не собирался ничего этого искать, а всего-навсего возвращался домой после трудной, но прекрасно выполненной работы, получил разом три(!) удивительных находки, поданных ему букваль-

⁴³ Как известно, именно капитан Владимир Русанов стал прообразом капитана Татаринова из знаменитого романа Вениамина Каверина «Два капитана».

но «на блюдечке с голубой каёмочкой». (Третьей находкой следует считать неожиданную встречу в Дудинке Урванцева с Красинским, ответственным чиновником «Севморпути», который ехал в Москву и согласился взять с собой груз для посольства Норвегии.)

Известие о находке почты Руала Амундсена стало мировой сенсацией, а Николай Урванцев – знаменитостью среди полярных исследователей. За этот свой «научный подвиг» (а, в сущности, за огромную удачу), Урванцев впоследствии был награждён Норвежским правительством именными золотыми часами. Правительство РСФСР тоже не осталось в стороне и наградило «счастливчика» большой серебряной медалью имени Н. М. Пржевальского⁴⁴. Узнав об этих наградах Николая Урванцева, ужасно обиделся Никифор Бегичев, полагая это открытие их общим и считая себя, по крайней мере, не менее достойным государственных наград, чем Николай Урванцев.

Вместе с тем, с формальной точки зрения тут придраться было не к чему. Находка была сделана экспедицией, которую возглавлял Урванцев (и официально, и фактически). Почта была получена адресатами юридически оформленным порядком через государственные организации и службы. В таких случаях всегда лавры достаются руководителю экспедиции – такова мировая практика. Вместе с тем, личность и авторитет Никифора Бегичева были настолько значительны, что не считаться с этим было невозможно. И тогда Правительство Норвегии (а может, сам король Хокон VII) приняли «соломоново решение»: они решили вручить и Бегичеву такие же золотые часы, как и Урванцеву, с такой же самой гравировкой. Слава богу, другие члены экспедиции Урванцева на подобную награду не претендовали.

⁴⁴ По другим данным, именными золотыми часами наградил его король Норвегии, а не правительство этой страны, а серебряной медалью имени Н. М. Пржевальского – Всероссийское географическое общество «за комплекс географических и геолого-разведочных работ 1919–1923 гг.».

Глава 5

Вторая зимовка в Норильске

Итак, угольное месторождение горы Шмидта («Шмид-тихи») было полностью разведано, изучено и подготовлено к эксплуатации. Были подсчитаны его перспективные запасы, а также установлены и нанесены на карту пути транспортировки топлива до Енисея. Встал естественный вопрос: что разведывать дальше? Логичным продолжением геологической работы в районе Норильска казались разведка и изучение медно-никелевого месторождения горы Рудной.

Однако в двадцатые годы XX века необходимость этих работ в высоких широтах Арктики была более, чем сомнительной. Никель, так же как, скажем, и алюминий, был в ту пору всего лишь элементом таблицы Д. И. Менделеева и особенно практического применения, в сущности, не имел. Что же касается меди, то потребность в ней полностью удовлетворялась из месторождений Урала, Южной Сибири и Средней Азии, где добывать её было намного проще и дешевле. Однако при подробном анализе образцов горы Рудной оказалось, что норильская руда, кроме этих главных металлов, в большом количестве содержит также и металлы платиновой группы. А это совершенно меняло дело, поскольку в те времена платина ценилась даже выше золота. Так что необходимость разведки медно-никелевого месторождения Норильска в глазах высшего партийного и советского начальства мгновенно стала насущной.

Н. Н. Урванцев тут же был вызван из Томска в Москву в Горный отдел Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) для доклада об организации рудных работ в Норильске. Было решено незамедлительно продолжить геологическое изучение полиметаллического месторождения горы Рудной и начать его разведку не только подземными горными разработками, но непременно и бурением. Работы следовало начать летом 1923 года и вести их круглогодично. Финансирование и снабжение разведочных работ было возложено на Централь-

ное управление промышленных разведок (ЦУПР) Горного отдела ВСНХ, а научное и техническое руководство – на Петроградский геологический комитет.

К тому времени в стране уже всюю хозяйничал разухабистый НЭП, и за деньги можно было приобрести практически всё, что угодно. Но вот как раз денег-то у команды Урванцева не было почти совсем. Несмотря на более, чем щедрую смету, утверждённую на самом высоком уровне, вместо денег на работу и обустройство экспедиции им были выделены только особые «чеки взаимных расчётов» и реализовывать их можно было только через Госбанк («по безналичному расчёту», как сказали бы теперь). Но новые хозяева жизни – «нэпманы» – вести расчёты соглашались лишь в настоящих деньгах, в червонцах (только что введённой тогда твёрдой валюте). Во-первых, потому что они не хотели проводить свои финансовые операции через Госбанк (то есть фактически на глазах у контролирующих органов). Во-вторых, потому что далеко не всегда понимали, что такое – эти «чеки взаимных расчётов». В-третьих, потому что не очень-то доверяли советским властям да к тому же ещё и очень надеялись на их скорый естественный конец.

К счастью, в Петрограде на помощь норильским геологам пришёл начальник Горного отдела ВСНХ, младший брат Председателя ЦИК Я. М. Свердлова – Вениамин Михайлович Свердлов. И хотя ещё в марте 1919 года его знаменитый старший брат умер, но память о нём в то время была достаточно свежа, и легко открывала двери многих серьёзных партийных кабинетов. (Это, впрочем, не помешало А. Я. Вышинскому и Л. П. Берия в 1939 году вынести младшему брату пламенного вождя революции смертный приговор и привести его в исполнение «за участие в контрреволюционной троцкистской деятельности».)

Ещё в 1920 году В. М. Свердлов задумал организовать Урало-Сибирское отделение единого Геологического комитета (УСО Геолкома) ВСНХ, составив для Урала и Сибири общую программу геологических работ, куда Норильск должен был входить важнейшей строкой. К тому же теперь

даже малообразованным партийным лидерам стало ясно, что это детище явилось на свет отнюдь не мертворождённым, но, напротив, более чем здоровым и полезным. Оно росло, развивалось и требовало поддержки. Практичный В. М. Свердлов сразу понял это и принял в судьбе Норильска большое участие. Дело в том, что даже в обеих столицах Советской России того времени без поддержки «сильных мира сего» – партийных лидеров и приближённых к ним – по «чекам взаимных расчётов» получить что-либо из материалов, продуктов, товаров или оборудования было практически невозможно. Ибо хитрые местные дельцы на базах, складах и предприятиях, а также в конторах и организациях, не говоря уже о магазинах, придумывали сотни уловок, поводов, резонансов и ухищрений, чтобы с этими «чеками» не связываться. Заставить их переменить своё отношение могли только «сопроводительные записки», подписанные партийными лидерами, которые строго напоминали о «партийной дисциплине», «особой государственной важности», «саботаже», а также прочих «далеко идущих последствиях».

Особенно беспокоили Урванцева вопросы, связанные с приобретением горного и кузнечного оборудования, моторов для буровых станков и, конечно же, взрывчатки. Без всего этого вести разведочные работы на рудные полезные ископаемые было невозможно. Более всего ему нужен был портативный и лёгкий буровой станок, который можно было бы свободно перевозить на оленях и даже, в случае необходимости, переносить на руках. Эта задача оказалась непосильной даже для практически всемогущего В. М. Свердлова, однако с его помощью всё-таки удалось приобрести тяжёлый буровой станок Вирта, который, хотя и весил около тонны, но зато был разборным. Правда, и составные части его весили по сто – сто пятьдесят килограммов каждая, но перевозить их на оленях или даже вручную затащить по крутым склонам гор всё-таки было можно.

Следующей важной проблемой было приобретение мотора для бурового станка, ибо бурить скальные породы вручную – это каторжный и, главное, непроизводительный труд, а раз-

борный станок Вирта, который им смогли предложить, был без двигателя. Обойдя все столичные магазины технического обеспечения, Николай Николаевич нашёл в одном из них два довольно мощных лодочных мотора шведской фирмы «Архимед». Он решил пока приобрести их, полагая, что здесь, на Таймыре, местные сибирские Кулибины как-то сумеют приспособить эти водоплавающие машины и для буровых работ. Кроме того, в ЦУПРе Урванцеву пообещали выдать чёрные алмазные коронки для бурения самых твёрдых горных пород.

Что же касается взрывчатки, то приобрести её на «чеки взаимных расчётов» было несложно, ибо к числу дефицитных товаров она никак не принадлежала. Но зато было непонятно, как перевезти этот страшный груз в таком количестве по железной дороге от Москвы или Петрограда до Красноярска. Для этого нужен бы был отдельный состав, а это стоило очень дорого. Поэтому Вениамином Свердловым были отправлены грозные телеграммы в Новониколаевск, в местный Сибревком и в Сибирский Совнархоз, о выделении экспедиции Н. Н. Урванцева нужного ей количества лучшей взрывчатки с базы треста «Енисейзолото» в Красноярске. Хорошая взрывчатка – динамит – повсеместно употреблялась тогда на Сибирских приисках для проходки кварцевых золотоносных жил.

К этому времени всё управление безбрежной Сибирью – Сибревком, Сибирский совнархоз, Сибгеолком и прочие организации такого рода – были переведены из сибирских влиятельных городов – Омска, Томска, Красноярска, Иркутска и других – в новый, молодой, буйно развивающийся Новониколаевск, который вскоре почти официально стали именовать «некоронованной столицей Сибири», а затем и вовсе переименовали в Новосибирск. Та же участь, видимо, ожидала и Урало-Сибирское отделение Геолкома ВСНХ, куда вскоре были направлены из Москвы и Петрограда соответствующие приказы и постановления, касающиеся разведки рудных полезных ископаемых Норильска. Надо ли говорить, что местное советское пугливое начальство тотчас приняло это к сведению и чётко отрапортовало: «Будет сделано!»

В то время, несмотря на некоторое улучшение хозяйственной деятельности, в стране (особенно на периферии) царил тотальный дефицит всего на свете. Поэтому приобрести нужные вещи, продукты или материалы можно было либо с помощью обмена («баш на баш», как говорили тогда), сделки («услуга за услугу») или конкретной договорённости («ты – мне, я – тебе»). Лучше всего, разумеется, это понимали опытные хозяйственники из провинции, и в их числе – надёжная «правая рука Урванцева» – верный завхоз Андрей Иванович Левкович. Он срочно был вызван Урванцевым из Томска в Новониколаевск, где сразу же развил кипучую деятельность.

Первым делом «великий завхоз» посоветовал Урванцеву приобрести в Москве, на пресловутые «чеки взаимных расчётов» те товары, которые особым спросом в столицах не пользовались, но которым цены не было в далёкой Сибири: кипы мануфактуры, плиточный чай в цыбиках⁴⁵, табак, сахар и винтовочные патроны. Он справедливо полагал, что этот «провинциальный дефицит» в далёкой Сибири да ещё с помощью местных сибирских властей легко можно будет обменять на самые необходимые в Арктике вещи: валенки, полушубки, овчинные рукавицы, шапки и даже на кое-какое буровое и горное оборудование. Мало того, столичный дефицит оказался незаменимым и при расчёте за работу с рабочими, пастухами, проводниками, при приобретении оленей на мясо, рыбы и прочих остро необходимых товаров. Бдительный завхоз А. И. Левкович быстро понял, что эту «валюту» надо экономить изо всех сил и пользоваться ею только в случае острой необходимости. И ни в коем случае не транжирить её в тех случаях, когда можно обойтись услугами местных кооперативных организаций. А для этого он завёл много полезных знакомств в совершенно неизвестном ему прежде Новониколаевске. Особенно близко он сошёлся с главным инженером горного отдела Сибирского Совнархоза

⁴⁵ Цыбик – короб, обшитый кожей, или специальный ящик для перевозки из Китая или Японии чая от 40 до 80 фунтов весом.

И. А. Матрошилиным, который стал ему едва ли не родным человеком. С его помощью он добывал почти всё для нужд экспедиции за «чеки взаимных расчётов» муку, сухари, сушки, крупы, а также кое-что из сибирской одежды и обуви из расчёта на двадцать пять зимовщиков. (Напомню, что в первой зимовке в Норильске их было восемь человек.) Кроме того, он таким же образом умудрился достать здесь штанги и обсадные трубы для бурения на сто пятьдесят метров вглубь, понимая, что глубже бурить им, скорее всего, не придётся. Матрошилин вскоре познакомил Левковича с семьёй своей невесты Кати Корешковой. Все они (четыре брата и сестра Катя) были горными инженерами и техниками, а потому вскоре под влиянием Н. Н. Урванцева сильно увлеклись идеей построения собственного горнорудного комплекса на северном Таймыре. При этом младший из братьев, Виктор Корешков, впоследствии стал незаменимым помощником едва ли не во всех последующих таймырских экспедициях Н. Н. Урванцева.

Таким образом, в хлопотах и ожиданиях, разочарованиях и успехах, удачах и неудачах прошёл весь май 1923 года, когда формировалась вторая Норильская зимовка экспедиции Урванцева. И, в конечном счёте, обеспечить её работу художественно удалось.

Последней и, может быть, самой важной акцией было получение необходимых лекарств и медицинских материалов на весь год. Разумеется, просто так, без посторонней помощи получить нужные лекарства и препараты в таком количестве в столичных аптеках было невозможно. Буквально ничего, даже йода и ваты. Пришлось вновь прибегать к помощи всемогущего Вениамина Михайловича Свердлова. Разумеется, заранее был составлен обширный список лекарств, материалов и снадобий по принципу: «если дадут хотя бы половину, это всё равно будет большой удачей». Обстоятельный В. М. Свердлов сопроводил список подробным письмом и, вручив его врачу экспедиции Елизавете Ивановне Найдёновой⁴⁶, пожелал ей

⁴⁶ Елизавета Ивановна Найдёнова вскоре превратилась в Елизавету Ивановну Урванцеву.

удачи, после чего та отправилась на приём к наркому здравоохранения Н. А. Семашко.

Наркома на рабочем месте не оказалось: он простудился и лечился у себя дома. Елизавета Ивановна, узнав в наркомате номер его домашнего телефона, запросто позвонила наркому на дом (в те времена это было вполне возможно). Против ожиданий, Н. А. Семашко нисколько не удивился звонку посланницы Таймыра и любезно сказал:

– Приезжайте. Я пока ещё не выхожу из дома, но уже работаю, – и сообщил свой домашний адрес

Он принял визитёршу в халате (за что высокопарно извинился), внимательно просмотрел список, кое-что добавил в него (а отнюдь не убавил!) и в заключение сказал:

– Все вы – люди молодые, будете на самом Крайнем Севере довольно долго, надо ведь и вам как-то по-человечески встретить Новый год, – после чего написал записку на какой-то особенно хитрый правительственный склад с требованием отпустить экспедиции Урванцева пять бутылок французского шампанского. (Впоследствии, при встрече в Норильске нового, 1924 года, полярники от души помянули добрым словом наркома Н. А. Семашко за его доброту и заботу.)

К середине июня практически всё необходимое для разведочных буровых работ в Норильске, было свезено в Красноярск и подготовлено к отплытию в Дудинку. Там неутомимый А. И. Левкович ещё в середине мая неподалёку от тамошней грузовой речной пристани сумел найти прекрасное помещение под склад и начал свозить в него экспедиционное имущество. Правда, к отплытию первого енисейского каравана, того, что ежегодно идёт сразу вслед за ледоходом, ему, конечно, было не успеть, но он не очень-то и торопился, ибо особой необходимости в том не было: основные работы предполагалось вести зимой. Сейчас главной задачей было решить все кадровые вопросы. «Кадры решают всё!» – провозглашали в то время пришедшие к власти большевики, и этот принцип Н. Н. Урванцев целиком и полностью разделял с ними.

Прежде всего, следовало найти опытного горного техника, хорошо знакомого с проходкой и ведением взрывных ра-

бот в крепких горных породах. Кроме того, нужен был также и хороший горный мастер. Отыскать подходящих людей на эти должности долгое время не удавалось.

В те времена Красноярск был совсем небольшим сибирским городком, где едва ли не все жители знали друг друга. Неизвестно откуда по городу распространился слух о том, что столичные старатели собирают тут команду для поиска на Таймыре платины, которая стоит намного дороже золота. А что такое золото, тут знали далеко не понаслышке. «Золотишной» столицей Центральной Сибири в ту пору считался Енисейск, город много старше, богаче и значительней Красноярска. Правда, к середине двадцатых годов вожделенного металла, как «промывочного», так и «подъёмного» (это на приисковом жаргоне, а правильно – россыпного и самородного) уже почти не осталось. И, конечно же, едва ли не все бывшие «старатели» мечтали ещё раз попробовать ухватить свой «фарт». Работая на местных золотых рудниках, они знали, что в кварцевых жилах, кроме невидимого и тонко рассеянного золота, изредка могут попадаться и самородки. Видимо, в расчёте на такие случаи, на находки «подъёмного» металла и рассчитывали они, пытаясь устроиться на работу в экспедицию Урванцева. Они не знали, что платиноиды в норильских рудах содержатся лишь в виде твёрдых растворов, а «самородной платины» тут просто не бывает. Тем не менее, народ буквально потёк в номер местной гостиницы, где до отплытия в Дудинку устроился на жительство Н. Н. Урванцев. Впрочем, пока всё это были не те люди, какие ему были нужны. И, главное, никто не мог за них поручиться.

И вот в один прекрасный день в номер к Урванцеву собственной персоной явился обаятельный плечистый гигант примерно того же возраста, что и он, с открытым прямым взглядом и, широко улыбнувшись, прямо с порога заявил:

– Позвольте отрекомендоваться: Фёдор Александрович Клемантович, житель города Енисейска, из польских каторжан. Мой дед был отправлен сюда на каторгу после восстания 1863 года. Ещё до революции я закончил штейгерскую школу и потом работал по золоту, как на россыпных месторождениях,

так и на коренных, с кварцевыми жилами. Хорошо знаком с взрывными работами и с проходкой горных выработок в мёрзлых россыпных отложениях и в коренных породах. Буду счастлив, если смогу вам пригодиться.

Урванцев открыл рот от удивления: это был в точности тот человек, которого он так долго, но безуспешно искал. И человек этот пришёл к нему сам! Дальше – больше. Из последовавшего затем разговора выяснилось, что визитёр был не обременён семейством, совершенно холост и в данный момент являлся к тому же ещё и безработным. Когда Николай Николаевич подробно рассказал ему о своих планах, о Норильске, о целях экспедиции и реальных перспективах дела, которое может стать их общим, тот, не раздумывая, дал своё согласие поехать в Норильск на зимовку и руководить там горными работами. Но и это ещё не всё! Оказалось, что Клемантович был лично знаком едва ли не со всеми горнорабочими Енисейской округи. И точно знает, кто из них чего стоит. Вот какие подарки подбрасывает судьба целеустремлённым людям, верящим в своё предназначение!

Надо ли говорить, что Ф. А. Клемантович тут же был взят на должность горного техника. Они сразу договорились, что наём рабочих будут проводить совместно, отдавая предпочтение горнорабочим с Енисейских приисков.

Но была ещё одна серьёзная кадровая проблема: в экспедиции Урванцева не было своего бурового мастера. Несмотря на все ухищрения, найти его не удавалось ни в Красноярске, ни в Томске, ни, тем более, в Новониколаевске. Нигде, ни в Сибирском Совнархозе, ни в тресте «Енисейзолото», ни в Сибгеолкоме ничем помочь в этом вопросе не могли. Приходили мастера, но все они работали на разведке россыпей и колонкового бурения не знали. Урванцев в отчаянии обращался даже в Москву, в ЦУПР и Геолком ВСНХ – всё было бесполезно. Там лишь советовали поехать куда-нибудь на Урал или в Среднюю Азию и там поискать нужного специалиста. Урванцев уже начал подумывать о том, чтобы отыскать какого-нибудь смышлёного парнишку и попытаться самим воспитать из него бурового мастера, как вдруг снова

пришла удача. Из Совнархоза сообщили, что с реки Курейки, где велась разведка на графит, приехал буровой мастер. Работы там прекратили, и буровой мастер освободился. Это был молодой парень, лет тридцати и звали его: Роман Батулин. На Курейке он вёл колонковое бурение станком «Крелиус», того же типа, что и урванцевский «Вирт» и проходку вёл алмазами, так что отлично умел чеканить коронки. Лучшего и желать было невозможно! Ехать на зимовку в Норильск Роман согласился, но с условием, что вместе с ним поедет и его молодой напарник по работе на Курейке. Н. Н. Урванцев с радостью согласился принять их обоих. Таким образом, буровая группа была сформирована.

В начале августа Госпароходство объявило об отправке специального грузового рейса до Дудинки без пассажирских мест. Урванцев с Левковичем решили, что этим рейсом они отправят всё своё буровое, а также горнопроходческое оборудование, экспедиционное снаряжение, продовольствие и взрывчатку. Но тут Госпароходство буквально встало на дыбы, напрочь отказываясь везти с собой вниз по Енисею столько взрывчатки. Однако без взрывных работ исследование рудных тел в Норильске было бы попросту невозможно. Пришлось вновь кинуться за помощью к В. М. Свердлову в Геолком ВСНХ. Вскоре в Новониколаевск, Красноярск и даже Томск из Москвы полетели грозные телеграммы за более, чем серьёзными, подписями с категорическими требованиями выполнить все необходимые работы для экспедиции Урванцева. В них фигурировали такие фразы как: «насущные нужды революции», «саботаж важнейших работ», «прямая ответственность руководителей на местах!»

Перепугавшись чуть ли не до смерти, руководство Красноярского речного пароходства согласилось выделить экспедиции Урванцева специальную маленькую баржонку для перевозки взрывчатки, прицепить её на длинном буксирном канате в конце каравана, а на стоянках ставить опасное судно как можно дальше в стороне. При этом пугливые начальники потребовали, чтобы охрану взрывоопасной баржи экспедиция взяла на себя. Таким образом, на грузовом рейсе появился

единственный пассажир – член экспедиции Урванцева Виктор Корешков. Он же сопровождающий груза и охранник взрывчатки (динамита). Ему выдали револьвер с патронами, а на стоянках лихтерного каравана он получал в своё пользование «для охраны груза» также и специальную вёсельную лодку. Саму взрывчатку горнорабочие экспедиции, умевшие обращаться с нею, аккуратно уложили в большую лодку-илимку⁴⁷, и тщательно укрыли брезентом. А бикфордов шнур и капсюли Урванцев положил к себе в чемодан, разместив эти опасные игрушки среди собственного белья и прочих мягких вещей.

До Дудинки грузовой караван добрался безо всяких приключений, причём довольно быстро – ни груза, ни людей ему по дороге на борт принимать не пришлось. Как обычно, пароход встал в непосредственной близости от берега там, где позволяла глубина реки. Поставили «козлы», на них положили трап, и весь экспедиционный груз быстро выгрузили на берег, аккуратно сложив в штабель на прибрежной террасе. Затем сопровождающий (и охраняющий) груз Виктор Корешков договорился с матросами команды, и те аккуратно выгрузили динамит из илимки, разместив его неподалёку от причала, на вершине небольшой сопки. Сделано это было за отдельную плату натурой, но вовсе не спиртом или водкой (как, наверное, подумали многие), а за мануфактуру: ситец и миткаль. После этого, обустроив себе неприхотливое жильё, Виктор стал ждать приезда остальных членов экспедиции.

А тем временем в Красноярске Н. Н. Урванцев с Ф. А. Клемантовичем и А. И. Левковичем интенсивно занимались комплектованием отряда. Многим рабочим, приходившим к ним наниматься на работу раньше, «начальники» не отказывали сразу, а советовали прийти позже, ближе к отплытию экспедиции в Дудинку, когда всё уже будет ясно окончательно. И это принесло свои плоды – формирование команды прошло довольно быстро и успешно.

⁴⁷ Илимка – большая лодка длиной до 15 м, с крытым помещением на борту.

На первый план тут вышел опытный в вопросах проходки и бурения Ф. А. Клемантович, который сразу же, безошибочно, выбирал нужных ему людей (тем более, что многих он лично знал прежде). В основном, всё это были молодцы, о которых на Руси говорят: «косая сажень в плечах», но при этом среди них не было ни одного дилетанта в горном деле. Удалось найти хорошего, опытного кузнеца по фамилии Комынкин. Клемантович посчитал это большой удачей, так как от правильной закалки и правки буров во многом зависит успех проходки рудного тела при работе в штольне. Правда, в отличие от прочих рабочих, Комынкин был уже не молод и носил окладистую седую бороду. Впрочем, Урванцева это не очень-то огорчило. Он знал, что работа классного кузнеца требует, прежде всего, опыта, искусства и знания дела, а богатырская сила нужна его подручному, молотобойцу, который вскоре тоже нашёлся. Это был голубоглазый кудрявый блондин с приятным украинским говором, который впоследствии стал всеобщим любимцем.

Принимая рабочих в экспедицию, её начальники старались выбрать тех, кто, кроме профессии проходчика, владел также и другими ремёслами или знаниями. Так отец и сын Морозовы были ещё и хорошими плотниками, Торохов оказался опытным конюхом, Коротких – вполне приличным хлебопёком. Неожиданно для Урванцева в процесс формирования его будущей команды вмешался профсоюз горнорабочих, потребовавший включить в состав экспедиции профорганизатора, который будет защищать интересы рабочих в Норильске. Урванцев поначалу собирался резко воспротивиться этому, но тут выяснилось, что Павел Яковлевич Богач, которого профсоюз рекомендовал в профорганизаторы, был по своей основной профессии слесарем железнодорожных мастерских. Хороший слесарь Урванцеву для работы был нужен; он навёл справки – сослуживцы отзывались о Богаче вполне положительно, характеризуя его, как мастера своего дела и лёгкого, уживчивого человека. Так П. Я. Богач был зачислен слесарем в состав экспедиции. О том, что он будет ещё и профорганизатором, никто, кроме Урванцева и Кле-

мантовича, до первого профсоюзного собрания в Норильске не знал.

В самом конце августа экспедиция Урванцева в полном составе отправилась вниз по Енисею на караване лихтеров, который должен был собрать рыбаков с их уловом из Енисейского залива. Шли ходко, поскольку остановок по дороге от Красноярска до Дудинки практически не было. Лишь в селе Казачинском по настоянию А. И. Левковича причалили к берегу для того, что запастись провизией, а также купить у местных крестьян пару лошадей, сбрую к ним, телегу, сани и сено для прокорма тягловой скотины. Лошади весьма пригодятся для нормальной жизни и работы зимой в Норильске. К огромному удовлетворению местных жителей геологи расплатились натурой: мануфактурой, чаем, верёвками и карабинными патронами. Погода благоприятствовала движению каравана: было тепло, гнус пропал, а ночи стояли такими лунными, что идти по реке можно было даже в глубоких сумерках.

Уже через неделю караван был в Дудинке, где его радостно встретил сопровождавший и охранявший экспедиционное имущество в предыдущем рейсе Виктор Корешков. После выгрузки пассажиров и их имущества с лихтера, караван сразу же двинулся дальше, вниз по Енисею, а геологи, ни минуты не мешкая, принялись за дела.

Разумеется, первым делом разобрали багаж и устроились на жительство в своём уже давно обжитом доме купца Василия Голого на Малой Дудинке. А затем стали заниматься самым важным и серьёзным делом – динамитом. Во-первых, Виктор Корешков, хотя и сложил этот опасный груз аккуратно и хорошо укрыл его от непогоды, соорудил этот склад слишком близко к причалу. А во-вторых, никак не обозначил очень большую опасность для окружающих своего сооружения. Впрочем, упрекать его за это было нельзя – он сделал всё, что можно было сделать в одиночку.

Теперь же взрывчатку решили отнести подальше от посёлка (километра за два) и сложить, как следует, на вершине довольно высокой гряды на специальном настиле, укрыть ящики с динамитом двойным слоем брезента и обложить

увесистыми камнями. Рядом воздвигли высокую мачту с красным флагом, предупреждавшим об опасности. Затем оповестили об этом поселковое начальство и настоятельно попросили дать распоряжение: никому ближе, чем на десять метров к штабелю не подходить и, тем более, ничего там не трогать. А осторожный Левкович специально распустил в посёлке слух, что динамит – вещество чрезвычайно опасное и взрывается не только от удара, но даже от простого прикосновения. При этом взрыв будет такой силы, что от человека не останется ничего, только мокрое место. (Тут он, впрочем, был не так уж и далёк от истины.) Всё это возымело нужный эффект, и к шесту с красным флагом никто не приближался ближе, чем на километр.

С отправкой в Норильск решили подождать до первого снега, когда всем можно будет ехать на иряках, а не идти пешком, поскольку путешествовать по тундре поздней осенью – сплошное мучение. Однако до того, как ляжет на тундру хороший слой снега и полностью закроет на горе Рудной нужный проходчикам шлир⁴⁸, Н. Н. Урванцев с Ф. А. Клемантовичем всё-таки решили отправиться туда, взяв с собой пару горнорабочих для того, чтобы выбрать место для закладки штольни так, чтобы она начиналась от подошвы рудного тела.

Вскоре подошли четыре упряжки оленей с двумя пастухами – Фёдором Чоней и Василием Тынкой, долганями, коренными жителями Норильского района. Исаак Михайлович Манто с сыновьями остался в верховьях Агапы при экспедиционном стаде ожидать хорошего снега, а передовой отряд экспедиции (Урванцев, Клемантович, горнорабочие Журба и Изосимов, а также двое пастухов), не медля, отправились в путь. Всем выдали новые полушубки, кирзовые сапоги, валенки, брезентовые плащи. С собой путники взяли палатку, пару больших брезентов, еды на пару дней на тот случай, если в пути придётся заночевать где-нибудь у озера Дорожного или реки Амбарной.

⁴⁸ Шлир – участок магматической горной породы, отличный по своему составу от остальной массы этой же породы.

В Норильск приехали на третий день и поселились в экспедиционном доме у нулевого пикета. Оленей с пастухами сразу отправили на Часовню с наказом вернуться кому-то из них через день с одной упряжкой для того, чтобы доставить Урванцева назад, в Дудинку. Другой пастух останется пока у родичей, поскольку возвращаться ему на Агапу сейчас смысла не было.

На другой день все вчетвером они отправились на гору выбирать место для штольни, захватив с собой кайлы и лопаты, оставшиеся на складе ещё от прошлой экспедиции. Там же обнаружили и аккуратно сложенные и заботливо укрытые продукты для нынешней зимовки: сухари, сушки, крупы и сушёные овощи, завезённые ещё прошлой зимой Дудинским кооперативом по грозной телеграмме из Москвы.

Тщательно обследовав место работы на Рудной горе, «разведчики» забили колышки на месте будущей закладки штольни, где станет основной устьевой оклад, и решили дать этой штольне имя: «Геолком». Добротного крепёжного леса в штабеле на площадке внизу, под устьем штольни, было припасено довольно много. В прошлом году израсходовали его не более половины. Однако предстояла большая работа: всё время подносить на руках, в гору, тяжёлый крепёжный материал. Впрочем, это дело будущего, а пока «разведчики» пожалы друг другу руки и, пожелав себе дальнейшей удачи, посчитали эту часть своей работы успешно выполненной.

Далее Ф. А. Клемантович и двое горнорабочих до приезда всей партии должны будут выровнять площадку перед штольной, зачистить забой и поставить первые приустьевые оклады. А Урванцев с долганином Тынкой отправятся назад, в Дудинку с тем, чтобы через какое-то время (это зависит от погоды и прочих обстоятельств) вернуться сюда уже вместе со всей зимовочной экспедицией.

А пока экспедиционное оленьё стадо под управлением И. М. Манто с сыновьями продвигалось с верховьев реки Агапы к Дудинке, а Урванцев с небольшой компанией «разведчиков» обустроивал устье будущей штольни, заядлый охотник А. И. Левкович с пятью такими же любителями по-

стрелять из числа горнорабочих решили отправиться на охоту за... зайцами. Дело в том, что эта осень выдалась в Дудинке довольно голодной. Диких оленей в округе практически не было – все они уже отправились на юг, к границе лесотундры. Хорошая рыба в Енисее ловилась плохо, поскольку вверх по течению валом валила на нерест ряпушка, а осенний завоз продуктов с Большой земли почему-то задерживался.

Охотники взяли на местной радиостанции шлюпку, доставшуюся полярникам от погибшего «Вайгача», поставили на неё лодочный мотор «Архимед», который предстояло зимой превратить в буровой двигатель, и отправились вниз по Енисею. Километрах в десяти ниже по течению правый берег великой реки образует длинный высокий яр, изрезанный большими логами, вершины которых выходят к поверхности тундры. Эти лога густо поросли полярной ольхой, карликовой берёзкой и тальником, тогда как сама тундра была совершенно безлесна. Лога эти буквально кишели огромными, до полупуда весом, жирными зайцами, которые находили здесь не только изобильную пищу, но и спасение от волков.

Охотились на зайцев так: двое из добытчиков («стрелки») с ружьями обходили лог стороной и прятались наверху, по краям его узкой горловины, выходящей в тундру. Остальные же («загонщики») с шумом, гамом и свистом шли по кустам от берега, выгоняя зайцев наверх, под выстрелы охотников. На следующем логу «стрелки» с «загонщиками» менялись местами. За два дня удалось добыть полную лодку, более полусотни, зайцев.

Эта добыча стала прекрасным подспорьем в питании экспедиции, и хотя на севере зайчатину за мясо не считают (так же, как и щуку с налимом за рыбу), осенние зайцы, нагулявшие жиру на всю зиму, стали прекрасным украшением общественного стола, поскольку варёная ряпушка всем уже основательно надоела.

А. И. Левкович, водивший знакомство едва ли не со всеми коренными жителями Дудинки, пригласил обдирать зайцев местных женщин, пообещав каждой по ситцевому платку. Кроме того, им доставались и заячьи шкурки, уже покрыв-

шиеся густым пушистым и крепким белым мехом. Из этих шкур ненки, долганки и нганасанки шили прекрасные меховые одеяла. В богатых семьях нганасан было принято давать невестам в приданое одеяла из песцовых хвостов; ну а в тех, что победнее, – из волчьих или заячьих шкур (выделывать их, разумеется, должны были сами будущие невесты).

В конце сентября в Дудинку снизу пришёл караван Госпароходства с рыбаками и их уловом. С ним из Дудинки до Енисейска (а кое-кто и дальше, до самого Красноярска) уехали все, кто не оставался на зимовку. Теперь пароходов не будет до самой весны. Из экспедиции Урванцева уволиться и уехать не захотел никто. Все оставшиеся в Дудинке жители стали готовиться к зиме: запастись дрова и уголь, складывать в ледники рыбу и мясо. Начали готовиться к зимовке и полярники Урванцева: расфасовывали грузы и раскладывали их в порядке очерёдности вывоза в Норильск. Сначала поедут люди, а с ними – основной запас продовольствия. Потом – снаряжение для кузницы и горных работ, динамит и в самом конце – буровой станок. Буровой мастер Роман Батурин со своим помощником Никитой Зенковым разберут его на составные части, крепко увяжут и надёжно закрепят на нартах.

В начале октября выпал, наконец, хороший снег, правда, Енисей и прочие большие реки ещё не стали, но речку Дудинку уже сковало крепко. Разумеется, промёрзли также небольшие речки и озёра в тундре. Первому аргишу можно было трогаться в путь. К этому времени уже пришёл с экспедиционным стадом И. М. Манто и стал неподалёку, километрах в пятнадцати, возле речки Ямной на тамошних богатых ягельниках, ожидая команды к выходу. К сожалению, состояние стада было далеко не блестящим, хотя у Урванцева не повернулся язык упрекнуть в этом Исаака Михайловича. Рабочих оленей, готовых к тяжёлой работе, было не более половины. Те сто пятьдесят оленей, которых по просьбе (или даже требованию) Дудинского исполкома пришлось уступить на лето изыскательской партии, теперь годились только на мясо и ни к какой работе были уже неспособны. Впрочем, и мясо на

них было никчёмным, поскольку исхудали они до последней степени от непосильной летней работы и копытки⁴⁹, так что в течение первого месяца большинство их просто издохло. Слава богу, стадо, выпасаемое самим Манто и его сыновьями, за лето хорошо отдохнуло и отъелось на плато Путорана. Но в нём было совсем мало важенок⁵⁰, так что особенного приплода ожидать было неоткуда. В общем, от стада примерно в пятьсот голов осталось голов двести шестьдесят, годных к упряжке, а зимних перевозок ожидалось довольно много.

Тем не менее, всё равно работать было надо, и основная экспедиция начала готовиться в путь. Теперь олени повезут не громоздкие и неповоротливые летние иряки, а легкие и прочные зимние нарты грузоподъёмностью до трёхсот пятидесяти килограммов. Правда, для начала, пока олени не втянулись в работу, на одной нарте поедут по два человека со своими личными вещами, а на грузовые нарты будут грузить не более двухсот пятидесяти килограммов. Размещением груза по нартам, упаковкой и размещением его в аргише занимались пять дней и в начале октября тронулись в путь. В Норильск с собой взяли только одну лошадь (разумеется, с упряжью, санями и сеном). Вторую по просьбе (или требованию) Исполкома временно оставили в Дудинке для насущных нужд местной Кооперации.

Самой важной и опасной частью работы стала транспортировка взрывчатки в Норильск. Динамит решили вывезти весь разом, но тут возникла неожиданная проблема: никто из каюров ни за что не соглашался сопровождать эту поклажу. Распущенный Левковичем в посёлке слух об особой и непредсказуемой опасности груза (взрывчатки) теперь сослужил плохую службу – все каюры боялись динамита, как огня. Делать нечего, пришлось Урванцеву сопровождать нарты с динамитом самому. Выбрали самую крепкую и исправ-

⁴⁹ Копытка – распространённая болезнь северных оленей, поражающая копыта животного так, что ходить он был уже не в состоянии. А ест олень, как известно, только на ходу, потому лежащий он вскоре погибает от бескормицы

⁵⁰ Важенка – самка оленя, способная к деторождению.

ную нарту, подтащили её к штабелю со взрывчаткой и стали укладывать на неё промёрзший, а потому ещё более опасный груз. На низ постелили две толстые оленьи шкуры. На них установили ящики с динамитом так, чтобы они не касались один другого, укрыли их войлоком и брезентом, после чего накрепко увязали верёвками. Василий Тынка, единственный, кто согласился подвести оленей к поклаже и запрячь их в нарты, с огромной опаской выполнил эту свою, сызмальства известную ему работу и со всех ног бросился прочь после этого. Урванцев со своей опасной поклажей поехал в самом конце каравана, отставая не менее, чем на километр. На остановках во время пути он оставлял свою нарту вдалеке, а сам подходил к лагерю только пешком.

Поэтому добраться до Норильска за один переход, как надеялись, не удалось. Пришлось заночевать у реки Амбарной. Впрочем, более никаких неожиданных неприятностей не случилось. И уже на другой день к вечеру аргиш добрался до горы Шмидта.

В самом Норильске у Ф. А. Клемантовича дела шли довольно бойко, хотя работали проходчики вручную, кайлами. Штольня уже углубилась на целый метр. Разгрузив нарты, поллярники отправили оленей с пастухами на отдых в Часовню с тем, чтобы через неделю часть их вернулась порожняком в Дудинку, заглянув по дороге в стадо к И. М. Манто на реку Ямную. Потом все вместе они должны будут забрать в Дудинке оставшийся груз для экспедиции Урванцева и доставить его в Норильск. И только после этого они смогут уйти на зимовку в долину реки Рыбной.

А все участники экспедиции с радостью и азартом принялись за обустройство своего посёлка. Для того, чтобы перейти к производственной проходке штольни, в первую очередь следовало наладить кузницу и слесарную мастерскую. Для них решили приспособить старую избу, где прежде был склад. А новое помещение для склада срубить из крепёжного леса, оставшегося с прошлого года. За это срочное дело принялись плотники, отец и сын Морозовы, взяв себе в помощники всех, кто хоть как-то умел держать в руках топор.

При избе когда-то была пристройка. В ней кузнец Комынкин сразу же стал выкладывать горн и мастерить из заранее припасённых им кож кузнечные меха. Ежедневно для работы в штольне надо будет иметь наготове смену двух комплектов исправных буров по пять штук в каждом комплекте. После каждой рабочей смены их, затупленных и выщербленных, будут приносить в кузницу и там целый день вновь приводить в порядок, а вместо них будут трудиться запасные. И так каждый рабочий день.

Что же касается жилого дома, то особого ремонта или переоснащения он, слава богу, не потребовал. Надо было только подновить завалинку.

Взрывчатку решили хранить так же, как и в Дудинке, на улице. По приезде сразу же сложили её в ящиках штабелем в стороне от дороги, на сопке у подножия горы Шмидта, в километре от посёлка. Динамит «гремучий студень» – раствор пироксилина в нитроглицерине – это желеобразная масса серо-жёлтого цвета, которую можно мять руками и резать ножом. Для приготовления заряда его формируют в стержни размером в палец, которые обёртывают пергаментом и укладывают в коробки, а их, в свою очередь, в ящики весом около пятнадцати килограммов каждый. При положительных температурах он совершенно безопасен, поскольку взрывается лишь от детонации специальной капсулой с гремучей ртутью. А вот на морозе «гремучий студень» каменеет, становясь взрывоопасным от любого небольшого удара или даже от трения. Поэтому зимой перед работой динамит оттаивают в специальном помещении и употребляют только в таком виде. В жилом доме экспедиции в Норильске такого тёплого помещения не было, поэтому Урванцев с Клемантовичем, по секрету от всех остальных жителей оттаивали динамит в ящиках у себя под кроватями. Для работы Ф. А. Клемантович сшил себе большую кожаную суму, выложенную изнутри войлоком, с двумя отделениями. В одном отделении он хранил холостые динамитные патроны, в другом – патроны боевые, снаряжённые капсулами с бикфордовым шнуром. С этой сумкой он не расставался никогда и носил её на груди,

под полушубком, чтобы динамит не замерзал по дороге от дома до работы.

К началу ноября все подготовительные работы были закончены. Склад был построен и укомплектован; кузница и слесарная мастерская смонтированы; горн и кузнечные меха опробованы. При этом договорились организовывать бурение так, чтобы каждым взрывом была разбита и оторвана от основного рудного тела порода на глубину тридцать-сорок сантиметров. Тогда дальнейшая работа будет заключаться лишь в зачистке забоя, постановке крепежа и откатке добытого материала на поверхность. Ф. А. Клемантович ежедневно шёл в штольню вместе с рабочими и там мелом отмечал места закладки шпуров, а также их наклон, чтобы получить максимальный эффект. В этом деле он оказался большим мастером. После его разметки проходчикам редко приходилось бурить дополнительные скважины.

В крошечной темноте полярной ночи, да ещё в подземном забое работа велась, разумеется, при искусственном освещении свечами. Предусмотрительный Левкович привёз их из Москвы целую пропасть, так что проходчики в освещении могли себя не ограничивать.

Путь от общежития и дома до штольни надёжно оборудовали. Для этого расчистили и обвешали верёвками довольно широкую тропу и даже соорудили специальные места для отдыха в дороге. Снежные вихри в пургу бывают здесь настолько сильны, что люди могут заблудиться даже по дороге от дома до отхожего места.

Тем временем от своих ягельных пастбищ пришли с каюрами в Норильск отдохнувшие олени, и Левкович отправился с ними в Дудинку за очередной партией экспедиционного груза. Оленей пришло совсем немного, только для того, чтобы доставить пустые нарты под груз да привезти в посёлок немного угля для отопления Исполкома. Груз из Дудинки в Норильск повезут сильные олени И. М. Манто, специально оставленные для этой цели. Потом они присоединятся к общему стаду и будут зимовать вместе с ним в долине реки Рыбной возле Часовни.

Старинная часовня при устье реки Рыбной

В Дудинке экспедиционного груза оставалось ещё довольно много, но в этот раз решили забрать только буровой станок со всем его оборудованием, лебёдку, насос, комплект штанг с обсадными трубами до глубины в сорок-пятьдесят метров, да несколько ящиков со свечами. За всем этим буровым имуществом отправили Романа Батурина с напарником с тем, чтобы по прибытии обратно, они могли быстро приступить к буровым работам.

При погрузке на нарту большой ящик со свечами поставили неудачно. Его перекосило и крепко ударило углом о железную станину. Ящик треснул и развалился, из него посыпались на снег свечи, и во все стороны брызнули серые мыши. Невообразимое множество этих упитанных грызунов всех возрастов заматались по снежному насту в поисках укромного убежища. И тут неизвестно откуда явилось множество длинношерстных псов, которые устроили себе настоящее пиршество, в несколько минут сожрав всех неудачливых путешественников. Свечи, приехавшие из самой Москвы, были довольно толстыми, и в промежутках между ними мыши устроили себе прекрасные гнёзда, в которых им было тепло, уютно и сытно.

Этот небольшой инцидент переменял дело. Во избежание будущих убытков Левкович решил груз на нартах переупаковать и в первую очередь вывезти в Норильск всё, что годится

для питания мышей: муку, сухари, сушки, сухие овощи и свечи. В Норильске все эти мышьиные лакомства будут в безопасности, поскольку там во множестве живут прекрасные сторожа съедобного имущества – горностаи. Их «мышьиное продовольствие» не интересует, а вот сами мыши и прочие грызуны – это для них деликатес. Там, где живёт хотя бы одна семья горностаев, ни одной мыши не будет. Впоследствии в столовой экспедиции был даже вывешен приказ: «Горностаев не только не трогать, но даже и не пугать! Это наши друзья». А пока в связи с переменявшимися обстоятельствами часть штанг и обсадных труб пришлось оставить до следующего аргиша из Дудинки в Норильск, взяв с собой в этот раз лишь столько, сколько нужно для производства пробного бурения.

Незадолго до Нового года из бескрайней тундры к озеру Пясино прикочевали нганасаны со своими оленями. В Часовне есть теперь фактория, и эти дети тундры часто приезжают в неё за продуктами и вообще за всем необходимым. При этом многие из врождённого любопытства заглядывают и к геологам. Случаются среди них и старые знакомцы Урванцева: Чута, Сандапте и, конечно же, Иван Горнок, который так здорово (и при этом совершенно бескорыстно!) помог экспедиции позапрошлым летом в Пясинском заливе. Нганасан буквально завораживал патефон, который (вместе с многочисленными пластинками) прошлым летом приобрели зимовщики в Красноярске. Кроме этого, детей тундры очень интересует штольня и работы, которые там ведутся. Ф. А. Клемантович решил устроить любопытным визитёрам небольшую экскурсию. В штольне он зажёл небольшой кусочек бикфордова шнура, и когда тот загорелся, шипя и разбрасывая искры во все стороны, гости, сломя голову, кинулись прочь, толкая друг друга. Один упал, другие побежали, перепрыгивая через него, а потом все вместе долго и весело смеялись над этим.

Главным целью этой зимовки, наряду с проходкой штольни, были буровые работы на рудном теле. По представлениям Урванцева это тело должно идти вглубь горы по падению не

меньше, чем по простиранию на поверхности. Так что если начать бурить скважину метрах в ста к югу от входа в штольню, то она должна встретить кровлю рудного тела на глубине двадцать-тридцать метров от поверхности.

Над скважиной поставили копёр для подъёма и спуска штанг, а для бурового станка соорудили закрытое помещение, защищённое от ветра и снега. Необходимого количества досок нужной длины в экспедиции не оказалось, так что копёр пришлось делать брезентовым. Из брёвен срубили квадратную раму – по бревну на сторону – один край её положили на склон горы, другой опёрли на массивные «стулья». На раму поставили пирамиду из брёвен, которая и должна будет служить каркасом копра. На каркас сверху натянули чехол из брезента так, чтобы он наглухо закрывал всё помещение. Внутри поместили чугунную печечку с тем расчётом, чтобы можно было работать в самый сильный мороз без опасения обморозиться. Над будущей скважиной сначала следует пройти шурф метра в полтора глубиной, положить на него раму из брусьев и уже на неё монтировать потом буровой станок. Разумеется, всю эту работу проделали Роман Батурин с напарником, которым в поддержку были приданы плотники Морозовы и ещё конюх Торохов с лошадей, которые бесперебойно подвозили к копру воду, уголь и брёвна. При этом на Терехова с его конём возлагались и все прочие хозяйственные заботы: он топил баню, снабжал питьевой водой кухню, развозил по посёлку все необходимые грузы.

Около станка поставили бочку для воды, чтобы при проходке непрерывно промывать скважину. При этом саму воду тоже непрерывно вытаскивали из льда и снега в огромном баке (благо, что льда и снега тут – не занимать). Специально для приготовления огромного количества воды для хозяйственных, технических и прочих нужд слесарь П. Я. Богач соорудил железный бак гигантских размеров. Вообще Богач оказался для экспедиции просто находкой. Кроме своих профсоюзных обязанностей и слесарных работ, он занимался всем на свете: чинил и запускал движки, делал разного рода прилады и устройства, облегчающие всяческий труд, чинил

всё, что только ломалось или приходило в негодность, и даже как-то соорудил настоящий мегафон для подачи команд.

Через неделю все подготовительные работы на копре были закончены, и можно было начинать производственное бурение. Работать здесь нужно было втрём: мастер должен стоять у станка, регулируя рычагом давление алмазной коронки на скальную породу при вращении бура; помощник – прокачивать воду через штанги для выноса шлама из выбуренной породы; второй помощник – вручную вращать маховик станка, заменяя собою мотор. Но вот как раз второго помощника у буровиков и не было. Конечно, можно было бы для этого снять с проходки кого-то из горных рабочих, но Урванцеву этого очень не хотелось. Но тут, к счастью, такой помощник нашёлся сам собой. Им оказался любопытный долганин, житель Часовни Максим Шукин, который частенько привозил в Норильский посёлок мороженую рыбу. Максим с удовольствием согласился крутить маховик станка. Дело это было нехитрое, хотя и требовало довольно больших физических усилий. Максим же, в отличие от подавляющего большинства своих сородичей, был хотя и небольшим, но коренастым, физически крепким мужиком, чем очень гордился.

Бурение вручную шло очень медленно – десять-пятнадцать сантиметров за двенадцатичасовую смену. Такими темпами до основного рудного тела можно было добраться разве что к следующей осени. Стало очевидно, что эту работу надо механизировать. Тем более, что хороший бензин и машинное масло в экспедиции были в достаточном количестве, а в случае необходимости их можно было бы позаимствовать в Дудинке на радиостанции.

Тут за дело снова принялся профсоюзный лидер П. Я. Богач. Он знал, что в экспедиции имеется два пятисильных лодочных мотора марки «Архимед». Один из них он взялся приспособить к буровой работе. Для этого хитроумный слесарь снял нижнюю, гребную часть мотора с винтом и водяной помпой, оставив только верх с маховиком, цилиндрами, карбюратором и магнето; на маховике смонтировал шкив для приводного ремня, соединив его со шкивом бурового станка.

Правда, охлаждение мотора, если оно потребуется, придётся вести самотёком из бака, поставленного над мотором, а воду в него заливать вручную, но это были мелочи.

Моторную раму из брусьев сделали плотники Морозовы, причём устроили они её так, чтобы мотор в ней можно было перемещать и центрировать.

Шкив на маховик мотора изладил всё тот же П. Я. Богач. Для этого он уехал в Дудинку, соорудил там это нехитрое изделие из крепких и сухих ящичных досок, которые сам же расточил на токарном станке в местной радиостанции, потом скрепил с маховиком болтами, отцентрировал и сбалансировал.

Далее встал вопрос о приводном ремне. Взять его на Таймыре, разумеется, было неоткуда. Сыромятная кожа для этого не годилась. А более прочной кожи (типа подошвенной) ни в Дудинке, ни в Норильске не было. Максим Щукин предложил сплести ремень из шнура, который идёт на тетиву рыболовных сетей. Горы такого шнура валяются на любой фактории, и местные долганские женщины, родственницы Максима, запросто сплетут из него ремень любой ширины и прочности. Это предложение с благодарностью тотчас же было принято.

Через несколько дней всё было готово. Мотор собрали, поставили в станок и отцентрировали по шкиву бурового станка. Натянули приводной ремень, который пришёлся как раз впору. Поскольку нижней части у лодочного мотора теперь не существовало, не было у него и пусковой ручки, и заводить бывший лодочный мотор пришлось от бурового станка, работающего вхолостую. Подкачали в карбюратор бензина; Максим лихо крутанул ручку станка, и бывший лодочный мотор, пару раз чихнув, заработал. Станок к всеобщему ликованию лихо закрутился, и бур с алмазными коронками начал грызть твёрдую породу. Осторожно опустили рычагом алмазную коронку в забой, и сразу стало слышно, как она зашуршала (заработала). Манипулируя рычагом, попробовали бурить, используя различные режимы нагрузки: при нормальной – мотор, хоть и с трудом, но тянул, но как только

её увеличивали, тотчас глох. Конечно, пять лошадиных сил для такого станка, как «Вирт», было маловато, но если вести бурение осторожно и не форсировать проходку, то работать было можно. Ну, а прокачку воды насосом через штанги в забой приходилось вести, конечно же, вручную.

Работать на буровой решили в две смены парами: Батурин с Зенковым и Урванцев со Шукиным. Как только скважина стала углубляться в вечную мерзлоту, бурильщики увидели, что вода в ней замерзает. Поэтому по утрам приходилось вначале разбуривать лёд в скважине зубчатой коронкой и только потом переходить на работу алмазным сверлом. Мёрзла вода в скважине и при вынужденных остановках, прихватывала штанги так, что их надо было или сразу поднимать, или непрерывно накачивать в них тёплую воду. Иначе весь снаряд мог замёрзнуть целиком, и тогда вытащить его из скважины стало бы просто невозможно. Это была большая опасность, которую всё время нужно было иметь в виду.

Одним из способов борьбы с таким злом при бурении была непрерывная промывка скважины незамерзающей жидкостью – десятипроцентным раствором поваренной соли, замерзавшим лишь при температуре минус шесть градусов по Цельсию.

Поваренная соль, конечно, у зимовщиков была, но только для пищевых целей. А вот в Дудинке у рыболовецких артелей и на факториях её было сколько угодно. При первой же оказии в Дудинку бурильщики заказали целый бочонок соли и, как только привезли его в Норильск, развели полный промывочный бак рассола из расчёта килограмм соли на десять литров воды.

После этого смело начали бурить, не опасаясь, что скважина замёрзнет. Вскоре, однако выяснилось, что и у этого метода есть один весьма существенный недостаток: при работе сильно ржавели все железные части станка и насоса, а особенно штанги, трубы и их резьбовые соединения. Их приходилось при работе ежедневно смазывать машинным маслом. И делать это можно было только голыми руками. От этого кожа на пальцах буровиков трескалась и сохла. Не помогали

Первая буровая вышка в Норильске

ни рукавицы, ни смазка вазелином, ни непрерывное согревание рук. Впрочем, всё это были мелочи жизни. Главное, что в среднем за день теперь удавалось проходить, если не было больших неполадок, по метру и даже больше. Конечно, это была не Бог весть какая скорость, но для полукустарной установки, слепленной буквально «из палки и верёвки», это было совсем неплохим достижением. Ведь это был вообще первый опыт зимнего бурения у нас в стране на Крайнем Севере. В сорокаградусные морозы да ещё в скальных породах и вечной мерзлоте не бурил до них ещё никто.

Если бурение скважины требовало постоянного присмотра, и Урванцеву почти всё время приходилось проводить

на буровой вышке, то проходка штольни под наблюдением Ф. А. Клемантовича шла без каких-либо затруднений. Утром он раздавал проходчикам шпурсы, намечал их места и наклоны, в конце дня лично производил их отпалку⁵¹, и после вентиляции штрека рабочие разбирали и откатывали наружу добытую породу. В случае необходимости они зачищали углы и поверхность забоя. К счастью, благодаря опыту и мастерству бурового техника Ф. А. Клемантовича, делать это приходилось нечасто.

Вскоре проходчики вышли из зоны окисления, после чего пошла сплошная рудная масса. Теперь в изломах стали отчетливо видны крупные кристаллы бронзово-жёлтого магнитного колчедана и мелкие – латунно-жёлтого медного колчедана. После каждого технического взрыва горняки тщательно осматривали забой в надежде найти золотой самородок. При этом Урванцев с Клемантовичем, пряча улыбки, делали вид, что не замечают этого.

С начала декабря, с наступлением полной полярной ночи, установилась ясная лунная погода с довольно большими морозами, ниже тридцати градусов. Впрочем, холод никого особенно и не тяготил. Все привыкли к нему и часто выходили из дома на улицу в одних свитерах.

Виктор Корешков, по совместительству метеоролог экспедиции (тут едва ли все совмещали разные профессии), заходя утром, к завтраку, часто говорил:

– Сегодня у нас теплынь, ребята: всего минус двадцать пять.

Буровую вышку занесло снегом до самого верха, но внутри неё, под брезентом, непрерывно топилась большая печка, так что работать там можно даже без полушубков. По сравнению с улицей намного теплее работать было и в штольне. Так что, если не было серьёзной пурги, любую погоду тут принято было считать хорошей.

После того, как худо-бедно работа на буровой наладилась, а грузы, почти все, целиком, были завезены из Дудинки

⁵¹ Отпалка – это технический взрыв породы.

в Норильск, жизнь на зимовке устоялась и даже вошла в обычную, устоявшуюся колею.

Прекрасные отношения с местными националами и наличие обменного фонда (особенно мануфактуры, чая и карабинных патронов) позволяли наладить хорошее питание, одинаковое для всех: самой лучшей рыбы и самой вкусной оленины было – хоть завались. Даже свежесдобитого хлеба было в достатке, причём отменного качества – пекарь Коля Коротких оказался мастером своего дела. Он ещё осенью заново переложил хлебную печь в общежитии, существенно расширив её и устроив какие-то особенно хитрые дымоходы, отчего дым и смрад исчезли совершенно, а в общежитии время от времени возникал и воцарялся там головокружительный запах свежесдобитого хлеба. Колина жена Шура оказалась отличной стряпухой, и поскольку в руках у неё были прекрасные исходные продукты, едва ли не каждая трапеза превращалась в «праздник живота».

С подачи профсоюзного лидера П. Я. Богача каждое воскресенье решили сделать выходным днём. В этот день Шура готовила праздничный обед, а её муж пёк неприменный пирог, чаще всего с рыбой, а также сладкие булочки к вечернему чаю.

Кроме общего питания, желающие могли брать лично для себя имеющиеся в наличии продукты, в разумных пределах, разумеется. Виктор Корешков, как заместитель начальника экспедиции по общим вопросам, завёл для каждого работника расчётную книжку, куда ежедневно заносил, с одной стороны, заработок рабочего, с другой – взятые им в личное использование продукты и товары. Эти книжки, кроме Н. Н. Урванцева и В. А. Корешкова, подписывал также и П. Я. Богач, как представитель профсоюза, и они ежемесячно выдавались на руки работникам для личного контроля. Никаких нареканий относительно записей в расчётных книжках за всё время работы не было ни разу.

Почти всегда за ужином (а иногда и вне его, просто так) подавалась прекрасная строганина из благородных рыб: нельмы, чира, муксуна. Сам Урванцев пристрастился к этому

лакомству местных националов ещё в прежних своих путешествиях по Арктике и теперь «заразил» этой страстью едва ли не всех своих товарищей по экспедиции. Роскошной рыбы националы привозили им много, и потому огромные («полномерные») нельмы, чиры и муксуны, сложенные, как поленья в поленнице, громоздились в холодном тамбуре. Обычно вечером за ужином (или после него) кто-нибудь вспоминал:

– А что, не построгать ли нам, ребята?

Его всегда почти единогласно поддерживали, зачинщик операции шёл в сени, выбирал там «крокодила» покрупней, и вскоре на столе уже громоздилась огромная гора розовато-кремовой стружки, свитой в большие аппетитные кольца. Иногда тут же появлялись соль, уксус, перец, горчица и хлеб (или сухари), а иногда – только соль и перец. И вскоре от огромного чира или муксуна оставались только голова да хребет, которые потом шли на уху к стряпухе Шуре.

Строганина – не только вкусный и весьма калорийный северный деликатес, но и замечательное средство от цинги. Это в своё время заметил ещё Харитон Лаптев, наблюдая за повседневной жизнью местных националов во время зимних разъездов для организации опорных баз для своего отряда. Во время зимовки 1739 года в Хатангском заливе он поначалу буквально силой заставлял своих подчинённых (а было их сорок пять человек) есть строганину, к которой, впрочем, все они скоро привыкли и ели её с удовольствием. Поэтому ни одного случая цинги у них в отряде не было.

А вот в отряде Василия Прончищева, где строганиной (сырой рыбой?!) брезговали, во время зимовки в устье реки Оленёк в 1736 году, цингой болели почти все, и многие от неё умерли. В том числе и сам Василий Васильевич, и его жена, первая русская полярница Татьяна Прончищева, именем которой теперь названы залив, мыс и полярная станция в Хатангском заливе моря Лаптевых. Правда, в начале нового тысячелетия в селение Усть-Оленёк, где похоронен Василий Прончищев, в связи с разрешением этого вопроса, приехала специальная комиссия с опытным судмедэкспертом из Москвы. Могилу В. В. Прончищева вскрыли и установили,

что умер он не от цинги, а оттого, что в нескольких местах сломал ногу. Впрочем, это дела не меняет.

Тихим и морозным простоял весь декабрь 1923 года. Солнца, разумеется, не было, да и быть не могло (полярная ночь), но ближе к Новому году в полдень уже слегка начинал брезжить рассвет. А в остальное время высоко в небе стояла огромная сияющая луна, освещавшая всё вокруг удивительным, призрачным, бледно-зеленоватым светом. И весь мир был наполнен какой-то завораживающей тишиной, прерываемой лишь стуком по буру, стрекотом бывшего лодочного мотора да человеческой речью, в которой можно было разобрать каждое слово даже на довольно большом расстоянии. По мегафону, сделанному П. Я. Богачём, время от времени раздавалось: «Роман, дай побольше опережения!» или «Прибавьте мотору горячего – глохнет!» или «Фёдор Александрович, иди заряжать бурки!».

Если в первой Норильской зимовке участвовало всего восемь человек, прекрасно знавших друга и находящихся в дружеских отношениях, то теперь это была довольно большая и разношёрстная компания, среди которой было и много довольно «отпетых личностей». Однако все прекрасно понимали, что любой нарушитель порядка или даже закона, если и покинет Норильскую зимовку, будет обречён на верную гибель, ибо уйти ему отсюда просто некуда. Поэтому жизнь в посёлке протекала довольно спокойно. А будь это где-нибудь поужнее и полюднее, неприятностей было бы намного больше. Впрочем, однажды, довольно тёмной и мрачной ночью случилась попытка захвата экспедиционного этилового спирта, хранившегося в железном бочонке в сенях дома. Однако, получив решительный отпор, неудачливые похитители «огненной воды» ретировались. Урванцев с Клемантовичем и Корешковым, коротко посоветовавшись, решили никакого следствия по этому делу не проводить, чтобы не устраивать в коллективе никаких революционных ситуаций. Так что, кто это был, так и осталось неизвестным.

Новый год встретили дружно, всем коллективом. Напекли пирогов, налепили пельменей из молодой оленины,

*Руководство второй зимовочной экспедиции в Норильске:
врач экспедиции – Е. И. Урванцева, начальник экспедиции –
Н. Н. Урванцев, завхоз экспедиции – А. И. Левкович*

с помощью патефона устроили концерт, в котором приняли участие Собинов, Шаляпин, Фигнер, Нежданова и даже Варя Панина. Подняв стаканы, коллеги по зимовке тепло поздравили друг друга и пожелали успехов в работе, здоровья и скорейшего возвращения в лоно цивилизации. После чего выпили прекрасного французского шампанского (практически все – первый раз в жизни), помянув добрым словом наркома Н. А. Семашко за редкостное удовольствие. Ну, а тем, кто от этого особого удовольствия не получил, в порядке исключения позволили по паре рюмок разведённого спирта.

С каждым новым днём работники всех экспедиционных служб становились всё более опытными и профессиональными специалистами в своей области, так что хозяйственных забот в экспедиции было всё меньше и меньше, и «великий завхоз» А. И. Левкович запросился на покой. Лет ему уже было достаточно, за пятьдесят; его жена Елена Семёновна, зимовавшая с мужем в первую норильскую зимовку, жила теперь в Москве в их собственной квартире, а он оставался тут, на Крайнем севере, один. С последней партией экспедиционного груза из Дудинки привезли весть, что сразу после Нового года в Енисейск отправляется большой олений аргиш, и Левкович попросил отпустить его с ним на Большую землю. «Великому завхозу» пожелали счастливого пути и не без грусти отправили в трудное путешествие на юг, по возможности снабдив всем необходимым. Сначала до Енисейска, потом до Красноярска, а далее по железной дороге – и до самой Москвы.

Теперь все хозяйственные заботы и проблемы целиком легли на могучие плечи Виктора Корешкова. А на зимовке в Норильске осталась, в сущности, только одна молодёжь. Лишь Ф. А. Клемантовичу было около сорока, самому Н. Н. Урванцеву – тридцать один год, остальным же – и того меньше.

Однажды вечером вскоре после Нового года в гости к горнякам Норильска приехал долганин Василий Тынка и, отведя в сторону Урванцева, доверительно сообщил ему шёпотом:

– А Чоня-то сёдни шаманить, однако, будет.

Чоня – один из пастухов экспедиционного стада, скромный и молчаливый долганин, скорее пожилого, чем среднего возраста, ничем не выделялся из числа своих сородичей. А вот его жена Дуня, наоборот, была бойкой говорливой тёткой. Она очень симпатизировала Елизавете Ивановне (экспедиционному врачу и жене Урванцева), называла её не иначе, как «кузяйка» и всегда привозила ей какой-нибудь «женский» подарок: олений коврик под ноги, камусные туфли или сапоги, вышитый кожаный пояс или что-то ещё в этом духе. При этом она непременно ожидала для себя «отдарка»: яркого

платка, нитки бус, кофточки или хотя бы хорошего куска ситца.

Урванцев от кого-то краем уха не раз слышал, что Чоня иногда шаманит, но не придавал этому значения, считая такие разговоры простым трёпом. «А, впрочем, если Чоня даже и шаманит, это его личное дело, которое меня, как начальника экспедиции, никак не касается», – всякий раз думал он, получая такое известие. Однако, оказывается, это был не трёп, а чистая правда. (Тынка врать не будет.) Националы врать с детства вообще не приучены, поскольку не понимают, для чего это нужно делать.

Урванцев заинтересовался этим сообщением и спросил Василия можно ли и ему поехать с ним посмотреть на это мистическое действо. Тынка, немного подумав, согласился на это, правда, при условии, что «зрители» будут вести себя тихо и ни во что не станут вмешиваться. И что всех их будет не более трёх человек. Василию были даны необходимые заверения, и Урванцев с Елизаветой Ивановной и Витей Корешковым быстро собрались в дорогу.

Василий сообщил также, что обряд шаманства будет проходить неподалёку, в лесу Норильской долины, на специально выбранной для этого поляне, вдали от мест, где обычно ставят свои чумы местные националы. Там Чоня будет вымаливать у духов предков помощи и покровительства при промысле зверя и рыбы в наступившем году. Вскоре, однако, выяснилось, что Тынка немного лукавил. Он заранее знал, что Урванцев с небольшой кампанией поедет с ним на это мистическое религиозное представление и поэтому захватил с собою ещё одну, порожнюю санку с тем, чтобы можно было ехать по двое.

На двух лёгких санках по прекрасной зимней дороге Тынка и его попутчики, как на крыльях, очень быстро долетели до места, где произойдёт обряд шаманства. Это была величественная поляна, окаймлённая густым заснеженным лесом. Ночь стояла лунная, морозная, полная какой-то удивительной, звенящей тишины. Ярко светила огромная жёлтая луна, заливая всё вокруг зеленоватым светом, покрывавшим весь мир серебряным флёром таинственности. Посреди поляны

стоял огромный, вдвое выше обычного, чум (в поперечнике сажени две-три), который легко мог вместить человек пятнадцать и даже больше. У его входа торчал высокий шест с поперечинами, на которые были насажены грубо вырезанные из дерева фигурки зверей и птиц. Самая большая фигурка, изображавшая гагару, сидела на верху шеста. Очевидно, предком каждого рода считались тут какой-то зверь или какая-то птица. Ему (или ей), как духу-покровителю рода, все поклонялись и чтили его (или её). На поляне, по краям, возле леса, во множестве стояли санки с привязанными к ним не распряжёнными оленями. Очевидно, это были экипажи тех, кто приехал сюда для того, чтобы принять участие в торжественном обряде.

Тынка с Урванцевыми и Корешковым откинули полость входа и вошли. Никто не посмотрел на них, не кивнул, не улыбнулся, все только потеснились, чтобы дать им место сесть. Посреди чума горел костёр и перед ним, лицом к входу, скрестив ноги по-восточному, сидел Чоня в шаманском костюме и шапочке, из-под которой выбивались его седые волосы. Костюмом служила парка⁵², искусно сшитая из разноцветных кусочков оленьих шкур и замши, раскрашенных в разные яркие цвета. Эта парка и шапочка были украшены разноцветными лентами, бусами и колокольчиками. Очевидно, они потом будут звенеть при малейших движениях шамана, превращая самого шамана в своеобразный музыкальный инструмент. Но пока что он сидел, не шевелясь, молчаливо смотрел на огонь и курил большую трубку, сделанную из мамонтовой кости. По бокам сидели два его помощника и тоже молчали. Стояла абсолютная тишина.

Вдруг Чоня резко протянул руку в сторону – ему тотчас вложили в неё бубен, тоже украшенный лентами и бубенчиками. Раздался лёгкий мелодичный звон. Чоня подождал несколько секунд, сосредоточенно глядя вдаль поверх голов сидящих в чуме, потом неожиданно с силой ударил в бубен; тот загудел глухо и торжественно. Вторя ему, Чоня не то запел,

⁵² Парка – утеплённая куртка с меховым воротником или капюшоном.

не то завыл, издавая звуки, одновременно похожие на какой-то варварский напев и непонятную скороговорку. Окружающие подхватили этот вопль и стали вторить шаману. А он сидел и, изредка ударяя в бубен, пел всё громче и громче. Шаманство началось. Видимо, это была какая-то молитва – вызов духов предков. Потом вдруг Чоня одним прыжком вскочил на ноги, стал приплясывать и кружится у костра, ударяя в бубен всё сильнее и сильнее. Постепенно издаваемые им звуки перешли в мощный гул, которому аккомпанировал целый водопад звуков, издаваемых бубенцами на его одежде. Помощники шамана, сидевшие возле него, тоже вскочили на ноги и стали рядом, вытянув руки, готовые немедленно прийти на помощь, если понадобится. А шаман продолжал кружиться всё быстрее. Его пение переросло в переливчатый рёв, а звон бубенцов и колокольчиков превратился в страшную какофонию. Помощники подхватили шамана сзади за ляжку у пояса, перекинутого под мышками, и стали придерживать, чтобы он не упал. В чуме наступило всеобщее возбуждение. Фигура беснующегося шамана уже превратилась в какое-то неясное пятно. Всех обуял ужас.

И вдруг всё мгновенно прекратилось. Звуки смолкли; всякое движение прекратилось, а обессиленный Чоня с обильной пеной на губах повис на руках у своих помощников. Его бережно опустили на оленью шкуру, где он неподвижно пролежал несколько минут в полной тишине. Потом Чоня поднялся на ноги, отёр пену с губ и начал тихо рассказывать что-то своим соотечественникам голосом, как бы доносящимся издалека. Надо ли говорить, что слушали его с огромным вниманием, стараясь не пропустить ни слова. На этом шаманство закончилось, и все стали разъезжаться по домам. По дороге в Норильск Василий Тынка рассказал, что шаман виделся с духами предков, разговаривал с ними. Они приняли его ласково и пообещали, что нынешний год для всего рода будет очень добычливым.

Но вот новогодние праздники закончились, и вновь в Норильске воцарились трудовые будни с их буровыми работами и проходкой штолен. С каждым рабочим днём буровики и

проходчики становились всё опытнее и профессиональней. Хотя, время от времени, производственные происшествия всё-таки случались (притом и довольно неприятные), но ни одного смертельного среди них, слава богу, не произошло. Много лет спустя, на одном из юбилеев Николая Николаевича какой-то ушлый корреспондент спросил его:

– Что в вашей огромной геологической практике вы считаете самым большим достижением?

– То, что ни в одной из моих экспедиций на Крайнем Севере не погиб ни один из её участников, – не раздумывая, ответил Урванцев.

Однажды пришёл горный мастер Роман Батурин и принёс весьма неприятную новость: в торце коронки бура выкрошился один довольно большой алмаз. То ли он был слабо зачеканен и просто выпал, то ли был высоко поставлен и скололся при ударе о трещину. Впрочем, дело не в этом, важно было знать, куда он девался. Если просто раздробился и был вынесен струёй воды наружу – беда невелика. Можно бурить дальше, вставив новый алмаз. Но если сам алмаз или его осколки остались в забое, их надо непременно удалить оттуда полностью. Иначе при вращении колонки они будут её царапать, скоблить или даже выкрошат все прочие алмазы. И теперь, пока забой полностью не будет зачищен, дальше бурение вести нельзя.

Ликвидация этой аварии заняла целую неделю. Подъём, разборка и повторное опускание штанг, весом более двухсот килограмм каждая, даже и при работе через систему блоков – труд нелёгкий. А ведь всё это пришлось повторить несколько раз, пока буровики не убедились, что буровой инструмент исправен.

Другая неприятность случилась ещё через две недели, на этот раз во второй штольне у проходчиков. После одной из отпалок, когда, как и положено, число выпалов совпало с числом заряженных бикфордовых шнуров, горный техник Фёдор Александрович спустился в забой для проверки. При осмотре он обнаружил остаток шпура («стакан», как говорят проходчики) и в нём – торчащий кусок не полностью взор-

вавшегося динамитного патрона. Строго настрого наказав рабочим в забое ничего не трогать, техник пошёл за новым боевым патроном, чтобы им подорвать невзорвавшийся «стакан». Однако проходчик Беляев ждать не захотел и начал обкалывать рыхлую породу, для того, чтобы вытащить неразорвавшийся патрон. Он неосторожно ударил по замёрзшему патрону, отчего произошёл взрыв. К счастью, выброс произошёл в сторону от пострадавшего, и ослушнику лишь осыпало лицо щебнем и пылью да запорошило глаза. При осмотре выяснилось, что он отделался только царапинами и ссадинами. Целыми остались и глаза. Тем не менее, его под руки отвели в дом, все раны и ссадины замазали там зелёной, а глаза промыли специальными каплями.

И уже в самом конце полярной ночи случилось ещё одно чрезвычайное происшествие, в котором едва не погиб горный техник Ф. А. Клемантович. Спасло его самообладание, хорошая реакция и большой опыт горных работ в подземных выработках. Для подъёма людей из шурфа была сделана добротная верёвочная лестница, по которой Фёдор Александрович спустился вниз для производства взрывных работ. Он зарядил бурки, поджёг длинные бикфордовы шнуры и сделал несколько шагов вверх по верёвочным ступеням. Внезапно ему захотелось посмотреть, как движется огонь к запалам. Он повернулся, чтобы оглянуться назад, его крутануло в сторону, и всем своим богатырским телом Фёдор навалился на верёвочную ступеньку и оборвал её, а вместе с ней и все остальные ступеньки. Он оказался на земле среди тлеющих бикфордовых шнуров, и его ждала неминуемая смерть после взрыва. Но при нём, как обычно на взрывных работах, был острый, как бритва, нож, которым он мгновенно перерезал все бикфордовы шнуры в той же последовательности, как зажигал их, начиная с первого. И только после этого Фёдор начал кричать вверх, призывая товарищей к себе на помощь. Вскоре ему бросили вниз верёвку, по которой он и вылез. Впоследствии Фёдор Александрович рассказывал, что старые штейгеры учили его всегда иметь при себе острый нож на взрывных работах и при зарядке шпуров никогда не

экономить бикфордов шнур. После этого случая Урванцев устроил общее собрание всех горных рабочих, посвящённое технике безопасности. Все верёвочные лестницы укрепили и сделали вдвое толще и рядом каждый раз стали опускать ещё и страховочную верёвку.

А между тем в Норильск постепенно приближался полярный день. Первое появление солнца ждали к концу первой декады февраля. Испокон века у всех заполярных народов это явление всегда бывало большим праздником. Местные пастухи и приезжие гости рассказывали, что в день появления солнца у западного края плато Караелах («Елового Камня»), на противоположной стороне Норильской долины, в это время собирается много народа на праздник встречи солнца.

– Солнце рожу казал, – строго сказал всё тот же Василий Тынка Урванцеву, приглашая его на праздник «Первого Солнца».

Урванцев с Елизаветой Ивановной, Корешковым и небольшой компанией рабочих ранним утром следующего дня отправились на трёх санках смотреть это диковинное зрелище. Прямая дорога через сопки и гряды, густой лес и заросли кустарника была хоть и более короткой, но очень трудной. Поэтому маленький аргиш под предводительством Тынки поехал в обход, через Часовню, и далее по льду реки Норильской, до самого её устья, а потом вдоль берега озера Пясино, снова по льду к «Еловому Камню». Погода выдалась отличная, тихая и морозная, словно специально к празднику. Обходная дорога оказалась ровной и гладкой, поэтому к заповедному месту они добрались без всяких приключений довольно быстро, всего за полтора часа. На окраине плато, у его юго-западной части⁵³, уже возвышалось несколько десятков только что поставленных чумов, возле которых суетился народ. К югу отсюда открытая местность простиралась километров на двадцать пять, и только потом начинали громоздиться отроги склонов северо-западного края Норильского плато.

⁵³ Теперь там располагаются посёлок Талнах и рудник того же названия.

Друзья-националы (долганы и нганасаны) в гостях у горняков в Норильске. Первый ряд: С. Д. Базанов, долганин М. Сидоров, Б. Н. Пушкарёв. Второй ряд: нганасанин И. М. Манто, А. К. Вильм, Н. Н. Урванцев, А. И. Левкович, Е. С. Левкович. 1923 г.

Лучшего места для наблюдения за восходом солнца не найти. Тем более, что небо было чистое, на юге бледно-голубое с золотистым оттенком. Приехали путники с запасом по времени, часа за два до появления солнца, и пока торжественный акт не начался, прошлись по чумам, здороваясь со знакомыми националами (долганами, нганасанами, ненцами).

Большинство долган им были знакомы. Они часто приезжали в Норильск обменять мороженую рыбу на ткань, муку или верёвки; полюбопытствовать, глядя на диковинные занятия «белых» людей, которых они не понимали, но относились к ним с уважением; посмотреть и послушать диковинную игрушку «патефон». Позднее, когда на руднике появился свой врач, приезжали также с жалобами на разные болезни. Сейчас все готовились к празднику: повсюду на печурках и кострах стояли чайники, кипели котлы с мясом, на костяных разделочных досках выросли горы строганины из чиров и нельм.

Но вот горизонт на востоке начал алеть, брызнул по небу первый яркий луч, и над горизонтом показался тоненький краешек ослепительного солнца. Все сразу же высыпали из своих чумов. Люди радостно кричат, обнимают друг друга и даже пляшут. Создается впечатление, что они видят это первый раз в жизни, что для них это восхитительная неожиданность, щедрый подарок доброго Бога. Возможно, так же поклонялись долгожданному Солнцу и их предки много веков подряд.

Впрочем, солнце светило совсем недолго – чуть поднялось у горизонта и скрылось опять. Но завтра оно поднимется чуть выше, а уже в мае начнётся полярный день с его кипучей жизнью всего полярного мира: зверей, птиц, насекомых и, конечно же, людей.

Итак, солнце скрылось, и все разошлись по своим чумам, где сразу же началось чаепитие, угощение друг друга отварной олениной, сырым костным оленьим мозгом (очень вкусный деликатес), строганиной и согудаем. А потом начался всеобщий танец «хейра». Все до единого участники праздника встали в огромный круг, сцепившись друг с другом локтями. Затем притопывая и прихлопывая в ладоши, они начали ритмично двигаться по кругу, приговаривая: «Хейра-хейра»! Пройдя несколько кругов вправо, они по громкой команде, отданной на долганском (или, может, нганасанском) языке, сменяли направление движения и стали так же двигаться вправо. Так произошло несколько раз, после чего это веселье закончилось, и «белые» гости вместе со всеми остальными участниками праздника стали разъезжаться по домам.

После появления солнца тихая и морозная погода в Норильске существенно переменилась. Стало намного теплее, но зато во всём своём буйстве явились бешеные ветры, сопровождаемые обильными снегопадами. Флюгер Вильда, смонтированный на крыше дома, показывал скорость ветра до двадцати-двадцати пяти метров в секунду, а иногда ветровая доска флюгера отклонялась даже до горизонтального положения. Это означало, что скорость ветра превысила тридцать метров в секунду. Все бурные ветры дули в Норильске только

с юга, со стороны Норильского плато, и имели «стоковый» характер. С северной стороны ветров, даже слабых, не было вообще. Характерным предсказателем грядущей пурги служила гора Шмидта, вернее, её северный обрыв. Как только он начинал куриться снежной пылью и над горой повисали чечевицеобразные облака, похожие на дирижабли с острым задним краем и с закруглённым передним стоило ожидать пурги. Ветер в пургу бывал так силён, что однажды железную бочку из-под бензина унесло от буровой вышки за два километра, к Квадратному озеру. В такую погоду не только нельзя было работать, но даже просто появляться на улице следовало лишь в случае крайней необходимости, поскольку потерять ориентир и заблудиться в это время может кто угодно, даже самый опытный полярник. Ибо в двух шагах всё исчезает в бешеном вихре снежной пыли.

Снег на Крайнем Севере имеет совершенно иную структуру, чем в средней полосе или на юге. Там снежинки имеют вид изящных шестиугольных звёздочек; здесь же, на севере, это тонкие, в сотые доли миллиметра, иглы. Ветром они перемалываются в тончайшую снежную пыль, которая легко переносится по воздуху, сооружая холмы, похожие на барханы в пустыне. Но там они сыпучие, рыхлые, и нога в них проваливается по щиколотку. А на Крайнем Севере снег бывает утрамбован ветром так, что не поддаётся железной лопате. Его надо пилить ножовкой на кирпичи. Из таких кирпичей иногда строят себе хижины эскимосы и чукчи. Снежная пыль забивает все пустоты: неплотно закрытые чердаки и сараи, пустые бочки и ящики, если в них есть хоть малейшие щели, внутренности лодок и судов, выброшенных на берег. Но самое страшное – это бешено мчащийся холодный ветер, смешанный с микроскопической снежной пылью. Этим воздухом нельзя дышать. От такой «наждачной пыли» не спасает никакая одежда. От этой напасти можно только попытаться укрыться, где угодно: за торосом льда, за выступом рельефа, за большим камнем. Но лучше всего в доме, особенно, если в нём есть печка с горящими дровами или хорошим углем.

Казалось, что безжалостной северной зиме не будет конца, но постепенно, день за днём, солнце начало подниматься из-за горизонта всё выше и выше. На снегу, плотно утрамбованном ветрами до бетонной твёрдости, начали появляться проталины, а на озёрах и реках – забереги. Вслед за этим тундра постепенно стала покрываться цветами: незабудками, жёлтыми маками и пушицей (полярными одуванчиками). Прилетели птицы: вначале пуночки (полярные воробьи), а следом за ними гуси, утки, гагары, краснозобые казарки и кулички. А к концу мая от границы лесотундры, спасаясь от грядущего гнуса, к побережью полярных морей двинулись многотысячные стада диких оленей.

Ещё в конце марта Урванцев со своими помощниками начал думать о завершении зимнего рабочего сезона в Норильске. Руды, добытой для отправки в Красноярск, Томск и даже Петроград, в опытной партии накопилось вполне достаточно для проведения подробного исследования. Однако сначала надо было как-то доставить этот груз камней общим весом около тысячи пудов (шестнадцати тонн) по уже начавшей раскисать тундре в Дудинку. Экспедиционные грузовые олени ещё толком не восстановили силы после тяжелейшей работы по доставке грузов поздней осенью и ранней зимой из Дудинки в Норильск. А тысяча пудов руды – это сорок зимних грузовых нарт, то есть не менее пяти хороших аргишей. Ясно было, что второй такой операции им не потянуть. После долгих раздумий Урванцев решил обратиться за помощью в Дудинский исполком, и местные советские власти согласились прийти ему на помощь. Они заключили с известным местным оленеводом Михаилом Горкиным договор не только о доставке столь тяжкого груза до Дудинки, но и о подготовке его там к длительному и трудному путешествию. Надо сказать, что грузовые олени («битюги») Горкина славились по всей местной округе. Это были упитанные сильные быки, которые целый год вольно паслись на лучших ягельниках правобережья нижнего Енисея и, в случае надобности, были готовы к любой, даже непосильной работе. Теперь можно только гадать, почему Михаил Горкин согласился на такую

нелёгкую и даже опасную акцию. То ли он предполагал неплохо заработать на этом, то ли рассчитывал укрепить свои связи с местным начальством, то ли собирался принять какое-то участие в будущем проекте по строительству горно-металлургического гиганта. Впрочем, это не суть важно. Главное, что он согласился, что оказалось большой удачей для экспедиции Урванцева.

Ещё по зимней дороге, почти за три месяца до основной распутицы, Горкин начал на своих «битюгах» вывозить из Норильска, от северного мыса горы Рудной, оруднённую породу с обильными вкраплениями сульфидов и целиком справился с этой непростой задачей к середине мая.

Чтобы сохранить руду в дальней дороге от загрязнения и потерь, её решили паковать в деревянные бочки. Бочек для засолки рыбы в Дудинке была целая пропасть. Они горами громоздились всюду в посёлке. В Норильске руду грузили на нарты прямо у отвала при устье штольни и спускали вниз к подножию горы, куда уже можно было подогнать и подпрячь оленей. Склон там был так крут, что нарты вниз шли самоходом, спускаясь по верёвке, пропущенной через большой блок.

Впоследствии, уже в Дудинке, руду сначала загружали в мешки, а уже потом упаковывали в бочки, которые затем надёжно и заботливо укреплялись обручами. Груз в них – чрезвычайно ценный и очень тяжёлый, а бочки могут побиться при перевалках, особенно в Красноярске, с баржи в товарный вагон. В Норильске Горкину самоотверженно помогали все проходчики, а в Дудинке он паковал груз с помощью своих многочисленных братьев. Михаил Горкин оказался человеком весьма порядочным и исполнительным, так что весь груз даже до Петрограда дошёл в абсолютной сохранности.

Рабочий сезон близился к концу, и вместе с ним надвигалась на экспедицию Урванцева ещё одна грандиозная неприятность. Вернее, даже и не неприятность, а прямо-таки катастрофа. Она не свалилась, как снег на голову, а именно шаг за шагом неотвратимо приближалась. У Урванцева заканчивались экспедиционные деньги. На его счету в банке Крас-

ноярска оставалось их совсем немного. Конечно, на текущие расходы в Дудинке этого должно было хватить, но с каждым днём приближался момент, когда надо будет расплачиваться с рабочими по их индивидуальным счетам, а для этого понадобится огромная сумма. Согласно прошлогодней договорённости, в течение всей работы экспедиции в Норильске бухгалтерия «Центрпромразведки» (ЦУПРа) должна была ежемесячно переводить на счёт Урванцева сумму текущей зарплаты для всего коллектива, чтобы по окончании работ, уже в Красноярске, он мог со всеми рассчитаться. Ещё в начале марта Урванцев по телеграфу запросил Красноярский банк о том, какие суммы хранятся на его счету. Ему сообщили ту же самую сумму, что была ранней осенью, в момент отправки экспедиции в Дудинку. Урванцев решил, что его не поняли, и повторил запрос. Ответ был тем же самым. Он телеграфировал в Москву в ЦУПР и лично В. М. Свердлову. Никакого ответа оттуда он не получил. Очевидно, как только экспедиция Урванцева уехала в Норильск и приступила там к работе, о ней попросту забыли. Урванцев послал ещё одну, развёрнутую телеграмму, где подробно описал перспективу, а также поимённо все те суммы, которые должен получить каждый работник. И вновь не было никакого ответа. Надо было срочно, бросив все дела, ехать в Москву для того, чтобы добыть там необходимые денежные средства.

Но кому ехать и на чём? Сам Урванцев бросить все текущие дела на произвол судьбы никак не мог. Корешков, Клемантович, Батулин? Но никто из них ни в Москве, ни в Питере никогда в жизни не бывал. Никаких не то, что связей, шапочных знакомых там не имел. А главное, никто из его главных помощников не умел вести ни деловых, ни денежных переговоров. Оставалась только Елизавета Ивановна, доктор горнопроходческой экспедиции (слава богу, никаких пациентов, требующих непрерывного вмешательства врача, пока что не было). Но отправить в такое трудное и опасное путешествие женщину, любимую жену, в одиночку?! На это надо было решиться, но другого выхода не было, и Урванцев сделал этот отчаянный, граничащий с безумием шаг.

В течение нескольких дней, сокращая свой сон и отдых, он писал подробный доклад о выполненной работе, о её условиях, трудностях и их преодолении, а также о перспективах будущего Норильского горно-металлургического региона на Крайнем севере. Виктор Корешков составил подробнейшую смету расходов по зарплате и прочим расходам, подтверждённую выписками из персональных расчётных книжек рабочих экспедиции. Всё эти «бумажные работы» были выполнены скрупулёзно точно и в самые короткие сроки, потому что на север уже приходила распутица, и каждый день был на счету. Так что даже последний поход до Дудинки (а это всего сто километров – пустыки по здешним масштабам) дался с большим трудом

Свою работу экспедиция Урванцева закончила к концу августа. Всё буровое оборудование разобрали, смазали и сложили в штольне. Неизрасходованный динамит, а вместе с ним капсулы и бикфордов шнур в присутствии специально созданной для этого комиссии по акту уничтожили. Все здания посёлка Норильск законсервировали, а сторожем при нём оставили бурового рабочего, долганина Максима Щукина, который с удовольствием принял эту должность и перебрался туда на жительство со всей своей многочисленной семьёй из Часовни.

А что же с деньгами? Как удалось решить эту проблему Елизавете Ивановне? И вообще, можно ли было её решить?

Да, удалось, хотя с точки зрения здравого смысла это казалось невозможным, но отважная Елизавета Ивановна решила эту проблему и притом решила блестяще. Все работники экспедиции ещё в Дудинке получили хорошие авансы, причём в настоящих, конвертируемых «золотых» червонцах (в только что введённой тогда отечественной валюте), а частью – в мелкой разменной серебряной монете. А полный расчёт за весь сезон всем выдали уже в Красноярске, в тамошнем Госбанке, согласно расчётным книжкам каждого сотрудника.

Глава 6

Елизавета Ивановна Урванцева (Найдёнова)

Как уже сказано, Николай Урванцев первый раз женился в 1918 году, ещё в студенческие годы, когда учился на последнем курсе горного отделения Томского технологического института. Тогда они вместе с двоюродным братом Фёдором Валовым, тоже студентом этого ВУЗа, снимали квартиру в доме, принадлежавшем богатому семейству Шалаевых. У их квартирных хозяев было две дочери Варвара и Галина. Вот на них-то и женились братья: Николай на Варваре, а Фёдор на Галине, войдя зятьями в одно из самых богатых и значительных семейств Томска того времени. Достаточно сказать, что Михаил Шалаев, отец Варвары и Галины, не только владел домами, землями и магазинами, но был и соучредителем Ленских золотых приисков. Вскоре в семье Урванцевых родился сын, которого в честь деда по материнской линии назвали Михаилом.

Однако уже в 1920 году, когда Н. Н. Урванцев угодил в Томское губчека, в его семье начался серьёзный разлад. Мало того, что к тому времени «финансовую империю» Шалаевых большевистские власти начали основательно притеснять, реквизируя «для нужд революции» один за другим дома, магазины и участки земли. Вдобавок к этому дед Михаил всерьёз рассердился на зятя, полагая, что именно из-за него новые власти относятся к нему, Михаилу Шалаеву, одному из самых значительных граждан Томска, так несправедливо. И хотя чекисты продержали Н. Н. Урванцева в тюрьме всего два месяца, а затем по запросу из Москвы не только выпустили, но и снарядили под его руководством экспедицию на Таймыр, дед Михаил не без оснований полагал, что Чека редко выпускает из своих железных когтей добычу, какой бы она ни была. Тем более, что сподвижника Н. Н. Урванцева по геологической экспедиции в район горы Шмидта (её фактического руководителя), атамана Енисейского казачества А. А. Сотникова, они вскоре после ареста расстреляли.

В семье Шалаевых Н. Н. Урванцев де-юре находился до начала 1924 года, и сразу после этого его двоюродный брат Ф. Н. Валов с семьёй уехал в Иркутскую губернию на Ленские золотые прииски, а Варвара Урванцева с сыном – в какой-то леспромхоз Кемеровской области, где проработала врачом до конца своих дней. Её сын Михаил впоследствии стал там бухгалтером и женился, произведя на свет сына и дочь. После расставания ни жена Варвара со своим мужем, ни сын Михаил со своим отцом Николаем Николаевичем Урванцевым никаких отношений не поддерживали. И сам Урванцев с ними тоже. Скорее всего, в то время его интересовали только Таймыр, гора «Шмидтиха», Норильск. Лишь в последние годы жизни бывшие супруги стали изредка переписываться, посылая друг другу осторожные письма.

А Федор Валов был не только проходчиком в первой зимовочной экспедиции в Норильске в 1921 году, но даже одним из её ключевых участников. Именно он пробил первую угольную штольню в горе Шмидта, чему имеются документальные подтверждения. Однако, почти сразу после возвращения с Таймыра, с этой первой Норильской зимовки, Фёдор Валов оказался на Ленских золотых приисках, где принял должность исполнительного директора, в которой успешно проработал потом в течение нескольких лет. Как произошла эта неожиданная метаморфоза? Что способствовало ей? Связано ли она как-то с личностью его знаменитого двоюродного брата? Документальных подтверждений, проливающих свет на эту проблему, я не нашёл. Из записок и сообщений современников известно только, что новый директор приисков пользовался не только уважением, но даже любовью своих подчинённых. Однако, к нашему рассказу это особенного отношения не имеет.

А вот с Елизаветой Ивановной Найдёновой (впоследствии Урванцевой), не только своей будущей женой, но и верной спутницей и соратницей во всех последующих путешествиях и делах по освоению Таймыра, Николай Николаевич познакомился совершенно случайно в феврале 1923 года в богатом купеческом ресторане города Новониколаевска.

*Портрет Е. И. Урванцевой
(Найдёновой) времён
её молодости, 1923 г.*

Там они оба были, можно сказать, проездом. Она приехала в столицу Сибири из Москвы по делам Аэрофлота, а он по дороге из Томска в Москву заезжал на пару дней в Сибирский совнархоз по делам своей будущей экспедиции. Они ужинали в разных компаниях, но их столы находились неподалёку друг от друга. За столом, где кутила большая компания геологов-золотоискателей, царил высокий статный молодой очкарик, рассказывая о своих необыкновенных приключениях на Крайнем севере. Это и был Николай Николаевич

Урванцев, которому в ту пору было всего тридцать лет. Все слушали его рассказы, раскрыв рты от удивления, но особенно внимательно – молодая красивая женщина за соседним столом. Было видно, что рассказы удивительного незнакомца совершенно поразили её (в том, что это чистая правда, ни у кого из слушателей не было и тени сомнения). Рассказчик же, ободрённый вниманием прекрасной дамы, начал рассказывать свои истории ещё более воодушевлённо и громко, откровенно адресуя их ей. А потом вдруг встал с бокалом в руке и заявил, указывая на прекрасную незнакомку:

– Прошу всех выпить за эту женщину, поскольку я уверен, что вскоре она станет моей женой.

За обоими столами раздался хохот. Многие посчитали это глупой пьяной шуткой. Но сама женщина не только не обиделась, но даже позволила после ужина проводить себя до дома по пустынным улицам заиндевевшей столицы Сибири. Дорогой он рассказывал ей о своих полярных экспедициях, приключениях, друзьях, обворожительных северных сияниях и даже о своих планах на будущее. У дверей её гостиницы (может быть, в качестве благодарности) она сообщила ему свой

московский адрес. Он попытался её поцеловать, но она ему этого не позволила и при этом с грустной улыбкой добавила:

- Учтите, что я замужем.
- Я тоже женат, – развёл он руками.

Через два месяца Николай Николаевич постучался в двери её московской квартиры. А вскоре Елизавета Ивановна стала его ближайшим и самым лучшим помощником во всех экспедиционных делах, а затем – любимой и верной женой до самой смерти. И прожили они в мире и согласии, более шестидесяти лет, притом, что характер у обоих был далеко не лёгким.

Но тогда, поздней весной 1923 года, они оба, действительно, были несвободны. Николай Николаевич, как уже сказано, имел жену и сына, а Елизавета Ивановна была замужем за московским профессором, который не только был существенно старше её, но к тому же ещё и прикован к постели тяжёлой неизлечимой болезнью, что существенно осложняло ситуацию. Правда, уже к концу 1924 года оба они официально развелись. Однако своего первого мужа Елизавета Ивановна не бросила на произвол судьбы: ещё восемь лет после развода, до самой своей смерти он лежал в квартире Урванцевых, и она продолжала ухаживать за ним и заботиться о нём. А единым домом, единой целью, единой смыслом существования, единой жизнью стал для них обоих Норильск.

Родилась Елизавета Ивановна Найдёнова в заштатном южно-уральском городке Кыштыме, так же, как и Николай Николаевич, в строгой староверской семье. Так же, как и он, она стремилась к свободной, самостоятельной жизни; так же, как он, мечтала получить хорошее образование в столичном университете.

Однако её родители были категорически против этого. Они считали главной целью и главным успехом в жизни порядочной девушки только удачное замужество. Ей и прекрасный жених даже уже был найден: из добродетельной состоятельной семьи, видный, красивый, солидный. Но Лиза не согласилась с такой перспективой. Она ушла из семьи и поступила на работу в лабораторию местного электролитного

завода. Там в течение двух лет, перебиваясь с хлеба на воду, она откладывала копейку к копейке до тех пор, пока не скопила сумму, необходимую для поездки в Санкт-Петербург, где на удивление легко поступила на медицинский факультет Университета.

Она училась со страстью и старанием, и вскоре стала одной из лучших студенток на курсе, а медицину стала считать своим призванием и долгом. Однако через год Россия вступила в Первую мировую войну, Санкт-Петербург превратился в Петроград, а студентам-медикам стали читать в Университете дополнительный курс по подготовке медсестёр (и медбратьев). И по окончании четвёртого курса студентку Е. И. Найдёнову призвали в действующую армию, отправив в хирургический госпиталь к линии фронта, в западную Белоруссию. Впрочем, она не очень-то сопротивлялась этому: служение медицине, помощь страждущим она считала своим гражданским долгом.

После окончания военных действий на фронте Елизавета вернулась в Петербург, намереваясь завершить своё медицинское образование (то есть закончить два последних курса), но там уже всю кипели революционные страсти, следом за которыми пришли голод, разруха, полное беззаконие и гражданская война. Тут уж было не до университетов. Затем она оказалась в Москве, но чем занималась там и как по командировке только что созданного тогда Аэрофлота оказалась в «некоронованной столице Сибири», городе Новониколаевске, нам неизвестно.

Но вернёмся в начало лета 1923 года в столицу нашей Родины Москву, по секрету перенесённую туда большевиками ещё в 1918 году из Петрограда. В Москве как раз и формировалась материальная база будущей зимовочной экспедиции в Норильске. Сам Николай Николаевич вместе с работниками снабжения ЦУПРа занимался комплектацией бурового станка, оборудования к нему, штанг и обсадных труб, а также сложнейшими вопросами, связанными с получением и доставкой в Дудинку большого количества взрывчатки. Гениальный завхоз А. И. Левкович, специально посланный

в Красноярск, занимался там продовольственными вопросами. Тряся грозными бумагами из Москвы и Новониколаевска, через кооперативные организации Дудинки он умудрился не только добыть, но и доставить к месту будущей работы муку, сухари, сушки, крупы, сушёные овощи, свечи, керосин и другие жизненно необходимые продукты и товары на весь зимовочный год.

А в Москве достойным представителем Левковича стала как раз Елизавета Ивановна. Именно ей пришла в голову блестящая идея – приобрести для нужд экспедиции целую пропасть мануфактуры: ситца, миткаля и сатина. Мануфактуру – шесть кип – при содействии начальника горного отдела ВСНХ В. М. Свердлова удалось получить через текстильный трест, рассчитавшись чеками взаиморасчётов. А заодно прихватили они там и много другой полотняной продукции: расписных платков, шалей и даже постельного белья.

Елизавета Ивановна, уроженка Урала, прекрасно знала нужды и заботы простых людей (в особенности женщин) не только Урала, но и всей Сибири. Впоследствии в обмен на мануфактуру тут удавалось доставать практически всё. Так в селе Казачинском приобрели за неё даже двух лошадей с упряжью, санями и прокормом. А расчёты мануфактурой за любую работу или любой товар принимались местными жителями просто с восторгом. Правда, по просьбе Геолкома одну кипу мануфактуры пришлось уступить геологической партии Сергея Обручева, работавшей в бассейне Подкаменной Тунгуски. Именно это помогло ему быстро и качественно сделать прекрасную геологическую карту района.

Хитрый А. И. Левкович сразу же оценил житейскую мудрость и решительность Елизаветы Ивановны и через местный Геолком сумел приобрести таким же образом – с помощью «чеков взаиморасчётов» – целый цыбик роскошного импортного чая (не только для собственных нужд, но и для расчётов с нганасанами и долганами, которые хороший чай считали «повседневной роскошью»).

Впрочем, Елизавета Ивановна не остановилась на этом. С огромным грузом мануфактуры она выехала из Москвы

в Новониколаевск, а потом, взяв себе в помощники Виктора Корешкова, отправилась дальше к югу: в Барнаул и Бийск. Там она, в основном, с помощью всё той же мануфактуры и грозных бумаг из ВСНХ и Сибревкома добыла практически всю тёплую одежду на двадцать пять зимовщиков: длинные тёплые шубы, двойные комплекты валенок, овчинные рукавицы и шапки. Всё это богатство, заботливо упакованное, разумеется, было переправлено в Новониколаевск, откуда в середине августа доставлено уже в Красноярск. К этому времени туда на поезде подъехал и сам Николай Николаевич.

В Красноярске последние две недели ежедневно, как на работу, Елизавета Ивановна отправлялась за покупками. Она обходила все местные базары, ларьки и лавки нэпманов, приобретая (теперь уже за настоящие, «живые» деньги) всё, что могло пригодиться большой «семье» зимовщиков долгой, тёмной и страшной полярной ночью. И прежде всего, то, что могло украсить их невзыскательный быт.

Ею был куплен огромный ведёрный сверкающий жирной жёлтой медью купеческий самовар, три красивых вязаных скатерти, большой набор фарфоровых тарелок, чашки с блюдцами и, как особенная роскошь, патефон, а к нему – коробочка с иглками и две больших картонных коробки с пластинками. В то время патефон был большой редкостью (люди для украшения досуга чаще пользовались тогда граммофонами). Впоследствии именно патефон был главной отрадой зимовщиков, особенно во время затяжной пурги, а также при праздничных застольях. «Едим, как в ресторане, под музыку!» – шутили тогда проходчики.

Но особенным успехом патефон пользовался у местных националов: ненцев, долган и нганасан, которые часто специально приезжали в гости к зимовщикам Норильска, чтобы посмотреть и послушать это чудо. Более всего нравились им пластинки с выступлением клоунов Бима и Бома. Слушая невзыскательные шутки тогдашних «мастеров юмора», аборигены тундры радовались, как дети, покатываясь от хохота. Надо сказать, что они вообще очень любили смеяться и никогда не упускали возможности для этого.

Елизавета Ивановна была украшением коллектива зимовщиков Норильска. Она не только прекрасно выглядела (что в полярных условиях не так-то просто, особенно женщине), но также всегда бывала заботлива, весела, участлива, в меру строга, но главное – весьма профессиональна, как врач. Особенно, как санитарный врач. Она неукоснительно боролась со всякой антисанитарией, расхлябанностью, строго следила за тем, чтобы питание рабочих было полноценным, богатым по вкусу и калорийности. За всё время восьмимесячной зимовки никаких признаков цинги ни у одного члена экспедиции не было. Несмотря на все природные катаклизмы, настоящая баня бывала для всех еженедельно. И ежемесячно каждый рабочий проходил медосмотр.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы у неё было так уж много медицинской работы на производстве. Народ в коллективе был, в основном, молодой, крепкий (или даже богатырский), технику безопасности проходчики, а также буровики старались соблюдать при строжайшем надзоре за этим Урванцева и горного техника Ф. А. Клемантовича.

За восемь месяцев горных работ произошёл всего лишь один несчастный случай на производстве, о котором уже рассказывалось выше. Он был связан исключительно с разгильдяйством и непослушанием проходчика Беляева. Доктор Елизавета Ивановна, к которой под руки привели «неслуха», тщательно осмотрела пострадавшего, но никаких серьёзных ранений ни на его лице, ни на теле не нашла, а только лишь ссадины и царапины. Затем она тщательно промыла ему глаза и на время отстранила от работы, тщательно запротоколировав несчастный случай.

Однако к всеобщему удивлению, Беляеву так понравилось бездельное лежание на кровати в общежитии, что он объявил себя «трудовым инвалидом, потерявшим зрение на производстве» и от всякой работы категорически отказывался, но в туалет и к столу вставал с кровати самостоятельно. Проходчики откровенно смеялись над ним, называя его «наш инвалид», но он твёрдо стоял на своём. Впоследствии неудачливый неслух страшно возмущался, когда при окончательном

расчёте его заработок оказался существенно меньше, чем у товарищей по работе. Он кричал, что дойдёт до самого товарища Калинина, но правды добьётся, и ему выплатят всё и даже больше, чем остальным. Однако после окончания Норильской зимовки это уже никого не интересовало.

Но главное признание медицинское мастерство Елизаветы Ивановны получило у местных жителей. Она вылечивала всех и притом многих – почти мгновенно. Она уже знала, что в большинстве своём северные националы страдают изжогами и катаром желудка. На этот случай у неё всегда в изобилии была припасена... обычная питьевая сода. Такое лечение всегда производило на простодушных северян оглушительный эффект. Приезжает к ней, допустим, какой-нибудь нганасанин, у которого в животе буквально полыхает пожар. Ему доктор даёт таблетку; он запивает её водой. Минута – и никакого пожара нет и в помине. Волшебство, да и только! Справедливости ради заметим, что не всегда всё выходило так просто. Случалось ей производить и небольшие операции, делать уколы, перевязки, накладывать шины, а также вылечивать с помощью лекарств и достаточно тяжёлые заболевания. Слава богу, у неё в арсенале имелись едва ли не все известные в то время медицинские средства и препараты (спасибо наркому здравоохранения Семашко!).

Но особенно Елизавета Ивановна помогала местным женщинам лекарствами, препаратами и, главное, советами, причём не только медицинскими. Едва ли не все приезжавшие в Норильск ненки, долганки и нганасанки её просто боготворили и с лёгкой руки Дуни, жены шамана Чони, называли «кузьяйкой». Никакой платы за свои услуги доктор Лиза, разумеется, не брала, но всё равно к ней все приезжали со своими национальными дарами. Чтобы не обижать пациентов, подарки она брала, но непременно «отдаривала» потом: бусами, цветными платками, чаем и сахаром.

Впрочем, всё это было профессиональной деятельностью Елизаветы Ивановны, её, так сказать, повседневной жизнью. А в жизни, как известно, всегда есть место подвигу. И она их, время от времени, совершала. Самым ярким, можно даже

Е. И. Урванцева – врач второй Норильской экспедиции, 1923 г.

сказать, безрассудно отчаянным и невероятно смелым предприятием был её одиночный поход из Норильска в Москву за деньгами для всей экспедиции Урванцева. Разумеется, сам Урванцев прекрасно понимал трудность и опасность этого фантастического предприятия, но иного выхода у него просто не было.

Во второй половине мая с последним зимним аргишем Елизавета Ивановна отправилась из Часовни в Дудинку. Добирались они до Дудинки долго и трудно. Уже началась оттепель, снег начал подтаивать, пропитываться водой и проседать под санками. Олени проваливались в рыхлые сугробы по самое брюхо, и их приходилось вытаскивать оттуда вручную,

а затем подолгу стоять и ждать, пока, ближе к ночи, снег хотя бы немного подмёрзнет, и ледяная корка станет хоть как-то держать упряжку.

В Дудинке лёд на Енисее ещё стоял, но на нём уже были видны широкие забереги. Ледоход там начался только 10 июня и по такой высокой воде, что огромные льдины выпирало далеко на сушу, к кромке коренного берега, в опасной близости от поселковых домов. Сразу вслед за тронувшимся вниз льдом из Туруханска 15 июня пришёл в Дудинку катер «Хлебопродукт», который на другой же день должен был отправиться в обратный путь. О пароходах вниз и вверх по Енисею пока не было никаких ни вестей, ни даже предположений. Елизавета Ивановна пошла к капитану «Хлебопродукта», представилась, показала свои, более чем серьёзные документы и попросила, чтобы он взял её хотя бы до Туруханска. Однако ни в каюте, ни в кубрике свободного места не оказалось, а идти вверх по Енисею предстояло не менее недели при далеко не ласковой погоде. И тогда она, ни минуты не раздумывая, согласилась ехать просто на палубе. Поставила на баке маленькую палатку, бросила в неё меховой спальный мешок и там прожила эту часть своего нелёгкого путешествия.

В Туруханске катер «Хлебопродукт» сделал небольшую остановку, а потом пошёл вверх по Нижней Тунгуске, оставив Елизавету Ивановне на енисейском берегу ожидать следующих оказий по продвижению к Красноярску. Тут ей слегка повезло: уже на следующий день в Туруханск пришёл маленький катерок местной кооперации, который отправлялся вверх по течению великой реки. На нём она и отправилась дальше. К сожалению, прошёл он очень немного, только до речки Костиной – всего километров пятьдесят. Там он разгрузился и тут же отправился обратно. Правда, вскоре ей подвернулся ещё один катерок, и, как ни странно, опять кооперативный. Он тоже шёл вверх по Енисею, но лишь до деревушки Бакланихи.

Вот так, пользуясь случайными оказиями, отважная путешественница к концу июня добралась до большого селения

Нижнеимбатского, расположенного в двухстах километрах от Туруханска выше по течению Енисея. Здесь её ожидало полное запустение: ни судов, ни катеров, ни лихтеров, ни даже лодки-илимки, словом, никакой мало-мальски серьёзной речной посуды не было и в ближайшее время не предвиделось.

Да, тут было от чего затосковать. Пока суть да дело, Елизавета Ивановна устроилась на ночлег и постоё до лучших времён в первую попавшуюся избу, стоявшую неподалёку от Енисея. За вечерним чаем, разговорившись с хозяином, она узнала от него, что в прежние годы отчаянные головы хаживали вверх по Енисею бечевой на собаках. Собак запрягали в бечеву, и они бегом по берегу тянули за собой лодку, а хозяин сидел на корме и правил веслом. Если им по пути попадалась речка, которую нужно было пересечь, путник приставал к берегу, брал собак к себе в лодку, переправлялся, а затем снова высаживал их на берег. И они снова тащили лодку дальше. Отважная путешественница заинтересовалась этой возможностью и стала расспрашивать хозяина, занимается ли кто-нибудь из местных этим промыслом сейчас.

И один такой лодочник с собачьей тягой всё-таки нашёлся. Правда, был он уже довольно стар, и собака у него имела всего одна. Поначалу он и слышать не хотел ни о каком путешествии, но когда узнал, что расплатятся с ним хорошим табаком и винтовочными патронами, согласился. Однако поставил условие, что в пути седокам придётся помогать тягловой скотине (собаке) вёслами.

Сто километров до следующего большого селения Верхнеимбатского они плыли боле трёх дней. Гребли по очереди, часто становились на отдых и короткий сон, варили уху из пойманной здесь же енисейской рыбы. Комар и мошка кусали отчаянных путешественников так, что лица у них заметно распухли. Но зато в Верхнеимбатском, Елизавету Ивановну ждала большая удача. Здесь, прямо на енисейском берегу, она повстречала топографическую партию, которая направлялась на работу в район Подкаменной Тунгуски. Начальник партии ещё по Красноярску хорошо знал Николая

Николаевича Урванцева и относился к нему с огромным уважением. Надо ли говорить, что топографы сделали всё, чтобы помочь жене легендарного геолога в её нелёгком пути до Красноярска. И она вскоре отправилась с ними до большого посёлка Бор, что стоит на высоком левом берегу Енисея прямо против впадения в него величественной Подкаменной Тунгуски. А со своим «извозчиком» Елизавета Ивановна щедро расплатилась, и он, довольный сделкой, в одиночку отправился в своей лодке домой вниз по течению в сопровождении пса.

А в посёлке Бор уже стоял «под парами» катер, который завтра ранним утром отправлялся в Енисейск, словно специально ждал здесь посланницу норильчан. Топографы сфотографировали её, когда она в лодке, запряжённой ездовым псом, подъезжала к берегу в Верхнеимбатском, и подарили плёнку на память. Впоследствии, в Ленинграде, с этой плёнки удалось напечатать прекрасные фотографии, которые сыграли решающую роль в успешном разрешении её миссии, которая многим казалась безнадёжной.

Дальнейшее путешествие Елизаветы Ивановны особой сложности не представляло. Через пять суток она оказалась в Енисейске, там пересела на пароход до Красноярска и в конце июля была уже в Москве.

На другой день с утра по приезде в столицу Елизавета Ивановна уже была в тресте «Центрпромразведка» (ЦУПРе) на приёме у его начальника геолога Н. Н. Тихановича. Тот выслушал толковый и обстоятельный рассказ посланницы Урванцева о ходе выполнения экспедиционных работ, об успешном завершении их к осени этого года, а также о выезде коллектива горнорабочих в Красноярск и необходимости произвести там с ними полный финансовый расчёт. Всё это явилось для него полной неожиданностью. Денег на это в тресте не было ни единой копейки. Да, конечно, они планировались при начале работ, но впоследствии, в связи с разного рода непредвиденными обстоятельствами, разошлись по другим геологическим партиям. А резервных средств у ЦУПРа не было, и быть не могло. Тиханович пообещал разъяснить

этот вопрос, разобраться в нём и попросил визитёршу прийти к нему на следующий день.

Однако и на следующий день посланницу Урванцева обрадовать ему было нечем. Денег категорически взять было неоткуда, и появиться они могли только в следующем календарном году. Чтобы хоть чем-то помочь отважной женщине, он посоветовал ей обратиться за решением этого вопроса к видному деятелю Главного управления горной промышленности ВСНХ и ректору Горной академии И. М. Губкину (будущему знаменитому академику).

Иван Михайлович Губкин внимательно выслушал посланницу норильчан, совершенно согласился со всеми её резонами и даже пообещал сделать для этого всё, что в его силах. Но, к сожалению, в его силах было немного: совсем недавно, уже в нынешнем, 1924 году, финансирование геологоразведочных работ первой степени перешло в ведение Петроградского геологического комитета, куда Елизавете Ивановне следует теперь поехать. Сам же Губкин пообещал предупредить её визит туда телефонным звонком, дав необходимые указания.

В Петрограде прямо с поезда Елизавета Ивановна Урванцева отправилась в местный Геолком к секретарю дирекции Крадецкой. И тут снова большая удача! Крадецкая величественно заявила, что она в курсе дела, поскольку ей уже звонили из Москвы. Что в данный момент как раз идёт заседание Учёного совета Комитета, и как только оно закончится, она представит Е. И. Урванцеву его членам. Они уже предупреждены об этом заранее и готовы её выслушать.

На Совете Елизавета Ивановна зачитала доклад, написанный ещё на Таймыре самим Урванцевым, подробно рассказала о работе и жизни геологов и горняков в заполярном Норильске. Затем она представила подробную смету и в заключение сказала, что просто не может вернуться назад без денег. Что бесчеловечно оставить без зарплаты людей, восемь месяцев работавших в таких условиях. Что осенью, во что бы то ни стало, нужно произвести в Красноярске расчёт со всеми рабочими. Её выступление произвело сильное впечатление.

Наступила большая пауза, после которой председатель Учёного совета сказал:

– Мы совершенно понимаем вас и в полной мере сочувствуем. Но денег нет, понимаете, физически нет, – и он вывернул наизнанку карманы своего пиджака, как будто они могли быть у него с собою.

И тогда Елизавета Ивановна стала рассказывать о том, как она, молодая женщина, в одиночку добиралась от Норильска до Петрограда. Рассказывала с множеством таких потрясающих подробностей, что все члены Учёного совета – бывалые геологи, в своём большинстве – просто обалдели. А в заключение она вынула из сумочки несколько фотографий, сделанных топографами в селении Верхнеимбатском, где она гребла веслами, сидя в лодке, которую тащила собака вдоль по енисейскому берегу. Это решило дело. Председатель Учёного совета попросил пригласить на заседание главного бухгалтера Геолкома. Бухгалтеру изложили проблему и предложили решить её так: снять понемногу денег с каждой экспедиции Геолкома страны, для того, чтобы набрать необходимую сумму. Все члены Учёного совета согласились с этим и единогласно утвердили такую акцию, хотя, вообще говоря, она была не совсем законной. Бухгалтер взял у Е. И. Урванцевой её смету и пообещал провести эту финансовую операцию за самое короткое время.

Своё слово он сдержал: уже через неделю все финансовые документы, по которым можно получить необходимую сумму для полного расчёта с рабочими экспедиции Урванцева, были готовы. Елизавета Ивановна настояла на том, чтобы эти гигантские деньжищи ей выдали наличными

– И вы в одиночку повезёте такую сумму через всю Россию? – с ужасом спросил бесстрашную женщину бухгалтер. – Не лучше ли перевести всю сумму в Красноярское отделение Госбанка с тем, чтобы уже там, на месте, оформить их, как заработную плату, и потом раздать по ведомости рабочим?

– Нет, не лучше, – твёрдо сказала посланница норильчан. – Во-первых, неизвестно, сколько дней нам придётся ждать этих денег в Красноярске. И дождёмся ли мы их вообще.

Во-вторых, пользоваться наличными деньгами в нашей стране намного удобней, чем безналичными средствами. И в-третьих, оформить их в Красноярске, как заработную плату, тоже будет не так-то просто. Особенно, если иметь в виду уровень профессиональной подготовки тамошних банковских служащих.

За деньгами в кассу Геолкома Елизавета Ивановна пришла с огромной бельевой корзиной. Она уложила в неё полученные ассигнации ровными рядами, сверху на них положила старомодный саквояж с серебряной мелочью, тщательно разровняв её по всей поверхности бумажных денег, а сверху бросила несколько смен белья, скрывая своё богатство от нескромных посторонних взглядов. С этой довольно-таки тяжёлой ношей на другой день она отправилась из Петербурга в Москву, а оттуда ещё через пять дней, завершив в столице все полученные поручения и дела, литерным поездом Москва-Владивосток – в Красноярск. Она очень торопилась: ей надо было попасть в Дудинку не позднее середины сентября, а на дворе уже была вторая половина августа. К счастью, буквально за несколько дней до этого начал курсировать сверхскоростной, «литерный»⁵⁴ поезд, на котором из Москвы в Красноярск можно было попасть всего через неделю. (Впоследствии был даже снят художественный фильм «Поезд идёт на восток», главным «героем» которого был как раз этот поезд.) Одевшись попроще, чтобы не вызывать подозрений в том, что она везёт с собой несметное богатство, Елизавета Ивановна отправилась в это короткое и комфортабельное путешествие, таящее для неё, тем не менее, разные опасные неожиданности.

Однако, слава богу, никаких неприятностей в дороге с нею не приключилось, и уже в самом начале сентября она со своей опасной «бельевой» корзиной была в Красноярске. Там часть денег в ассигнациях посланница норильчан переложила в свой саквояж с серебряной разменной монетой, а остальные деньги отнесла в Госбанк, где положила их

⁵⁴ То есть помеченный не номером, а буквой (литерой). В данном случае, буквой «А».

на счёт Норильской экспедиции. Она тщательно проверила, чтобы вся сумма была занесена в графу «Заработная плата сотрудников».

Далее Елизавета Ивановна пошла в местное отделение Госпароходства, где узнала, что буквально на днях будет формироваться рейсовый караван в низовья Енисея для вывоза оттуда рыбаков с их уловом. Само собой, она тут же была записана в число пассажиров рейса от Красноярска до Дудинки, и только затем отправилась на городской узел связи, откуда дала телеграмму, что находится в Красноярске и готовится к отплытию с караваном Госпароходства до Дудинки. А в конце телеграммы сухо добавила: «Финансовую проблему решить удалось».

В самом Норильске обо всех этих приключениях посланницы, конечно же, ничего не знали, поскольку никаких средств связи с внешним миром там не было. Да и из Дудинки, куда можно послать хотя бы короткую телеграмму, пока никакой оказии не было тоже. Но во второй половине сентября, когда экспедиция Урванцева в полном составе уже начала собираться в Дудинку для того, чтобы с караваном Госпароходства обратным путём отправиться домой, в Красноярск, в Норильск приехал долганин Василий Тынка и сообщил, что «кузьяка» уже вернулась и живёт в Малой Дудинке, в экспедиционном доме. Однако с пустыми руками она вернулась или нет, он не знал. Получив это известие, Урванцев на порожней иряке тут же кинулся в Дудинку. А закончить все дела по консервации экспедиционного имущества и окончанию работ он поручил Виктору Корешкову с Фёдором Клемантовичем.

В Малой Дудинке, в бывшем доме купца Василия Голого, а ныне на Дудинской базе экспедиции Норильска, состоялась радостная встреча супругов. А когда Николай Николаевич узнал о том, что Елизавета Ивановна не только блестяще выполнила все данные ей поручения и поставленные перед нею задачи, он просто восхитился не только её мужеством, упорством в достижении их общей цели, но и житейской мудростью, умом и трезвым деловым расчётом этой удивительной женщины, его жены. Ведь она исключительно по собствен-

ной инициативе часть наличных денег захватила с собой, чтобы работники экспедиции уже здесь, в Дудинке, смогли получить авансы за свой тяжкий и опасный труд в условиях полярной ночи и почти восьмимесячной суровой зимы. Она, разумеется, никак не могла знать, что невесть каким путём в их отряд просочился слух, будто экспедиционные деньги на исходе, и сам Урванцев уже фактический банкрот. И те авансы, которые теперь удастся выдать рабочим, явятся как нельзя кстати. Воистину о таких женщинах, как она, писал поэт Н. А. Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях!»

В Красноярском отделении Госбанка работники экспедиции Урванцева получили полный расчёт, согласно своим индивидуальным рабочим книжкам, чем остались вполне довольны все, за исключением, может быть, лентяя и симулянта Беляева. После этого народ разъехался по своим домам: Фёдор Клемантович – в Енисейск; Виктор Корешков – в Новониколаевск (будущий Новосибирск); Е. И. Урванцева со своим мужем Н. Н. Урванцевым в свою московскую квартиру.

Впрочем, некоторое время спустя, они переселились в Ленинград, куда Николай Николаевич Урванцев был переведён из Томского отделения Геолкома в Ленинградское. Там он стал готовиться к своим новым экспедиционным работам на Таймыре, а Елизавета Ивановна поступила в Медицинский институт для того, чтобы завершить там своё медицинское образование, прерванное войнами (Первой мировой и гражданской) и революционными потрясениями.

Глава 7

Третья зимовка в Норильске

В один прекрасный день, когда Н. Н. Урванцев работал в своём кабинете Геолкома на Васильевском острове, к нему вошёл сияющий профессор Н. П. Асеев, заведовавший горно-металлургической лабораторией Горного института, положил на стол два брусочка – красный (медный) и белый (никелевый) – и торжественно сказал:

– Вот первый металл, выплавленный из найденной вами норильской руды. Дарю на память.

Урванцев встал, положил оба брусочка на ладонь, как бы взвешивая их, и с грустной улыбкой ответил:

– Царский подарок. Благодарю от всей души. Знали бы вы, сколько сил в это было вложено. Причём не мной одним.

– Да уж я догадываюсь, – засмеялся Асеев и, пожав руку Урванцеву, добавил. – Желаю и впредь столь же больших геологических успехов и удач на вашем ужасном, но прекрасном Таймыре.

А вскоре вслед за этим начальник геологоразведочного отдела Геолкома А. К. Гидовиус произвёл экономический расчёт рентабельности эксплуатации сплошных руд (шлиров) Рудной горы на Норильском месторождении. При существовавших тогда мировых ценах на медь, никель и платину, даже с учётом стоимости всех работ, связанных с добычей руды и выплавкой металлов, а также вывозом руды через реку Пясину Северным морским путём, чистая прибыль может ежегодно составлять не менее двухсот тысяч рублей в золотой валюте.

Н. Н. Урванцева обязали подготовить большой научный доклад о проделанной работе по выявлению полезных ископаемых в районе гор – Шмидта и Рудной – в Норильской долине, а также о дальнейших планах на следующий полевой сезон и выступить с ним на очередном заседании Учёного совета Геолкома ВСНХ в самом начале 1925 года. Результаты работ экспедиции Н. Н. Урванцева получили самую высокую

оценку Учёного совета, и руководством Комитета была создана специальная комиссия по проведению геологоразведочных работ в Пясинском районе Таймыра.

Однако к огромному разочарованию Урванцева комиссия, составленная из заслуженных, известных геологов, не рекомендовала проведение в этом районе дальнейших поисковых работ. Она констатировала, что выявленных разведкой запасов богатых медно-никелевых руд явно недостаточно. Других участков подобного типа не найдено, и их поиски вполне могут дать отрицательные результаты. Кроме того, вкрапленные руды уже разведанного Норильского месторождения потребуют строительства обогатительной фабрики, а также подъездного железнодорожного пути, что, несомненно, потребует огромных финансовых вложений. Поэтому дальнейшие работы в Норильске экономически бессмысленны.

Молодой геолог Н. Н. Урванцев – ему тогда было всего тридцать два года – решил оспорить выводы высокой комиссии и направил своё протестное мнение на рассмотрение Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), которому в ту пору был административно подчинён Геолком. Как ни странно, только что назначенный тогда председателем ВСНХ Ф. Э. Дзержинский в этом споре принял сторону молодого геолога. «Главный чекист страны» не согласился с решением комиссии, назначенной Учёным советом Геолкома. И не только категорически потребовал продолжения работ в Норильске с ещё большим размахом уже с весны 1925 года, но и назначил начальником экспедиции одного из своих секретарей – Павла Сергеевича Аллилуева⁵⁵, а его заместителем по научной и производственной работе – геолога Николая Николаевича Урванцева.

При первой же встрече со своим новым начальником Урванцев подробно рассказал ему о планах дальнейших раз-

⁵⁵ П. С. Аллилуев – племянник Надежды Аллилуевой, второй жены будущего «вождя и учителя» товарища Сталина. Он входил в высшее командование Красной армии, руководил автобронетанковым бюро, а также активно сотрудничал с ОГПУ.

П. С. Аллилуев

ведочных работ на Таймыре, в основе которых, прежде всего, должно быть интенсивное геологическое бурение. Поэтому в дополнение к имеющемуся в Норильске «Вирту» следует приобрести ещё три буровых станка марки «Крелиус», на которых можно бурить скальные породы до глубины 250-300 метров. Для всех этих станков, разумеется, следует раздобыть также нефтяные двигатели, насосы, лебёдки, штанги и прочее необходимое оборудование. При двухсменной работе отряд бурильщиков должен составлять не менее тридцати человек. При этом и проходкой рудных штолен тоже следует заниматься в обязательном

порядке. А чтобы бурение и проходку вести не наобум, а в соответствии с залеганием рудного тела, анализы получаемых проб следует производить не в Ленинграде, за тридевять земель, а здесь, в Дудинке или ещё лучше – прямо в Норильске. Для этого следует обустроить тут химическую и пробирную лаборатории.

Однако самые большие трудности возникнут при перевозке грузов из Дудинки в Норильск. Никаких оленьих стад с погонщиками для этого не хватит, тут, видимо, придётся пользоваться механическим транспортом – тракторами. Это будет первый опыт применения их в заполярных условиях не только в нашей стране, но и во всём мире. Для их обслуживания понадобится целый штат водителей и слесарей-механиков, а для ремонта – механические мастерские. При таком масштабе работ состав экспедиции вырастет до пятидесяти человек. Своего жилья в Дудинке у экспедиции нет (не считать же порядочным жильём развалюху купца Василия Голого!), недостаточно его и в Норильске. Поэтому в Дудинке надо поставить просторный жилой дом, а ещё лучше два дома, лабораторию, мастерскую, гараж и склад. Дома следует купить в Енисейске, разобрать там и сплавить вниз

по Енисею на барках. В Норильске тоже следует поставить ещё как минимум два или даже три разборных бревенчатых жилых дома и склад.

Буровые вышки тоже следует сделать разборными, каркасного типа, из двойных фанерных щитов с промежутками, заполненные теплоизолирующим материалом. Их тоже надо будет соорудить в Енисейске и в разобранном виде доставить оттуда водой до Дудинки и уже потом перевезти в Норильск.

Вот такую гигантскую программу работ развернул перед мысленным взором своего нового начальника П. С. Аллилуева его заместитель, геолог Н. Н. Урванцев. Однако против ожиданий Николая Николаевича, она не только не испугала нового руководителя геологоразведочных работ в Норильске, но даже вдохновила его настолько, что он назвал её «революционной». А в те времена это было высшей похвалой. И более всего П. С. Аллилуев вдохновился идеей применения (первыми в мире!) гусеничных тракторов для перевозки крупных габаритных грузов в Высокоширотной Арктике. Дело было за малым: где взять эти самые трактора.

В Москве в ту пору заводов, выпускавших трактора или любую другую технику для движения по полному бездорожью, не только не было, но они даже и не планировались. В Ленинграде их можно было бы делать либо на Путиловском, либо на Обуховском заводе. Урванцев тотчас отправился туда и вынужден был с огорчением констатировать, что на Путиловском заводе тракторами сейчас не занимаются вовсе, а на Обуховском заводе ещё только собираются приступить к проектированию тракторов типа американского «Холта». Более взять их в нашей стране было неоткуда. Урванцев с большим сожалением доложил об этом своему непосредственному начальнику П. С. Аллилуеву. Но тот, пожав плечами, ответил, что дело уже сделано: в фондах ВСНХ есть гусеничные тракторы французской фирмы «Рено». Правда, они приобретены для сельскохозяйственных работ, но по распоряжению самого Ф. Э. Дзержинского три из них уже переданы Норильской геологоразведочной экспедиции. При этом Аллилуев даже слегка пожурил своего заместителя за то, что

тот занимается не своей работой. Ибо его дело – исключительно геология.

Впрочем, это устное взыскание Урванцева только обрадовало: ведь оно почти полностью освобождало его от хозяйственных и организационных работ. А ему страсть как не терпелось выяснить геологическое строение территории в районе Норильских озёр, где он бывал только зимой. А между тем, долганин Нягда, с которым Урванцев часто путешествовал в тех местах (и тоже только зимой), говорил, что в верховьях речки Деме, где он летом пас своих оленей, во множестве лежат огромные ярко зелёные камни, похожие на норильские. Урванцев же отлично понимал, что просто обязан как можно скорее представить руководству страны веские доказательства того, что медно-никелевое месторождение Рудной горы далеко не единственное в этих местах.

А в Енисейске в это время вовсю шла другая работа: там выбирали лучшие бревенчатые дома, которые разбирали на части и готовили к отправке водой в Дудинку. Там же местные плотники делали и буровые вышки по чертежам, приготовленным Урванцевым и его помощниками.

Однако главной задачей всё-таки было комплектование большого научного, производственного и поискового коллектива Норильской экспедиции. Из прошлого состава удалось сохранить многих «ключевых» специалистов: Виктора Корешкова из хозяйственной группы; Фёдора Клемантовича из горной группы; Павла Богача из механической группы.

И вот с первым пароходом, который шёл сразу вслед за ледоходом, в Дудинку выехала весенняя группа экспедиции. В неё входили: сам Урванцев с двумя студентами последнего, выпускного курса Московской горной академии – Е. В. Павловским и Б. Н. Рожковым; геолог Геолкома И. Ф. Григорьев со студентом Горного института В. С. Домаревым, а также группа геофизиков во главе с Ю. Н. Лепешинским. Геологи будут заниматься съёмкой и отбором образцов с горы Рудной, а геофизики – магнитометрической съёмкой всё той же горы Рудной. Кроме того, этим же рейсом поехала и довольно большая группа хозяйственных и строительных рабочих во

главе с Виктором Корешковым – для начала строительства в Дудинке. Тракторы, которые исхлопотал для экспедиции сам Феликс Эдмундович, придут только осенью Северным морским путём, так что пока работы придётся вести с помощью лошадей. Их вместе с фуражом, сбруей и повозками закупили всё там же, в селе Казачинском и отправили на тех же баржах, которыми везли и разобранные дома из Енисейска.

Вскоре после прибытия парохода из Красноярска, в Дудинку подошли и олени с погонщиками. Первый аргиш в Норильск собрали небольшой – всего на двадцать пять человек: пять геологов, четыре геофизика, шестнадцать человек строителей и хозяйственных работников. Продовольствия взяли с собой только на дорогу, то есть на три-четыре дня. (В сам Норильск сушки, сухари, крупы, сушёные овощи и сахар были завезены ещё зимою на весь восьмимесячный сезон.) Груза для аргиша, однако, набралось довольно много, около тонны: личные вещи, палатки, спальные мешки, канцелярские принадлежности, приборы, инструменты и прочее. Только для переброски этого имущества потребуется 12–15 иряк, а их в наличии – всего 20 штук. Так что придётся всем путникам из Дудинки в Норильск, в основном, идти пешком.

В Норильск прибыли довольно быстро, без особых затруднений. Весна в тот год была ранней и малоснежной. Полая вода к этому времени в значительной степени сбыла, так что небольшие речки, в основном, можно было переходить вброд. В Норильске Урванцев со своими подопечными Павловским и Рожковым пробыли недолго. Николай Николаевич показал геофизикам места, где компасом были обнаружены магнитные аномалии и вместе с И. Ф. Григорьевым провёл два геологических маршрута на горе Рудной. Затем геологи осмотрели штольни, обменялись мнениями и планами будущих работ, после чего, распростившись с коллегами, Урванцев со своими помощниками отправился на Часовню, чтобы оттуда уйти на базу к озеру Мелкому. Там должно быть сложено всё, что понадобится им для двухмесячного плавания по Норильским озёрам: большая «рыбацкая» лодка, второй шведский лодочный мотор, бензин, палатка, продовольствие

и одноместная долблёная «ветка». Пока же, из самого Норильска, они идут налегке, имея при себе только компас, геологические молотки, бинокли, винтовку Маузера, дробовое ружьё и японский карабин. По словам долган в этих местах бродит много медведей, как бурых, пришедших с юга, так и белых, пришедших с севера.

Чем дальше уходил маленький отряд Урванцева вглубь Норильской долины, тем шире и грандиознее раздвигалась перед ними панорама горных склонов западного края Норильского плато. Дни стояли ясные, солнечные, безветренные, что не только подчёркивало сказочную красоту окружающего пейзажа, но и очень помогало геологам в их работе. Ибо им были отчётливо видны неровности распахнутого во все стороны рельефа: морщины ложков, впадины ущелий, крутые уступы, получившиеся из изверженной и застывшей лавы. А также секущие дайки⁵⁶ и пластовые внедрения диабазов⁵⁷. Сидя на больших валежинах во время привалов, геологи рассматривали в бинокли окружающие красоты и при этом делились друг с другом соображениями о строении того или иного интересного им участка. Словом, даже во время отдыха и созерцания они продолжали свою геологическую работу.

В Часовне геологи хорошенько отдохнули, чтобы как можно быстрее добраться до озера Мелкого, где их в заветном месте (там, где оставлена лодка) должен ждать Тимофей Даурский, которого Урванцев заранее попросил прихватить с собой ведёрко смолы и немного вара. Их лодка уже несколько месяцев лежала на берегу и вполне могла расколоться, так что её непременно надо было в некоторых местах проконопатить и осмолить. Пока Тимофей с молодыми геологами занимался этим хлопотным делом, Урванцев хорошенько осмотрел и опробовал лодочный мотор. Слава богу, никаких проблем с ним не оказалось. Впрочем, этого следовало ожи-

⁵⁶ Дайка (геол.) – интрузивное горное тело с секущими контактами.

⁵⁷ Диабазы (геол.) – структуры горных пород вулканического происхождения.

дать: во время прошлой зимовки второй мотор на буровых работах не использовали, и потому он был вполне исправен. Урванцев возлагал на него большие надежды. Ибо понимал, что объехать на вёслах и осмотреть все берега Норильских озёр, было бы нереально.

Достаточно быстро все подготовительные работы были выполнены, и геологи, распроставшись с Тимофеем Даурским, отправились в большое водное путешествие. На этот раз они двигались с большим комфортом. Мотор работал исправно, оставляя геологам массу свободного времени для осмотра обнажений и геоморфологических наблюдений.

Устье реки, по которой они должны были добраться до озера Лама, откуда она вытекала, оказалось мелководным и заболоченным, как и вся эта река. По ней геологи очень легко добрались до самого озера и уже оттуда начали осмотр его с южной стороны. Отсюда открывалась дивной красоты панорама огромного водного пространства в строгом обрамлении высоченных, в сотни метров, скал, стоящих чередующимися стенами, переходящими в Сыверминское плоскогорье. Это был великолепный фиорд со всеми аксессуарами ледниковой деятельности: отполированными куполами, скалами с причудливыми бороздами и глубокими шрамами – всяческими боковыми долинами, устья которых лежат на много метров выше уровня озера. Поэтому вода из них низвергается вниз сотнями великолепных водопадов. Некоторые скалы были сглажены льдом так, что приобрели ассиметричную форму с пологим восточным склоном, откуда на скалу напал ледник, и крутым западным, куда он ниспадал.

Исследуя берега озера Ламы, геологи обнаружили, что они сложены песчаниками, сланцами и отчётливо заметными выходами каменного угля. А это означало, что угленосная толща Норильска протягивается и сюда. Но самое главное, выше были отчётливо видны выходы диабазы с многочисленными вкраплениями сульфидов в точности того же характера, что и на горе Рудной в Норильске. Значит, процессы медно-никелевого рудообразования захватывают не только узкую площадь горы Рудной, но и гораздо большую территорию –

в тысячи квадратных километров. Это открытие было сейчас для Урванцева самым главным и, разумеется, его надо было изучить самым тщательным образом. Но на календаре – уже первое августа, а второго августа на речке Деме геологов должен ждать с оленями Иван Нягде, чтобы пойти в те места, где, по его словам, кругом «о-о-очень много о-о-очень больших зелёных камней». Поэтому геологи решили разделиться: Урванцев на долблёной лодочке «ветке» отправился вперёд, к устью реки Деме, а Павловский с Рожковым на моторке вернулись назад, чтобы заняться детальным описанием найденного участка с обильными рудными вкраплениями. Закончив свою работу, молодые геологи на моторке отправятся вдоль берега Ламы к устью Деме, где их будет ждать Урванцев. К тому времени он должен будет описать и оценить те диковинные места, о которых с таким восторгом рассказывал восторженный Нягде. После этого они все вместе отправятся дальше на восток для полного осмотра берегов озера Лама.

Однако на устье реки Деме Ивана Нягде не оказалось, но Урванцев был уверен, что не далее, как завтра, он там непременно появится. На Крайнем Севере принято соблюдать оговоренные сроки и не давать пустых обещаний. Разгильдяи и пустозвоны тут просто не выживают. Не теряя времени даром, Урванцев поставил палатку, обустроил лагерь и приготовил ужин на двоих, после чего залез в свой спальный мешок и крепко уснул.

Как и следовало ожидать, Нягде пришёл на другой день. Он сказал, что до «зелёных камней» отсюда совсем недалеко и можно будет обернуться всего за один день. Нягде привёл с собою четырёх оленей-учиков⁵⁸.

Верховая езда на учике, совсем не то, что езда верхом на лошади. Привычного седла со стременами, подпругами и потником там нет, есть только две подушечки, набитые оленьей шерстью и связанные друг с другом ремешками. Но кладут их не на спину, а на лопатки оленя, так что сидеть приходится почти на шее у животного, постоянно балансируя и

⁵⁸ «Учик» (или «учак») – олень, обученный для верховой езды.

подпираясь посохом, чтобы не сползти набок. При этом ноги седока (особенно если они длинные) будут почти волочиться по земле. Своё лицо седок должен также беречь и от оленьих рогов, когда олень начинает мотать головой, чтобы избавиться от назойливых оводов. Управлять оленем можно только с помощью посоха. Взмахнёшь им у его головы справа – он повернёт налево, и наоборот. Вообще говоря, дорогу олень выбирает себе сам, седок следит только за направлением движения. Словом, верховая езда на олене – сплошное мучение. И требует, кроме того, большого мастерства.

Поднявшись на гору по одной из боковых долин речки, Урванцев с Нягдой часа через четыре оказались на поверхности плато, на высоте около восьмисот метров над уровнем озера. Отсюда, сверху, была отлично видна вся западная часть озера. Восточная же его часть скрывалась за крутым изгибом к югу. Поверхность плато была покрыта толстым слоем застывшей пузырчатой базальтовой лавы с пустотами, образовавшимися при выделении газов и паров из расплава во время его кристаллизации – малахитом и лазуритом. Эта лава вдоль по трещинам около пузырей была окрашена в сине-зелёный цвет от налёта солей меди, который и привлёк внимание Ивана Нягды. Однако дивной красоты сине-зелёный массив огромного плоскогорья, к сожалению, для промышленной разработки медно-никелевого месторождения никакого практического интереса не представлял, хотя с эстетической точки зрения являл собой изумительную картину, тянущуюся на многие километры. Тем не менее, он был весьма важен, как показатель широкого распространения в Норильском районе магм с рудоносными растворами. Впрочем, долганы этого не понимали и очень расстроились, что зря стогнали хорошего человека в пустынное путешествие.

Урванцев с Нягдой на ветках валежника сварили чайку, отдохнули, ещё раз от души налюбовались немыслимой красотой окружающей природы, а затем на своих оленях отправились вниз, к озёрному берегу. Там возле палатки Урванцева они расстались, и расстроенный Иван со своими оленями ушёл к себе в стойбище.

Урванцев остался на берегу озера один ожидать своих юных товарищей по экспедиционному отряду. Куковать без дела тут ему придётся не менее четырёх-пяти дней, а то и больше. Стоял полярный день. Солнце ходило по небу кругами, то поднимаясь на юге, то спускаясь почти к горизонту на севере. Можно было работать хоть круглые сутки, но делать-то как раз было и нечего.

На озере жизнь, между тем, была ключом: кричали гуси, утки, казарки; пронзительно вопили гагары; галдели чайки; в камнях свистели пищухи. В небе парили хищные канюки, высматривая добычу. Все вокруг жило полной жизнью, торопясь побыстрее выкормить потомство и поставить его на крыло. Ещё бы – лето на Севере коротко, надо торопиться. Урванцев вспомнил присказку, которую слышал от кого-то из «промышленников»⁵⁹: «Коротко лето на Таймыре, хорошо ещё, если придётся на воскресенье». Побродив по галечной кромке берега с полчаса, он ушёл в палатку, с головой забрался в спальный мешок и попытался уснуть. Долго ворочался там без сна, но, в конечном счёте, усталость взяла своё.

Проспал Урванцев почти сутки, потом вылез из палатки и остановился поражённый переменами, произошедшими в окружающем мире. Пока он спал, природа стала совершенно иной. Солнце исчезло; всё небо заволокли чёрные, несущие снег тучи; задул довольно сильный ветер от озера; начал порхать небольшой мягкий снежок. Одинокий путник сварил на костерке пшённой каши и заварил крепкого чая, но ужинать решил не на природе, а в палатке.

Погода, между тем, продолжала портиться всё сильнее и сильнее. Он вспомнил, что вчера вечером всё как раз и предвещало снежную бурю: много летали и сильно кричали на лету гагары, особенно пронзительно свистели пищухи, чайки с воды ушли на сушу, уселись на галечный берег и сразу стали похожи на капустные кочерыжки в зимнем огороде, занесённом снегом. Снег повалил уже по-настоящему. При-

⁵⁹ «Промышленниками» на Севере зовут охотников, промышляющих морского зверя и песцов (т. е. промысловиков).

шлось Урванцеву вновь залезать в спальный мешок для того, чтобы опять заснуть, поскольку ничего более делать сейчас было невозможно. Как ни странно, в этот раз он уснул почти мгновенно и вновь проспал почти целые сутки.

И вновь за время его сна погода круто переменялась. На смену лету пришла настоящая снежная зима. Правда, через некоторое время направление ветра почему-то переменялось на противоположное – подул «южак», который сразу же стал проворно разгонять с неба зловещие тучи, и вскоре там вновь воцарилось незаходящее полярное солнце. Так что уже к вечеру практически весь снег растаял, и утром следующего дня Урванцев отправился в маршрут вверх по речке Деме.

Однако ничего интересного с геологической точки зрения здесь ему обнаружить не удалось. Поэтому на другой день с утра он решил, не дожидаясь своих ребят, отправиться в своей «ветке» на противоположную сторону озера, чтобы осмотреть его и по возможности составить полное геологическое описание. Палатку и все свои вещи он решил оставить на прежнем месте, а с собой взял только винтовку, топор, плащ, котелок и немного продуктов (крупы и сухарей). В палатке же оставил записку следующего содержания: «Поеду вдоль южного берега на восток. Лагерь прошу свернуть полностью и всё, оставленное мною, захватить с собой».

А на озере, между тем, буйствовал порядочный шторм. Пока Урванцев плыл в своей хлипкой посудине вдоль высокого южного берега, сложенного базальтами, ему не был страшен никакой ураган, но как только озеро повернуло в меридиональное направление, геолога встретил очень свежий ветер, дувший с востока вдоль озера прямо в лоб, и крутая озёрная волна. А повернуть обратно, к своему брошенному лагерю, ему не позволял шторм, победить который с помощью одного весла было никак невозможно. Выход был только один: плыть галсами: то в разрез волны, то вдоль неё. Таким образом, целый день, жонглируя одним веслом, он, вконец измученный и мокрый до нитки, с огромным трудом добрался до восточного берега озера далеко за полночь, не встретив никого по дороге.

Здесь долина сузилась до километра, а озеро – и того менее. Озёрные берега и склоны почти на треть густо поросли еловым лесом, что создавало сумеречное освещение даже днём, а в сумерки – и подавно. К тому времени полярный день начал склоняться к полярной ночи, и солнце, хотя и ненадолго, но всё-таки уже скрывалось за горизонт. И тогда вокруг воцарялась практически полная тьма.

Почти ошупью измученный путник выбрал на берегу ровную площадку порядочного размера и вытащил на неё свою «ветку», а затем стал собирать неподалёку хворост. Спички у него, как это принято у всех путешествующих северян, были спрятаны в шапке. Собрав большую кучу сухих смоляных веток, Урванцев развёл жаркий костёр, возле которого согрелся и обсушился. Выпив почти полный котелок крепкого горячего чаю с сухарями, он окончательно согрелся, но голода не утолил. После таких энергетических затрат ему, конечно же, требовалась белковая пища (мясо или рыба), но взять её сейчас тут было неоткуда. Делать нечего – надо было устраивать себе ложе для сна из елового лапника и плаща. Он только начал было заниматься этим, как вдруг боковым зрением увидел в глубине долины, за озером, мерцающий огонёк. Урванцев быстро вскочил на ноги, поднялся вверх по склону и начал рассматривать окрестности в бинокль. Да, это, несомненно, был огонёк крошечного костерка. «Мои ребята!» – мелькнула мысль у него в голове. Он взял винтовку и осторожно стал приближаться к едва видимому источнику света, покрякивая время от времени.

Это был маленький костерок из хвороста, а на нём, как на рожне, пёкся килограммовый хариус. Никого из людей вокруг костерка не было. Не было также и никаких предметов и, тем более, жилища (чума). Видимо, люди испугались и спрятались, а может, и убежали прочь. Урванцев сделал несколько кругов, приглашая их выйти, и даже сделал один выстрел в воздух. Однако никто так и не появился. Впоследствии долганы рассказывали, что это был, наверное, «дикий» человек. Оказывается, в те времена в глубине гор жили какие-то дикие, «первобытные» люди. К «белым» они никогда не

выходили и только у долган выменивали на пушнину порох, свинец, соль и простейшие предметы, необходимые в быту.

Походив кругами ещё с полчасца, Урванцев снял с рожна уже испёкшегося хариуса и с удовольствием съел его даже без соли. Конечно, это был нехороший поступок, но ему так хотелось есть, что даже слегка поташнивало и кружилась голова. Да и хозяин этой рыбы так и не явился для разговора.

Свою «ветку» Урванцев нашёл довольно легко, благо, что алые угли костра ещё ярко светились в темноте. А на следующее утро он на ней отправился назад, к устью реки Деме, где оставил свой лагерь. Погода вновь вернула ему своё доброе расположение. Сияло солнце, на озере установился полный штиль, и ничто не напоминало о тех ужасных неприятностях, которые ему пришлось претерпеть всего два дня назад. А возле брошенной им палатки Урванцев увидел моторную лодку и своих ребят – Павловского с Рожковым, – которые читали оставленную им записку (как видно, они только что пришли сюда на моторной лодке). Ребята рассказали, что, обследуя западный берег озера Лама, нашли много прекрасных выходов медно-никелевых вкрапленных руд «норильского» типа. Однако по мере продвижения к востоку, этих выходов становилось всё меньше, и вскоре они исчезли совсем. Так что все работы следует перенести к берегам озера Глубокого, особенно в его западную часть.

Эвенки именуют это озеро «Омуком», но у долган это название почему-то не прижилось, и они называют его на русский манер: «Глубоким». Впрочем, это название вряд ли можно назвать удачным, поскольку озеро «Глубокое» много мельче озера «Лама». По крайней мере, глубин более пятидесяти метров геологи тут не встретили нигде. Чтобы попасть на озеро Глубокое пришлось вначале вернуться на озеро Мелкое, найти там протоку в озеро Глубокое и по ней подняться вверх по течению.

Чтобы полнее охватить площадь исследования берегов Глубокого озера, геологи решили работать тут по одиночке. Каждый тщательно осматривал и описывал свой участок берега с долинами впадающих в него речек, ручейков и лощин.

Каждый вечер в течение последующих трёх недель в своём лагере они обменивались впечатлениями о залегании пластов, строении берегов и склонов, особенностях рельефа, намечали маршруты на следующий рабочий день. Диабазы с нужным оруднением попадались им довольно часто, но такого богатого, как на горе Рудной в Норильске, они не встретили ни разу. Но, во всяком случае, было очевидно, что вся эта территория заслуживает серьёзного внимания и потребует в дальнейшем крупномасштабной геологической съёмки.

Наступил конец сентября. Пора было возвращаться в Норильск. Детальным обследованием берегов Глубокого озера закончились у геологов Урванцева работы текущего, 1925 года, по изучению геологии Норильских гор. Сам Урванцев для работы сюда уже более не возвращался, но проведённая им и его ребятами рекогносцировочная разведка оказалась весьма полезной. На основании её выводов впоследствии, в конце сороковых годов, между озёрами Глубокое и Кета на реке Имангиде при детальной съёмке было найдено богатое медно-никелевое месторождение. Богатые руды были найдены также и по реке Микчаиде, впадающей в северо-западную часть озера Лама.

Отсюда, от Глубокого озера, Урванцев с его ребятами вернулись вначале на базу при истоке реки Талой (Норильской) из Мелкого озера, откуда добираться до Часовни решили не пешком, а на лодке по реке Рыбной. Этот путь считался очень опасным из-за быстрин и порогов, но геологи всё-таки решили рискнуть. Во-первых, они очень надеялись на свою добротную лодку с мотором; во-вторых, считали себя уже лихими водными асами, а в-третьих (и это главное!) боялись опоздать к последнему пароходу, который уходил из Дудинки в Красноярск. А опаздывать им было никак нельзя: Евгению Павловскому с Борисом Рожковым надо было торопиться в Москву. Им ещё предстояла сдача государственных экзаменов и защита дипломных проектов в своём институте.

Течение в реке Рыбной, действительно, оказалось сумасшедшим, достигая временами пятнадцати километров в час, но глубины на всём пути были, слава богу, достаточными,

так что лодка геологов ни разу не чиркнула днищем по каменному дну. Правда, путешественники сразу же вымокли до нитки и оставались в таком виде на ледяном ветру до самого конца плавания. Впрочем, всё это уже были мелочи.

Ко времени возвращения геологов Урванцева в Норильск, новый, просторный склад там уже был построен (правда, его крыша, вместо тёса, была покрыта пока только желобником). В экспедиции полным ходом шло формирование аргиша к последнему пароходу, который ежегодно перед ледоставом на Енисее развозит рыбаков с их уловом по домам. С этим аргишем в Дудинку отправятся не только «ребята Урванцева», но и парни из группы геофизика Лепешинского и геолога Григорьева, которые на зимовку в Норильске не остаются. С ними в Дудинку собирается и сам Урванцев – ему надо встретить грузовой пароход, на котором придут последние участники будущей зимовки, разное техническое оборудование экспедиции и, главное, те три трактора, что удалось «отжать» П. С. Аллилуеву у колхозного крестьянства. Идти придётся пешком, так как оленей мало: едва хватает только «под груз».

Шли довольно долго – более трёх дней, и к отходу рейсового «рыбацкого» каравана опоздали. Он накануне ушёл вверх по течению до Красноярска. Впрочем, это никого особенно не расстроило: все знали, что их собственный корабль из Архангельска, разгрузившись в Дудинке, сразу же уйдёт обратно. А ждут его тут не позднее, чем через неделю.

В Дудинке за лето для экспедиции были поставлены два жилых дома: один большой, другой поменьше. Заканчивается также и возведение нескольких служебных помещений: лаборатории, мастерской, гаража и склада. Два дома для Норильска в разобранном виде лежат отдельно, подготовленные к отправке. Третью зимовку бурильщики и проходчики Урванцева собирались встретить во всеоружии.

И вот в последних числах сентября пришёл в Дудинку долгожданный «грузовик». Пароход нежно подвёл к берегу грузовой лихтер, и плотники стали сразу же строить бревенчатые кóзлы и класть на них мощный настил, чтобы свести по ним на берег трактора. Самое деятельное участие в этом

Первая норильская штольня, зима 1925–26 гг.

непростом деле принимал старший механик тракторной бригады И. И. Трайченко со своими механиками-водителями. Все они – бывшие военные, служившие под командой П. С. Аллилуева ещё на Архангельском фронте. А потому их отношения были военными: чёткие приказы, немедленное их исполнение, дисциплина и субординация.

Понравилась Урванцеву и буровая бригада во главе со старшим мастером Словцовым, приглашённая с Урала. Они совместно работали там давно, так что слаженности и профессионализма им было не занимать. Буровые станки решили отправлять в Норильск в первую очередь, не ожидая тракторов, на оленях. Для этого Урванцев посоветовал П. С. Аллилуеву принять в экспедицию на договорных началах Михаила Гор-

кина с его оленями, которые так хорошо зарекомендовали себя при вывозе медно-никелевой руды в прошлом сезоне. И уже на другой день грузовой аргиш Горкина тронулся в путь, намереваясь как можно быстрее достичь Норильска. У них были к тому все основания: мощные сытые быки, прекрасное знание дороги и, главное, отличная погода: небольшой, но достаточно крепкий морозец, сковавший тундру и при этом положивший на неё достаточный пласт снега со льдом.

А вот с тракторами хлопот оказалось намного больше. Во-первых, пришлось основательно повозиться с их выгрузкой на берег. Козлы оказались слабоватыми, и один из тракторов едва не «загрел» в воду, когда выехал на настил неточно по центру. Только благодаря реакции водителей Трайченко, их сноровке, мастерству и слаженности, удалось выправить положение. Во-вторых, у этих сельскохозяйственных тракторов кабины были не только не утеплёнными, но просто открытыми всем ветрам и морозам. На двух были хотя бы брезентовые чехлы, а на третьем не было вообще ничего. Сидения в кабинах были неудобными и жёсткими, так что ездить на них по кочковатой тундре было сплошным мучением. Для дороги в Норильск всё это придётся переделывать. В-третьих, в каждой кабине было только по одному сидению (для водителя), но в тундре рядом с ним непременно должен быть человек, указывающий путь, а для него никаких сидений в кабинах не предполагалось. А в-четвёртых, грузовые прицепные сани, построенные на заводе транспортного оборудования в Москве, были громоздки, тяжелы и неудобны в работе. Безусловно, они были хороши на ледовых дорогах (при поездках по замёрзшим рекам), но никак не годились для снежного бездорожья тундры. И исправлять все эти «шероховатости» механикам-водителям надо будет своими руками в очень слабо оборудованных мастерских Дудинки. Тут вся надежда была только на слаженность, военную дисциплину и мастерство команды И. И. Трайченко.

Разгрузку судна закончили за двое суток. Капитан непрерывно торопил грузчиков и своих моряков, которые и так работали, не покладая рук. Он боялся либо шторма, который

может выбросить лихтер на берег, либо сильного мороза, который может сковать Енисей, и тогда им придётся просидеть в ледовом плену до июля следующего года. Поэтому весь груз сложили навалом у самого края берега с тем, чтобы после ухода корабля без спешки, постепенно перевезти его в новый склад, стоящий довольно далеко (и высоко) от берега.

Как только разгрузка была закончена, пароход сразу же, буквально через час, взял лихтер на буксир и отправился в обратный путь. На нём уехали и все те последние участники экспедиции, которые не оставались на зимовку в Норильске. А те, что остались, стали усердно заниматься перемещением экспедиционных грузов в склад. К этому времени земля уже основательно подмёрзла, и на неё даже выпало достаточно много снега. Так что теперь на одни сани вполне можно было грузить по две-три тонны.

К ночи на Дудинку внезапно налетел ураганный шторм. Вода в Енисее стала быстро подниматься и затапливать привезённое кораблём имущество, оставшееся на берегу. (Не зря опытный капитан так торопил с разгрузкой корабля!) К счастью, залило, в основном, бочки с горючим и смазочными материалами, а также различное буровое оборудование. Словом, всё то добро, которое не очень-то боялось воды. Однако и его (прежде всего, конечно, бочки с горюче-смазочными материалами) тоже необходимо было спасать как можно быстрее, поскольку высоченный прибой бешено катал их по берегу, грозя вдрызг разбить о камни. Пришлось людям лезть в ледяную воду, вылавливать оттуда бочки и выкатывать их подальше от прибойной полосы. При этом промёрзли все так основательно, что к ужину всем посиневшим от холода «спасателям имущества» пришлось выдать по доброй стопке разведённого питьевого спирта для «сугрева».

Наконец, к концу первой декады октября выпал снег, и буровики Словцова вместе с Урванцевым стали собирать первый грузовой аргиш, который поведёт, конечно, Михаил Горкин на своих сильных оленях. Они повезут буровые станки с их оборудованием, разборные буровые вышки и листовое железо для крыш. Всего около десяти тонн груза.

В Норильск доехали быстро и безо всяких приключений, поскольку олени были свежими и сильными, а также в пути не случилось ни пурги, ни даже порядочной позёмки. Выгрузили всё привезённое имущество на площадку возле будущей буровой, и Горкин ушёл со своими оленями на Часовню к долганам, чтобы на тамошних богатых ягельниках дать рогатым труженикам отдых и как следует подкормить их.

А Урванцев и Словоцов со своими «орлами» сразу же приступили к делу. Прежде всего, они обошли все участки магнитных аномалий, отмеченных геофизиками, и наметили места закладки первых четырёх скважин. Остовы и щиты вышек они решили втаскивать на гору лебёдкой и ставить после того, как будут пробиты шурфы и поставлены кондуктора. Вспоминая «буровые проблемы» прошлой зимовки, когда у них было столько неприятностей из-за потери воды и её замерзания, в этот раз буровики привезли с собой быстросхватывающийся цемент для крепления кондукторов и соль для промывочного рассола скважин. Сборка буровых вышек для команды Словоцова оказалась делом привычным, а потому нетрудным, так что уже через неделю они начали бурить первую скважину, а Урванцев решил, что теперь он вполне может оставить их одних и отправился назад, в Дудинку.

Там он вместе с водителями И. И. Трайченко начал готовиться к своему первому санно-тракторному походу из Дудинки в Норильск. Опыта такого путешествия в то время ни у кого в мире, в сущности, не было.

Правда, ещё в 1904 году Эрнст Шеклтон взял в свой антарктический поход колёсный автомобиль, оснащённый четырёхцилиндровым двигателем с воздушным охлаждением. Однако проку от этого транспортного средства оказалось немного: колеса автомобиля непрерывно буксовали, глубоко застревая в снегу, и бесполезную машину пришлось бросить после прохождения ею всего нескольких миль.

В 1910 году Роберт Скотт, учтя опыт Шеклтона, решил отправиться к Южному полюсу не только на собачьих упряжках, но ещё и на трёх автосанях гусеничного типа. Но первые сани провалились под лёд и утонули уже при выгрузке

с корабля. Вторые прошли по антарктическому бездорожью семьдесят два километра, после чего навсегда вышли из строя вследствие лопнувшего цилиндра. То же случилось и с третьими санями по простетвию ими ста семи километров пути. При этом груза упомянутые автосани несли так мало, что об этом смешно и говорить. Словом, эти «автомобильные приключения» в Антарктике можно рассматривать лишь как рекогносцировочные, да и то с большой натяжкой.

Здесь же, на Таймыре, в пургу и жестокий холод люди из команды П. С. Аллилуева, Н. Н. Урванцева и И. И. Трайченко собрались непрерывно осуществлять на тракторах крупные перевозки грузоподъёмностью по нескольку десятков тонн, как зимой, так и летом.

В свой первый настоящий маршрут тракторная бригада решила отправиться на всех трёх машинах разом, причём каждая с прицепом хорошо гружёных саней. Крепление саней к тракторам было устроено так, чтобы в случае необходимости их легко можно было отцепить и потом прицепить вновь даже на сильном морозе. Это было сделано для того, чтобы в случае какой-либо аварии экипажу, попавшему в беду, легко можно было прийти на помощь на порожней машине. Идти решили через реку Косую, озеро Дорожное и затем через реку Амбарную. То есть тем же путём, каким обычно ходят аргиши из Норильска в Дудинку и обратно. Однако впоследствии выяснилось, что это было большой ошибкой. Оленьи аргиши при движении выбирают себе низины с мягким снегом, под которым есть ягель, а трактора гораздо лучше чувствуют себя на промёрзших возвышенностях, где снега почти нет. Проводником решили взять Максима Щукина, того самого, что работал на буровой вышке в прошлой зимовке. Он к машинам привык и, в отличие от прочих долган, совершенно их не боялся. Прочие же «дети тундры» осматривали тракторы с большим любопытством, но лишь до тех пор, пока водитель не включал двигатель. Тут все они в ужасе кидались врассыпную в разные стороны, куда глаза глядят.

Новые утеплённые кабины тракторам в условиях Дудинки сделать было, конечно же, невозможно. Поэтому с помо-

шью брезента и других подручных средств решили утеплить старые, а также взяли с собой на прицепе большой нартяной чум, в котором оборудовали нары на шесть человек, поставили печку и стол. Рядом с каждым креслом водителя соорудили по небольшой лавочке для «тундровых штурманов». Эти лавочки, так же, как и кресла водителей, устелили хорошо выделанными телячьими оленьими шкурами для мягкости.

В качестве испытания решили устроить пробную прогулку по тундре в окрестностях Дудинки на порожнем тракторе. Без прицепа трактор шёл по лощинам легко и просто даже там, где снега намело на метр и выше. А вот при езде по кочкам и буграм его трясло и подбрасывало так, что водителю приходилось держаться за рычаги изо всех сил, чтобы не свалиться на бок. Тем не менее, после короткого совещания решили, что в путь до Норильска, полный неизвестности, отправляться можно.

Тракторный караван, состоящий из трёх машин с прицепами, отправился из Дудинки 4 ноября. Переднюю машину с облегчённым прицепом вёл сам И. И. Трайченко. Рядом с ним на специальной лавочке, устланной мягкими шкурами, помещался Максим Щукин, указывавший дорогу. В прицепе они везли бочки с горюче-смазочными материалами, мелкие запасные части и продовольствие, а также сзади, на специальных санях – утеплённый нартяной чум. Всего около двух с половиной тонн. За рычагами второй машины сидел механик-водитель Мазуров, а рядом с ним – Урванцев. Второй трактор тянул сани с грузом строительных материалов весом в четыре тонны. Третий трактор, ведомый водителем Семинным, который шёл по уже промятой колее, вёз пять тонн штанг, труб и крупных запасных частей к разным машинам и механизмам.

Лёд на озёрах был ещё недостаточно прочен, особенно у берегов с их не промёрзшим грунтом. Под тяжестью трактора он ломался, и машина с грузовыми санями оседала в воду так, что на берег ей приходилось выбираться только задним ходом. Поэтому, опасаясь слабого льда на реке Дудинке, решили идти не по ней и Богадинскому озеру, а существенно

севернее по мелкой речке Косой. Впрочем, этот кусок пути всё равно оказался самым трудным для движения из-за обилия логов, мелких речушек и ручьёв. На открытых полянах и косогорах снегу пока что было не так уж и много, а вот лога оказались занесены им до самых краёв, и снег там ещё не успел покрыться жёсткой коркой от морозов. В таких местах узкополосные, тяжело нагруженные сани зарывались в снег целиком, их арочные дуги гнали перед собой такие валы снега, что трактора глохли не в силах преодолеть сопротивление снега. Приходилось отцеплять передний трактор и сначала им, порожним, пробивать колею (причём, иногда в несколько приёмов), а уже потом, по одиночке, вытаскивать сани из снежного плена. На крутых подъёмах сил одного трактора иногда не хватало. Надо было двум, а то и всем трём машинам сцепляться тросом и цугом вытаскивать тяжело нагруженные сани на бугор. Общее усилие тяги тогда бывало так велико, что рвался, как гнилая нитка, сложенный вчетверо полудюймовый металлический трос и лопались звенья чугунной цепи толщиной в пятнадцать миллиметров.

Уже в этом, первом пути стало понятно, какие конструктивные и технические изменения надо как можно скорее внести в моторы тракторов, их гусеницы, диски сцепления и рессоры, а также в грузовые сани и детали крепежа. Прежде всего, деревянные арки саней следовало заменить на металлические, из углового или коробчатого железа, сделав их намного мощнее. Кроме того, надо было намного расширить полозья саней и изменить строение гусениц тракторов. Они были вооружены высокими трапециевидными шпорами, которые были удобны для работы на пахоте, но здесь, в снежных заносах, не только не помогали тяге, а только зарывали машину ещё глубже в снег. Ведущие шестерни при этом так забивались снегом, что он, превращаясь в лёд, заполнял все углубления для зубцов в гусеничной ленте, а отверстий для выдавливания льда там предусмотрено не было. Поэтому гусеницы растягивались так, что напрочь срезали себе натяжные болты. Приходилось часто останавливаться и на морозе заново натягивать свалившуюся ленту и ставить новый болт.

Иногда, вместо болта, рвались ушки гусеничных звеньев, а также сами звенья или болты соединений. Всего за дорогу в Норильск было порвано двадцать шесть болтов гусеничных тяг, три гусеничных звена и два натяжных гусеничных болта.

Вместе с тем, трактор, хотя и имеет хорошую проходимость, идёт по бугристой тундре очень неровно. Его непрерывно качает из стороны в сторону, так что весь путь напоминает плавание в утлой лодке по бурному морю или озеру. Резкие толчки, сотрясения и удары, происходящие непрерывно, даже для весьма крепкой машины не остаются без последствий. Начинают «лететь» диски сцеплений, рессоры, латунные трубки циркулярной помпы, а также другие жизненно важные детали машины. В первом пути из Дудинки в Норильск было сломано двенадцать дисков сцепления, два коренных и один средний лист передних рессор, а также все трубки циркуляционных помп. Слава богу, что из запасных частей, которые были взяты в дорогу, можно было бы собрать новый трактор целиком.

Ещё одной достаточно серьёзной проблемой был таймырский холод. Впрочем, на этом, первом пути из Дудинки в Норильск, ни одной серьёзной поломки из-за него не было. Может потому, что тогда запредельных таймырских морозов (ниже сорока градусов) пока ещё не было. Самой большой проблемой был запуск моторов после ночёвок. Железные внутренности тракторов приходилось вначале долго отогревать паяльными лампами. На запуск трёх тракторных моторов надо было ежедневно тратить по пять-шесть часов. Но даже и после этого масло в моторах было таким вязким, что «провернуть» двигатель за пусковую рукоятку даже очень крепким мужикам можно было лишь втроём. А иногда при запуске не помогало и это. Тогда приходилось целиком снимать карбюратор, разбирать его и прочищать от застывшего там масла. При разного рода остановках исправные машины приходилось заставлять работать вхолостую, поскольку даже десятиминутный простой машины так охлаждал её двигатель, что его потом приходилось отогревать заново паяльными лампами. Всё это вызывало не только огромный перерасход

драгоценного топлива и машинного масла, но и не менее драгоценного путевого времени.

В Норильск прибыли только 8 декабря, проведя в пути тридцать четыре дня, из которых только двадцать были ходовыми, а четырнадцать ушли на ремонт, стоянки из-за пурги и сильного мороза, а также разного рода непредвиденных обстоятельств. Да и во время «ходовых» дней не более половины времени было потрачено на движение к цели, а остальное ушло на протаптывание дороги в снежных «забоях», вытаскивание гружёных застрявших саней из гигантских сугробов, а также откапывание тракторов, накрытых снегом по самую кабину. Однако при этом в Норильск было доставлено не только более девяти тонн строительных материалов, что позволило быстро закончить возведение третьего жилого дома, но также и много горюче-смазочных материалов, продовольствия и запасных частей к различным машинам, устройствам и приборам. Но главное, удалось наглядно показать всем (и, прежде всего, себе), что и на Крайнем Севере можно перемещать большие грузы не только с помощью живых существ (оленей, собак и лошадей), но и с помощью тяжёлой гусеничной техники.

Вскоре после разгрузки тракторных саней начали готовиться к обратному переходу Норильск – Дудинка. Прежде всего, занялись серьёзным ремонтом и переборкой тракторных моторов и ходовых механизмов. Делать это в Норильских механических мастерских было не так-то просто: станочный парк там практически отсутствовал, и для, казалось бы, не таких уж и сложных работ приходилось оперировать, в основном, знаменитой русской смекалкой. Но иного выхода не было: тракторы с санями необходимо было доставить назад, в Дудинку. А иного способа, кроме как прийти туда своим ходом, не было.

Совершенно неожиданно для всех, большую роль сыграл тут долганин Максим Щукин. Увидев, как тяжело работают в местных снегах при полном бездорожье тракторы в связке с громоздкими и неуклюжими прицепными санями (по штуке к трактору), он предложил заменить их оленьими нартами

с более высокими бортами и более широкими полозьями, с колеёй в ширину гусениц трактора. Их можно цеплять цугом по четыре штуки к одному трактору, а в случае надобности расчаливать и вытаскивать поодиночке. Мало того, четверо таких саней Максим со своими сородичами изготовил у себя в стойбище, на Часовне, а потом привёз их на оленях в Норильск. Грузоподъёмность каждой из таких санок была порядка тонны, и впоследствии их связка из четырёх штук прекрасно показала себя при обратной поездке тракторного поезда. Тогда «оленьи» сани Щукина так же, как и прежние прицепы к тракторам решили загрузить углем, добытым в шахте на горе «Шмидтихе». Перегонять порожние трактора было бесхозяйственностью, а уголь в Дудинке нужен всегда.

Сразу после празднования Нового года тракторный караван начал собираться в обратный путь. И уже утром 5 января он отправился из Норильска. Два первых трактора тащили свои прежние, «родные» сани, а третий следом за ними тащил «поезд» из четырёх, гружёных углем нарт Щукина. Замыкал же караван сам Максим Щукин на лёгкой санке, запряжённой двумя упитанными оленями. Он решил лично проверить, как будут вести себя его «произведения» на безбрежном таймырском бездорожье, заваленном сугробами. Учитывая приобретённый опыт, водители с «штурманами» вели свои машины теперь не по «оленьему» тракту, проложенному по низинам, а, наоборот, по возвышенным участкам, избегая подветренных, забитых снегом склонов. Однако, несмотря на все принятые предосторожности, несколько раз всё-таки пришлось расцеплять сани и порожним трактором пробивать себе дорогу в больших сугробах. Впрочем, по сравнению с прошлым переходом это были сущие пустяки. Таким образом, уже 8 января тракторный караван дошёл до реки Амбарной, дозаправился там оставленным для этой цели горючим и тронулся дальше, до озера Вологочан, полагая, не позднее, чем через неделю, прибыть в Дудинку.

«Однако человек предполагает, а Север располагает», – как говорят опытные полярники (прежде всего, промысловики). Сразу же за этим озером началась необозримая низмен-

ная тундра с таким количеством необъятных сугробов, что обойти их было совершенно невозможно. Едва ли не через каждый час приходилось расцепляться, порожним тракторам прокладывать дорогу через сугробы и уже потом поочерёдно вывозить по ним каждые сани. При этом, как и по дороге в Норильск, тут тоже рвались предохранительные болты гусеничных тяг, а иногда и ушки звеньев. Не дойдя всего двух-трёх километров до озера Дорожного, у западного берега которого был приготовлен запас горючего в бочках, каравану пришлось остановиться, так как в баках всех тракторов топливо было на исходе. Пришлось отправить Максима на его санке за бензином, а самим ждать посланника с выключенными моторами. Ах, какой удачной оказалась эта идея: взять с собой в поход ещё и оленью упряжку с опытным седоком!

Вернулся он довольно быстро с двумя полными бочками, но за это время небо полностью закрылось тяжёлыми снежными тучами, которые притащил опасный южный ветер, обычно предвещающий серьёзную пургу. Так случилось и в этот раз. К тому же вокруг разлилась такая чернильная непроглядная темень, что ничего не было видно даже на расстоянии вытянутой руки. Пришлось всем перебираться в «нартяной» чум и там, рядом с непрерывно топящейся печкой (благо, что угля для неё было сколько угодно), полатями и столом коротать время.

Жесточайшая пурга длилась трое суток, а потом на путешественников свалилась ещё одна напасть – мороз за сорок градусов. Пришлось пережидать и его, а затем ещё почти сутки отогревать моторы тракторов огнём паяльных ламп. Затем случилось ещё одно несчастье, да какое! – у одного из тракторов лопнул картер. Починить его в полевых условиях было нереально, пришлось снять для того, чтобы увезти в Дудинку. Там, в мастерской, реанимировать скончавшийся картер и потом снова привезти сюда на оленях с тем, чтобы поставить на прежнее место в машине. А пока что не было иного выхода, как бросить несчастливый трактор на безбрежных просторах тундры, а вместе с ним и его мощные сани, предварительно разгрузив их, разумеется. Угля там было

четыре тонны. Их разделили на четыре части и по тонне положили на каждую «повозку Шукина». Благо, что они пока шли просто замечательно, почти совершенно не зарываясь даже в самый рыхлый снег.

Наконец, только 18 января, путешественники добрались до озера Дорожного. Там «под самую пробку» залились горячим и, не теряя времени даром, сразу же отправились дальше. Через день от большой тряски в дороге потёк один из радиаторов. Пришлось вновь остановиться и снять его для ремонта. Пайку трубок можно было вести только в тепле «нартяного» чума, так что людям пришлось всё время оставаться на холоде. Надо ли говорить, что пайку закончили очень быстро. И только было собрались на другой день двигаться дальше, как наотмашь ударил страшнейший, под пятьдесят градусов, мороз. Ни завести моторы, ни тронуть тракторы с места было невозможно. Морозы и пурга с сильнейшим ветром, сменяя друг друга, бушевали весь конец января, так что отправиться в дальнейший путь до Дудинки удалось только 30 января.

Уже в пределах видимости Дудинки, на крутом ухабе лопнула передняя рессора второго трактора, того, который тащил свои «родные», тракторные сани. До конечной цели оставалось всего два-три километра, поэтому заниматься серьёзным ремонтом путешественникам очень не хотелось. Кое-как, «на живую нитку» они поставили хлипкие накладки на «инвалидную» рессору и затем очень осторожно, шаг за шагом, добрались до своей мастерской к вечеру 4 февраля. Таким образом, на обратный путь они затратили двадцать девять дней, из которых только двенадцать были ходовыми. Остальные пришлись на стоянки из-за сильных морозов, пурги, ремонта и нехватки горючего.

Из трёх гусеничных тракторов в целости до Дудинки дошёл только один – тот, который тащил связку «оленьих» нарт, придуманных и сконструированных талантливым нганасанином Максимом Шукиным. Мало того, когда после первой серьёзной аварии один из тракторов пришлось вместе с его санями бросить, груз угля на всех нартах Шукина увечился вдвое, но это практически никак не отразилось на их движе-

нии. Было ощущение, что на каждые сани можно было навалить груза ещё столько же без опасения навсегда завязнуть в таймырском снежном бездорожье.

Итак, это был первый не только в нашей стране, но и во всём мире заполярный грузовой маршрут по снежному бездорожью. Он показал, что многотонные грузы в Высокоширотной Арктике можно передвигать и по суше при условии учёта целого ряда факторов: климатических, конструктивных и человеческих. Сильные морозы и сумасшедшие пурги требуют, чтобы у тракторов были удобные и тёплые, герметически закрытые кабины, предохраняющие водителя от всех превратностей местной погоды. Лобовое стекло непременно должно иметь подогрев, предохраняющий от обмерзания. Смазочные масла, как самого двигателя, так и всех других механизмов должны иметь слабую вязкость при низких температурах воздуха. Все детали машин, требующие осмотра и чистки, должны располагаться так, чтобы их можно было легко и удобно осматривать без съёмки и разборки всего агрегата. Гусеницы и ведущие шестерни тракторов следует сконструировать и выполнить так, чтобы снег в них не прессовался, а свободно высыпался при движении. Дороги, если они будут постоянными (такие, как например, Дудинка – Норильск), должны быть хорошо обследованы и оборудованы, в том числе пунктами заправки машин и отдыха для водителей.

Экспедициями 1920–1927 гг. под руководством Н. Н. Урванцева, в сущности, завершилась работа по начальному геологическому изучению плато Путорана, и прежде всего, района Норильска. Работа по открытию и освоению минеральных богатств, заложившая фундаментальную основу развития этого района и медно-никелевого предприятия, ставшего впоследствии одним из крупнейших и самых успешных горно-металлургических предприятий не только в нашей стране, но и во всём мире.

Глава 8

По порогам реки Хантайки

Ещё во время своей первой зимовки у подножия горы Шмидта («Шмидтихи»), проводя детальное геологическое обследование Норильской долины, Урванцев предположил, что медно-никелевое рудное тело, обнаруженное в горе Рудной, стоявшей по соседству, распространяется к югу, в сторону плато Путорана. А от местных нганасан-оленоводоов он слышал, что километрах в двухстах к югу в Енисей впадает большая река Хантайка, но откуда она берёт своё начало и в каком направлении потом течёт – никто не знает. Рыбакам была известна она непроходимыми порогами да огромными, в человеческий рост, тайменями. Известно также, что ещё во времена Мангазеи в её устье кем-то было поставлено «Хантайское зимовье», однако сейчас от него уже ничего не осталось. Правда, совсем в другом месте, на берегу Енисея, километрах в двадцати ниже по течению, до сих пор стоит селение того же названия. Почему оно перекочевало туда, сохранив своё прежнее имя – тоже никому неизвестно. Всё это очень интересовало пытливого Николая Николаевича, поскольку он рассчитывал в этих неизведанных никем местах обнаружить ещё одно столь же богатое месторождение, как и в самом Норильске.

Первым делом, как это обычно бывает на Севере, он начал расспрашивать бывалых людей из числа бесшабашных путешественников, готовых ради богатой добычи или необыкновенных приключений рисковать собственной головой. Но оказалось, что на реке Хантайке сроду никто толком не бывал и, тем более, не отваживался по ней плавать. Правда, некоторые отчаянные любители приключений пытались подняться по этой бешеной реке на лодке вверх от самого её енисейского устья. Но, пройдя первые шестьдесят километров, смельчаки упирались в такой порожище с водопадом, преодолеть который нечего было и думать. Что же касается рыбного промысла, то и на последнем, тихом участке Хантайки рыбы

было хоть завались. И зачем в таком случае, скажите на милость, рисковать посудиной и головой, если сколько угодно хорошей рыбы можно наловить и здесь, и на самом Енисее, прямо возле своего жилища?

А ещё бывалые люди рассказывали, что этот последний перед устьем порог, кажущийся гигантским, – сущий пустяк по сравнению с тем, который есть выше по течению. Шум от этого гиганта слышен за много километров, однако, почти никто его не видел, но слышали многие. Нганасаны, кочуя со своими оленями, на реке Хантайке бывают только мимоходом. Зимой на пути от Дудинки к Курейке или Нижней Тунгуске они пересекают её либо возле устья, по низине близ Енисея; либо в верховье, идя плоскогорьем, где эта река, разбиваясь на множество ручьёв, никакой опасности ни для кого ещё не представляет. Опытные люди рассказывали также, что в среднем течении Хантайки много таких порогов, попав в которые, только что срубленное дерево выныривает ниже по течению уже без коры и сучьев. Так что плавание в среднем течении этой реки фактически равносильно самоубийству.

Местами Хантайка течёт в таких скалах, что даже сверху смотреть на неё страшновато. Рассказывали также, что вытекает Хантайка из большого озера, которое лежит высоко в горах и называется Кутармо. По слухам похоже оно на норильское озеро Лама, и олений караван от Дудинки идёт до него недели три, а то и больше.

Из этих рассказов, если отбросить все страхи и преувеличения, можно было сделать заключение, что Хантайка – река с очень быстрым течением, не только порожистая и бурная, но практически непроходимая, особенно если плыть по ней вверх по течению. Урванцев понимал что, если профессионально заняться исследованием этой бешеной реки, придётся не только плыть по ней, но и делать при этом работу: вести геологическую и топографическую съёмку на основе опорных астрономических ориентиров не только самой реки, но и её берегов, а также довольно больших участков прилегающей тайги. Условия движения наверняка будут очень трудными, почти невозможными. Поэтому команда должна быть

небольшой, но состоять из физически крепких, опытных путешественников, желательно спаянных давней дружбой. Учитывая это, решили создать команду всего из трёх человек: геолога, топографа и рабочего. Относительно первых двух персон вопросов не было. Геологом, а также ответственным за астрономические наблюдения должен стать сам Н. Н. Урванцев; топографом – Виктор Корешков, его надёжный соратник по Норильской экспедиции, а вот относительно третьего участника были затруднения. Взять случайного человека было бы крайне неосмотрительно, а найти летом в Дудинке надёжного, но свободного человека было просто нереально. И тогда Виктор предложил в качестве рабочего... своего брата Николая. Урванцев, немного подумав, согласился (другого варианта у него, в сущности, не было) и за всё время их нелёгкого похода ни разу не пожалел об этом.

Не менее важной была и проблема передвижения людей и грузов в этом непросто исследовательском путешествии. Тут существовали два варианта движения: пеший и водный.

В первом (пешем) варианте нужно было идти пешком с вьючными оленями или лошадьми берегом реки. Путь этот был не так опасен, но очень труден из-за густого леса, топких болот и отвесных скал. Кроме того, тут пришлось бы

*Участники Хантайской экспедиции
братья Николай и Виктор Корешковы*

переправляться через многочисленные притоки Хантайки, которые почти всегда надо будет обходить до самых истоков. Придётся также строить плоты для преодоления этих водных преград, что, безусловно, отнимет массу времени. Кроме того, при сухопутном маршруте часто будет затруднён (а иногда и вовсе невозможен) осмотр другого берега реки.

У второго (водного) варианта тоже есть два решения: можно напрямик, короткими оленьими тропами подняться к самому истоку Хантайки, построить там добротный плот и на нём спуститься вниз по реке уже с работой. Однако перед каждым новым серьёзным порогом это плот придётся бросать с тем, чтобы ниже по течению построить новый, который потом тоже придётся бросить. И сколько раз это придётся сделать – неизвестно. Остаётся последний, пожалуй, самый реальный способ: движение на лёгких, вместительных и грузоподъёмных лодках, которые перед порогами можно будет разгружать и на руках перетаскивать через камни по берегу. А вместе с ними переносить на руках и весь экспедиционный груз. Но, вместе с тем, в не очень порожистых местах с сильным течением эти лодки можно будет тянуть вверх по течению бечевой. После недолгих раздумий будущие путешественники единогласно пришли к мнению, что этот, последний вариант будет, хотя и нелёгким, но вполне осуществимым. В этом случае, если не всё, то очень многое будет зависеть от качества и конструкции лодок: они должны быть максимально лёгкими, прочными и грузоподъёмными.

Для путешествий по рекам с быстрым течением и серьёзными порогами в то время существовали два типа лодок: байдарки и каноэ. Каноэ имели приподнятые, загнутые вверх нос и корму с крепкими штевнями. Борта у них обычно были высокими, позволяющими легко передвигаться даже при значительной волне. Сверху каноэ бывали открытыми и управлялись однолопастным веслом. Байдарки же – это лодки с низкими бортами, у которых нос и корма имеют острые, клиновидные обводы. Сверху байдарки всегда наглухо закрыты, и имеют только одно отверстие – для гребца. Оно закрывается особым фартуком, который наглухо завязывают

у пояса седока. Эта лодка практически непотопляема, но на порогах из-за узкого и длинного корпуса она плохо поддаётся управлению⁶⁰. Гребут на байдарках двухлопастными вёслами. И тот, и другой тип лодок имеют свои достоинства и недостатки. Урванцеву и его спутником хотелось объединить всё лучшее, что есть в обеих этих лодках, и избежать при этом их недостатков. Таких речных посудин в ту пору не существовало, значит, их следовало придумать, сконструировать и сделать.

Осенью 1927 года, возвратившись из Норильска в Ленинград, Урванцев, а с ним его друг и напарник В. Корешков начали методично обивать пороги местных яхт-клубов, верфей и корабельных конструкторских бюро и вскоре стали там своими людьми. В результате, им удалось придумать лодку комбинированного типа – каное-байдарку, которая их совершенно устраивала. Она имела корпус и обводы каное, но при этом палубу, как у байдарок, наглухо закрытую, но с двумя отверстиями: одним – у носа, другим – у кормы. Заднее отверстие предназначалось для гребца, а переднее – для груза или второго седока. Оба отверстия наглухо закрывались непромокаемыми фартуками. При этом часть груза можно было разместить и на корме. Общая грузоподъёмность лодки составляла не менее трёхсот килограммов, а в начале путешествия могла быть и большей. Это позволяло взять с собой продовольствия и груза минимум на два месяца. Каркас из прочного сухого бука имел крепкие штевни⁶¹ (как кормовой, так и носовой), а также ручки для переноски или буксировки лодки. Обшивка судёнышка для лёгкости была брезентовой, но из самой плотной и прочной ткани, хорошо пропитанной олифой и прокрашенной. Общий вес пустой посудины составлял не более тридцати килограммов, так что двое мужчин легко могли переносить её на любые расстояния. Конечно,

⁶⁰ Управление, как байдаркой, так и каное в горных реках – «водный слалом» – требует большого мастерства, силы и сноровки. В наше время «водный слалом» – это даже олимпийский вид спорта.

⁶¹ Штевень – толстый брус, служащий основой кормы или носа корабля или лодки.

брезент – материал не самый прочный, его легко пробить на камнях в порогах и на перекатах, но и чинить его в полевых условиях будет не так уж и сложно. Управляться и продвигаться вперёд это судёнышко будет, как байдарка, двухлопастными вёслами.

По праву авторства Урванцев со спутниками решили назвать свою диковинную речную посудину «канобе» (каноэ-байдарка), под которым именем это судно и вошло потом во все справочники по судоходству.

Снаряжение и продовольствие для будущего путешествия достать оказалось делом совсем несложным. Палатки, спальные мешки, оружие, патроны, брезент, марлевые пологи и прочий инвентарь, а также полевая одежда и обувь сохранились в Дудинке ещё с прежних времён от прошлых экспедиций, так что запастись всем необходимым большого труда первопроходцам не составило. Скучные времена «военного коммунизма», слава богу, давно закончились. Поэтому сухари, сушки, чай, сахар, крупы и растительное масло приобрести теперь никакого труда не составляло. Кроме того, путешественники были уверены, что самой лучшей рыбы в этом путешествии у них будет сколько угодно. Очень рассчитывали они и на то, что их стол порядочно разнообразит и мясо, добытое на охоте.

Из Красноярска Урванцев с братьями Корешковыми отчалили 5 июня с первым пароходом, который шёл сразу за ледоходом. Однако в Дудинку они прибыли только 25 июня. Здесь была ещё ранняя весна. Деревья стояли голые, без листьев. На берегах повсюду громоздились горы льда, оставшиеся от недавно прошедшего ледохода.

Выбрав особенно ветреную погоду, когда по Енисею ходили порядочные волны, путешественники решили испытать на прочность свои канобе. Лодки держались хорошо, хотя иногда волны перехлёстывали через верх. Фартуки, которыми закрывались испытатели, обвязавшись у пояса, отлично предохраняли от попадания воды внутрь. Затем уже на речке Дудинке, на тихой воде, они испытали канобе и на грузоподъёмность. Для этого испытатели сели в одну лодку втроем

(а это с одеждой и обувью около трёхсот килограммов), но посудина от такой нагрузки ничуть не пострадала – до края борта оставалось ещё сантиметров двенадцать. Значит, каждая лодка может нести на себе не менее трёх центнеров груза. Это обнадёживало.

Для ремонта канобе на ходу в каждую лодку поставили по большому котелку, полному смеси вара со смолой. Туда же положили и по большому куску брезента. Кроме того, для буксировки взяли пятьдесят метров крепчайшего шнура.

До устья Хантайки (а если получится, то и до её последнего серьёзного порога) решили добираться на старой заслуженной шлюпке с мотором «Архимед», которая верой и правдой три года назад служила Урванцеву при исследовании норильских озёр. А все три своих канобе предпочли следом вести на буксире цугом. Конечно, путешествие по Хантайке можно было бы начать не с Дудинки, а с селения Хантайского, но на попечении Урванцева была ещё и экспедиция Б. Н. Рожкова, с которым он во время своей третьей зимовке в Норильске исследовал будущее медно-никелевое месторождение «Норильск II». Её следовало снарядить в Дудинке и отправить на озеро Лама, на что ушёл весь конец июня.

А между тем наступил июль месяц. Путешественникам надо было торопиться, а тут, как назло, поднялся штормовой ветер с юга, «верховка», как называют его енисейские рыбаки, который может дуть и неделю, и более. Они решили не выжидать, а понадеявшись на знаменитое русское «авось», отправились в путь. В устье реки Дудинки, где было немного тише, весь груз они уложили в шлюпку. Сверху, от самого носа, тщательно укрыли его брезентом и увязали по бортам так, чтобы его не заливало енисейской водой, а потом наглухо завязали фартуки. Сцепили в кильватер все канобе, взяв их на длинный буксир, и сверху уселись сами. Провожавшие, пожелав путникам «семь футов под килём», столкнули шлюпку в глубокую воду и разошлись по своим делам.

Старик «Архимед» завёлся без хлопот, и путешественники быстро вышли на фарватер Енисея. Ветер дул им прямо навстречу, и хотя волна была достаточно высокой, шлюпка

легко разрезала её. Километров через двадцать пять после мыса Грибанова, за которым берег Енисея круто повернул на юго-восток, ветер стал боковым. Корму начало порядочно заливать. Вскоре брызги попали на свечу, и мотор заглох. Путники схватились было за вёсла, чтобы постараться удержать шлюпку со связкой хрупких лодочек на поводке, носом к волне, но у Николая Корешкова сломалось весло, а ветер круто повернул лодку бортом к воде и, несмотря на все усилия, её выбросило на берег. К счастью, там был песчаный пляжик без серьёзных камней, и лодка уцелела. Но абсолютно всё снаряжение, лежавшее на корме, конечно же, оказалось залито речной водой, и все вещи в беспорядке катались в полосе прибоя.

Незадачливые речники повыскакивали на берег и, непрерывно обдаваемые волнами Енисея, начали поспешно спасать своё имущество, оттаскивая его по частям на высокое и сухое место подальше от воды. В первую очередь спасли главную ценность – свои канобе, затем оружие с боеприпасами, потом инструменты, спальные мешки, инструменты и только потом – продовольствие.

К счастью, ничего не утонуло, но вымокло всё основательно. Особенно пострадали продукты: сухари, сушки, крупы и сахар. Сухари почти везде превратились в густую кашу и к дальнейшему использованию были невозможны. Сами же путешественники имели вид весьма печальный. Промокшие до костей и дрожащие от холода стояли они под морозящим дождём и холодным ветром, мелко и дробно стуча зубами. А вокруг них в беспорядке валялись огромные льдины, оставшиеся на берегу после ледохода. Впрочем, если честно признаться, виноваты во всём произошедшем были сами путники. Север не терпит суеты и спешки. Им, опытным полярникам, это было хорошо известно. Следовало ещё на пару дней задержаться в Дудинке, дождавшись окончания штормовой погоды.

Делать нечего, пришлось бедолагам, выбрав место по тише и посуше, поставить лагерь, насобирать принесённого ледоходом сухого плавника, а затем запалить хороший

костёр, на котором срочно начать сушить свои промокшие вещи. Вслед за этим они поставили палатку, сварили обед, в чайнике заварили чаю. И только через день, когда стало существенно тише, горе-путешественники вновь спустили свою шлюпку (а с нею, разумеется, и связку канобе) на воду. Но теперь им уже надо было двигаться в обратную сторону, вниз по течению Енисея, в Дудинку с попутным, хотя всё ещё довольно сильным ветром. Это было очень кстати, поскольку идти теперь пришлось на вёслах, ибо мотор «Архимед» всё ещё не работал. В результате этой оплошности путешественники потеряли три дня хода, впустую истратили канистру горючего и много собственных сил, а также лишились приличного запаса продовольствия.

В Дудинке они, разумеется, не стали сидеть, сложа руки. Всё, что только возможно, основательно высушили, проверили, испорченное выбросили. Пополнили запас сухарей, сушек и круп. Перебрали и прочистили магнето мотора, и он вновь, как ни в чём не бывало, заработал.

А ещё через три дня, когда на Енисее вновь установилась ясная штилевая погода, опростоволосившиеся путники вновь отправились в путь. Стоял полярный день, и идти можно было круглые сутки, что они и делали, исправляя свою поспешность. Остановливались лишь для того, чтобы поесть и немного поспать. Впрочем, ненадолго задержались они в селении Хантайка лишь для того, чтобы ещё раз переспросить здешних рыбаков о том, что им известно о реке Хантайке. Однако ничего нового не узнали. Всё так же пугали их местные жители ужасными порогами да ещё медведями, которые, по их словам, ходят там буквально целыми стадами. Впрочем, геологи не очень-то этого испугались: к встрече с большими порогами они были готовы. А что касалось медведей, то летом они обычно сыты и особой опасности не представляют. Кроме того, путники были хорошо вооружены.

В устье реки Хантайки, куда они вскоре безо всяких происшествий прибыли, геологи разбили лагерь на высоком и сухом правом берегу этой реки. Здесь они определили астрономический пункт, как начальную точку топографической

съёмки района протекания данной водной артерии. В связи с этим ими была поставлена мачта для приёма радиосигналов точного времени, что впоследствии значительно облегчило и уточнило определение географической долготы места наблюдения.

На этой стоянке путешественникам бросилось в глаза резкое отличие по цвету енисейской и хантайской воды: первая была буро-коричневой, вторая – нежно-голубой и на удивление прозрачной. Сразу видно, что Енисей питается, в основном, из болот, богатых гумусом, а Хантайка – с гор от тающих снежников и ледников. И эти мощные, не смешивающиеся полосы воды были видны далеко вниз по течению Енисея.

В устье Хантайки, вблизи временного лагеря геологов, протянулся вдоль берега высокий земляной вал. Это «кекур» – особенная форма рельефа, характерная для северных рек с мощным ледоходом. При мощных заторах лёд, выпирая на берег в устьях впадающих рек, выпихивает перед собой высокий песчаный вал. Такой же «кекур» есть в устье реки Дудинки, в низовьях реки Пясины, а также практически на всех крупных северных реках.

И вот 10 июля экспедиция тронулась вверх по Хантайке, пока ещё на шлюпке с мотором и со связкой канобе за кормой, проводя по дороге наблюдения и делая геологическую съёмку. Пока что река была спокойной, и плыть по ней было одно сплошное удовольствие. Километров через двадцать на правом берегу из-за поворота явилась вдруг полуразрушенная избушка, в которой, судя по всему, теперь никто не живёт. По рассказам рыбаков, она должна стоять у маленьких («пустяковых») порогов, но никаких порогов тут не было вовсе, и за всё время пути ничего, похожего на пороги, им пока что не встретилось. Вероятно потому, что паводок здесь ещё полностью не прошёл.

Далее течение заметно усилилось, плыть стало намного труднее, и местами мотору приходилось помогать бечевой. Слава богу, берега тут были хотя и каменистыми, но не очень высокими, и идти по ним было можно. Существенно

*Диковинные водоплавающие посудины «канобе»
в нижнем течении реки Хантайки*

потеплело, и сразу же появились полчища комаров. Однако бывалым сибирякам-таёжникам с этой напастью справляться не впервой.

На третий день пути впереди послышался глухой шум и рокот воды, который нарастал с каждым часом. Шлюпка с геологами вошла в озёрвидное расширение реки, которое упиралось в огромную каменную стену. В её разрыве, посредине, низвергался вниз мощный каскад бешеной воды. Это и был тот самый, знаменитый «первый» (если подниматься вверх по течению реки) настоящий порог. Отсюда, собственно, и начиналось сумасшедшее (по мнению многих) путешествие экспедиции Урванцева на канобе вверх по «непроходимой» Хантайке. На большой лодке с мотором дальше идти нельзя. Её и часть груза придётся оставить тут.

В этом месте путешественникам пришлось сделать порядочную остановку для того, чтобы решить, что взять с собой в дальнейший путь, а что оставить здесь. А также, по возможности надёжно укрыть свой схран от медведей, и защитить лодку с мотором от возможных неприятностей. Кроме того,

необходимо тщательно осмотреть порог и выяснить, где и как лучше через него перебраться и, конечно же, определить его астрономические координаты. Для этого придётся осуществить отдельное сухопутное путешествие по окрестной тайге и тщательно разведать все подходы к берегу реки. А также с помощью топоров расчистить все те тропы, по которым затем придётся переносить посуху все канобе, а также груз, который им придётся везти с собой дальше.

Этот порог образовался в месте пересечения рекой мощного стометрового пласта изверженного диабазы, наклонно залегающего среди большой толщи древних известняков. Река прорезала в нём узкое ущелье, в конце которого получился уступ, круто обрывающийся отвесной скалой в пространное озеро за порогом. А это озеро, в свою очередь, образовалось в результате многовековой деятельности реки, щедро питаемой непрерывно тающим льдом и снегом.

На выходе из уступа река стиснута скалами, и в самом узком месте ширина её не превышает двадцати пяти метров. Тогда как выше по течению, она в несколько раз шире и полноводнее. Скал в этой горловине нет, так что вода мощным потоком низвергается вниз, как струя из гигантского резервуара. Здесь нет ни водопада с отвесным падением, ни гигантских порогов, в которых вода кипит, как в котле, а только гигантский ровный слив, где вода стремительно мчится вниз по крутой наклонной плоскости, сметая всё на своём пути. Это плотина, созданная самой природой, идеальное место для постройки гидроэлектростанции⁶².

Если взглянуть со скалы у обрыва в реку на этот гигантский водослив, можно видеть, как по его краям, на выходе в озёровидное расширение возникают огромные водовороты обратного течения. Это, в сущности, такие же самые улова, которые Урванцеву приходилось видеть на реке Пясине за мысами валунов, только эти гораздо более мощные, но действующие не постоянно, а периодически.

⁶² В шестидесятых годах тут начали строить Хантайскую ГЭС мощностью в четыреста тысяч кВт·ч, которую запустили в 1972 году. Сейчас возле неё вырос полярный город Снежногорск..

Сначала в конце водослива, сбоку, в озёровидном расширении реки, дотоле спокойном, возникает вдруг непонятное обратное течение воды по кругу диаметром около шести метров. Постепенно скорость этого течения усиливается, и в нём образуется вихревая воронка, которая, непрерывно увеличиваясь в размерах, превращается в коническое жерло диаметром около метра. Туда, бешено вращаясь, с рёвом уходит речная вода. Минут через десять-пятнадцать процесс достигает своего апогея, после чего начинает медленно затухать: вращение постепенно замедляется, жерло воронки с шумом смыкается, и всё стихает. Водный спектакль заканчивается, чтобы через несколько минут повториться вновь.

Вода в Хантайке чиста и прозрачна необыкновенно. Отчётливо видно, как в этой бешеной круговерти на порядочной глубине стоят огромные таймени. Несмотря на все водовороты и «кипение» воды вокруг них, хантайские «крокодилы» совершенно неподвижны и даже, как будто, равнодушны, словно всё, происходящее вокруг, их совершенно не касается. Они кажутся безразличными к происходящим вокруг них водным катаклизмам и, лишь слегка покачивая огромными плавниками, нежатся в струях двигающейся воды. Только изредка эти «речные монстры» позволяют восходящим потокам воды поднимать свои гигантские тела к границе обеих струй: прямой и обратной. Тогда над поверхностью реки появляются их широкие чёрные спины с большими, вертикально стоящими ярко-красными плавниками. Однако тут же эти величественные гиганты вновь с головой погружаются в свою беспокойную среду обитания, чтобы так же, как и прежде, лениво «кайфовать» там. Впрочем, иногда, заметив добычу, какой-нибудь из этих ленивых гигантов стремительным рывком бросается вперёд, и тогда жертве редко удаётся спастись. Можно часами наблюдать за этими красавцами, безраздельными хозяевами здешней водной стихии, которым в ней никто не указ. Говорят, что даже медведь не в силах справиться тут с серьёзным тайменем. Впрочем, «хозяин тайги» вряд ли полезет в этот кипящий водный ад даже в случае сильного голода.

Пока Урванцев производил астрономические расчёты, определял координаты точек привязки, практичному Виктору Корешкову надоело бездельно любоваться диковинным рыбьим шоу. Он решил выловить одного из «артистов» для прокорма членов экспедиции. (От местных гурманов ему было известно, что мясо крупного тайменя вкуснее даже осетрины.) Разумеется, никакие привычные рыболовные снасти для этого не годились – тут надо было приготовить снасть свою, особенную. Он взял хороший кусок бечевы для транспортировки канобе, привязал к нему антенный канатик с крюком на конце из согнутого и закалённого в огне лодочного гвоздя, после чего занялся добычей наживки. Раздевшись до пояса, он хлопнул у себя на животе парочку жирных оводов, сразу же усевшихся на голое тело. Затем насадил одного, ещё живого «вампира» на крючок своей необычной удочки и мгновенно выловил порядочного (килограммового) хариуса.

Вскоре друзья удачливого рыбака, услышав его истощенный крик, кинулись на помощь (благо, что рыбачил он неподалёку от лагеря). Выскочив из-за скалы, они увидели своего товарища, висящего на скале, нависшей над kloкочущей водяной пропастью. Левой рукой и обеими ногами он цеплялся за выступы камней, а правая рука с намотанным на запястье шнуром висела над самой водой. С большим трудом втроем они вытащили на берег взбесившуюся рыбину, откалывающую своим страшным хвостом куски известняка. Повезло, что была она не из самых крупных – всего лишь около полутора метров ростом и весом не более двух пудов. Так что все трое отделались лишь лёгким испугом, но на всякий случай прикончили её контрольным выстрелом из пистолета.

Мясо добытой рыбыны, действительно, оказалось необыкновенно вкусным: жирным и нежным. Никаких опасений относительно его сохранности в дальнейшем у путешественников быть не могло – повсюду вокруг в изобилии были сугробы от не растаявшего снега и льдины, выброшенные в половодье. Вечером из головы тайменя и того хариуса, что послужил наживкой, сварили грандиозную уху, которую до-

едали потом ещё два дня. Остальное мясо, нарезав большими кусками, засолили на льду.

Два следующих дня посвятили осмотру берега Хантайки выше её первого порога. Оказалось, что никакого бечевника тут нет на весьма большом протяжении: бешеная река более километра несётся здесь среди больших осколков диабазового ущелья. Грустно вздохнув, решили, что всё имущество придётся переносить в рюкзаках по вершинам сопок и распадкам, а там – сплошное густолесье, бурелом и заросли кустарника. Так же, на своём горбу, придётся переносить и все канобе, а для этого надо прорубать широкую тропу. Растительность здесь, на Хантайке, намного богаче, чем в районе Норильска. Всего каких-то полтора градуса к югу, а разница огромная. Там лесотундра с чахлыми лиственницами и карликовыми берёзками, а здесь настоящая тайга, в которой, кроме мощных лиственниц, толстых берёз и елей, попадает даже и кедр. В подлеске, кроме ольхи, ивы и карликовой берёзки, довольно часто встречаются рябина, смородина, можжевельник, шиповник. И всё это переплетено так, что не только пройти с грузом, но и просто пролезть было невозможно. Хорошо, что у путешественников была с собой не только остро наточенная и хорошо разведённая двуручная пила, но и у каждого по топору. Их непрерывно приходилось пускать в дело.

Обустроив свою первую лесную дорогу, путники занялись не менее важным делом: сортировкой будущего груза. Надо было определить, что оставить здесь, у первого водопада, а что взять с собой. Порогов и перекатов, в том числе и весьма серьёзных, впереди будет, конечно же, немало. Перетаскивать имущество в рюкзаках им придётся не раз, поэтому решили обойтись самым минимумом его, чтобы на каждое канобе пришлось не более центнера груза. Из продовольствия на два месяца взяли только сухари, сушки, чай, сахар, рис и немного сливочного масла. Главную, белковую часть питания надеялись добыть с помощью охоты и рыбалки. Кроме продовольствия, взяли с собой универсальный теодолит со штативом, радиоприёмник с сухими батареями, разборную

бамбуковую мачту, большой спальный мешок (общий, один на троих), сшитый из шкур молодых оленей, палатку с брезентовым полом и разборным каркасом. А также оружие: винтовку, дробовое ружьё, пистолет с боезапасом; пилу, топоры, посуду: большой котелок, чайник и три ложки; котелок с варом и куски брезента для ремонта канобе, а также, разумеется, личные вещи.

Переноска груза в рюкзаках и последовавшая затем транспортировка на руках трёх канобе заняли весь следующий день. Оставшийся багаж сложили в штабель на берегу у первого порога, на камни, отполированные водой и льдом, укрыли брезентом, плотно увязали и обложили крупными камнями. Рядом соорудили высокий шест с большим флагом. Шлюпку положили вверх днищем, тоже укрепили камнями и накрепко привязали к большим деревьям, росшим неподалёку. Теперь можно было надеяться, что на обратном пути им удастся найти оставленное имущество в полном порядке.

Хорошо отдохнув после этой тяжкой работы, на другой день путешественники стали готовиться к продолжению своего водного пути. Прежде всего, надо было грамотно разложить груз на всех трёх канобе, распределив его на носу и корме так, чтобы гребцам, во-первых, было удобно сидеть и грести, а всё необходимое в пути всегда было под рукой. И, во-вторых, чтобы на посудине соблюдалось равновесие, необходимое для её лёгкого хода. Эта работа заняла довольно много времени. По многу раз перекладывая вещи так и этак, путникам всё-таки удалось найти вполне удобную и компактную комбинацию.

И вот, наконец, 16 июля настоящее путешествие по порогам Хантайки на посудинах с диковинным названием «канобе» началось. Погода стояла отличная: ясно, солнечно, дул лёгкий ветерок, так что вверх по реке можно было продвигаться без накомарников. Течение здесь по местным понятиям оказалось небольшим, и путники довольно успешно, без опасений и особых напряжений плыли на вёслах. Все канобе отлично держатся на воде и прекрасно ведут себя: ходкие, устойчивые, послушные. Их гребцы, весело перебрасываясь

репликами, вспоминают, как рыбаки из енисейского посёлка Хантайка скептически относились к этим посудинам, утверждая, что возвращаться назад городским «мудрецам» придётся пешком либо, в лучшем случае, на плотках.

Километра через три речные путники прошли мимо устья довольно большой реки Кулюмбе, впадавшей в Хантайку слева. Заходить в неё они не стали, решив сделать это на обратном пути. Выше Кулюмбе течение Хантайки заметно усилилось, и плыть на вёслах стало значительно труднее. По берегам во множестве появились скалистые выступы с каменными мысами – коргами, далеко вдающимися в реку. Около них течение было особенно сильным, а за ними, ниже, как обычно в таких случаях, возникали улова́ с обратным течением. Обойти такое препятствие на вёслах было невозможно. Приходилось переправляться к другому берегу, где корог не было, и поэтому течение было слабее. Так, перебираясь от берега к берегу, за четыре часа хода после Кулюмбе, гребцы на своих канобе прошли всего три километра и окончательно выбились из сил. Тут они решили остановиться на отдых и переночевать с тем, чтобы на другой день попробовать идти бечевой.

Однако, собираясь утром к отплытию, Виктор вдруг обнаружил, что в его канобе набралось изрядное количество речной воды. Он внимательно осмотрел посудину и увидел, что ниже ватерлинии там оказалась небольшая дырочка. Выяснилось, что вчера вечером свою лодочку он полностью на берег не вытащил, а всего лишь, накрепко привязав к большому кусту, оставил на плаву в мелкой речной заводи. За ночь от трения о гальку в брезентовой обшивке появилось сквозное отверстие. Делать нечего, пришлось продолжение похода отложить минимум на сутки для того, чтобы заняться ремонтом посудины. Лодку разгрузили, вытащили на сухой берег и перевернули вверх дном, после чего Виктор занялся ремонтом. Первым делом он насухо вытер повреждённое место, затем, разогрев на костре вар до кипения, промазал им повреждённое место и приложил туда заранее вырезанную брезентовую заплатку, которую прежде пропитал всё тем же разогретым

варом. Через несколько часов вар, остыв, схватился намертво, и лодка вновь стала готова к плаванию. Таким нехитрым способом починки своих лодок путешественники впоследствии пользовались много раз и ни разу не пожалели об этом. Так что к концу плавания их «канобе» из «белых лебедей» превратились в каких-то неопрятных пёстрых птиц, но работу свою выполняли надёжно.

Пока Виктор Корешков, исправляя собственную оплошность, ремонтировал свою посудину, Урванцев приводил в порядок геологические материалы: описания берегов, свои размышления об их геологии и строении, наброски рисунков. А Николай Корешков решил отправиться на охоту – рыба, даже такая вкусная, как таймень и хариус, им уже порядочно надоела. Он взял с собой гладкоствольное дробовое ружьё, пустой рюкзак для будущей добычи и пару горстей сушек (на всякий случай). Ему предложили, вместо ружья, взять винтовку, которая бьёт точнее и дальше, но он резонно ответил, что винтовка хороша для охоты на зверя, птицу же добыть проще именно из дробового ружья. А с крупным зверем, даже если его и удастся добыть, связываться сейчас им никакого резона нет. Ведь главная цель путешественников не охота, в движение вверх по Хантайке, к её истоку.

Примерно через час послышались, один за другим, три выстрела. А ещё через час явился Николай Корешков и бросил к ногам товарищей трёх ещё теплых рябчиков со словами:

– Примите добычу. Каждому по штуке.

Впоследствии само собой получилось так, что рыбалкой в основном занимался Виктор Корешков, а охотой – его брат Николай.

На следующий день путешествие вверх по реке Хантайке было продолжено. Но теперь путники решили идти вверх по течению бечевой, ведя за собой гружёные канобе, каждый своё. Казалось бы, самым надёжным и лёгким способом движения был такой вариант: один, сидя в лодке с веслом в руках, правит, а двое других тянут бечеву, идя по берегу. Однако такой вариант годился лишь в том случае, если бы лодка была одна, а их тут – три. Значит, не только этот путь

всем пришлось бы проделывать трижды, но и дважды возвращаться назад, а это было явно нерентабельно. Поэтому каждый, прикрепив к ручкам на носу и корме длинные куски бечевы, сам впрягался в неё посередине и, бредя по берегу, вёл свою посудину, по возможности обходя разные препятствия. Первым, разумеется, шёл самый опытный (Урванцев), а остальные, зорко следя за ним, повторяли его движения. Вскоре вся команда успешно приспособилась к такой манере управления лодками, идя по берегу с ляжкой через плечо и подтягивая либо, наоборот, отпуская то нос, то корму. Так «хантайские бурлаки» прошли почти шесть часов, успешно преодолев длинный участок реки с очень быстрым течением. Река тут неслась в скалистых берегах, так что им пришлось выложиться как следует. Но зато потом этот водяной ад внезапно закончился, русло реки расширилось почти до километра, течение её замедлилось, и на ней появились низкие, заросшие тальником острова. Только тут водные путники поняли, как сильно они устали и, отыскав недалеко от реки уютное сухое место, решили стать там лагерем.

Всего за семь часов этого тяжкого пути они прошли с геологической съёмкой и осмотром берегов на ходу только шесть километров. И всё же это было намного быстрее, а главное, легче, чем идти на вёслах против течения своенравной Хантайки.

На другой день, отлично отдохнув и выпавшись, путешественники сразу же после плотного завтрака отправились в путь дальше, вверх по буйной реке. Хантайка на время сменила свой строгий нрав на покладистость, так что каждый член отряда сидел теперь в своей лодке и с наслаждением грёб вёслами. Погода стояла роскошная: светило ласковое таймырское солнце, дул хороший попутный ветерок, отгонявший назойливых «вампилов» (оводов, комаров и мошек), течение было вполне преодолимим.

Время от времени речные путники приставали к берегу, где Урванцев занимался своей геологической съёмкой, а Виктор Корешков – съёмкой топографической. Николай Корешков, не любивший сидеть без толку, решил во время этих

вынужденных стоянок освоить ловлю хариусов внахлёт. И вскоре достиг в этом отменного мастерства. Раздевшись до пояса, он ловил севших на него оводов для наживки. Мастерство тут состояло в том, чтобы изловить овода, оставив его при этом живым. Хариусов в реке было много, и они довольно часто выпрыгивали из воды, хватая насекомых, неосторожно приблизившихся к водной поверхности. Николай заранее выломал довольно крепкий и гибкий прут, привязал к нему кусок рыболовной лески, а на неё – небольшой крючок. Хариусы, даже довольно крупные, имеют очень маленький рот, поэтому поймать их можно лишь внахлёт в тот момент, когда они хватают добычу. А это требует определённого мастерства, которым Николай после нескольких неудачных попыток прекрасно овладел. Таким образом, уже к обеду он поймал с дюжину чёрно-голубых красавцев с большим, как парус, лакированным плавником. Это было очень кстати, поскольку даже нежнейший малосольный балык из тайменя, тонкие ломти которого просвечивали насквозь, за это время успел поднадоесть. Всем хотелось крепкой рыбацкой ухи из только что выловленных хариусов, рыбы тоже благородной, относящейся к белым лососям (в просторечии, к «белорыбцам»).

К сожалению, своей милостью река Хантайка баловала речных путников недолго. Уже километров через двенадцать острова на ней закончились, и её прежде тихое течение заметно усилилось. Река, прорезавшая теперь толщу массивных древних известняков, вновь замкнулась в узкое каменное русло шириной не более ста-ста пятидесяти метров. Её течение увеличилось настолько, что идти на вёслах стало невозможно. Несмотря на исключительную прозрачность воды, дна не было видно, так что глубина реки наверняка была тут очень большой. По берегам стояли известняковые скалы до двадцати метров высотой, а над ними – мощная тайга с буреломом и такие заросли кустарника, что о том, чтобы пройти верхом, переноса на руках канобе и своё имущество в рюкзаках, нечего было и думать. Бечевника тоже почти не было. Каменные, отполированные льдом скользкие склоны косо

уходили в толщу воды. Мощные пласты известняка далеко вдавались в реку, образуя мысы, около которых возникало особенно быстрое течение

– Как же можно одолеть такой участок?! – хотелось крикнуть безжалостной реке.

– А вот как хотите, так и преодолевайте, – наверное, ответила бы она, если бы захотела ответить.

Шли очень медленно. Едва ли не каждую сотню метров брали с бою. На четвереньках карабкались по берегам, руками, ногами и чуть ли не зубами цепляясь за малейшие выступы скал, корни деревьев и кусты. Скользили и падали на гладких камнях, срывались в воду, но бечеву из рук не выпускали. Местами, там, где пороговый перебор на мысах был особенно велик, перебирались на другую сторону реки, куда корга не доходила, и течение было хоть немного послабее. С превеликим трудом за день удавалось пройти всего три, от силы четыре километра. Как ни берегли путники свои канобе, травм и повреждений те не избежали. Более всего страдала на острых камнях их брезентовая обшивка. Каркасы же лодок, слава богу, оставались целы, поскольку сделаны они были из крепчайшего бука. За неделю каторжного труда героические путники прошли всего двадцать шесть километров.

Но всему приходит конец, и проклятые известняки закончились, сменившись мягкими породами. Русло реки сразу же расширилось, а течение стало намного спокойнее. Путники с удовольствием вновь сели в свои лодки и замахали вёслами. Вскоре они миновали устье небольшой безымянной речушки, впадавшей в Хантайку справа. На своей карте топографы назвали её Скалистой, поскольку, в пределах видимости, текла она в обнажениях известняка. Впрочем, этот «курорт» длился недолго: километра через три русло Хантайки опять начало сужаться, и послышался грозный шум второго великого порога. «Бурлаки» Урванцева от рыбаков Хантайки уже знали, что всего этих порогов будет пять, и самый грозный из них четвёртый. (Значит, кто-то до них проходил этим смертельно опасным водным путём, интересно, кто был этот отчаянный смельчак?)

И вот второй великий хантайский порог предстал перед ними во всей своей красе. Тут пришлось сделать большую остановку. Во-первых, для того, чтобы внимательно осмотреть его и придумать, как преодолеть грозное препятствие. Во-вторых, для того, чтобы сделать очередную астрономическую привязку – здесь, на этой сумасшедшей реке, приходилось гораздо чаще определять опорные пункты. И уж, по крайней мере, делать это во всех её «ключевых» местах. И в-третьих, для того, чтобы собраться с силами для нового серьёзного подвига.

Второй порог возник в месте пересечения рекой мощной толщи очень твёрдых известняков, залегающих довольно круто. Самые крупные пласты этой толщи образовали непроходимые и довольно стремительные перекиды. Этот порог не был таким крутым и высоким, как первый, но зато он был самым длинным из всех порогов Хантайки – растянулся на целых четыре километра. Решили лодки тут на руках не переносить, а разгрузить их и провести бечевой по воде порожняком вдоль правого берега реки, где течение было немного тише. А груз в несколько приёмов перенести потом в рюкзаках. Порожняком лодки хоть как-то провести удавалось, хотя в некоторых местах их всё-таки пришлось переносить на руках.

Эта операция оказалась очень долгой и изнурительной. Она продолжалась около трёх суток. Погода стояла жаркая и абсолютно безветренная, так что путников замучили маленькие «вампиры». Работать приходилось в накомарниках и толстых куртках. Особенно досаждали оводы (пауты), которых тут было великое множество: на спинах и рукавах они висели огромными гроздьями.

На четвёртый день путники оказались по другую сторону порога и после этой каторги решили устроить себе день отдыха: отоспались, отъелись, наловили впрок хариусов. А потом поплыли дальше, втайне мечтая, чтобы таких длинных порогов больше не было. Дальше, до самого третьего порога, шли, в основном на вёслах или, изредка, бечевой. Правда, несколько раз, когда встречались по пути каменные корги

с особенно сильным течением, канобе приходилось обходить бечевой втроём, а на особенно опасных участках – разгружать и переносить вручную и груз, и сами посудины. Впрочем, эта работа стала уже обычной, обиходной, и все к ней привыкли.

А ещё через три дня погода вдрызг испортилась, и пошли проливные дожди. На ночёвку путники каждый вечер приходили насквозь мокрыми. Впрочем, сухостоя по берегам было много, так что развести большой костёр и просушиться возле него особого труда не составляло. За последующие пять дней исследователи прошли тридцать пять километров и были вполне довольны как скоростью передвижения, так и практически полным отсутствием на реке непроходимых мест.

А потом пришла очередь следующего, третьего порога, который, к счастью, оказался довольно коротким, всего метров в триста. Он возник на пересечении рекой небольшого диабазового пласта мощностью около пятнадцати метров. Однако пройти его по воде оказалось невозможно. Берега Хантайки в этом месте были высокими, отвесно уходящими в бурлящую воду, бечевник полностью отсутствовал. Пришлось канобе разгрузить, а их груз перетаскивать в рюкзаках по высокому берегу. Следом за этим на руках перетаскивали и сами лодки. После этого геологи проплыли по относительно спокойной воде ещё пару километров, встретив по пути ещё одну безымянную речку, впадавшую в Хантайку, и нарекли её Подпорожной.

Однако вскоре течение реки в очередной раз стало усиливаться, и путники подплыли к знаменитому четвёртому порогу, о котором, от восторга и ужаса округлив глаза, им рассказывали бывалые рыбаки. Осмотр знаменитого порога произвёл на путешественников сильное впечатление. Действительно, это был самый грандиозный порог, встреченный ими на Хантайке. Река здесь наискось прорезала более, чем стометровое пластообразное диабазовое тело, пропилив в нём узкое ущелье шириной в сто-сто пятьдесят метров. Тут отвесные скальные берега реки двадцатиметровыми обрывами опускались прямо в воду, которая, ревя и пенясь, бешено мчалась между плоскими каменными щитами. Благодаря

косому по отношению к течению реки положению диабазового тела, ущелье образовало здесь крутой коленообразный поворот в форме латинской буквы «S». Хантайка в начале этого колена всей мощью своего течения набегала на выступающий волноломом каменный мыс левого берега, огибала его, направляясь к мысу правого берега, а затем вновь мчалась на скалы левого берега. В средней части этого колена была большая водная впадина, где в вихре крутящихся струй возникали и гасли гигантские воронки, такие же, какие в начале плавания видели путешественники возле первого порога Хантайки. Но там они появлялись по краям водослива, а тут зарождались на всём пространстве русла от мыса до мыса. Крутясь и сталкиваясь в хаотическом беспорядке, воронки смыкались, поглощая друг друга в одном месте, и тут же возникали в другом. Жутко и обворожительно интересно было наблюдать за этим адским процессом с высоты крутого берега. Казалось, что ничто живое не сможет выбраться из такого жуткого водоворота. Николай Корешков вырубил высокую, толстую, сучковатую лесину и сбросил её в самый центр водоворота. Она в ревущей и кипящей воде вскоре встала во весь рост вертикально, исчезла в пучине, а затем вынырнула далеко за порогом уже без сучьев и с обломанной вершиной. И всё-таки в этой сумасшедшей круговерти воды стояли и ходили, то поднимаясь вверх, то опускаясь в глубину, таймени, огромные, как брёвна. Таких гигантов геологи ещё не видывали – это были уже не «крокодилы», а скорее, небольшие «киты», которые в этом ужасном водовороте чувствовали себя совершенно свободно. Впрочем, пытаться добыть даже самого мелкого из них без специальной рыболовной техники, даже нечего было и думать – такой подвиг был бы сродни самоубийству.

Отыскав возле порога удобное место, путешественники стали лагерем и на другой день утром отправились в разведку по верху, в обход порога, чтобы узнать, какой дорогой идти дальше. К счастью, путь поверху оказался недлинным – всего около километра – и довольно простым. Лес был редким, кустарника совсем мало, путники поняли, что перетаскивать

поверху лодки и затем груз в рюкзаках будет нетрудно. Кроме того, почти сразу за пределами порога диабазовые скалы сменились известняками. Течение реки было, хотя и достаточно сильным, но передвигаться по воде было всё-таки можно. Практически везде был неплохой бечевник и совсем не было ужасных корог, столь памятных путешественникам по второму порогу.

Вскоре, всего через пять километров, перед геологами предстал пятый порог. Если верить знатокам здешних мест, он последний на реке Хантайке. От её устья отряд прошёл уже сто пятьдесят километров, а озера Кутармо, из которого она вытекает, пока не было видно. И даже не было в помине никаких его отдалённых признаков. Пятый порог растянулся километра на полтора, но зато он не был таким устрашающе мощным, как четвёртый или первый. Это был скорее трудно преодолимый пережат из довольно крупных известняковых валунов. Тем не менее, речные путники поняли, что пройти водой с гружёными лодками его всё равно не удастся и надо готовить к переносу по берегу экспедиционное снаряжение. А для этого придётся вновь стать лагерем.

Перед пятым порогом пришлось проторчать двое суток. Пока Урванцев с Виктором Корешковым обследовали окружающую местность, Николай Корешков готовил лодки, а также всё имущество отряда к завершающей части продвижения вверх по Хантайке. Он просушил у большого костра всю промокшую одежду, спальный мешок и палатку; сделал полную ревизию продовольствию; наложил заплаты на подозрительные и протёртые места у всех канобе.

А «разведчики» обнаружили за порогом задернованные, поросшие густым кустарником берега. Течение тут, за порогом, было слабым, и вдоль реки тянулся вполне приличный бечевник. Однако, как далеко простиралась эта благодать, было неизвестно. Попробовали влезть на деревья для того, чтобы рассмотреть, что там дальше вверх по течению, но толком ничего не увидели. Стояла пасмурная погода, и в воздухе висела водяная пыль, которая значительно снижала видимость. Так что в лагерь «разведчики» вернулись, в сущности,

ни с чем. Тем не менее, завтра с утра решили трогаться в путь дальше. А пока перед сном зафиксировать у окончания этого порога астрономический пункт.

На следующий день вновь выглянуло солнце, и повеселевшие путники стали в рюкзаках перетаскивать по берегу своё имущество к началу недоразвитого, пятого порога. Это оказалось не так-то просто и потребовало много времени и сил. К середине ночи по воде бечевой привели туда же и порожние лодки. А к обеду следующего дня отправились в дальнейший путь.

Дальше путники двигались в уже гораздо менее трудных условиях. Шли только водой, и серьёзных скалистых выходов не было совершенно. Ширина реки непрерывно менялась: то увеличивалась до полукилометра в низких берегах, то опять сужалась до ста-ста пятидесяти метров – в высоких. В таких местах течение усиливалось, так что приходилось с вёсел переходить на бечеву, а потом с бечевы – опять на вёсла.

Через пять километров река расширилась довольно сильно, появилось много песчано-галечных островков, заросших кустарником. В этом лабиринте проток путешественники проплутали довольно долго, пока не выбрались, наконец, на открытый плёс, где река делала крутой поворот к югу. Всё это время они шли на вёслах, поскольку течение тут было совсем слабым. Через два часа река сделала ещё один поворот, на этот раз на северо-восток, значительно расширилась и за очередным островом, заросшим высоким кустарником, путникам открылось большое водное пространство, противоположный берег которого был едва виден. Течения воды не стало никакого, очевидно, что это было озеро. Но какое? На Кутармо, вроде бы, оно не похоже. То озеро, по рассказам бывалых людей, лежит в горной долине, в скальных берегах, а это расположено на низменности. Правда, на востоке, километрах в двух, возвышается какой-то невысокий остров, но откуда он там взялся, Бог весть. Путники решили плыть туда, стать там лагерем и как следует осмотреться вокруг. Вновь открытое озеро они решили исследовать, дать ему имя и заодно установить на нём астрономический пункт.

Предполагаемый остров на самом деле оказался полуостровом. Его высокая каменистая часть круглой шапкой венчала большую сопку, которая плавной линией переходила в песчаную отмель, соединённую с коренным берегом. На этой отмели сидели тысячи линных гусей. Увидев людей, они подняли невообразимый гам и, шумно хлопая кургузыми крыльями, кинулись наутёк, давя друг друга, в воду озера. Николай Корешков успел сделать два выстрела из дробового ружья прежде, чем они совершенно исчезли из вида, и, подняв из мелкой воды три гусиных тушки, сказал свою знаменитую фразу:

– Ну вот, по штуке на брата.

Здесь, неподалёку от своего нового лагеря, они впервые за всё путешествие вверх по Хантайке нашли следы пребывания человека. На двух стоящих рядом листовенницах с отрубленными на высоте трёх метров вершинами был сделан настил из жердей и на нём сооружён шалашик из еловой коры. В стороне неподалёку стояла лесенка – толстая жердь с зарубками в виде ступеней. Такие лабазы обычно ставят охотники в летнее время для хранения припасов и охотничьего снаряжения. В этом лабазе хранилась связка рыболовных сетей и немного юколы из сушёной щуки, видимо, на корм собакам. Люди в здешних местах питаются другой, более вкусной и благородной рыбой.

На другой день с утра Урванцев с Виктором отправились на порожном канобе в объезд озера на поиски продолжения реки Хантайки. Стоял тёплый и тихий день, обещавший сделать эту поездку лёгкой и приятной. Выехав на середину озера, они увидели вдали, на востоке, за озером, высокие горные склоны. В бинокль были хорошо видны их скалистые обрывы, изрезанные сумрачными ущельями. Одна полоса гор уходила влево, на север, в сторону Норильска; другая – вправо, на юг, в сторону Курейки. А посередине, прямо против них, разделяя эти склоны ровно пополам, темнела большая и глубокая долина. В ней, видимо, и была конечная цель их путешествия – озеро Кутармо, откуда вытекала неприступная река Хантайка.

Геологическая и топографическая съёмки этого, предварительного озера, где сейчас находились исследователи, продолжались два полных дня. Они решили назвать его Малым Хантайским, поскольку прежде оно было безымянным. Это озеро оказалось таким мелководным, что во многих местах на канобе трудно было даже пристать к заболоченному берегу, и изобиловало песчаными отмелями, а также крошечными каменистыми островками. Съёмки заняли два полных дня, и всё же, полностью объехать и нанести на карту все заливы и глухие бухты тут не удалось, поскольку берега были сильно изрезаны и густо заросли лесом и кустарником. Никаких следов присутствия человека здесь более обнаружить не удалось. Зато вокруг всё пространство было заполнено множеством всяческих птиц, притом совершенно непуганых. Если плыть медленно, чуть шевеля вёслами, до некоторых молодых гусей и уток можно было дотянуться веслом.

Среди уток более всего было чернети, но встречались также и гоголи, кряквы, чирки, а среди гусей преобладали краснозобые, белощёкие и малые казарки. А вот гусей гуменников не было вовсе. Они предпочитают гнездиться севернее. В глухих заводях встречались лебеди, все парами с одним или двумя ещё не лётными, но уже оперившимися птенцами. Держались они осторожно и близко подплыть к себе не позволяли. Все каменистые островки были заняты колониями чаек. При приближении людей они с шумом и гамом поднимались в воздух и начинали бесстрашно пикировать на кажущегося неприятеля. Особенно смело вели себя крачки, отважно налетая на головы гигантских (в сравнении с ними, разумеется) врагов, норовя клюнуть в затылок или в глаз. Успокаивались они лишь тогда, когда эти кажущиеся неприятели отъезжали прочь от их гнездовий.

К этому времени на смену полярному дню уже спешила полярная ночь, и часам к шести вечера становилось довольно темно и холодно. Дул холодный ветер, поднимавший на озере крутую волну, но канобе исследователей на воде держались отлично. Плыть на них даже в такую погоду можно было не только спокойно, но даже комфортно. Поэтому с объезда

Малого Хантайского озера исследователи возвратились глубокой ночью, проплыв за этот последний день около сорока километров. Николай, ожидая своих товарищей и немного беспокоясь за них, развёл на мысе большой костёр, который по приезде не только согрел их, существенно промёрзших, но и послужил отличным маяком.

В этот последний день разведчики по дороге к лагерю обнаружили в глубине залива, в северо-восточной части озера, протоку с небольшим течением. Это вполне могла быть небольшая речка, связывавшая два озера. На другой день, как только рассвело, они свернули лагерь и отправились туда, проплыли подальше вглубь и вскоре, действительно, увидели широкое русло с галечным дном, которое, по мере его прохождения, стало заметно расширяться. Течение, почти незаметное вначале, стало постепенно усиливаться, хотя никаких каменных гряд вокруг не было. Вскоре оно стало таким сильным, что путникам опять пришлось взяться за бечеву, к счастью, ненадолго. Затем протока сделала неожиданный поворот, а потом опять сильно расширилась, превратившись в огромный пятикилометровый песчаный плёс. Судя по всему, это и было преддверием к большому озеру Кутармо⁶³, долгожданной конечной цели их путешествия. Это озеро открылось перед путешественниками во всей своей необъятной и первозданной красе. Замыкаясь в амфитеатре гор, оно уходило вглубь гигантской горной долины, теряясь в тёмно-синей дали. День был солнечным, и тёмная синева далёких гор в сочетании с ярким изумрудным цветом чистейшей воды горного озера создавали живописную картину такой силы и прелести, что отвести от неё глаз было невозможно.

У истока великой реки Хантайки путешественники стали лагерем. Гор там ещё не было – они подходили к берегам реки только через десять-пятнадцать километров. А тут у ног путников лежал низменный галечный берег, и вокруг простиралась бесконечная кочковатая тундра. Ширина озера здесь

⁶³ Теперь на всех географических картах это озеро называется Хантайским.

Н. Н. Урванцев в истоке из озера Кутармо (ныне озера Хантайского) реки Хантайки при достижении основной цели экспедиции

была около двадцати километров, дальше к горам оно, видимо, сужалось. А длина его была, скорее всего, километров сто. На другой день, произведя топографическую съёмку и определив координаты очередного, пятого по счёту астрономического пункта, геологи решили, сделав всего только один разведочный маршрут к ближним горам, отправиться в обратный путь. Конечно, было бы очень заманчиво хорошо обследовать всё озеро. Ведь никто из серьёзных исследователей на его берегах ещё не бывал.

Но наступила уже вторая половина августа, а им ещё предстоял нелёгкий обратный путь вниз по этой серьёзной реке через трудные хантайские пороги. Кроме того, кое-где для уточнения надо будет провести и дополнительную съёмку самой Хантайки, заглянуть хотя бы в некоторые её боковые притоки и просмотреть пропущенные выходы горных пород.

В обратный путь путешественники отправились 20 августа. До пятого порога по реке они спустились довольно быстро, всего за пять часов. Тогда как вверх по течению поднимались более суток. Хотя по сравнению с другими большими хантайскими порогами пятый был самым простым, плыть по нему на лодках дальше путешественники не решились. Они ненадолго остановились и вышли на берег для того, чтобы оценить изменившуюся обстановку. Действительно, воды в реке поубавилось, течение стало слабее, особенно под левым берегом, где гряды известняка сидят глубже в воде. Решили сплавляться в основной струе реки, но не всем вместе, а поодиночке, каждый раз ожидая результата и будучи готовыми в случае необходимости в любой момент прийти на помощь товарищу.

Первым в кипящую воду отправился сам Урванцев. Он прочно уселся в лодке, плотно обвязался фартуком, на всякий случай прикрепил к правому борту острый нож и толкнул лодку в основную струю, которая мгновенно подхватила свою «добычу» и со страшной скоростью понесла её вниз. Надо было изо всех сил держать канобе точно в середине струи, поперёк бушующих валов, не обращая внимания на то, что бешеная вода перехлёстывает через нос лодки, обдавая седока то справа, то слева с ног до головы. Главное, нельзя было позволить лодке лечь на борт. Через несколько минут такого купания, сопряжённого с непрерывной тяжкой работой вёслами, лодка Урванцева оказалось на относительно тихой воде. Он подвёл её к берегу, вылез на высокий плоский камень и махнул рукой братьям Корешковым: «Давайте!» За Урванцевым этот опасный маневр проделал вначале Виктор, а за ним и его брат Николай. Так что все справились с нелёгкой задачей благополучно. Но главное, все канобе нисколько не пострадали, не получив никакого повреждения. Это удачное преодоление водного препятствия, несмотря на его некоторую авантюренность, придало путешественниками ещё большую уверенность в своих силах и в надёжности их канобе, которые держались на воде удивительно устойчиво и были легки, как чайки на речной глади.

От пятого до четвёртого порога был всего один километр пути по относительно спокойной воде. Однако ужасный четвёртый был всё так же могуч, грозен и непреодолим. Всё так же возникали, крутились и сталкивались в нём страшные воронки и вихри водоворотов, а река, стиснутая в ужасной каменной трубе, мчалась от одного берега к другому со страшной скоростью. Совершенно невозможно было ни миновать эти скалы, ни увернуться от них. Сплавляться здесь и думать было нечего. Этот трюк тут вряд ли кому-нибудь по плечу. Делать нечего, придётся лодки и всё имущества перетаскивать вручную поверху так же, как они делали это, проходя вверх по течению реки. Правда, дорога тут лёгкая, удобная и даже приятная. А главное, теперь хорошо знакомая. И поскольку время путников поджимает, – до холодов осталось не более двух недель – они решили, что груз и лодки будут перетаскивать только братья Корешковы, а Урванцев в одиночку отправится в маршрут на весь световой день вверх по речке Подпорожной⁶⁴.

Груз и байдарки братья переносили около суток, закончив эту работу уже глубокой ночью, в темноте. К этому времени вернулся из маршрута и Урванцев. Быстро поужинав, все сразу же легли спать и уже через пять часов снова отправились в путь. Течение за порогом оказалось хотя и довольно сильным, но приемлемым, если плыть осмотрительно и осторожно.

На другой день к вечеру подошли к третьему порогу. Он был хотя и небольшим, всего с полкилометра, но довольно бурным и несся в отвесных каменных берегах. Однако русло реки тут было прямое, без водоворотов и опасных воронок. Решили попробовать пройти этот, третий порог водой, но, разумеется, поодиночке, так же, как и пятый. Впрочем, всё это – дело следующего дня. Несмотря на острый дефицит времени, идти по нему в темноте было бы, конечно, полным безрассудством. Поэтому поставили лагерь, из последнего гуся сварили хороший ужин и затем хорошенько выспались.

⁶⁴ Теперь на географических картах она именуется Могокто.

С утра начали сплав по третьему порогу. Первым в опасный путь, разумеется, отправился сам Урванцев. Его канобе проскочило порог стрелой, буквально в считанные минуты, то взлетая на гребни валов, то целиком погружаясь в воду. На небольшой пологий плёс он вылез невредимый, хотя и совершенно мокрый, но внутрь лодки, под фартук, воды не попало ни капли, то есть груз совершенно не пострадал. Далее пришла очередь Виктора. Урванцев, несмотря на довольно холодный ветер, поднялся на невысокую гору, чтобы наблюдать оттуда за этим страшным аттракционом. Зрелище это, действительно, показалось ему весьма жутким, и наблюдать его сверху было намного страшнее, чем участвовать в нём самому. Урванцев увидел, как белая канобе стрелой мчится в пенистой толчее водяных валов, то взлетая на их гребень, то совершенно исчезая вместе с седоком в страшной пучине. Кажется, что всё, конец, пловец погиб, но через мгновение лодка вновь оказывается на вершине водяной горы и вновь, как ни в чём не бывало, летит стрелой, чтобы вскоре вновь исчезнуть в волнах. Однако, несмотря на эти страхи, третий порог удалось благополучно преодолеть всем, и весь груз довести в полной сохранности.

Дальше пошёл довольно длинный участок реки среди нагромождения известняковых скал, корг и каменистых переборов. При движении вверх путники затратили на его преодоление пять дней пути, идя то на вёслах, то бечевой. А сейчас они спокойно плыли вниз по течению, помогая себе вёслами лишь для того, чтобы объехать препятствие или пристать к берегу для осмотра геологических обнажений.

Далее пришла очередь второго порога. Он бушевал не так сильно, как третий, но в его русле было всё-таки достаточно серьёзных каменных переборов, хотя особенно страшных водоворотов гребцы не заметили, а под левым берегом вообще было почти спокойно. Однако гребцы, на всякий случай, решили сплавиться даже там, как прежде, по очереди, один за другим.

После этого порога путешественники проплыли на своих лодках ещё два километра по спокойной воде и разбились ла-

герь возле устья реки Скалистой⁶⁵, слева впадавшей в Хантайку. Они сделали эту остановку, чтобы на другой день с утра отправиться на эту реку для того, чтобы осмотреть её, а заодно и коренной северный борт всей Хантайской долины, который в виде огромного уступа высотой примерно в пятьсот метров, был отчётливо виден на северо-западе. В маршрут пешком отправились Урванцев с Виктором Корешковым, а Николай Корешков один остался в лагере. Он должен был тщательно проинспектировать и, в случае необходимости, отремонтировать все лодки, наложив заплатки на подозрительные места. А, кроме того, постараться наловить побольше хариусов, чтобы их хватило до конца обратной дороги, поскольку провиант путешественников уже подходил к концу.

Сделав свою работу, геологи поднялись на вершину полукилометрового уступа и оттуда в бинокль увидели далеко в горах вьющийся дымок. Это означало, что там есть живые люди, которых они не встречали уже более двух месяцев. Интересно, кто они и что там делают? Скорее всего, это, наверное, нганасаны со стадами своих оленей или, может быть, долганы-рыбаки, промышляющие ставными сетями. Впрочем, об этом можно было только гадать: на встречу с ними у геологов с Хантайки не было ни сил, ни времени, ни острой необходимости. Сварив на костерке, сооружённом из мха, карликовой берёзы и ивы, чай в котелке, они наскоро перекусили захваченной с собой в маршрут последней банкой оленьей тушёнки и отправились в обратный путь. В лагерь геологи вернулись уже поздно ночью, голодные, усталые, промёрзшие и к тому же разочарованные скудностью геологического материала. За день они прошагали пешком более пятидесяти километров, большей частью по болотистой тундре, а кто ходил по ней, знает, что это такое.

Утром, свернув лагерь, гребцы уложили своё имущество в лодки, и всем отрядом поплыли дальше к устью реки Кулюмбе, исследовать которую пообещали себе на обратном пути, двигаясь вверх по течению Хантайки. До устья Кулюм-

⁶⁵ На нынешних картах – Туколанде.

бе было около пятидесяти километров трудного, порожистого пути через мелкие корги, каменные гряды, валуны, шиверы вдоль скалистых берегов без каких-либо признаков бечевника. В прошлый раз, продвигаясь вверх по течению Хантайки, они затратили на этот путь более двух недель, продвигаясь по три-четыре километра в день. Сейчас, по дороге вниз, для этого им понадобилось всего два дня, несмотря на частые остановки, которые приходилось делать, для осмотра обнажений и проведения дополнительных исследований берегов. А без остановок весь этот участок можно было бы пройти и за шесть-восемь часов.

Ширина Кулюмбе в устье составляла метров сто-сто пятьдесят, под стать самой Хантайке, но была она тут намного мельче, всего метра полтора-два, не больше. Характер этой реки был совершенно иным, поскольку Хантайка прорезала коренные породы «в крест простирания» и потому, встречая особо крепкие пласты, образовывала высокие, иногда непроходимые пороги. Здесь же течение шло вдоль простирания, поэтому пороги, если и были, то незначительные. Вначале геологи просто шли на вёслах, прижимаясь к тому берегу, у которого течение было тише. Однако через какое-то время тут случилась другая напасть: маловодье с перекатами и быстрым течением. Река Колюмбе разливалась широко, но глубин более полуметра не было совсем. Путникам приходилось брести по колено в воде и тянуть свои канобе бечевой.

После первого серьёзного переката обнаружили, что днища лодок на камнях протёрлись в нескольких местах. Пришлось становиться лагерем и заниматься ремонтными работами, пройдя от устья всего восемь километров. А утром следующего дня хлынул проливной дождь, который, не переставая, лил весь день, всю ночь и только к полудню остановился. Впрочем, этого следовало ожидать – шёл сентябрь месяц, поздняя осень для здешних мест. Решили плыть (или брести) вверх по Кулюмбе дальше. Только что пройденный перекат сменился довольно глубоким плёсом, однако, приятной речной прогулкой гребцы наслаждались недолго: вскоре последовал новый перекат да ещё и с переборами известня-

ковых гребней, лишь слегка прикрытых водою. Здесь гружённые канобе приходилось вести особенно осторожно. Вскоре река разбилась на ряд рукавов, разделённых продолговатыми низменными галечными островами. Общая ширина русла увеличилась здесь до километра с гаком. Приходилось долго бродить, отыскивая более или менее проходимые протоки.

Утром следующего дня Урванцев перетащил порожнее канобе берегом выше большого переката и в одиночку отправился на нём для геологического осмотра берегов и русла реки. А братья Корешковы остались в лагере готовить снаряжение и лодки для обратного пути вниз по Кулюмбе и затем по Хантайке, когда начальник вернётся обратно.

Спустившись вниз до грозного первого порога на Хантайке, путешественники решили ещё раз хорошенько осмотреться. На другой день, прежде, чем принять решение, они прошли поверху вдоль всего этого порога, как с правого берега, так и с левого. Вода в Хантайке значительно спала, обнажились те грозные камни, вокруг которых, бешено крутясь, мчались воды в весеннее и летнее половодье. При входе в порог, под правым берегом реки теперь был виден мощный водоворот, а дальше, посередине – очень быстрое, но ровное течение. Крупных же камней там не было вовсе. Стиснутая скальными берегами, река текла здесь ровным широким, хотя и стремительным каскадом в тихий плёс подпорожья. Если строго держаться главной струи в русле, то без особенного риска для жизни легко попасть в среднюю часть каскада и спуститься на плёс, не задев за скалы, по створу шириной метров в двадцать пять. Спуск следовало начать ниже водоворота у самого входа в порог. Опыт прохождения подобных порогов они уже имели, правда, этот порог был много выше и грознее. И, тем не менее, решили рискнуть. Первым, разумеется, в порог опять ринулся сам Урванцев, следом за ним по одиночке – братья Корешковы. Все они стремительно летели вниз, строго держась основной струи в средней части русла, и течение точно вынесло каждого в середину водослива. Несмотря на то, что при этом огромный вал стремительной воды непременно накрывал каждого с головой, все члены экспеди-

ции были счастливы, участвуя в этом далеко не безопасном приключении.

Уже причалив к берегу, Урванцев понял, что, оказывается, не для всех этот головокружительный спуск закончился благополучно. Дело в том, что он сам сидел теперь на своём месте в канобе по пояс в воде. Оказалось, что брюхо его верной лодки было полностью распорото, и разрез составлял около полуметра. Ясно, что залатать такую прореху в полевых условиях невозможно. Очевидно, в этом водном полёте его лодку по брезентовому днищу чиркнул какой-то острый, как бритва, камень, скрывавшийся у поверхности воды.

Однако теперь они прибыли к тому самому месту, где по дороге вверх по течению Хантайки оставили свою шлюпку с мотором, горючее к нему, а также часть своего имущества и провизии. То есть теперь они без одного своего канобе (и даже без двух или всех трёх) вполне могут обойтись. Эта оставленная шлюпка и всё их прочее имущество оказались в полной сохранности. Никто не позарился на добро Урванцева и его товарищей: ни люди, ни звери, ни птицы.

Вот теперь путешественникам можно было по-настоящему перевести дух. Ни порогов, ни перекатов до устья Хантайки у них больше не будет. Впрочем, не будет их и до самой Дудинки. Теперь неприятностей можно ждать лишь от погоды, но пока она путников балует: на небе ни облачка, дует лёгкий и приятный попутный ветерок, никакого гнуса нет и в помине. Идти можно хоть на вёслах, хоть под парусом, хоть на моторе. Решили мотор с шлюпки пока снять: горючего осталось совсем мало и его надо на всякий случай приберечь. Ведь случись что, взять его тут будет неоткуда.

Первым делом путешественники обустроили себе лагерь, в котором решили соорудить даже баню. Из брезента и шестов соорудили чум; в заначке, оставленной возле первого порога, нашли два ведра, в которых согрели воды и по очереди с удовольствием вымылись с ног до головы в первый раз за два месяца. Запасливый Виктор Корешков заранее припас для этой цели кусок туалетного мыла и большую лохматую мочалку.

– Я об этом удовольствии едва ли не каждый день в поле мечтал, – зажмурив глаза от удовольствия, мурлыкал он, пока брат старательно тёр ему спину.

Но оказалось, что здесь, у подножия первого порога, Виктора ждали и другие житейские радости. Среди оставленного тут имущества, нашлись практически новые сапоги его размера, и он, наконец, смог переменить свою разбитую вдрызг обувь, из-за которой давно уже натёр себе кровавые мозоли.

Проблаженствовав таким образом почти двое суток, геологи вновь отправились в дорогу. Теперь братья Корешковы плыли на вёсельной шлюпке под парусом, а Урванцев – на пустом канобе Виктора. Ему приходилось время от времени делать замеры и описания пропущенных ранее геологических обнажений. Впрочем, и сам Виктор тоже сделал одну контрольную топографическую съёмку.

По сравнению с их плаванием вверх по течению Хантайки, это была не работа, а суший курорт. Погода стояла великолепная; воды в реке было немного, но вполне достаточно для комфортного плавания; прекрасной рыбы – сколько угодно. И уже через четыре дня доблестные путешественники были на енисейском берегу, в устье Хантайки. Пропутешествовав два месяца с гаком, они прошли в общей сложности на вёслах, бечевой и пешком около семисот километров, а также преодолели пять сложнейших порогов. И теперь, после вычисления астрономических пунктов, можно было составить надёжную и достаточно точную карту всего района Хантайки от верховьев до самого устья, дать описание геологического строения её берегов и ближайших окрестностей. Другими словами, задачу, которая была перед ними поставлена, они с честью выполнили.

А напоследок фортуна преподнесла им неожиданный подарок. Пока они стояли в устье Хантайки, туда подошло обстановочное судно «Тобол», которое каждую весну ставит на Енисее маяки, бакены, вехи, обозначающие фарватер, а осенью снимает их. Разумеется, постановщики взяли к себе на борт попутчиков и вскоре все вместе уже были в Дудинке.

В конце сентября, перед самым ледоставом, на последнем пароходе, развозящем рыбаков с их уловом из Енисейского залива, без всяких приключений геологи добрались до Красноярска, а оттуда поездом отправились по домам: братья Корешковы – в Новосибирск, а Урванцев – в Ленинград. Там ему предстояло выполнить все отчёты по Хантайской экспедиции и произвести планирование дальнейших геологических работ по изучению недр Таймыра.

Карта архипелага Северная Земля

Часть II
**Архипелаг
Северная Земля**

Данная часть, посвящённая самому яркому и протяжённому во времени географическому подвигу Николая Николаевича Урванцева, требует особенного предупреждения для читателя. Речь в ней пойдёт об исследовании четвёркой полярников в течение более чем двух лет огромного архипелага⁶⁶ с помощью топографической съёмки, установки там астрономических точек привязки местности и описания геологического строения берегов, а также животного и растительного мира архипелага.

⁶⁶ Поначалу даже было неизвестно, что это: единый огромный остров или архипелаг, то есть совокупность многих островов, разделённых проливами. Поэтому на всякий случай назвали его Землёй Николая II (с 1926 года – Северной Землёй).

Глава 9

История с географией. Разработка идеи экспедиции

Вначале немного истории с географией пополам.

В 1910 году Военная гидрографическая экспедиция под командованием капитана второго ранга Б. А. Вилькицкого, базировавшаяся во Владивостоке, на военных ледокольных транспортах «Таймыр» и Вайгач» отправилась в длительное исследовательское плавание, намереваясь пройти от Владивостока до Архангельска за одну навигацию. Возле мыса Челюскин путь судам преградили совершенно непроходимые льды. Пытаясь обойти их, суда повернули на север, и через сутки лейтенант Н. И. Евгенов увидел берег огромного острова (или архипелага), не обозначенного на географических картах. К сожалению, туман, подвижки льдов, перерасход топлива и надвигающаяся полярная ночь не позволили точно описать открытый географический объект, и транспорты были вынуждены вернуться назад, во Владивосток, посетив только восточный и южный берега нового острова (или архипелага). Но восточный берег моряки всё-таки внимательно осмотрели, насколько позволили им льды и туман, а на южный берег даже высадились и установили там русский флаг.

В сентябре 1916 года Россия специальной нотой с приложением географической карты известила союзные и нейтральные державы о следующем: «Все арктические острова, включая остров генерала Вилькицкого, землю императора Николая II, остров цесаревича Алексея, остров Врангеля и другие, находящиеся у азиатского побережья России, составляют неотъемлемую часть российской территории и являются северным продолжением Сибирского материкового плоскогорья». Все арктические державы того времени без каких-либо оговорок с этим фактом согласились.

Однако впоследствии, в 1919 году, уже в Советской России была напечатана официальная географическая карта страны, на которой почему-то севернее полуострова Таймыр

*Военные ледокольные транспорты «Таймыр» и «Вайгач»
в паковых льдах пролива Вилькицкого возле побережья Северной Земли*

отсутствовали какие-либо острова Северного Ледовитого океана. По мнению тогдашних политиков это означало, что новая Советская республика отказывается от своих прав на эти исконно русские территории. Ушлые британцы не преминули воспользоваться этой оплошностью. Впрочем, вполне может быть, что это была вовсе и не оплошность, а преднамеренное коварство британцев или нежелание революционных ортодоксов РСФСР видеть на карте своей страны постылое им имя «кровавого Николая».

Словом, после публикации этой карты канадцы сразу же отправили на остров Врангеля экспедицию, которая в 1921 году подняла над ним британский флаг. А ещё через год премьер-министр Канады официально объявил его территорией Великобритании⁶⁷. Вскоре после этого на острове Врангеля появилась группа переселенцев из США с целью организации там морских промыслов. Рядом с британским флагом переселенцы подняли и американский флаг, давая, видимо, понять, что тоже претендуют на эту, якобы «бесхозную» территорию. Все попытки СССР вернуть себе захваченный остров с помощью дипломатических демаршей, успеха

⁶⁷ В ту пору Канада входила в состав Королевства Великобритания.

не имели. Тогда правительство нагло ограбленной Советской республики, к которой в ту пору никто из «великих держав» всерьёз не относился, решило спешно отправить к острову Врангеля ледокол «Красный Октябрь», на ходу переоборудованный в канонерскую лодку. Командование «Красного Октября» получило такое предписание: «При неизбежности столкновения с посторонними судами, как военными, так и гражданскими, и противодействия иностранцев, действовать в зависимости от фактического соотношения сил с обеих сторон вплоть до ареста судна и его экипажа. Если на острове окажется чужой флаг, его следует убрать, а мачту срубить».

Практически одновременно с «Красным Октябрём» к острову Врангеля был направлен с Аляски лёгкий американский крейсер «Беер», но едва войдя в ледовые поля Чукотского моря, он получил серьёзную поломку, в связи с чем свой поход вынужден был прекратить и вернуться восвояси. На смену ему готова была выйти американская китобойная шхуна «Герман», на которую, по сообщениям американских газет, возлагалась задача установления американского суверенитета над островом Врангеля, а заодно и над островом Геральд⁶⁸. На мысе Уэринга острова Врангеля моряки «Красного Октября», пришедшие туда первыми, как им и было приказано, флаги захватчиков спустили, а вместо них подняли флаг СССР. После этого американцы с китобойной шхуны высаживаться на остров Врангеля раздумали.

К этому можно только добавить, что вместе с военными моряками на остров Врангеля прибыл один из руководящих работников управления «Госторговли» на Дальнем востоке Георгий Алексеевич Ушаков, который был назначен первым официальным представителем Советской России по управлению и заселению островов Врангеля и Геральда. В этой должности он проработал три года и вполне успешно справился с поставленной перед ним нелёгкой задачей выдворения с этих островов американских граждан, незаконно поселив-

⁶⁸ Остров Геральд расположен в Чукотском море, в семидесяти километрах к востоку от острова Врангеля.

шихся там, и заселения этих, безусловно, российских земель, новыми поселенцами, гражданами РСФСР. В основном ими стали чукотские и алеутские семьи, искони промышлявшие морского зверя в прибрежных водах.

Что касается Николая Николаевича Урванцева, недавно вернувшегося в Ленинград из большой полярной экспедиции по исследованию северо-западной части Таймырского полуострова, то он тем временем приступил к обработке полевых материалов, привезённых с Таймыра. На дворе стоял ещё только январь 1930 года, а неугомонный геолог уже начал думать о своей следующей, ещё более грандиозной экспедиции по исследованию геологии и топографии Крайнего Севера. Он считал, что это должно быть изучение огромного острова (или, может быть даже, архипелага) Северная Земля, который к тому времени на всех географических и геологических картах представлялся огромным белым пятном. Урванцев всерьёз предполагал заняться этими исследованиями в 1932–1933 годах. Ему было известно, что ещё в 1923 году по инициативе Государственного географического общества в Ленинграде была организована Комиссия по выработке плана исследования Северной Земли (тогда ещё Земли Николая II). А в 1925 году в Полярную комиссию при Академии наук был даже представлен подробно разработанный проект всестороннего изучения Северной Земли. Однако недостаток средств и трудность снаряжения такой экспедиции в то время заставили отложить осуществление этого проекта на неопределённое время.

В феврале 1930 года в Москве при Совете Народных Комиссаров (СНК) создаётся специальная комиссия по координации работ, связанных с изучением Крайнего Севера СССР. На её первое, организационное заседание были вызваны не только сотрудники Института по изучению Севера, Плавучего морского института и Геологического комитета, но (персонально) и многие известные исследователи этого загадочного региона. В их числе был, конечно, и Николай Николаевич Урванцев. По воле счастливого случая, в одном купе скорого поезда Ленинград – Москва вместе с ним ока-

зался Георгий Алексеевич Ушаков, первый начальник и организатор полярной колонии на острове Врангеля, ехавший на заседание той же самой комиссии. Он недавно вернулся после трёхлетней зимовки на своём острове и работал теперь учёным секретарём Якутской комиссии Академии наук СССР. За краткое время работы в этой должности Ушаков успел не только придумать и разработать вполне реальный проект исследования Северной Земли уже в текущем, 1930 году, но и довести его до Центральной Арктической комиссии. Урванцев из своих источников уже знал об этом проекте, причём во многих подробностях. Разумеется, разговор сразу же зашёл об экспедиции на Северную Землю и шёл всю ночь до самого их приезда в Москву.

В этом разговоре выяснилось полное совпадение взглядов собеседников на все проблемы будущей экспедиции, а также на акции, меры и методы, с помощью которых их следует разрешать. Едва ли не с первой фразы они пришли к соглашению, что все их прочие заботы и работы должны быть отложены на будущее с тем, чтобы сейчас заниматься только делами, связанными с Северной Землёй. Они оба были уверены в том, что исследование этой загадочной земли именно сейчас является важнейшей задачей, ибо после полёта на воздушном шаре Умберто Нобиле, который так и не увидел Северной Земли, она стала такой же легендарной и призрачной, как земля Санникова или земля Джиллиса. Это дело их чести как полярных исследователей, и притом дело неотложное. Если не сделать этого сейчас, придут иностранцы и, не откладывая дела в долгий ящик, выполнят эту работу, которая уже в скором времени наверняка с лихвой окупится. Северная Земля, лежащая на пути будущих трансарктических воздушных и морских дорог, будет иметь огромное значение. Страна, изучившая её, несомненно, будет доказывать всему миру, что это её территория, хотя Северная Земля и лежит в пределах Советского арктического сектора. Так в своё время это случилось с островом Врангеля в Чукотском море, и забывать подобные уроки никак нельзя. Тем более, что сам Г. А. Ушаков в этом «географическом инциденте» принимал

непосредственное участие. При этом собеседники сразу же поделили свои будущие обязанности. Ушаков согласился быть начальником экспедиции, а также вести все метеорологические, ледовые и биологически наблюдения. Урванцев готов был взять на себя, в первую очередь, разумеется, геологические исследования, определение астрономических, а также магнитных пунктов, топографическую съёмку и общее руководство всеми научными работами.

Самым главным предметом в концепции исследования и описания Северной Земли была основная идея, придуманная Г. А. Ушаковым. На первый взгляд она казалась совершенно безумной, но при более внимательном рассмотрении в данном, конкретном случае оказалась единственно возможной. Ведь в ту пору о Северной Земле практически не было известно ничего. На более чем протяжённом её западном берегу, так же, как и на берегу северном, никто никогда не бывал. Каковы там подвижки льдов, роза ветров, конфигурация берега и животный мир, можно было только догадываться. Чем и как сложен этот гигантский остров (или, может, архипелаг) тоже неизвестно. При всём том, он настолько велик, что даже на его обход кольцевым маршрутом и самое простое описание понадобится не менее трёх лет непрерывной каторжной работы. Кто и как сможет её выполнить? Ведь полярной ночью в тундре ничего не видно даже на расстоянии вытянутой руки. А в летнюю распутицу передвигаться по тундре на собаках практически невозможно. Другого же транспорта в те времена там просто не существовало. До западного берега Северной Земли, в случае удачной ледовой обстановки, на мощном ледоколе дойти ещё можно. А что делать потом? Все три года ледокол сопровождать экспедицию не может. В то время такие суда в России можно было перечесать по пальцам одной руки. А, кроме того, где взять топлива для них на все эти три года? И многие, многие другие вопросы, решить которые было не только непросто, но, казалось бы, даже невозможно.

Выход был только один: построить на западном побережье Северной Земли деревянный дом и из него делать дли-

Карта Северной Земли по материалам Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1913 года

тельные «набеги» на собачьих упряжках в разные районы гигантского острова, а для этого предварительно поставить в ключевых (реперных) точках острова «продовольственные депо» для людей и собак. Собачьих упряжек должно быть, как минимум, три, а это не менее полусотни псов. Причём, всё это должны быть чистокровные, молодые и сильные ездовые псы, которых надо хорошо кормить мясом, иначе в таких условиях они просто не смогут работать. Дом следует поставить на самом берегу в том месте, куда прямо к ледяному

*Г. А. Ушаков – начальник экспедиции
по изучению Северной Земли*

*Н. Н. Урванцев – научный
руководитель экспедиции*

припаю сможет подойти ледокольный пароход. Вместе с домом надо будет соорудить также баню, склады (угольный, продовольственный и материальный), большой загон для собак и специальный павильончик для метеорологических и геомагнитных исследований. Все эти строения следует заранее построить в Архангельске, разобрать их там на составные части и пронумеровать, а потом с помощью бригады хороших плотников собрать максимум за пять-шесть дней уже на Северной Земле. Там же следует сложить две хороших печки, работающие на угле: одну в доме, другую в бане, прихватив с собой на судно для этой цели пару хороших печников. (Плотники и печники, разумеется, после этого на судне тут же возвратятся в Архангельск.)

Для прокорма огромной своры ездовых псов ежедневно понадобится не менее центнера мяса, добыть которое можно

будет только с помощью охоты на морских зайцев, нерп, моржей, но, главным образом, белых медведей, в то время ещё не занесённых в Международную Красную книгу. И эту охоту придётся вести почти непрерывно. Впрочем, такой маневр уже не раз производился полярными исследователями прежде. Достаточно вспомнить хотя бы поход Нансена с Иогансеном и их зимовку на северо-восточной оконечности Земли Франца-Иосифа. Опытные промышленники знали, что если при разделке ещё тёплой туши быстро отделить медвежье мясо от сала, оно не только годится в пищу людям, но даже довольно вкусно и, безусловно, питательно. Однако уже по прошествии нескольких часов медвежье сало даже на морозном воздухе, окисляясь, начинает превращаться в мерзкую ворвань и становится абсолютно несъедобным (по крайней мере, для людей).

Что касается конкретных маршрутов по изучению Северной земли, то пока их нельзя наметить даже вчерне, и руководству экспедиции придётся решать этот вопрос на месте.

Теперь относительно состава экспедиции. Он должен быть минимальным: три-четыре человека, максимум пять. Все участники – физически крепкие, абсолютно здоровые, коммуникабельные люди и, главное, высочайшие профессионалы в своём деле, по возможности, хорошо владеющие ещё и несколькими другими нужными в жизни умениями или профессиями. Очевидно, в первую очередь, нужен классный охотник-промысловик, имеющий богатый опыт жизни и работы на Крайнем Севере, виртуозный стрелок и погонщик собак. Кроме того, необходим также радист-коротковолновик, не только «слухач», лихо сыплющий «морзянкой», но и мастер, могущий устранить всякую радио-неисправность и починить всякий электрический прибор или аппарат. Ибо никакой другой связи с Большой Землёй, кроме радио, в течение трёх лет у зимовщиков не будет, и прийти на помощь в случае обнаружения неисправности будет некому.

Каков же будет основной план будущих работ? Главной целью их экспедиции должна стать подробная и тщательная съёмка всей Северной Земли с целью нанесения её на

географическую карту. На том месте, где в ту пору имелись лишь расплывчатые пятна, должны появиться чёткие, ясные, абсолютно достоверные контуры с астрономической привязкой. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо объехать всю Северную Землю, проделав несколько замкнутых круговых маршрутов с опорой на густую сеть астрономических пунктов. Как расположить эти маршруты, в какой последовательности проходить их, сколько их должно быть – об этом пока можно только гадать, поскольку западные и северные границы Северной Земли сейчас неизвестны даже приблизительно. Кроме того, неизвестно пока и место высадки, а также устройство жилой базы экспедиции. Желательно, чтобы это было на западном берегу острова, где-нибудь в центре, градусах в восьмидесяти северной широты. Но что получится на самом деле, зависит от многих обстоятельств, узнать о которых можно только на месте.

За обсуждением этих проблем будущего путешествия на Северную Землю прошла у Урванцева с Ушаковым не только вся ночь, но и вообще вся дорога. По прибытии в Москву их ждала потрясающая новость: проект Г. А. Ушакова, несмотря на всю его фантастичность, нашёл полную поддержку в тогдашнем правительстве страны – Совете Народных Комиссаров (СНК). Он был не только утверждён подавляющим большинством комиссаров, но даже вставлен в план работ Института по изучению севера на 1930 год. Для этого из резервного фонда СНК выделялось пятьдесят миллионов золотых рублей. Если честно сказать, это были не Бог весть какие деньги для такой грандиозной программы, но председатель Арктической комиссии, герой гражданской войны С. С. Каменев обещал, кроме того, поддержку доблестной Красной Армии оружием (винтовками), патронами, снаряжением, обмундированием и вообще всем, что в их силах. Очевидно, очень хотелось тогдашним вождям Советской республики как можно быстрее стереть ненавистное имя «Николая кровавого» с географических карт всего мира. Кроме военного имущества, экспедиции Ушакова на время её работы в Арктике передавалась также коротковолновая приёмо-передающая

радиостанция системы «Телефункен» мощностью в тридцать пять ватт и переносной агрегат питания к ней в две с половиной лошадиных силы. А также была обещана любая поддержка всех научных учреждений и организаций республики.

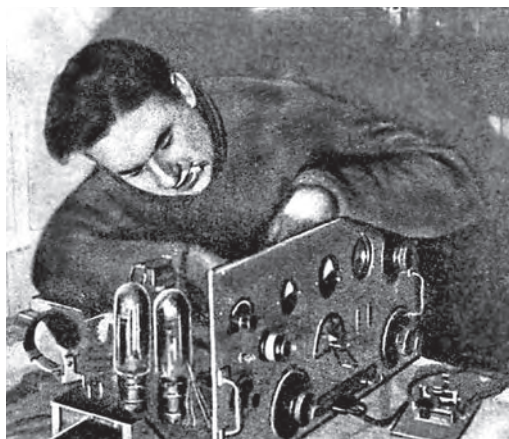
Очень кстати также именно в текущем, 1930 году, Институт по изучению Севера должен был произвести смену зимовщиков на полярной станции в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа (ЗФИ). Кроме смены зимовщиков, там предполагалось также построить новое специальное помещение для радиостанции и произвести дальнейшее исследование архипелага в той мере, в какой позволит ледовая обстановка. С этой целью из Архангельска на ЗФИ отправится ледокольный пароход «Георгий Седов», арендованный институтом у фирмы «Совторгфлот». Теперь, согласно постановлению СНК, «Георгий Седов», закончив свои работы на ЗФИ, должен будет пополниться углём и отправиться на восток, к западному берегу Северной Земли и, если позволит ледовая обстановка, выгрузить там исследовательскую команду Ушакова с её имуществом для трёхгодичной работы по изучению этого острова (либо, может быть, архипелага). Начальником и правительственным комиссаром такого большого и сложного похода был назначен профессор Отто Юльевич Шмидт. Впрочем, всё это будет потом, в середине июля, а пока нужно, засучив рукава, заниматься комплектованием экспедиции. Причём сразу в трёх городах: Москве, Ленинграде и Архангельске.

Глава 10

Кадровые проблемы. Сборы

Прежде всего, разумеется, требовалось полностью сформировать состав экспедиционной команды. Как ни странно, найти хорошего радиста оказалось совсем несложно. Радиолюбительство было едва ли не самым распространённым хобби у продвинутой молодёжи страны того времени. В секции коротковолновиков Ленинградского радиоклуба отряду зимовщиков предложили кандидатуру Василия Васильевича Ходова, её бывшего председателя. Это был молодой, лет двадцати, крепкий, молчаливый, серьёзный и безотказный парень. Радиодело он знал превосходно, прекрасно работал ключом, а в коротковолновой технике разбирался, как у себя дома. Забегая вперёд, скажу, что за всё время работы на Северной Земле у отряда никаких проблем со связью не было.

Сложнее обстояло дело с кандидатурой охотника и каюра (в одном лице). Урванцев с Ушаковым искали его как в самом Архангельске, так и среди промысловиков Новой Земли.

Радист В. В. Ходов

Желающих занять эту вакансию было довольно много, но сразу найти такого человека, который бы по всем статьям устраивал отряд (как это было с молодым радистом Васей), долго не получалось. Наконец, был выбран лучший претендент из тех, какие были. Им стал коренной зверобой-промысловик Сергей Прокофьевич Журавлёв, который двадцать пять лет провёл на Новой Земле. Ещё мальчишкой он поселился там с отцом – охотником, промышлявшим морского зверя и белого медведя. Журавлёв был метким стрелком, прекрасным каюром, отлично свеживал туши и, кроме того, отлично умел выделывать шкуры. Правда, по своей природе он был порядочным анархистом, то есть человеком, крайне своевольным, но этим грешат практически все охотники-промысловики, привыкшие самостоятельно принимать решения, проводя в одиночестве по многу месяцев. Так что с этим недостатком промысловика-охотника пришлось бы мириться во всяком случае.

*Охотник и каюр
С. П. Журавлев*

Пока решали эти кадровые проблемы, пришла ещё одна, откуда не ждали, и тоже кадровая. Геологический комитет при ВСНХ был преобразован в ряд научно-исследовательских геологических институтов. Н. Н. Урванцева, как известного специалиста по разведке полиметаллических руд на Таймыре, направили на работу в Институт цветных металлов, причём поручили ему высокую должность учёного секретаря, где он сразу зарекомендовал себя с наилучшей стороны, став незаменимым сотрудником. И как только Н. Н. Урванцев явился в свою дирекцию с заявлением о переводе его в состав Североземельской экспедиции сроком на три года, поднялся страшный скандал. Руководство института об этом и слышать не хотело. Над ним сразу же стали строжиться: его начали обвинять в саботаже важнейших народно-хозяйственных работ; во вредительстве и даже в подрыве обороноспособности страны. Урванцев отлично понимал, что в то время эти угрозы были отнюдь не пустыми, и ему нужно немед-

ленно принимать срочные меры по собственной защите. Он решил обратиться за помощью к профессору О. Ю. Шмидту, за которым маячила грозная тень героя гражданской войны С. С. Каменева. Тот сразу же всё понял, позвонил в самые высокие научно-партийные инстанции, и Н. Н. Урванцев в экспедицию по исследованию Северной Земли на три года со своей прежней работы был отпущен, а руководству Института цветных металлов строго погрозили пальчиком.

Случилось всё это в конце апреля 1930 года, так что времени для сборов в трёхлетнюю экспедицию оставалось совсем немного, и надо было очень торопиться. Первым делом Ушаков с Урванцевым занялись составлением подробных списков оборудования и снаряжения, которые могут понадобиться в течение трёхлетней зимовки и маршрутных работ. Тут надо было тщательно продумать всё и постараться предусмотреть любые случайности и неожиданности. Слава богу, у Урванцева в этом деле был богатый опыт. От прежних маршрутов по Таймыру и разведочных работ в районе Норильска у него сохранились списки взятого снаряжения и оборудования, а также заметки о проблемах, нехватках и промахах в этом вопросе. Всё это теперь очень пригодилось. Как ни экономили, ни сокращали, ни упрощали они список снаряжения, оборудования и материалов, он вырос до более, чем семисот наименований, распределённых по десяти главным статьям: продовольствие; обмундирование; хозяйственное снаряжение и материалы; экспедиционное оборудование и материалы; научное оборудование и материалы; технические инструменты и материалы; оружие и боеприпасы; охотничье промысловое снаряжение; радиооборудование и снаряжение к нему; строительные материалы. Ни складов, ни собственного отдела снабжения тогда в Институте Севера не было, так что пришлось добывать всё это самим (доставать, покупать, кланчить, брать в аренду, обменивать и т. п.), а ленинградскую квартиру Урванцевых превратить в склад. По мере накопления всё добытое имущество укладывалось в ящики и фанерные чемоданы, специально заказанные в мастерской походного снаряжения. Каждый ящик был пронумерован,

и к нему составлялась подробная опись содержимого, чтобы на месте высадки на берег или ледяной припай в его содержимом можно было легко и быстро разобраться. При укладке оборудования и материалов, старались класть в один ящик предметы, сходные по своему назначению.

Наибольшие трудности при снаряжении экспедиции были связаны с научными приборами и инструментами, купить или достать которые было очень трудно или даже практически невозможно. Часть снаряжения Урванцеву удалось удержать из своих предыдущих Таймырских экспедиций, другую – ссудили во временное пользование Академия наук, Гидрографическое управление, Астрономическая обсерватория и Географическое общество. К экспедиции по изучению Северной Земли у всех научных обществ и организаций страны было в ту пору самое доброе, самое бескорыстное отношение. Все старались помочь зимовщикам, чем могли, делясь не только дефицитными, но даже самыми необходимыми им самим в повседневной работе материалами, приборами и устройствами. Будущие первооткрыватели получили для своей работы: хронометры, буссоли, фото- и киноаппараты, метеорологические и аэрологические приборы. Особенно предупредительно и даже тепло отнеслись к ним в Слуцкой аэрологической обсерватории. Их снабдили там не только шарами, змеями, метеорографом, радиозондом и всем необходимым оборудованием для метеорологических запусков, но, сверх того, уступили даже ветровую электроустановку мощностью в киловатт. Но главное – первопроходцам передали для работы прекрасный радиопеленгаторный приёмник немецкой системы «Телефункен». Вручая этот бесценный по тем временам прибор полярникам, директор обсерватории П. А. Молчанов нежно погладил его по боковой стенке и, грустно улыбнувшись, сказал:

– Мне больно расставаться с нашим красавцем, но эта боль мне приятна. Не только я сам, но и весь наш коллектив горд тем, что мы принимаем участие, пусть даже и косвенное, в ваших грядущих подвигах во имя науки и прогресса всего человечества.

Очень важным делом для будущих зимовщиков был и пошив меховой одежды и обуви для них, а также приобретение достаточного количества хорошо выделанных меховых шкур (про запас – для ремонта и даже пошивки новой одежды взамен утраченной). Север вообще шутить не любит, а кроме того, часть маршрутов зимовщикам придётся совершать при температуре минус сорок, а то и пятьдесят градусов, поэтому работать в драповом пальто и кирзовых сапогах там невозможно. На Таймыре, в Норильской долине, местные долганки и нганасанки с удовольствием сшили бы столько прекрасной одежды и обуви для «кузяина»⁶⁹, сколько ему потребуется, но, как говорится: «за морем телушка-полушка, да рубль перевоз». До Часовни, что возле озера Пясино, пришлось бы добираться не меньше месяца, а сделанную одежду и обувь увозить оттуда только на Диксон, это ещё месяц пути. Кроме того, непонятно, позволит ли ледовая обстановка зайти туда, на Диксон, ледоколу «Георгий Седов» по дороге к Северной Земле. Так что в «пошивочном деле» придётся рассчитывать только на себя и город Архангельск. Там, слава богу, у «Госторга» есть свой пушной склад, меховые мастерские и даже контора.

Но самое главное – в Архангельске для зимовщиков начали сооружать деревянный дом, который в разобранном виде потом отвезёт к неведомому пока западному берегу Северной Земли всё тот же ледовый пароход «Георгий Седов», где этот дом поставят на месте высадки экспедиции. Выгрузка дома с ледокола и его последующая сборка на берегу в значительной мере будет зависеть от погоды и торошения окружающего льда. Вполне может стать так, что швартовка корабля будет проходить в тяжёлой ледовой обстановке, при трудном подходе судна к берегу и в невероятной спешке. Поэтому дом непременно должен быть тёплым и уютным, но, вместе с тем, маленьким, простым в выгрузке с корабля и лёгким в сборке на берегу или льду, чтобы даже четыре чело-

⁶⁹ Так там повсеместно националы почтительно именовали Н. Н. Урванцева. А жену его, Елизавету Ивановну, повсеместно звали «кузяйкой».

Н. Н. Урванцев и С. П. Журавлёв за пошивом (или ремонтом) своей меховой одежды для полярных путешествий

века (притом отнюдь не профессиональные плотники) смогли собрать и поставить его своими силами уже после того, как корабль уйдёт. Ведь может случиться так, что ледокол еле-еле успеет выбросить на берег (или даже на морской лёд) дом по частям вместе с кое-каким экспедиционным снаряжением, высадит членов экспедиции и сразу отправится в обратный путь, опасаясь оказаться в ледовом плену.

Исходя из этих соображений, Урванцев лично сам спроектировал такой дом площадью шесть на шесть метров, стены которого будут сложены не из кругляка, а из брусьев сечением двадцать пять на двадцать сантиметров и соединены друг с другом в шпунт. Такие стены, во-первых, практически не продуваются ветром, а во-вторых, их намного проще и быстрее будет собрать. Их не надо конопатить, а лишь по гребню шпунта проложить узкие полосы кошмы для тепла. А в случае особой спешки можно будет даже отказаться и от этого.

Пол и потолок проектировались двойными, с промежуточной засыпкой опилками. Потолок сверху предполагалось укрыть войлоком, покрытым толью, а пол – линолеумом, чтобы проще было поддерживать в доме чистоту. Внутри дома для обогрева и приготовления пищи устанавливалась плита, а также небольшой чугунный угольный камелёк для особенно холодной погоды. Вплотную к домику будут пристроены обширные холодные сени из шпунтованных досок. На Крайнем Севере домов без таких сеней не строят. Зимой свирепая снежная пурга в полярных и приполярных областях иногда продолжается неделю, а то и больше. В это время выйти на улицу и пройти даже метров десять-двадцать просто невозможно. Поэтому в сенях всегда хранится небольшой запас топлива, продовольствия и льда для получения воды. Кроме того, сени хорошо хранят тепло дома и защищают его от снежных заносов.

В общем и целом, вес зимовочного дома с сенями и всеми пристройками, по подсчётам его автора, не должен превышать тридцати тонн. Все его составные части вплоть до последней, мельчайшей детали должны быть при разборке помечены своей краской по специально разработанной буквенно-цифровой системе. В этом случае собрать дом без особых затруднений сможет кто угодно, если у него в руках будет подробная инструкция и эскизные чертежи. Кроме самого дома, непременно нужно будет построить склад для продовольствия и маленький домик для научных исследований (без единого гвоздя и вообще без единой намагничивающейся детали в нём). Оба этих подсобных помещения были сконструированы, как большие каркасные кубические блоки, обшитые кругом толстой, четырёхмиллиметровой фанерой. Постройки такого типа можно собрать чрезвычайно быстро, особенно если каркас заготовлен заранее, размечен и в разобранном виде доставлен на место. Кроме разобранных на части строений: дома, склада и мини-лаборатории, намечено взять также и достаточное количество стройматериалов: бруса, фанеры, досок, гвоздей и рулонов толи. Это нужно для того, чтобы в случае необходимости не только производить

необходимый ремонт, но и создавать новые помещения для работы, отдыха, разного рода производств или исследований.

Ещё одной важной проблемой, которую почти ежедневно обсуждали будущие зимовщики, были ездовые собаки. От их количества и, главное, качества во многом зависел успех всей экспедиции. Не только в районе Архангельска, но и во всей Западной Сибири порядочных ездовых собак найти было невозможно. Их нужно было искать в Центральной и Восточной Сибири, а также на дальнем северо-востоке страны. Прекрасные ездовые собаки были выведены ещё пятьдесят лет назад русскими промышленниками, оседло жившими по берегам нижнего Енисея, Пясины, Хатанги и других больших рек Предтаймырья. Особенно славились пясинские упряжки, проходившие за день до ста километров с грузом в четыреста килограммов. Но для того, чтобы собрать всего пару порядочных упряжек (по одной – две собаки с селения, больше вряд ли удастся добыть) потребовалось бы много времени, сил и удачи. Так что было решено обратиться в Дальневосточную контору «Госторга» с просьбой закупить для экспедиции Ушакова полсотни собак в Анадырском или Камчатском районах и отправить их с проводником сначала морем до Владивостока, а оттуда по железной дороге сначала до Вологды и уже потом до Архангельска. Одновременно в той же конторе заказали и трое ездовых саней восточносибирского типа, а также по комплекту упряжи для них.

Г. А. Ушаков, отправляясь по делам экспедиции в Архангельск, специально сделал остановку в Вологде для того, чтобы встретить вагон с собаками и их провожатым, с тем чтобы лично препроводить их в Архангельск. Он очень сильно волновался при этом, ибо понимал, что заглазно приобрести полсотни молодых, крепких, чистокровных псов, пригодных к тяжёлой работе, им вряд ли удастся. Хорошо, если таковыми окажется половина или хотя бы треть «лохматых тружеников». Тут вся надежда была лишь на профессионализм и порядочность, как покупателей, так и продавцов. А от качества ездовых псов во многом будет зависеть успех экспедиции.

К его приятному удивлению, собаки в подавляющем большинстве оказались превосходными. Правда, всё-таки трое или четверо из них были старыми и немощными, но это пустяки, в целом собачья команда выглядела не просто работоспособной, но даже превосходной. Изъян этого рабочего коллектива был в другом: среди собак было всего две суки (одна из которых довольно старая), а около трети кобелей были кастрированными. Так что ожидать хорошего увеличения собачьего поголовья не приходилось, а при той жизни и работе, которая ожидала всех псов (независимо от пола), их численность непременно будет уменьшаться. Правда, охотник Сергей Журавлёв пообещал поменять у своих друзей-промышленников нескольких хороших, хотя и кастрированных кобелей на крепких ездовых сук детородного возраста. Впрочем, всё это были заботы будущего.

Итак, Ушаков уехал в Архангельск, чтобы там, на месте, руководить подготовкой к экспедиции, а Урванцев пока оставался в Ленинграде, продолжая заготавливать необходимое оборудование, снаряжение и продовольствие.

Что касается продовольствия, то относительно него был некоторый нюанс. Дело в том, что продовольствие в коробках, тюках и ящиках на борт ледокола загружалось чохом, как для экспедиции Ушакова (на три года), так и для зимовщиков полярной станции на Земле Франца-Иосифа. Первым выгружать его будут в бухте Тихой (на ЗФИ), поскольку вначале ледокол придёт именно туда. В спешке, неразберихе или просто «под шумок» часть «чужого» продовольствия может быть выгружена на ЗФИ, чего будущим зимовщикам Северной Земли очень бы не хотелось. Поэтому важно было промаркировать яркой краской (с меткой «СЗ») всё (и прежде всего продовольствие), чтобы после первой же разгрузки не остаться «с носом». Урванцев, как человек практичный, да к тому ещё и «купеческих кровей» взял на себя эту нелёгкую задачу, объяснив всем, что делает это исключительно во избежание путаницы при загрузке корабля и последующей затем выгрузке.

К началу июня вся основная работа в Ленинграде была успешно выполнена. Большинство грузов было собрано, промаркировано, уложено и ожидало отправки на складах Института Севера или тех организаций, откуда оно было получено.

Из Архангельска в Ленинград Г. А. Ушаков вернулся с хорошими вестями в середине июня.

Собаки до конечного пункта доехали вполне благополучно и были с рук на руки переданы под ответственность Сергея Журавлёва. Корм для них – подпорченная конина – был бесплатно обеспечен местной мясохладобойней в достаточном количестве.

Меховую одежду и обувь, а также запасные меха и шкуры удалось достать через контору «Архангельский Госторг» практически в полном объёме. Пошив меховых спальных мешков, меховых рубах, штанов и обуви «Госторг» охотно взял на себя, узнав, что всё это предназначается для северо-земельской экспедиции, о которой все были хорошо осведомлены из местных и центральных газет. В своём внимании и даже предупредительности эта контора пошла ещё дальше. Всё заказанное ей драгоценное (меховое!) имущество она готова была отпустить экспедиции в кредит с условием сдачи ей в погашение долга выделанных медвежьих шкур и других предметов промысла по твёрдым, сверхтвёрдым и нормированным ценам. Если же этого не хватит, остаток Институт Севера восполнит ей деньгами впоследствии.

Дом, остовы для склада и мини-лаборатории были построены из сухого соснового леса под наблюдением инженера-строителя Ильяшевича, который потом должен будет разобрать их на составные части, пронаблюдать за погрузкой на ледокол и последующей сборкой на месте, если, конечно, это там позволит ледовая обстановка.

В Ленинграде всё тоже, в общем, шло благополучно. Научные приборы и инструменты были собраны в достаточном для серьёзной работы количестве. Удалось достать даже автоматический киноаппарат с большим количеством кассет, а «Ленгоскинофабрика» от щедрот своих выделила Северо-земельской экспедиции полторы тысячи метров киноплёнки.

Всё техническое походное хозяйственное снаряжение было собрано и хорошо подготовлено к непростой транспортировке в Арктике.

И напоследок Академия наук России пожертвовала экспедиции Ушакова триста томов из прекрасной библиотеки, некогда принадлежавшей самому А. Ф. Кони⁷⁰. Это были превосходные брокгаузовские издания Шекспира, Пушкина, Байрона, Мольера, Толстого, Тургенева, Гоголя, Шиллера, Гёте, Чехова и других классиков мировой литературы. Будет что почитать полярникам на Северной Земле долгими полярными ночами!

Первого июля Г. А. Ушаков, Н. Н. Урванцев и В. В. Ходов со всем своим экспедиционным имуществом выехали из Ленинграда в Архангельск, где их ожидали ледокольный пароход «Георгий Седов», а также охотник и каюр С. П. Журавлёв с вверенными ему ездовыми псами и охотничьим промысловым снаряжением. Пока его коллеги заканчивали свои дела в Ленинграде, он в Архангельске тоже не сидел без дела: сначала рассортировал всех собак на четыре упряжки, назначив в каждую вожака; затем отбраковал псов, непригодных к тяжёлой продолжительной работе. Кому-то из них он подлечил израненные лапы, кому-то промыл глаза, кому-то укоротил хвост (так проще управлять упряжкой). Как легко догадаться, клички привезённых собак каюру Сергею Журавлёву известны не были, и он самостоятельно присвоил их им по своему усмотрению. Так у него появились кобели Мазепа, Варнак, Махно, Старик, Моряк, Петух, Турпан⁷¹, а также Таймыр и Колыма. В большинстве своём клички были очень меткими и точно характеризовали индивидуальность собаки. А ведь даны все они были после краткого знакомства. Очень метким и наблюдательным человеком был Сергей Прокофьевич Журавлёв!

⁷⁰ Анатолий Фёдорович Кони – русский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи.

⁷¹ Турпан – водоплавающая птица семейства утиных.

Для обеспечения охотничьего промысла во время зимовки он изготовил также и лёгкую («стрельную») лодочку для переправы через полыньи и перетаскивания по льду добытые туши зверей. Кроме трёх саней, прибывших вместе с собаками с Чукотки и Камчатки, он изготовил ещё одни сани, такие, к каким привык, промышляя на Новой Земле. Они отличались более высокими копыльями и широким развалом книзу, к полозьям, что придавало им большую устойчивость при быстрой езде, особенно в торосящихся льдах. Правда, грузоподъёмность и вместительность от этого существенно снижались, но скорость и устойчивость в некоторых случаях была важнее.

Предохраняя от износа деревянные полозья, он заказал на одном из местных лесопильных заводов специальные стальные подполозки из старых продольных пил и переобул в них все экспедиционные сани. А ещё заказал Журавлёв у местных умельцев стальные наконечники для гарпунов и другие прилады для охотничьего промысла. Руководители экспедиции (Ушаков с Урванцевым) поняли, что имеют дело с настоящим профессионалом, хозяйственным и заботливым человеком, предусмотрительно готовящимся к большой и трудной работе. Охотничье-промысловый опыт у Журавлёва, судя по всему, был огромным, и начальникам, как людям, мало знакомым с этой деятельностью, приходилось внимательно слушать и учиться у него, по возможности освобождая его от прочих занятий. Они вновь отправили его на обустройство промыслового и санного снаряжения, а сами, втроём, занялись хлопотным, но ответственным делом – сортировкой прибывшего в Архангельск экспедиционного имущества.

Всё оно вместе с грузами для полярной станции ЗФИ и судовой экспедиции самого «Георгия Седова» гигантской кучей громоздилось в одном из огромных складов «Совторгфлота» в порту на правом берегу реки Печоры. Чтобы произвести операцию сортировки пришлось своими руками перебрать и переложить великое множество ящиков, коробок, узлов, мешков и тюков. Это был каторжный труд, но зато после него экспедиционные грузы с маркировкой «С. З.» были

сгруппированы в отдельные штабеля и расклассифицированы по роду и виду груза. Кроме того, это дало возможность, пользуясь составленной при отправке описью и номерами мест, проверить всё ли пришло и имеется в наличии. Ведь даже один утерянный ящик с чем-то нужным мог поставить людей на зимовке в очень тяжёлое положение.

Немало беспокойства причинила участникам экспедиции задержка импортных грузов, которые пришли в Архангельск с существенным опозданием. Груз этот состоял из пеммикана⁷² для собак, пеммикана для людей, сухого молока, складной байдарки и подвесного мотора. Всё это были чрезвычайно нужные вещи. Без пеммикана, представляющего собой концентрированную смесь из сушёного мяса, муки и жира, нечего было и думать пускаться в длинные маршрутные путешествия. С полкилограмма его достаточно одной собаке на сутки тяжёлой работы. То есть на упряжку в десять голов хватает всего пяти килограммов. Имея запас в полтора центнера (а такой груз в числе прочего снаряжения увезти на одной нарте вполне можно), маршрут будет обеспечен кормом ездовым псам на целый месяц. За этот срок при хорошей работе можно пройти и исследовать около тысячи километров берега. Если же кормить псов мясом, одной собаке потребуется не менее двух килограмм. В этом случае путешественник может захватить корма собакам всего лишь на семь-десять дней. Если без байдарки, мотора и концентрированного питания для людей ещё как-то можно было бы обойтись, то без пеммикана для собак – никак. В этом случае пришлось бы самим всю первую зимовку резать, сушить и толочь тонны мяса, а потом мешать его с мукой и жиром, отбросив всю остальную работу. Кроме того, это мясо прежде нужно было ещё добыть, сверх собственной текущей потребности, разумеется.

⁷² Пеммикан – мясной пищевой концентрат. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях, а также полярными исследователями XIX – первой половины XX века. Он отличается лёгким усвоением и большой питательностью при малом объёме и весе.

Всего за неделю до назначенного отплытия «Георгия Седова» долгожданный импортный груз в Архангельск всё-таки пришёл, и зимовщики Северной Земли вздохнули с облегчением. Теперь в запасе у них было аж пять тонн концентрированного корма. Этого с лихвой хватит более чем на восемь месяцев непрерывной работы четырём упряжкам. Имея такой запас, можно с лёгким сердцем отправляться на трёхлетнюю зимовку, полную тяжелейшей работы и всяких неожиданностей, которыми так богата Арктика. Кроме собачьего корма, из-за границы поступило также шестьдесят килограммов пеммикана для людей, пятьдесят килограммов сухого молока и двадцать килограммов мясного шоколада⁷³.

Таким образом, на экспедиционном складе в Архангельском порту теперь было практически всё, что нужно для выполнения задачи, поставленной перед будущими зимовщиками Северной Земли. Правда, кое-чего по мелочи, против намеченного по плану, всё же не хватало. Но это, действительно, были мелочи, без которых вполне можно обойтись.

⁷³ Я не знаю, что это за продукт питания. Я прочёл о нём в реестре продуктов питания экспедиции Ушакова-Урванцева в первый раз. И очень удивился.

Глава 11

Путь к Северной Земле

И вот 12 июля 1930 года после загрузки углем ледокол «Георгий Седов» подошёл к пристани у Архангельских складов и стал к причальной стенке под погрузку. В первую очередь начали грузить строительные материалы, а также все постройки, которые предварительно были разобраны, погружены на баржу и поданы к борту ледокола. Будущий североземельский дом лёг в трюм на самое днище, поскольку выгружать его будут последним. В кормовой трюм погрузили кирпичи, песок, глину, как наиболее тяжеловесный и плотный груз. Далее пошли ящики с оборудованием, снаряжением, продовольствием, сначала для полярников Северной Земли, а потом и Земли Франца-Иосифа. За погрузкой лично наблюдал старший помощник капитана (старпом) Ю. К. Хлебников, у которого в эти дни было очень много работы. Нужно было следить за тем, чтобы грузы в трюме правильно распределялись по весу в соответствии с требуемым дифферентом, а укладка шла плотно, иначе во время шторма предметы могут начать передвигаться или даже кататься по трюму, что может повредить не только груз, но и само судно.

В погрузке участвовали также и члены экспедиции Ушакова. Они ревностно следили за тем, чтобы ничего из «североземельских» грузов не было забыто, поломано или разбито. Чтобы всё было уложено в трюмах вместе, в компактную массу в определённой последовательности. Чтобы каждое место их груза было промаркировано знаком «С. З.», иначе при стоянке в бухте Тихой на ЗФИ что-нибудь по ошибке может быть выгружено. При этом один из членов экспедиции находился на складе, указывая, что нужно брать, и записывая отпущенное, а другой принимал это в трюме парохода и следил за укладкой. При разгрузке на Северной Земле надо будет точно знать, где что лежит, и в какой последовательности это следует выгружать. Ведь ледовая обстановка может сложиться так, что выгрузиться удастся лишь частично, и в условиях

страшной спешки взять всё самое необходимое, пусть даже и в минимальном количестве.

Через трое суток непрерывной работы все трюмы были заполнены. После этого на палубу загрузили рогатый скот и несколько бракованных лошадей (на мясо) для прокорма собак в пути следования. Кормить собак добытой медвежатинной удастся лишь после прибытия на место зимовки. Последними на борт судна доставили собак. Для них в кормовой части и по бортам устроили специальные клетки, которых, впрочем, оказалось далеко недостаточно – бедные псы буквально лежали друг на друге. Впрочем, как ни странно, это их даже умиротворило: не было слышно ни драк, ни обычного рычания.

Долгожданный день отплытия судна, наконец, наступил. Остались позади волнения, хлопоты, беготня. Чего не смогли достать, что забыли взять, того теперь уж не добудешь. Будущим зимовщикам казалось, что всё самое необходимое они взяли с собой на три предстоящих года, и за это время ни в чём жизненно важном особенного недостатка терпеть не будут. Впоследствии, во время зимовки, обнаружится, конечно, нехватка тех или иных мелочей, но ни в чём жизненно важном особенного недостатка они терпеть не будут.

Ледокол отвалил от Красной пристани Архангельска при ясной солнечной погоде 15 июля 1930 года. При отплытии, как это было принято в то время, был проведён довольно многолюдный митинг, на котором с торжественным словом выступил начальник всей этой экспедиции⁷⁴ О. Ю. Шмидт – большой специалист по проведению политических мероприятий, касающихся Высокоширотной Арктики. Профессор коротко охарактеризовал предстоящий рейс и то значение, которое он будет иметь для исследования и освоения Советской Арктики. На пристани собралось довольно много публики, не только из числа родственников и друзей отъезжающих, но и из постороннего народа (попросту говоря, зевак) – ин-

⁷⁴ То есть не только её «североземельской» части, но и той, что шла на архипелаг Земля Франца-Иосифа, а также той, что на борту «Георгия Седова» будет потом заниматься исследованием мелких полярных островков.

терес к этому арктическому рейсу у жителей Архангельска был очень большим.

После отплытия ещё довольно долго «Георгия Седова» сопровождали катера и яхты; рабочие с пристаней лесопильных заводов, мимо которых шёл ледокол, махали ему вслед; со встречных судов слышались громкие пожелания «счастливого плавания». Но, наконец, всё это закончилось. Последнее «прости» отдал героическому кораблю пограничный катер в устье Печоры, и полярники остались одни.

Уже на другой день погода начала портиться. Небо нахмурилось, брызнул мелкий холодный дождик, задул довольно свежий норд-ост. От архангельской жары осталось только одно воспоминание. Поскольку ледокольное судно обычно имеет овальное днище, даже в небольшой шторм его ощущимо покачивает, а волны перекачиваются через нос и даже временами заливают палубу. Бедным собакам приходилось туго. Их клетки вдоль бортов на верхней палубе были открыты не только дождю, но и обильным солёным ледяным брызгам. С подачи каюра Журавлёва Ушаков обратился к старпому за разрешением выпустить псов на палубу, где они сами найдут себе укромные места, чтобы спрятаться от непогоды. (Ездовые собаки непривычны к солёным ледяным ваннам, и это может навсегда многих из них вывести из строя.) Такое разрешение было получено, и бывшие пленники тут же рассыпались кто куда: под лодки, катера, ящики, под защиту стен кают на подветренную сторону. Каждый пёс облюбовал себе местечко по вкусу и потом, всю дорогу, свирепо отстаивал его от потенциальных захватчиков. Некоторые, наиболее догадливые, обосновались возле камбуза. А двое самых ушлых даже проникли в тёплую котельную.

В течение последующих трёх суток стояла всё такая же штормовая погода с туманом и дождём, но серьёзных льдов пока ещё не было, так что, несмотря на качку, «Георгий Седов» шёл полным ходом. А качало изрядно, так что на стол в кают-компанию ставили теперь специальные решётки для посуды, чтобы она не сваливалась со столов. Из всех «североземельцев» качке оказался подвержен только начальник

Ушаков. Остальные были к ней равнодушны, а у юного радиста Васи Ходова из-за неё даже чудовищно вырос аппетит. Шторм, тем временем, начал подрастать, и судно стало крепко зарываться носом в волну. Пришлось сбавить ход корабля, несмотря на то, что настоящих льдов, в сущности, пока ещё не было. Час от часу холодало всё сильнее. К вечеру температура воды упала до двух градусов по Цельсию. Назавтра капитан обещал настоящие льды, которых новички ожидали хотя и со страхом, но и с интересом.

На другой день к обеду, действительно, стали попадаться льдины, поначалу отдельные и не очень протяжённые, но чем дальше, тем пространнее и толще. Но зато качка почти совершенно кончилась. Правда, ещё долго, почти целый день, ледокол шёл мощно, не сбавляя хода. Льды тут пока ещё лёгкие, однолетние, крупно и мелкобитые, с многочисленными трещинами и разводьями, на которые особого внимания можно и не обращать. Лишь изредка приходилось форсировать их, с ходу в несколько ударов разбивая преграду. Народ на судне повеселел и высыпал на палубу. Вечером с мостика удалось рассмотреть медведицу с двумя медвежатами, родившимися, судя по размеру, в этом году. Они шли спокойно, как обычно, на ветер, не обращая никакого внимания на приближающуюся к ним страшную громадину, очевидно, принимая её за большой, наполовину обтаявший айсберг. Их не пугали треск и шум раскалывающегося льда, так как для них это было обычным природным явлением. Искусно лавируя судном, капитан подвёл его к зверям почти вплотную. Кинооператоры кинулись за своими аппаратами – для них это было огромной удачей.

К вечеру 22 июля ледокол подошёл к острову Гукера Земли Франца-Иосифа и, получив по радио информацию о состоянии льдов, беспрепятственно вошёл в бухту Тихую по мелкобитым льдам и стал на чистой воде в полукилометре от полярной станции. Станция располагалась на пологом склоне метрах в пятидесяти от воды, у подножия столовой горы, слагающей остров. Выше по склону метров на тридцать, на каменной террасе стоял большой крест – астрономический

Полярная станция в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа (ЗФИ)

пункт экспедиции Седова, зимовавшей здесь в 1913 году. Нынешним рейсом «Георгий Седов» привёз полярникам ЗФИ отдельное здание для радиостанции (тоже в разобранном виде, разумеется), ибо по всем существующим законам и правилам безопасности нахождение в жилом помещении мощных моторов и аккумуляторов недопустимо.

Через четыре дня выгрузка была в основном закончена. Оставив на полярной станции артель плотников для достройки здания радиостанции, 28 июля «Георгий Седов» отправился на изучение тех островков архипелага, которые практически известны ещё не были.

Утром 1 августа ледокол подошёл к острову Альджер, где на обширной террасе у подножия горного склона были обнаружены останки «лагеря Циглера», сооружённого ещё экспедицией Болдуина в 1901–1902 годах. В полуразрушенном дощатом сарае полярники обнаружили склад консервов в жестяных банках, часть которых уже сгнила и испортилась, а часть оставалась в полном порядке. В числе сохранившихся были, в основном, банки с пеммиканом и с шоколадом. С общего согласия, зимовщики отряда Ушакова–Урванцева пятьдесят банок, из числа лучше всего сохранившихся, взяли

с собой – пригодятся в дальнейшем для санных маршрутов по изучению Северной Земли.

Отсюда корабль сделал попытку пробиться к Земле Вильчека на восточной стороне архипелага, но почти сразу же встретил там сплошные, не взломанные льды и вынужден был тотчас вернуться обратно, в бухту Тихую.

К вечеру 1 августа ледокол снова подошёл к полярной станции. Здесь строительные работы были практически закончены. Оставались лишь кое-какие мелочи, которые полярники вполне могут доделать и сами. Поэтому выход на восток, в сторону Северной Земли, руководство экспедиции назначило уже на следующий день.

После традиционного банкета, торжественных речей и кино-инсценировок ледокол «Георгий Седов» распростился, наконец, с бухтой Тихой и с Землёй Франца-Иосифа вообще. На выгрузку имущества для полярной станции, постройку радиостанции и оранжереи (которая впоследствии так никогда задействована и не была), а также на осмотр малых островов архипелага ЗФИ было затрачено двенадцать дней. Впереди был поход к Северной Земле через восточную, пока ещё неизведанную часть Карского моря, где до сих пор не побывало ещё ни одно судно вообще.

Но прежде «Георгий Седов» непременно должен зайти в Русскую гавань на Новой Земле для того, чтобы встретиться с «ледовым углевозом» «Владимиром Русановым» и «под завязку» заправиться с него топливом (углём) для своих нужд, а также для нужд экспедиции Ушакова.

На свидание «Георгий Седов» пришёл первым, а вот «Владимир Русанов» задержался почти на двое суток из-за сильного тумана, хотя ледовая обстановка вокруг была вполне приличной. Оба судна стали борт-о-борт, и немедленно началась погрузка угля из чрева одного в чрево другого, благо, что волнения на море не было никакого, ибо царило почти полное безветрие, а туман при этом не был никакой помехой.

Погрузка длилась четверо суток. За это время в «Георгия Седова» загрузили почти пятьсот тонн угля: до отказа заполнили все его угольные ямы, а сверх того тонн двести

были перемещены в основательно освободившиеся после посещения ЗФИ кормовые грузовые отсеки. Погодные условия, ледовая обстановка и преобладающие в это время здесь ветра были никому неизвестны, поэтому готовиться нужно было к наихудшему варианту. Кроме того, движение в торосящихся многометровых льдах требовало очень больших энергетических затрат, не говоря уже о возможности вообще оказаться в ледовом плену.

Кроме угля, «Владимир Русанов» привёз «Георгию Седову» целую кипу свежих советских газет, а также писем от родных и друзей, на которые все с жадностью накинулись. К приятному удивлению североземельских зимовщиков, они получили и кое-какие не доставленные им к отплытию из Архангельска грузы и, в частности импортную разборную байдарку.

Но вот к вечеру 11 августа погрузка была полностью закончена. На «Владимира Русанова» пересели зимовщики с ЗФИ, возвращающиеся домой, несколько строительных рабочих и один из членов судовой экспедиции. Простившись протяжными гудками, суда разошлись в разные стороны: одно пошло на юг, в сторону Архангельска, другое – на север, навстречу неизвестности и суровым испытаниям. Знаменитый «ледовый волк», капитан «Георгия Седова» В. И. Воронин полагал, что господствующие тут сейчас северные и северо-восточные ветры должны отжать льды от западных берегов Северной Земли к югу и западу, в область Новой Земли. Зимовщикам Ушакова было желательно высадиться на западный берег Северной Земли где-нибудь в районе залива Шокальского⁷⁵. Поэтому предполагалось, поднявшись на север до этой широты, дальше двинуться прямо на восток по чистой воде. Таков был простой, понятный и, казалось бы, вполне реальный план. Однако действительность, как это часто бывает на Крайнем Севере, внесла в него свои серьёзные коррективы.

⁷⁵ Впоследствии залив Шокальского оказался проливом Шокальского, но это выяснилось уже на месте.

Первые пять суток «Георгий Седов», действительно, шёл очень лёгкими, разреженными льдами, а дальше и вовсе пошло открытое море. Все на судне возбуждены, веселы, радуются, как дети. Самые большие оптимисты уже начинают подсчитывать, когда судно подойдёт к заливу Шокальского. Однако на шестые сутки льды стали понемногу тяжелеть, и к вечеру 17 августа, вместо хоть и больших, но отдельных льдин, начали появляться ледяные поля до квадратного километра и более, окаймлённые полосой только что торосившихся льдов. Кое-где, правда, в них встречались небольшие разводья, которыми капитан В. И. Воронин мастерски пользовался.

По мере продвижения на северо-восток ледовая обстановка становилась всё хуже и хуже. А ночью полярники встретили столь плотно сжатый лёд, что «хоть лети», как сказал капитан. Тут всем стало совершенно ясно, что хорошей дороги на восток, которой предполагалось идти прежде, у «Георгия Седова» не будет.

На другой день около семи вечера, когда наступил отлив, в беспросветном ледяном пространстве, как и предполагал капитан, начали появляться небольшие трещины, что позволяло судну всё-таки продвигаться вперёд, хотя и еле-еле, маленькими шажками, проходя за смену не более пяти миль.

Народ на судне приуныл. Начались даже разговоры о возможности зимовки судна, затёртого в льдах посреди Карского моря с экипажем и пассажирами на борту, до следующей навигации. Словно согласившись с опасениями пессимистов, ледекол вдруг заглушил свои машины и намертво встал в ожидании лучших времён, ибо идти среди таких льдов было попросту невозможно: никакого угля на преодоление таких ледяных полей не хватит, да и сам корабль погубить можно. Наступила зловещая тишина, нарушаемая лишь треском торосящегося льда. Всё – приехали!

Однако, как ни странно, вскоре лучшие времена наступили. Утром следующего дня неожиданно подул поначалу слабенький, тот самый «южачок», которого все так ожидали на корабле, и уже к вечеру ледяное поле начало давать небольшие трещинки. А затем, к полудню, ледовая обстановка

ещё более улучшилась, разводьев стало больше, и корабль, ломая лёд своим мощным корпусом, лихо пошёл полным ходом, почти не останавливаясь и не давая заднего хода. После долгого перерыва на пути судна встретила медведица с двумя медвежатами. Это был хороший знак – значит, кромка льда уже недалеко. В сплочённых льдах медведя не бывает, поскольку там нет для него еды – тюленя, который живёт только в разводьях.

Народ на судне вновь повеселел.

– А что бы было с нами, если бы не подул вдруг южный ветер? – озабоченно спросил у Николая Николаевича юный радист Вася.

– Ну, так ведь он подул, – пожал тот плечами.

И вот, наконец, наступил радостный день, когда «Георгий Седов» подошёл к кромке большого льда, за которой, насколько хватало глаз, была видна вода, покрытая лишь небольшими отдельными льдинами. Об этом в Правительственную арктическую комиссию тут же была дана соответствующая радиограмма, на которую сразу же пришёл ответ от председателя ПАК С. С. Каменева. В нём он поздравлял участников экспедиции с успешным преодолением тяжелейшего препятствия, воздвигнутого полярникам суровой Арктикой, и пожелал им как можно скорее прибыть на неведомую пока Северную Землю.

Впрочем, до западного берега Северной Земли было ещё достаточно далеко. Но теперь «Георгий Седов» шёл прямо на восток, точно по параллели, к заливу (к проливу, на самом деле) Шокальского по довольно чистой воде. С самого утра до наступления темноты едва ли не все пассажиры и члены команды, свободные от работы и вахт, торчали на палубе с биноклями. Каждый мечтал первым увидеть вожделенную Северную Землю. Все были уверены, что она им вот-вот явится.

Но берега всё не было и не было видно. Так продолжалось несколько дней. И вот ясным и солнечным, хотя и очень холодным утром 22 августа они, наконец, увидели землю. Но это был не западный берег Северной Земли, а вновь

«очень большой и очень грязный лёд», простиравшийся до самого горизонта.

– Как же так? – заволновались пассажиры. – Ведь мы уже всё это прошли?! И что же, теперь всё заново?!

– Скорее всего, это паковый лёд⁷⁶, окаймляющий западный берег Северной Земли, – ответил капитан. – И, судя по всему, лёд непроходимый.

– И что же теперь делать?

– Пойдём на север вдоль его кромки, – ответил капитан, пожав плечами. – И поищем щель, в которую можно будет юркнуть.

– А если не найдём?

– «Тады – ой!» – грустно усмехнувшись, ответил капитан строкой из неприличного анекдота.

На другой день около полудня на северо-востоке показались искажённые рефракцией очертания какой-то неизвестной земли с высокими скалистыми берегами. На палубе «Седова» грянули было «Ура!», но это оказалась не громада Северной Земли, а небольшой островок, впоследствии названный полярниками Ушакова «островом Самойловича»⁷⁷. За островом в мареве сильно подрагивающего миража были видны зыбкие очертания какой-то огромной грязно-белой ледяной стены с большими чёрными пятнами. Контуры её как бы плыли в воздухе, непрерывно изменяясь самым причудливым образом: то вырастая до гигантских размеров в сотни метров высоты, то совершенно исчезая среди торосящихся льдов. Однако выяснить, что это такое, не было ни времени, ни сил, ни возможности из-за сложной ледовой обстановки.

Капитан решил продолжать идти на север в поисках более удобного места для высадки, и вскоре судно наткнулось на группку небольших островков, впоследствии названных зимовщиками «архипелагом С. С. Каменева». Всё пространство

⁷⁶ Па́ковый лёд – морской лёд толщиной не менее трёх метров, существовавший более двух годовых циклов нарастания и таяния.

⁷⁷ Р. Ф. Самойлович – советский полярный исследователь, профессор, доктор географических наук.

Карта островов архипелага С. С. Каменева

вкруг островков было напрочь забито высоким торосящимся льдом, а со стороны Карского моря стоял ещё и мощнейший ледяной припай шириной от двух до пяти километров. Ситуация казалась безнадёжной. Посоветавшись с капитаном, Ушаков с Урванцевым решили выйти на лёд, пешим шагом пройти километра три-четыре по ледяному припаю, выйти на остров (впоследствии они назовут его «Средним»), а уж там хорошенько осмотреться и принять решение, как жить дальше.

С высокого скалистого мыса этого острова Урванцеву в бинокль удалось рассмотреть, что к южной оконечности следующего к северо-востоку, крошечного островка примыкает узкая полоска чистой воды. Немного посоветавшись, они решили выгружаться именно там, поскольку выбирать было не из чего. Время уже позднее – сентябрь на носу; выбирать более удобное место для высадки нет возможности; нужно брать то, что есть. Правда, до самой Северной Земли, наверное, ещё не близко, но добраться до неё даже на ледоколе из-за окружающих льдов, по крайней мере, в эту навигацию всё равно невозможно. Так что иного выхода тут всё равно нет.

Вернувшись на судно, «разведчики» доложили капитану В. И. Воронину результаты своей рекогносцировки, а также свои соображения, и уже через полчаса «Георгий Седов» стоял на якоре в полукилометре от выбранного ими островка. Похоже, здесь было единственное место, где чистая вода подходила к берегу вплотную шириной метров в двести пятьдесят.

– Лучшей гавани и не придумать, – сказал заметно повеселевший капитан, а потом озабоченно добавил, – лишь бы не ударил прижимной ветер с юго-запада.

Ставить дом для экспедиции Ушакова решили на отмели, метрах в семидесяти от того места, куда будут приставать лодки со снаряжением и оборудованием. Выгрузка тут лёгкая и удобная, так как на лодках можно подходить к остаткам ледяного припая вплотную и становиться под разгрузку бортом к берегу. Груз можно будет переносить до места будущего дома по сухой мелкой известковой гальке, что намного проще и легче, чем тащить в гору через валуны и острые скалы. Господствующими зимними ветрами здесь, как и везде на Севере, будут, скорее всего, ветра южного направления, поэтому длинную ось дома решили ориентировать в направлении с юга на север; глухую стену дома обратить на север, а фасад, окна и вход – на восток, в море. При таком расположении в доме будет теплее, а фасад в пургу станет меньше заносить снегом.

Ледокол стал на рейде в четыре часа пополудни, а уже в девять вечера началась его разгрузка. Первым делом вывезли продовольствие и снаряжение, лежащее сверху. Грузы по воде перемещали на корабельном баркасе грузоподъёмностью в три тонны, буксируя его экспедиционной шлюпкой с подвесным мотором «Архимед» мощностью в пять лошадиных сил. К утру следующего дня выгрузка всего продовольствия (общим весом около двадцати пяти тонн) и снаряжения (весом порядка семи тонн) была закончена.

Дальше стали выгружать дом. Для доставки брусьев, досок, элементов крыши и всех строительных материалов соединили параллельно две шлюпки, покрыв их настилом из толстых половых досок. Получился замечательный понтон для перевозки крупногабаритных и тяжёлых грузов, который

было легко и удобно загружать с борта судна и потом разгрузить на берегу. При этом перевозимый лес оставался сухим, что было очень важно. Правда, в одном из рейсов шлюпку сильным порывом ветра залило водой, и часть стройматериалов оказалась в воде, но, к счастью, с помощью моторной лодки всё удалось спасти.

Погода, между тем, стала основательно портиться. Заметно похолодало, поднялся довольно сильный северный ветер, началась пурга. Всё вокруг покрылось снегом, а кое-где образовались даже приличные сугробы. Народ на ледоколе заволновался, опасаясь остаться тут вместе с зимовщиками Ушакова на целый год, до следующей навигации. Многие требовали увеличить скорость выгрузки, хотя она и так шла бешеным темпом вот уже третьи сутки без перерыва.

Как только на берегу появились первые брусья будущего жилища, плотники под руководством инженера Ильяшевича начали собирать дом. Первый венец они положили прямо на грунт, предварительно углубив его сантиметров на пятнадцать. Работать они начали около четырёх часов пополудни, а уже к началу ночи были положены три первых венца и все половые балки.

На другой день погода немного улучшилась. Пурга закончилась, но позёмка ещё продолжала мести. Температура воздуха поднялась до минус трёх градусов. Снега намело порядочно, слоем сантиметров в пять, но дом непрерывно продолжал подрастать.

К вечеру следующего дня все строительные материалы, в том числе и запасные, а также кирпичи, песок, глина и гвозди были полностью выгружены и перенесены к уже почти готовому дому. А к утру следующего дня стены дома были выведены полностью, настланы пол и потолок. И печник приступил к кладке печи.

К двум часам пополудни 27 августа перевезли оставшееся имущество зимовщиков: сорок тонн угля, дрова, бензин и керосин, а затем все лодки и сани. И напоследок переправили на сушу всех животных: трёх быков на мясо и, главную ценность – ездовых собак.

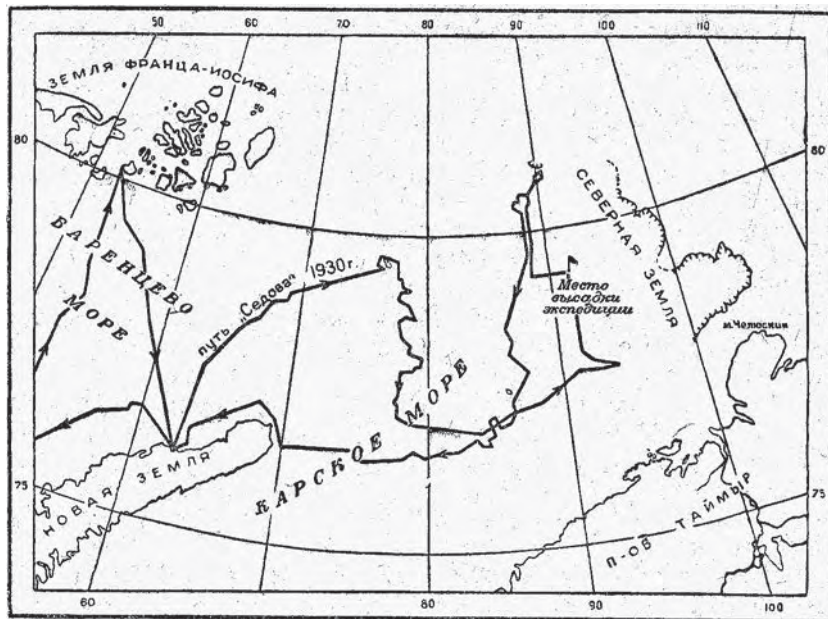
На следующий день закончилась постройка дома: была поставлена крыша, из шпунтованных досок сооружены просторные сени, вставлены окна и двери. Виртуозный печник ухитрился вместе с плитой скомпановать ещё и нагреватель, стенка которого выходила прямо в жилую комнату. Он уверял при этом, что одного этого будет достаточно для хорошего обогрева всего дома.

Вечером того же дня, на мысу, в самой высокой точке острова, поставили высокую радиомачту; другую мачту укрепили на крыше дома. Рядом с радиомачтой впоследствии предполагалось поставить ветряк электроустановки.

А на следующий день, 29 августа, дом уже был полностью закончен: зашиты лбы у фронтонов, настелен пол в сенях, потолок подшит вагонкой, поставлены переборки, отделяющие радиостанцию и кухню от жилой комнаты, где стены для тепла обшили фанерой по кошме. В двадцати метрах от дома, на одной оси с ним, поставили каркасный склад под толевой крышей.

Вечером с борта парохода увидели огромного белого медведя, спокойно бредущего по кромке ледяного припая острова прямо к только что выстроенному дому. Его не смущали, ни стук топоров, ни крики людей, ни лай собак, ни шум моторов. Он чувствовал себя здесь абсолютным хозяином, не боялся ничего и никого, полагая, что никто ему тут не указ. Однако Сергей Журавлёв быстро показал, как неправ был в своей уверенности хозяин этих мест. Охотник на шлюпке подплыл поближе к огромному зверю и с одного выстрела прикончил его, попав точно в глаз. Это был его первый медведь на Северной Земле и, судя по всему, далеко не последний.

В три часа пополудни 30 августа состоялось официальное открытие советской полярной станции «Северная Земля». На мачте, торчавшей над домом, был поднят советский флаг, и начальник рейса, профессор О. Ю. Шмидт, как обычно, сказал свою маленькую, но яркую речь о значении научных исследований в Арктике, после которой все отправились на борт «Седова». Там, в кают-компании состоялся прощальный праздничный обед, после которого все простились друг

*Схема пути ледокольного корабля «Георгий Седов»
к западному берегу Северной Земли*

с другом без громких фраз и горячих пожеланий, просто, но сердечно. И как только спустили шлюпку на воду, «Георгий Седов» поднял якорь и сразу же дал ход. Несколько прощальных гудков, ружейный салют, и он исчез в тумане.

– Здорово нарезал винта, – сказал Журавлёв, вылезая из лодки на берег и закуривая трубку.

На этом первая часть грандиозного проекта по исследованию Северной Земли – доставка экспедиции Ушакова к месту зимовки – была закончена. Её результат оказался, несмотря на все, казалось бы, непреодолимые трудности, если не блестящим, то вполне удовлетворительным: жить, работать и путешествовать по бескрайней Северной Земле теперь было можно.

Глава 12

Начало зимовки

Проводив ледакол, зимовщики вернулись в свой новенький дом, прямо на полу расстелили спальные мешки и сразу же улеглись спать. Проспали они почти целые сутки и на другой день проснулись бодрыми, свежими, готовыми к любой работе.

А работы по обустройству лагеря на острове Домашнем (так они сообща сразу же договорились его назвать) и подготовке к реализации своей основной цели было выше крыши.

Прежде всего, необходимо было привести в порядок и жилой вид их общий дом со всеми прилегающими к нему постройками и службами. Затем, как можно быстрее, пользуясь небольшими просветами чистой воды в ледяных полях, а также относительно тихой и тёплой погодой, заняться охотой с тем, чтобы добыть как можно больше мяса. Через месяц – битые льды до будущего года, а у полярников на иждивении орава из сорока трёх псов, которым нужно не менее тридцати килограммов мяса ежедневно. За зиму это составит не менее восьми тонн. Такую пропасть мяса надо не только как можно скорее добыть, но также освежевать туши и перевезти их на мясной склад. Кроме того, на улице в беспорядочных штабелях пока лежит весь привезённый ледаколом груз: продовольствие, оборудование, радиостанция, хозяйственное имущество. Всё это необходимо как можно скорее разобрать, рассортировать, убрать в склад, частично достать и разместить в доме для обиходного пользования. Иначе вскоре всё это занесёт снегом так, что потом найти что-либо будет совершенно невозможно. Решили заниматься этим одновременно: Ушаков с Журавлёвым отправились на охоту, а Урванцев с Васей Ходовым занялись домоустройством.

За первые три дня охотники убили пятнадцать нерп и четырёх морских зайцев⁷⁸. К сожалению, туши морских животных, застреленных в воде, почти сразу же тонут, поэтому, если быстро не подъехать к ним и не принять добычу на гарпун, она будет потеряна безвозвратно. Так что из числа убитых зверей лишь половина превращалась в добычу, особенно в первое время.

После первой, вполне приличной охоты, устроенной совсем неподалёку от дома, утром 2 сентября охотники отправились на непродолжительную «выездную сессию» через пролив, на западный берег соседнего острова, наречённого ими Средним. К вечеру они вернулись, привезя с собой двенадцать нерп и трёх зайцев. Да ещё утонуло четыре зайца и пять нерп, которых не успели взять на гарпун.

Пока все четверо зимовщиков возились, вытаскивая из лодки на берег туши, весившие в общей сложности около тонны, неожиданно в сотне шагов от них появились два медведя, спокойно идущих по береговой кромке. Мгновенно схватив заряженные винтовки, лежавшие рядом, полярники в четыре ствола мгновенно уложили ничего не понявших зверей. Это были матёрая медведица со своим годовалым сыном – «лончаком». Пока снимали с них шкуры, появились ещё три грозных, ничего не подозревавших гостя. К тому времени патроны оставались только в винтовках Ушакова и Урванцева, да и то не по полному магазину. Поэтому убили только самого крупного зверя (медведицу), остальные же бросились наутёк и вскоре скрылись в море. В общем, этот день принёс полярникам около трёх тонн мяса, что было прекрасным заделом для обеспечения всего прожорливого собачьего общества на зиму. После этого все прочие дела были отложены в сторону, а зимовщики взялись свежевать медвежьи туши, пока они были ещё тёплыми, поскольку с совершенно замёрзшей медвежьей туши снять шкуру весьма затруднительно. Провозились за этим занятием они всю ночь,

⁷⁸ Морской заяц, или лахтак – ластоногое морское животное отряда настоящих тюленей, длиной до 2,5 м и весом до 300 кг.

пока она, слава богу, была ещё хотя и достаточно длинной, но не полярной – не на круглые сутки.

Последующие дни стояли, хотя и относительно тёплыми, но пасмурными и туманными. Солнца практически не было совсем. Температура воздуха колебалась от трёх до пяти градусов мороза. На севере и западе в небе, закрытом облаками, отражались отлично видимые пространства «большой воды». Это означало, что море там чисто от серьёзных льдов. А поскольку «Георгий Седов» ушёл именно на север, он там, скорее всего, сможет продвинуться очень далеко, может быть, до северной оконечности Северной Земли. Этот вопрос, безусловно, очень интересует Ушакова с Урванцевым, особенно теперь, пока радиосвязь ещё не налажена и приходится получать нужную информацию о ледовой обстановке только по косвенным признакам.

Поскольку мяса на первое, притом довольно продолжительное время теперь было заготовлено вполне достаточно, Ушаков с Журавлёвым занялись срочными строительными работами, закончив которые, взялись помогать Урванцеву в разборке привезённого имущества, после чего занялись благоустройством быта на станции. При этом Васю Ходова отправили заниматься исключительно монтажом и запуском радиостанции, а также другими электротехническими работами.

Сергей Журавлёв взялся строить специальный амбар для хранения мяса. До этого времени оно хранилось в сенах. При этом наружную дверь категорически требовалось плотно затворять, иначе собаки за двое-трое суток его бы напрочь «раскулачили» по выражению острого на язык каюра.

Ушаков взялся конопатить щели на чердаке и в сенах. По опыту своей жизни на острове Врангеля он знал, что во время пурги тончайшая снежная пыль проникает в такие мелкие трещины, куда невозможно просунуть даже лезвие столового ножа. В заполярных странах снег редко выпадает в виде известных всем нам изящных шестилучевых звёздочек. Влага обычно осаждается там тонкими игольчатыми кристаллами толщиной в сотые доли миллиметра. Даже не-

*Жилой дом экспедиции с сенами и мясным амбаром
на острове Домашнем*

большой ветер, ударяя эти иглы друг о друга и о поверхность земли, размалывает их, превращая в тончайшую снежную пыль, наполняющую воздух. Оставленный на улице, казалось бы, наглухо закрытый пустой сундук или ящик после пурги оказывается вдруг набитым снегом до отказа. На чердаке от выпавшего гвоздя за ночь вырастает сугроб в метр высотой. И таким примерам нет конца.

В середине сентября пришло время превращать быков в мясо. Все дни после ухода ледокола они стояли привязанными неподалёку от сплошной стены дома и меланхолично жевали свою жвачку, сено для которой было выгружено вместе с ними. И вот теперь оно закончилось, а более быков кормить тут нечем. Так что поневоле пришлось заняться этой противной, грязной и тяжёлой, но необходимой работой. Впрочем, когда-то заниматься ею всё равно бы пришлось.

Быков в упор застрелили, затем туши освежевали, сняв шкуры, а мясо разделили на жилики, а также кости и вну-

тренности, которые, за исключением печёнок, почек и сердец, отправили на корм собакам. (Попутно замечу, что печень морских млекопитающих, особенно белых медведей, содержит огромное количество витаминов, а избыток витаминов – перевитаминоз – ещё более опасен для человека, чем авитаминоз.)

Сразу после окончания этой «кровой» работы неожиданно с юго-запада налетел шторм, и на море началось страшное волнение. Припай с морской (западной) стороны острова разломало на большие куски, и внезапно неизвестно откуда появилась вдруг довольно большая стая розовых чаек, которых прежде полярники Ушакова тут не видели. По поверьям охотников-промысловиков увидеть розовых чаек – к большой удаче (такая примета). Розовые чайки, принадлежащие к семейству крачек, это редкостные птицы, обладающие нежно-розовым оперением дивной красоты. В своё время их увидел великий Фритъёф Нансен в северной части Земли Франца-Иосифа во время зимовки с матросом Иогансенем; пять штук этих редкостных птиц добыла экспедиция Пайпа; единичный (да и то сомнительный) экземпляр наблюдал Джексон на мысе Флора. Орнитолог С. А. Бутурлин⁷⁹ обнаружил гнездовье этих птиц в устье реки Колымы. (В то время это был единственный случай, установленный с полной достоверностью.) К сожалению, ни одной из этих райских птичек зимовщикам Ушакова добыть не удалось. К тому времени гладкоствольное ружьё, а также дробовые патроны к нему пока из ящика не достали. А добыть крошечную, стремительную и вёрткую птичку из винтовки, пульей, навряд ли было под силу и самому великому снайперу. Вскоре (через несколько часов) Вася Ходов ружьё и припасы к нему в грузовых развалах отыскал, но розовые чайки к этому времени улетели. Более за всё время зимовки никто из команды Ушакова таких птичек ни разу не видел.

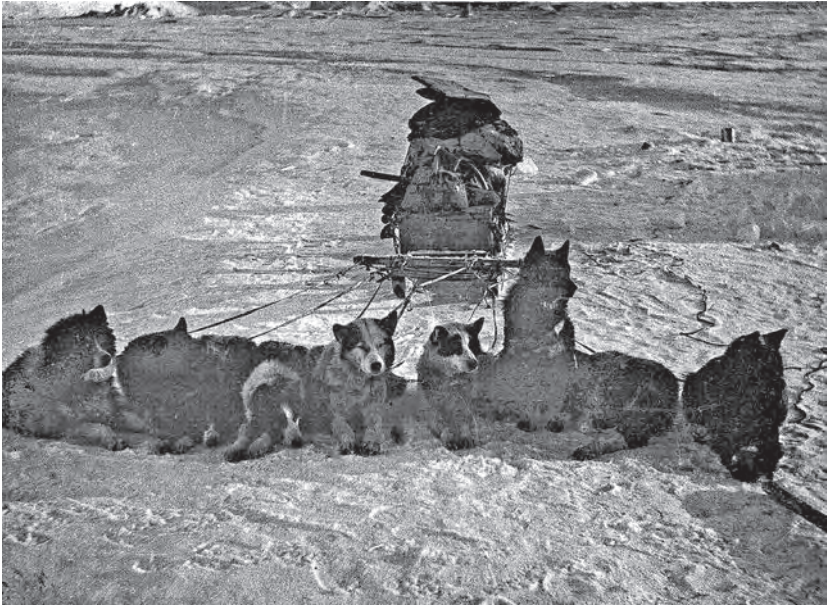
⁷⁹ Сергей Александрович Бутурлин (1872–1938) – известный орнитолог-систематик и фаунист, охотовед, специалист по охотничьему оружию, исследователь Русского Севера.

Между тем, снега выпало уже порядочно: местами лежали даже полуметровые сугробы, а на ровной поверхности намело и утрамбовало ветром слой более пяти сантиметров. Поэтому зимовщики решили опробовать свои собачьи упряжки, запрягая их, как цугом, так и веером. У каждого (кроме Васи Ходова, разумеется, – зачем она ему?) будет своя упряжка из двенадцати псов. И в каждую нужно выбрать для своей упряжки вожака (лидера) – самого авторитетного, умного и работающего пса. Кроме того, каждый каюр должен определиться с тем, как запрягать своих собак. Сергей Журавлёв, всю жизнь проработавший на Новой Земле, признавал только веерную езду; Ушаков предпочитал езду цугом. А вот Урванцев, прежде передвигавшийся в Арктике только на оленях, своего предпочтения в езде на собаках не имел. Сначала он выбрал езду цугом, но вскоре, по примеру Журавлёва, перешёл на «веер». А вскоре к этой системе присоединился и сам Ушаков.

Цуговая упряжка имеет неоспоримое преимущество лишь в передвижении по глубокому рыхлому снегу, в лесу или в ледяных торосах. Поэтому она широко применяется на Камчатке, Аляске, Чукотке, где погонщику часто приходится идти на лыжах перед упряжкой, протаптывая ей дорогу. Кроме того, при езде цугом непременно надо иметь прекрасно выезженных и тренированных вожаков (а ещё лучше вообще всех псов), которыми можно управлять голосовыми командами. Ведь дотянуться хореем или кнутом до головных псов очень трудно, иногда просто невозможно.

Веерная упряжка хороша при езде по широкому, плотно укатанному насту, где сани летят стрелой, а сама упряжка является разномастной, собранной по принципу «с бора по сосенке», поскольку каюру намного проще управлять и всеми собаками вместе и каждой собакой в отдельности, прежде всего, вожаком.

– Наши собаки хорошо тянут сани только под страхом уголовного преследования, – говорил Журавлёв, имея в виду кнут или хорей в руках каюра. Тут он был, безусловно, прав, так как добровольно и усердно работали лишь некоторые,

Веерная упряжка Н. Н. Урванцева

лучшие псы. Прочих же приходилось непрерывно понукать, особенно если путь был длинным и трудным, а сани тяжело гружёными.

Впрочем, всё это выяснится впоследствии, при настоящей «потной» работе, а пока торжествующий Ушаков налегке быстро доехал до конца Домашнего острова и так же быстро вернулся назад. Между тем, как Журавлёв со своей упряжкой долго не мог отъехать и десяти метров – псы путались в упряжи, а вожак долго не понимал, чего от него хочет погонщик. Так они провозились почти до вечера, но, в конце концов, дело наладилось, и упряжка, запряжённая веером, тоже добралась до конца острова и вернулась обратно.

Между тем, солнце начало скрываться за горизонт уже около восьми вечера. Правда, весь вечер и всю ночь, до самого рассвета, стояла не полная темень, а густые сумерки, но свет в доме зажигать всё равно приходилось. Большая настоящая темнота придёт позже, но она надвигалась всё ближе и

сильнее с каждым днём. Ещё десять дней назад было светло круглые сутки, и никто ни о каких лампах даже не помышлял, а теперь над обеденным столом пришлось повесить керосиновую лампу-молнию, а на каждом рабочем столе поставить по сильной керосиновой «линейной» лампе. Впрочем, заниматься экономией керосина особой надобности у зимовщиков не было, поскольку им его оставлено целых пять тонн. Кроме того, полярники в скором времени надеялись запустить в работу свою ветровую электростанцию, полученную во временное пользование от Службы аэрологической обсерватории.

Монтаж ветряка закончили 21 сентября. Высота его – десять метров. Этого вполне достаточно, тем более, что стоять он будет на открытой, высокой части острова, возле радиомачты. Теперь нужно только дождаться тихой погоды для того, чтобы общими усилиями поднять его и хорошенько закрепить, что и было сделано через три дня. Вася Ходов непрерывно сидит за передатчиком, пытаясь установить радиосвязь хотя бы с кем-нибудь из отечественных коротковолновиков, но пока что у него это никак не получается. Хорошо слышны почему-то австралийские, новозеландские, чилийские радиостанции, а из России – ничего!

И вот, наконец, ночью 25 сентября удалось связаться с полярной радиостанцией бухты Тихой на ЗФИ, которая ретранслировала из Ленинграда доклад заместителя начальника экспедиции на ледоколе «Георгий Седов» Р. Л. Самойловича. Из этой радиопередачи члены экспедиции Ушакова узнали, что после их высадки на остров Домашний архипелага С. С. Каменева, ледокол, как они и предполагали, по чистой воде отправился на север, но до северной оконечности Северной Земли так и не добрался, а дошёл лишь до восьмидесяти первого градуса северной широты. Далее путь ему преградили тяжёлые льды, и руководство экспедиции в лице О. Ю. Шмидта приняло решение на этом свои исследования закончить и отправиться на юго-запад, в Архангельск. В точке поворота они обнаружили довольно крупный, прежде никому не известный одинокий остров, который общим голосованием решено было назвать островом О. Ю. Шмидта.

К сожалению, из-за почти непрерывного фединга⁸⁰ координаты острова полярникам Ушакова понять так и не удалось.

Но зато той же ночью, уже под утро, состоялась у Васи Ходова первая прямая двусторонняя связь с радиолобителем из города Кологрива Ивановской области, и Вася передал ему целый ворох телеграмм в разные адреса на Большой земле. В их числе и рапорт председателю Правительственной Арктической комиссии С. С. Каменеву о проделанной работе, а также доклад о планах и проблемах экспедиции.

И вот подготовительные работы на базе в основном завершены. Все ящики, тюки и материалы разобраны, продовольствие и имущество убрано в склад и на чердак дома. Мясо для прокорма собак (и, отчасти, людей) удобно уложено большими кусками на холодном складе с подветренной стороны дома и защищено от похитителей (прежде всего, собак). Радиостанция, ветросиловая установка и аккумуляторный блок запущены в дело, опробованы и работают бесперебойно. Ушаков окончательно установил, проверил и отградуировал все метеорологические приборы и инструменты, и уже с 1 октября можно начинать передачу в эфир метеоданных полярной станции «Северная Земля». Так что теперь полностью можно было заниматься подготовкой к первому, ознакомительному маршруту на саму Северную Землю. Ведь никому, в сущности, до сих пор неизвестно, что собой представляет её западный берег, как далеко он отстоит от архипелага С. С. Каменева и какова дорога к нему.

Выход в маршрут назначили на 1 октября. Сам он будет непродолжительным – всего дней десять-пятнадцать, поскольку быстро приближающаяся полная темнота и осенние пурги вряд ли позволят долго и продуктивно поработать. Цель этого ознакомительного маршрута – беглое знакомство с западным берегом Северной Земли; испытание собачьих упряжек и саней, а также снаряжения и одежды; выбор места для продовольственной базы и сооружение её, чтобы затем (скорее всего, весной следующего года) на основе этих дан-

⁸⁰ Фединг – замирание и затем вновь возникновение коротковолнового радиосигнала.

ных развернуть настоящую всестороннюю исследовательскую работу.

Впрочем, до отъезда надо ещё много чего сделать. Во-первых, как следует обустроить сани, набив на них стальные подползки, приготовленные ещё в Архангельске, иначе от деревянных полозьев при движении по жёсткой фирновой корке, образовавшейся при летней оттепели, останутся только деревянные лохмотья уже через первые сто километров пути. Во-вторых, как следует починить и подогнать собачью сбрую для всех упряжек. В-третьих, подогнать одежду и отобрать продукты на всю дорогу и для людей, и для собак. Последним очень важным делом было изготовление для упряжек Урванцева и Ушакова одометров для производства топографических съёмок.

Одометр – это велосипедное колесо без покрышки, посаженное на железную ось, которая накрепко привязана к задку саней. На этой же оси наглухо прикреплен велосипедный счётчик, фиксирующий количество пройденных колесом оборотов. Если отмерить рулеткой ровно километр, потом проехать его на санях с одометром и посмотреть, сколько оборотов колеса покажет счётчик, легко высчитать коэффициент пересчёта количества оборотов колеса в километры. И впоследствии именно так измерять пройденные расстояния.

Нарты чукотского образца с одометром. На этот вид саней впоследствии перешли исследователи Северной Земли

Из продовольствия решили взять в дорогу: сто восемь банок собачьего пеммикана (двадцатидневный запас) и ещё – им же – сто килограммов мяса морских зайцев и нерп на первое время. Для себя – ящик мясных консервов, а также галеты, чай, масло, сахар и банки с пеммиканом для людей (в общей сложности килограммов пятьдесят). А также: два бидона с керосином, палатку с палками, научные инструменты, личные вещи, спальные принадлежности и общий хозяйственный груз. Всего – около семисот килограммов, то есть по двести тридцать килограммов на упряжку или по двадцати килограммов на одну собаку. Если прибавить сюда вес человека в одежде и вес саней, получится дополнительно ещё по десять килограммов на одну собаку. То есть общая нагрузка получается в тридцать килограммов на одного рабочего пса, вес вполне посильный даже для плохой дороги. А пока что они, сытые и ленивые, бездельно слонялись по территории экспедиционной базы, подбирая куски и ошмётки мяса и костей, оставшиеся после разделки туш нерп, морских зайцев и медведей. Впрочем, недолго осталось им бездельничать, спать и задирать друг друга. Дня через три-четыре их ждёт тяжкая изнурительная работа.

Ещё 27 сентября Вася Ходов услышал в эфире свою родную коротковолновую радиостанцию на Крестовском острове Ленинграда. Он-то её услышал, а его друзья-радиолюбители нет, ибо все усилия полярного радиоаса связаться с кем-нибудь, кроме всё того же радиолюбителя из Кологрива, были безрезультатными. Крошечный, прежде неизвестный зимовщикам Северной Земли городишко Кологрив стал для них теперь самым родным и дорогим местом на земле. Почему именно этот Кологрив? Бог весть!

И вот, тщательно уложив накануне весь экспедиционный груз на сани и накрепко привязав собак, чтобы в день отъезда не ловить их по всему острову, ранним утром 1 октября рекогносцировочная экспедиция отправилась на своё первое свидание с загадочной Северной Землёй.

Первым, как и полагается начальнику, едет Ушаков, следом за ним – Журавлёв, замыкает караван Урванцев. Упряжка

*Сборы в первую поездку на самую Северную Землю
для устройства продовольственных депо*

Ушакова запряжена цугом, упряжка Журавлёва – веером, упряжка Урванцева – тоже цугом. В каждой упряжке по двенадцать псов, ещё семь оставлены дома на попечение радиста Васи: трое пострадали в ссоре с медведем, четверо стары или слабы для такого путешествия.

Взяв курс на северо-восток, караван по льду легко достиг северной оконечности Домашнего острова и далее повернул на восток – северо-восток. Снег на льду лежит плотный, хорошо утрамбованный недавними бурями, дорога практически идеальная, так что даже основательно ожиревшие от безделья и обильного питания псы бегут легко и даже весело. Пройдя по такой дороге восемнадцать километров, в семь часов пополудни прямо на льду путешественники стали лагерем, так как наступили основательные сумерки. Палатку прикрепили к копыльям сдвинутых воедино саней. Собак не отпрягали и не кормили, так как вчера вечером они были накормлены более, чем основательно. Ничего, пусть попостятся, сейчас им это только на пользу!

Ночью началась пурга, и палатку по самый верх занесло снегом. В этом, впрочем, отчасти были виноваты и сами погонщики: они поставили её неправильно – боком к ветру, а не задней, тыльной стороной. Несмотря на относительно тёплую погоду, – всего минус пятнадцать градусов – спать

в мешках было довольно холодно, поскольку швы на них были заделаны плохо, и туда ощутимо дуло. Кроме того, у мешков не было капюшонов, так что спать приходилось, свернувшись калачиком и укрывшись с головой. Из-за этого влага от дыхания в спальном мешке конденсировалась, отчего мешок снаружи покрывался ледяной коркой.

– Ну, ничего, – сказал Урванцев, покидая своё неудобное ночное ложе, – полярной ночью мы дома все спальники переключим и перешьём заново, иначе ранней весной в длительных переходах нам придётся несладко.

Утром пурга стихла, и караван из трёх упряжек вновь стал собираться в путь. Путешественники откопали из-под снега свои нарты. На примусе сварили крепкого горячего чаю, разогрели большую банку мясных консервов и полный котелок замёрзших галет. Собак не видно ни одной, лишь из сугробов поднимаются во множестве струйки пара. Напившись чаю и плотно позавтракав, погонщики откопали собак из сугробов и часов в десять утра прежним курсом отправились в дальнейший путь.

К полудню прояснилось, выглянуло солнце, и впереди открылись две столовые горы высотой метров в двести-триста. Что это: отдельные острова или сплошная земля, пока сказать невозможно. Несколько позже, на севере по курсу показался низкий голый берег, даже не покрытый снегом (скорее всего, снег с него сдула ночная пурга).

В четыре часа пополудни, не разбивая палатки, путники сделали небольшой привал и вновь напились горячего чаю с галетами и мясными консервами, а собакам дали по куску мяса, после чего все снова тронулись в путь. Теперь в бинокль ясно видно, что слева по курсу лежит низменный остров, а впереди вздымается огромная горная страна с возвышенностями, которая ещё утром смутно колыхалась в пелене исчезающего тумана.

К вечеру вновь стало пасмурно, пошёл небольшой снег, и как-то внезапно на землю легли глубокие полярные сумерки. Вследствие этого пришлось встать лагерем, не доехав до коренного берега всего километров пятнадцать-двадцать.

Следующий день – 3 октября – был ясным, солнечным и тихим. Столовые возвышенности стали видны совершенно отчётливо. Перед ними была расположена явно выраженная терраса, берег которой, уходя в обе стороны, на север и юг, скрывался за пределами видимости. Нет сомнений: это был западный берег Северной Земли. Возвышенность, к которой караван продолжал двигаться, путники решили назвать Горой Серп и Молот, следующую справа, к югу, – Горой Сталина, третью, открывшуюся им недавно, – Горой Калинина. Выехав на коренной берег, путники почти сразу же нашли изглоданную песцами нижнюю челюсть медведя, а в двух километрах – сухую жёлтую головку альпийского мака. И повсюду – экскременты полярных сов с не переваренными останками леммингов. Выходит, не такая уж она и безжизненная, какой кажется, эта Северная Земля!

На другой день погода улучшилась. Проехав вдоль берега, идущего здесь на восток всего с километр, путники встретили лощину речки, прорезающую террасу ущельем до уровня моря. Осмотрев местность, они пришли к мнению, что здесь будет весьма удобное место для их Главной продовольственной базы при исследованиях Северной Земли. Во-первых, оно весьма приметно и видно издалека. А во-вторых, с высокого берега над речкой снег будет сдуваться ветром, и потому можно надеяться, что сложенные припасы не будут завалены огромными сугробами.

Заехав вверх по речке около полукилометра, путешественники стали лагерем в ложине, надёжно укрытой крутыми склонами. Здесь они сделали хороший запас продовольствия для себя и для собак, соорудив Главное продовольственное депо, а потом провели важную политическую акцию. Прямо у своего продовольственного депо они воткнули в мёрзлую землю хорей⁸¹, прикрепили к нему флаг своей страны и трижды салютовали ему залпами из винтовок. Начальник экспедиции Г. А. Ушаков торжественно объявил о присоединении

⁸¹ Хорей – длинный прочный шест для управления оленьей или собачьей упряжкой.

Северной Земли к территории СССР и сказал маленькую речь. Всё это было заснято Урванцевым на киноплёнку, хотя пасмурная погода к этому явно не располагала.

Домой путешественники вернулись к ночи 11 октября, проведя в пути немного менее двух недель. Согласно показаниям одометра, они проехали от острова Домашнего около семидесяти километров, а от острова Среднего около пятидесяти пяти. Таким образом, удалось узнать, что в данном месте Северная Земля отстоит от архипелага Каменева примерно на пятьдесят километров по прямой. И этот путь зимовщикам придётся преодолевать всякий раз, отправляясь из дома в путешествие по Северной Земле.

При возвращении домой путешественники обнаружили, что особенных происшествий за время их отсутствия на базе не произошло, чего, впрочем, и следовало ожидать. Радист Вася Ходов успешно закончил монтаж и испытание радиопередатчика, который теперь мог работать не только на приём, но и на передачу данных. Василию удалось установить прямую, устойчивую связь с Диксоном и даже с Ленинградом. А кроме того, теперь зимовщики с помощью восьмилампового «Телефункена» могли наслаждаться музыкой из всех стран мира. Да, это вам не патефон с граммофонными пластинками, слушать который съезжались на оленях долгане со всей округи зимой в Норильске.

Дом был прекрасно убран, блистал чистотой, всё в нём было расположено компактно, рачительно, удобно для камеральной работы, чтения и отдыха. Собаки, остававшиеся на попечение радиста, выглядели сытыми, здоровыми и спокойными.

Прижатые к Домашнему острову льды так никуда и не ушли, скорее всего, до будущей навигации. Море было плотно заставлено торосами и крепко заморожено на всём видимом пространстве. Из-за нажимных юго-западных ветров, которые здесь преобладают, лёд с западной стороны острова оказался покрыт огромными, десятиметровыми ледяными глыбами, но зато для дома зимовщиков, стоящего на восточной стороне Домашнего острова, никаких ледовых угроз как не было, так и нет. Всё вокруг было мирно и спокойно. Отличное место

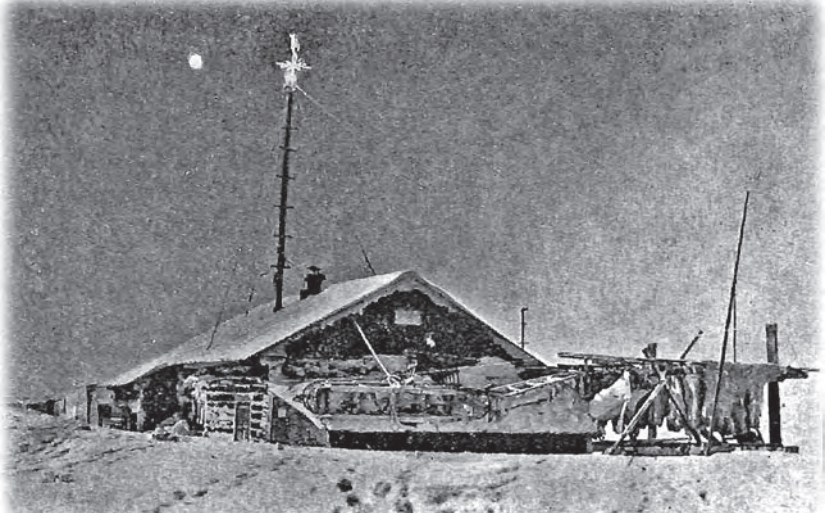
выбрали зимовщики для своего дома! Берег тут надёжно защищён, во-первых, островом Средним, а во-вторых, полуметровым барьером из крупной, окатанной гальки.

Неподалёку, к северу от их Домашнего острова, по словам Журавлёва, уже успевшего изъездить все окрестности в поисках добычи, есть ещё один остров, который он назвал Голомянным⁸². Возле его северного мыса проходит сильное морское течение, которое в прилив часто ломает льды, образуя широкие полыньи. В этом месте всегда держатся нерпы, а значит, бывают и медведи. Журавлёв собирается построить там промысловый домик, где жечь в переносной печурке тюленьё сало. Он утверждает, что запах сала непременно привлечёт медведей, у которых непревзойдённый нюх.

Отдохнув после первого (осеннего) маршрута по Северной Земле, отмывшись, отъевшись и отоспавшись, путешественники уже через пару дней начали готовиться к четырёхмесячной полярной ночи, которую они собирались проводить отнюдь не в безделье. Надо ли говорить о том, что на зимовке им всё приходилось делать самим: готовить еду, а также воду из льда и снега; ухаживать за домом; перешивать или шить заново меховую одежду и обувь, вести метеорологические наблюдения, которые Вася Ходов ежедневно передавал в эфир. При этом равноправие в отряде было полным и абсолютным: не было ни старших, ни младших. Разумеется, каждый профессионально занимался своим делом, но вот общими работами занимались все по очереди (или, если это было необходимо, все одновременно).

Пользуясь немногочисленными моментами, когда небо было ясным и звёздным, а также светила полная луна, заливавшая всё вокруг ярким зеленоватым светом, Урванцев определил географические координаты самой базы на острове Домашнем и реперной точки на мысе Серпа и Молота. Причём сделал он это с потрясающей точностью – погрешностью составляла не более ста метров.

⁸² На жаргонном сленге промысловиков Новой Земли «голомянный» значит: «наружный», внешний.

Полуденная луна над островом Домашним

– Незабвенный Козьма Прутков, – смеясь, говорил он при этом, – недаром утверждал, что Луна гораздо важнее Солнца, поскольку она светит ночью, а не днём, когда и так светло.

Кроме того, на расстоянии в двести пятьдесят метров от дома Урванцев построил себе запланированный заранее домик из брусьев и фанеры площадью в четыре квадратных метра для магнитных наблюдений без единого кусочка железа – даже гвозди в нём были медными.

Журавлёв, удержать которого дома даже полярной ночью не было никакой возможности, время от времени посещал остров «Голомянный», расположенный на расстоянии трёх километров от базы. Там он поставил капканы, разбросал приваду для песцов и вскоре добыл сначала одного, а потом сразу трёх песцов, из которых пара была нынешнего помёта. (Впрочем, добыча пушнины интересовала только его одного и в задачи экспедиции не входила.)

Очень важным делом был расчет продовольствия по маршрутам и даже по отдельным дням. Этой «гастрономической» математикой занимались Урванцев с Ушаковым, истратив на неё довольно много времени. Вначале они разработали

рацион питания в маршрутах, который соответствовал примерно пяти тысячам килокалорий в сутки. Он состоял из сливочного масла, сахара, галет, пеммикана, мясных консервов, сухого и консервированного молока, риса или других круп, мучных изделий, а также из шоколада, конфет, какао и чая. Все продукты должны быть точно взвешены, распределены в соответствии с суточной нормой и уложены в специально сшитые ситцевые мешочки. Всё продовольствие было упаковано в особый чемодан – из расчёта на одного человека – при условии, что каждый повезёт его с собой на своих нартах. Поэтому даже потеря одних саней в полынье или глубокой ледяной трещине не обрекала бы всех участников маршрута на голодание или даже на голодную смерть.

Но всё-таки главным делом полярных «ночных посиделок» (тут имеется в виду, конечно же, ночь полярная) была подробная и обстоятельная разборка до мельчайших деталей географии будущих съёмочных путешествий для нанесения на карту архипелага Северная Земля. Теперь, после первого, осеннего маршрута, Урванцев с Ушаковым почти не сомневались, что это не один огромный остров, а несколько островов, – по крайней мере, три – разделённых проливами. То есть – архипелаг. И все составляющие его острова следует объехать кругом, с тем, чтобы нанести на карту их топографию, а также ещё и пересечь их в широтном направлении. Каждый такой маршрут потянет на пятьсот (как минимум) или даже на тысячу километров, что с учётом остановок и подробной съёмки займёт не меньше месяца. Для этого потребуется создать в ключевых точках несколько «продовольственных депо», которые надо заранее набить продуктами питания для людей и собак. И желательно сделать эту огромную работу до начала самих съёмок, лучше всего полярной ночью. Одно такое депо у них уже было заложено на мысе Серп и Молот, на западном берегу Северной Земли, в ближайшей точке от их базы на острове «Домашнем». Второе «депо» решили создать на восточной стороне Северной Земли, в районе пролива «Красной армии», остальные – по мере необходимости. Работу над их созданием и наполнением сле-

довало начать сразу же после наступления светлого времени (а по возможности даже и раньше) с тем, чтобы можно было выйти в первый съёмочный маршрут уже в апреле.

Что же касается самих съёмочных маршрутов, то прошлогодний осенний поход вдоль западного берега Северной Земли уже дал им некоторое представление о её характере, расположении и простирании. На основании этих данных съёмщики и наметили на весну два основных маршрута.

Первый маршрут должен будет пройти вдоль западного берега острова (или, может быть, архипелага) на север, к мысу Октябрьскому. Далее он пойдёт до самой северной оконечности острова, обогнёт её и спустится на юг по восточной стороне, вернувшись к мысу Серп и Молот с пересечением острова, если он, разумеется, представляет собою единый массив⁸³. Второй – от мыса Серп и Молот на восток поперёк острова с выходом на восточное побережье Северной Земли, а оттуда на юг до залива (или пролива) Шокальского. Прочие маршруты могут быть понятны только впоследствии, после полной рекогносцировки.

В начале декабря, воспользовавшись ясной, тихой и относительно тёплой погодой (всего минус двадцать пять по Цельсию), а также ярким светом луны, Ушаков с Журавлёвым отправились к продовольственному депо на мысе Серп и Молот с большим грузом на упряжке из двенадцати лучших псов во главе с вожакom Гришкой. Они увезли с собой сто двадцать трёхкилограммовых банок собачьего пеммикана, тридцать килограммов галет, предварительно запаянных Урванцевым в жестяной ящик, бидон керосина на шестнадцать литров и цинковый ящик с патронами. Первая доставка продовольствия и необходимых припасов в депо прошла блестяще: гонцы, пройдя в общей сложности сто пятьдесят километров, безо всяких приключений вернулись назад, на базу, чуть более чем через двое суток.

⁸³ Всем островам мысам, проливам и заливам архипелага Северная Земля исследователи, конечно же, дадут названия потом, при составлении географических карт, здесь же я указываю их только для понятности и определённости.

А ещё через двое суток грянула грандиозная пурга, которая с небольшими перерывами продолжалась до самого начала февраля.

В конце января жестокие пурги, прерываемые лишь не более чем недельными затишьями, прекратились, и надолго установилась ясная, тихая погода. Однако на смену им пришла другая напасть: сильные морозы (ниже сорока градусов), к которым, впрочем, зимовщики давно приспособились. В полдень теперь горизонт на востоке ненадолго, часа на два-три, начал окрашиваться в нежно-розовый цвет. Это была пока ещё робкая, но уже вполне различимая заря, обещавшая в недалёком будущем восход солнца. Пользуясь тихой погодой, Ушаков с Журавлёвым уже хорошо известной им дорогой увезли на мыс Серп и Молот очередную порядочную порцию продовольствия и припасов. А Урванцев начал готовить новую большую партию груза для доставки в «продовольственное депо» на восточном побережье Северной Земли, у южного берега пролива Красной Армии, на мысе Ворошилова.

И вот 7 марта на двух собачьих упряжках (одна запряжена цугом, другая – веером) Ушаков с Журавлёвым отправились на восточный берег Северной Земли. Они взяли большой цинковый ящик с галетами и шоколадом, предварительно запаянный Урванцевым, два ящика мясных консервов, два больших бидона с керосином, надеясь собачий пеммикан забрать из депо на мысе Серп и Молот.

Вернулись они только 20 марта, гораздо позднее предполагаемого срока, пройдя от западного берега архипелага (мыса Серп и Молот) до восточного (мыса Ворошилова) около ста пятидесяти километров. Им сильно мешали в пути пасмурная погода, туман и пурга. Чтобы сократить дорогу, они поехали напрямик – по льду пролива Красной Армии – и попали в коварную ловушку, очутившись в ужасном лабиринте из айсбергов, скатившихся с купола острова Комсомолец, возвышавшегося с северной стороны пролива. Между айсбергами были узкие, глубокие коридоры, доверху забитые мягким снегом, в которых собаки двигались «через час по чайной

ложке». Только на десятый день пути им удалось вырваться из этого хаоса льда и снега к южному берегу пролива. Следуя вдоль него, путники приехали к высокому скалистому мысу, который впоследствии был назван ими мысом Ворошилова. Здесь они и устроили второе «продовольственное депо» из привезённых продуктов, припасов и горючего.

К концу марта мяса на основной базе оставалось мало, а собак перед маршрутом (а особенно во время него) надо было кормить досыта. Поэтому перед большим маршрутом непременно нужно было добыть медведя (а лучше двух). Прихватив с собой «стрельную» лодочку, зимовщики отправились на Голомянный остров. Там, на его северной окраине, была открытая вода, в которой держались нерпы, значит, могли быть и медведи.

Вскоре возле кромки льда из «дымящейся» воды показались нерпичьи усатые морды с «боцманскими» усами. Журавлёв тут же убил одну нерпу, а Ушаков следом за ним – другую. Быстро спустили лодочку на воду, и Журавлёв выхватил добытых нерп, одну за другой, пока течение не утащило их

Крайняя, юго-восточная точка пролива Красной Армии на острове Октябрьской Революции – мыс Ворошилова (место второго «продовольственного депо» экспедиции)

под лёд. Сняв с одной шкуру вместе с салом, он привязал её верёвкой позади своих саней салом вниз и на упряжке помчался вдоль по заснеженной тундре, пока Ушаков с Урванцевым ставили палатку. Он сделал вокруг полыньи круг километра в четыре и, довольный, вернулся к палатке, удовлетворённо сказав при этом:

– Ну вот, теперь медведь, как только нападёт на этот след, никуда от него не денется. Сам придёт к нашей палатке.

Охотники поужинали, напились чаю и отправились в свои спальные мешки на покой. А под утро привязанные собаки устроили несусветный галдёж. Охотники с заряженными винтовками в руках выскочили из палатки и увидели, что, несмотря на собачий шум, визг и гам, медведь уверенно шёл прямо к ним в лагерь. Разумеется, медведя тремя выстрелами уложили и начали снимать с него шкуру и разделять тушу. Закончив эту работу, отправились в палатку пить чай. Ушаков по какой-то надобности выглянул наружу и увидел, что к ним солидно и неторопливо жалуёт ещё один медведь. Понятно, что убили и этого, разделали тушу и на двух упряжках отправились на базу. Теперь мяса для подготовки большого маршрута будет вполне достаточно.

В последний раз за этот зимний сезон 2 апреля Ушаков с Журавлёвым отправились к «продовольственному депо» на восточную сторону Северной Земли для пополнения запасов для будущего путешествия. На этот раз они решили пересечь её не по льду пролива Красной Армии, а какой-нибудь большой ложиной. Путники проехали по береговой кромке от мыса Серп и Молот к югу километров тридцать и подошли к глубокой бухте, в которую впадала довольно крупная река. Вверх по ней они поднялись до самого водораздела и затем спустились уже по другой реке, текущей на восток, в залив, обозначенный на карте капитана Б. А. Вилькицкого как залив Матусевича, где и устроили ещё одно «продовольственное депо».

Глава 13

Первый съёмочный маршрут

И вот, наконец, 23 апреля караван из трёх собачьих упряжек отправился в путь для съёмки северной оконечности архипелага. В этот маршрут исследователи пошли втроём, чтобы в случае нехватки корма собакам и отсутствия в пути медведей, Журавлёв мог съездить на мыс Серп и Молот и привезти из тамошнего продовольственного депо необходимые продукты. А пока что они взяли в дорогу продовольствия себе и собакам на месячный срок, а также все нужные для работы научные приборы и инструменты и, разумеется, весь необходимый в заполярном путешествии инвентарь. Вышло килограммов по триста пятьдесят на каждую нарту с учётом саней, упряжи, оружия с боеприпасами и веса самих путешественников в одежде. Многовато, конечно, но со съёмкой караван будет двигаться медленно, поскольку придётся часто останавливаться и идти пешком, да и груз со временем день ото дня будет убывать.

Ушаков с Урванцевым в дорогу оделись достаточно тепло и, вместе с тем, легко: трикотажное и шерстяное бельё; шерстяной свитер; меховая рубашка с капюшоном из пыжика мехом внутрь и меховые штаны, в которые заправлялась рубаха. На ногах – трикотажные и шерстяные носки; длинные, до пояса, мехом внутрь чулки и, наконец, меховые, тоже до пояса, сапоги «бакари». А в них – толстые войлочные стельки. Для защиты от ветра надевалась также «ветровая» рубашка с капюшоном и штаны из плотного парашютного шёлка. Была ещё и меховая кухлянка, но её надевали только в особенно сильный мороз.

А вот Журавлёв оставался верен своей привычной «новоземельской» малице и другой одежды не признавал.

В экспедиции лагерь на ночь всегда разбивали по определённой, раз и навсегда выработанной системе. Непременно выбирали плоский участок с толстым и плотным снеговым покровом, позволявшим забивать полуметровые колья для

растяжек палатки, которую всегда ставили вдоль направления господствующих ветров, задней стенкой в наветренную сторону. Опасаясь внезапной пурги, её непременно плотно закладывали снежными кирпичами, которые выпиливали специальной ножовкой. В палатке настилали брезентовый пол, на который клали толстые оленин шкуры – постели и затем укладывали на них спальные мешки.

Перед постановкой лагеря выпрягали всех собак, давая им возможность покататься в снегу и размяться в своё удовольствие. После этого привязывали их на длинную десятиметровую цепь, каждую упряжку отдельно. Интервалы между собаками оставляли по метру, чтобы у них не было возможности драться друг с другом. Собак располагали по обе стороны палатки, вдоль по ветру, так, чтобы они могли лечь спиной к нему, свернувшись калачиком и прикрыв нос хвостом. Ездовые псы всегда спят в таком положении, не меняя его всю ночь. Даже занесённые снегом с головой, они будут лежать в такой позе неподвижно, набираясь сил.

Приготовив собак к ночному отдыху, их хорошо кормили. Каждый пёс получал свой персональный суточный паёк,

Ездовые псы отдыхают после тяжёлого трудового дня

зависящий от проделанной им работы, усердия, поведения и предпочтений каюра (у каждого из них всегда бывают любимчики).

И только после того, как собаки были накормлены, путешественники начинали заботиться о себе: разжигали примус, ставили на него большой «заслуженный» чайник, плотно набитый снегом или пресным льдом. Вход в палатку плотно занавешивали брезентом и оленьей шкурой, и вскоре там становилось так тепло, что можно было сидеть в одном свитере. Ужин обычно готовили из мясных консервов, пеммикана, сливочного масла, риса и сушёных овощей. После кипячения в течение десяти минут из этого «ансамбля продуктов» получался высококалорийный густой суп, о котором в полярных условиях можно только мечтать. После этого пили крепкий чай с галетами и маслом. В чай каждому полагалось по две столовых ложки коньяку (но не более!). На другой день с утра разогревали то, что осталось от ужина, и пили особенную питательную смесь из сухого молока, какао, сахара и масла, заваренную крутым кипятком. Этот напиток тоже запивали крепким чаем. Недоеденные остатки утренней трапезы перед отправлением в путь на глазах у всех собак, уже запряжённых в дорогу, отдавали особенно отличившемуся накануне псу в виде награды.

Вечером, после ужина, съёмщики заносили в свои дневники дорожные наблюдения и путевые дорожные съёмки. И только после этого укладывались спать. Дневные камусные сапоги-бакари и меховые чулки подвешивали к гребню палатки проветривать, свитера и меховые штаны снимали и в таком виде отправлялись «в объятия к Морфею», положив рядом заряженный карабин.

Все эти действия при окончании каждого съёмочного дня были практически одинаковыми, и организация стоянки стала вскоре занимать менее часа. Одинаковым было и ежедневным меню, которое к концу путешествия, хотя и основательно поднадоело, но в Арктике не до разносолов.

По прибытии на мыс Серп и Молот путники остановились неподалёку, в устье небольшой речушки. Место это

было приметным и очень удобным для определения астрономического пункта. Полярный день начал набирать свою силу, поэтому звёзд на небе почти не было видно, и наблюдения пришлось вести по солнцу, имея в виду, что в полдень оно на юге; при закате – на западе; при восходе – на востоке. Пока «научные работники» занимались астрономией, Журавлёв отправился на своей упряжке в разведку, а также для того, чтобы организовать ещё одно небольшое «продовольственное депо». Возвращаясь обратно, он нашёл отлично сохранившееся пятиметровое бревно и прихватил его с собой.

Это бревно установили в точке астрономического пункта, хорошенько обложив камнями, вырезали на нём свои инициалы, дату и название экспедиции. И только собрались отправляться в путь дальше, как ясная солнечная погода переменилась вдруг на пасмурную. А вскоре случилась и серьёзная пурга, которая продолжалась двое суток.

На третий день пурга закончилась так же внезапно, как и началась: как будто кто-то одним нажатием кнопки выключил гигантский вентилятор, и обрадованные путешественники вновь отправились на восток, дальше по маршруту, южным берегом пролива Красной Армии, вдоль ледяной кромки среднего острова архипелага. Они решили назвать его островом Октябрьской революции.

Пролив был тут достаточно широким – около восьми километров. На его северной стороне исследователям был отчётливо виден ещё один большой остров с гладким сверкающим ледяным куполом. Они, как первооткрыватели, назвали этот остров Комсомольцем.

Дальше, километров через пятнадцать, пролив сузился километров до двух-трёх, и в нём начали встречаться крошечные каменистые островки и большие айсберги – куски ледника, спустившиеся в пролив с только что открытого ими острова. Очевидно, что ледник был живым и находился в движении, время от времени сваливая в пролив куски своего гигантского тела. Пролив Красной Армии был целиком забит огромными айсбергами, между которыми изредка встречались лишь узкие проходы. Вот в этом ледяном аду и

Ледяные торосы в проливе Красной Армии – обломки «живого ледника» с острова Комсомолец, сползшие в пролив

проплутали полярной ночью Ушаков с Журавлёвым, доставляя на восточный берег архипелага, в депо, продовольствие и горючее. Теперь же путники двигались на собаках южным берегом пролива, где дорога была вполне сносной. Впрочем, попробуйте-ка разобраться в этом ледяном хаосе в полной темноте, а не при ясной погоде и полном солнце, как теперь.

Следующий лагерь они устроили возле крошечного островка, названного ими Диабазовым, неподалёку от величественного мыса Ворошилова, представлявшего собой фантастическую каменную скалу высотой метров в триста, на которой располагался гигантский весенний птичий базар, уже полный прилетевших для продолжения своего рода люриков, чистиков и чаек.

После определения координат и нанесения на полевую карту очередного астрономического пункта путешественники отправились дальше к восточному берегу острова Октябрьской революции. В отличие от западного берега, он

был высок, горист и примыкал к морю невысокой террасой в несколько сотен метров шириной. Проехав около пятидесяти километров от лагеря, путники добрались до мыса Берга, где обнаружили столб астрономического пункта, который был поставлен ещё в 1913 году экспедицией полковника Б. А. Вилькицкого. Столб уцелел, но был сильно исцарапан медвежьими когтями. Почему он так заинтересовал собой властелинов Арктики, бог весть. От бамбуковой мачты, на которой тогда был поднят гордый российский флаг, теперь остался лишь жалкий обломок, который, однако, позволил соединить карту военных гидрографов подполковника Б. А. Вилькицкого с новой, еще только нарождавшейся картой экспедиции Ушакова – Урванцева.

Вернувшись в свой базовый лагерь возле острова Диабазового, путники, как обычно, плотно поужинали и отправились спать с тем, чтобы на другой день поутру отправиться в обход острова Комсомолец. Но не прошло и часа, как собаки подняли страшный гвалт: в лагерь пожаловал медведь. Разумеется, он тут же был убит полураздетыми путниками, выскочившими из своих тёплых спальных мешков. Выход в маршрут пришлось отложить: тушу опрометчивого гиганта надо было освежевать – мясо им и их собакам было нужно всегда, да и шкура тоже была не лишней.

На другой день, взяв с собой свежего мяса и месячный запас продовольствия себе и собакам, исследователи двинулись к острову Комсомолец. Медвежью шкуру, рюкзак с образцами, а также небольшой запас продовольствия (несколько банок с пеммиканом и мясными консервами) на всякий случай они оставили в лагере у острова Диабазового, тщательно прикрыв его камнями.

Остров Комсомолец при выходе из пролива Красной Армии оканчивался мысом, ещё более эффектным, чем мыс Ворошилова. Гигантский ледяной щит подходил здесь практически вплотную к берегу, и уже километров через двадцать он полностью закрыл собой все береговые обнажения. Упряжки мчались по узкой снежной полосе вдоль края вертикально стоящего ледникового щита, окрашенного солнеч-

ными лучами в нежно-голубые и зеленоватые тона. Этот гигантский ледяной дворец Снежной королевы тянулся в течение трёх суток пути и, казалось, что конца ему не будет.

Но на четвёртый день они достигли северной оконечности острова, возле которого гигантский ледяной сверкающий забор закончился, и вновь появились каменные, вертикально торчащие пики. А впереди во все стороны открывалось чистое спокойное море без единой льдины. Этот мыс исследователи назвали Арктическим. Так вот куда, оказывается, направлялись за добычей миллионные стаи птиц с птичьего базара на мысе Ворошилова! На этом удивительном Арктическом мысе путники сделали свои неперенные астрономические замеры, установив очередной реперный пункт. За отсутствием иного материала, в материковый лёд они врубили тот самый огрызок бамбукового шеста с мыса Берга, рядом поставили пустой бидон из-под керосина, в который положили закупоренную бутылку с запиской, где написали определённые ими координаты этого места, дату, наименование экспедиции и фамилии её участников.

От мыса Арктического край островного ледника повернул на юго-запад и через пятнадцать километров отошёл далеко вглубь острова Комсомолец. А на его месте из-под льда появилась песчано-глинистая равнина с сильно изрезанной береговой линией, по которой группе необходимо было пройти со съёмкой.

Ещё через тридцать километров берег вновь стал ползти в гору, и в обнажениях появились те же самые известняки, что и на острове Домашнем возле базового дома. Далее берег круто повернул на восток, и в пределах видимости появился ещё один остров, который исследователи назвали «островом Пионер».

Ну, а вслед за этим надо уже было думать о возвращении домой. Приближалась полярная весна, по крайней мере, появились её первые предвестники – полярные птички пуночки. Путники пересекли пролив, назвав его Юным, и вдоль берега острова «Комсомолец» добрались до его южной оконечности, мыса Крупской, где соорудили ещё одно «продовольственное

депо», обозначив его большой пирамидой из прибрежных валунов. В последний раз хорошо накормили собак и досыта наелись сами, остатки продовольствия оставили в депо на хранение, а наутро отправились в последний переход к дому.

На остров Домашний путешественники явились 29 мая. Там, разумеется, всё было благополучно. Радиосвязь Васей Ходовым поддерживалась бесперебойно, метеосводки удавалось передавать ежедневно. За месяц своего одиночества он умудрился даже добыть шесть медведей, хотя по роду своей работы далеко отлучаться от дома не мог. Причём удалой радист не только добыл их, но также освежевал, профессионально разделав туши, и даже попытался начать выделывать медвежьи шкуры.

Глава 14

Второй съёмочный маршрут

Хорошенько отдохнув и дав отдохнуть собакам, помывшись и «от пуза» наевшись вкусной домашней еды, зимовщики начали готовиться к следующему серьёзному маршруту: вокруг острова Октябрьской Революции. И через четыре дня, 2 июня, они снова отправились в путь по-прежнему втроём, но теперь уже только на двух упряжках. Груза на этот раз они брали с собой меньше («продовольственных депо» на архипелаге было теперь более десятка), а уменьшение на треть вечно голодных пёсских ртов, было существенным облегчением.

К острову Октябрьской революции путники подъехали в том месте, где в одну из его обширных бухт впадала река, почти полностью, пересекавшая остров, намереваясь подняться по ней до самого водораздела. Она текла поперёк простираения горных пород, что предоставляло прекрасную возможность для их геологического изучения. Поэтому большую часть пути Урванцев прошёл пешком, осматривая обнажения, делая зарисовки и собирая образцы пород.

На второй день пути долина реки сузилась настолько, что пройти по ней веерной упряжке стало невозможно, поэтому группа разделилась: Ушаков с Журавлёвым на собаках отправились в обход по ровному насту, а Урванцев – пешком вдоль по руслу реки. К его удивлению, породы, собранные здесь в пологие складки, были теми же самыми известняками с богатой ископаемой фауной, что и возле их базы на острове Домашнем.

Ещё через день, пройдя водораздел, лежащий на высоте в двести сорок метров над уровнем моря, путешественники вышли к истоку другой реки, бегущей уже на восток. Долина её вскоре перешла в ещё более глубокий и узкий каньон, так что режим движения пришлось повторить: Ушаков с Журавлёвым на упряжках поехали в обход, а Урванцев по руслу реки пешком с работой направился напрямик. Русло реки, текущей на восток, почти сплошь состояло из уступов

*Пеший поход Н. Н. Урванцева в одиночку
к восточному берегу острова Октябрьской революции*

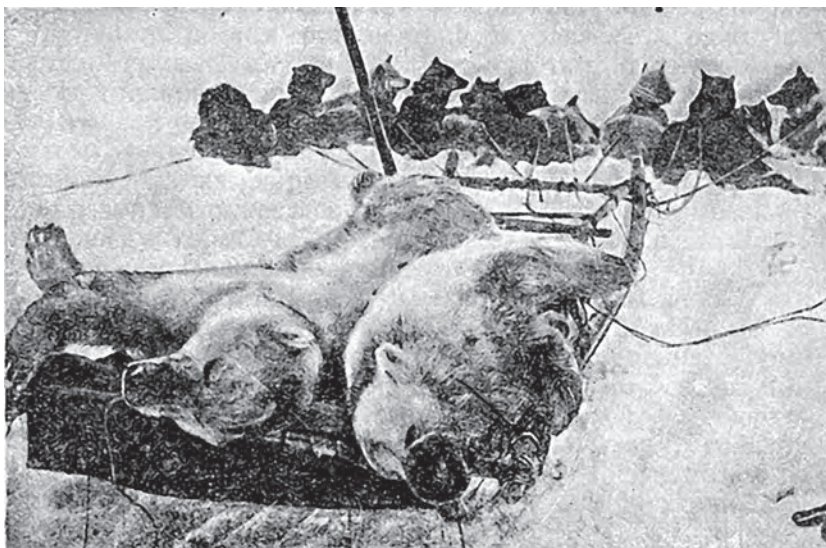
и перепадов, по которым летом во множестве низвергались водопады, теперь, разумеется, замёрзшие. Солнце припекало довольно сильно, поэтому на бортах каньона повсюду висели огромные сосульки, сверкавшие слепящим блеском, а возле камней образовались вполне приличные лужи. Сверху, со склонов нависали повсюду снежные козырьки, грозящие обвалиться каждую секунду, так что в основания некоторых пришлось даже стрелять, чтобы проверить их прочность.

На выходе из ущелья, возле озёровидного расширения реки путники стали лагерем и решили устроить тут неболь-

шую передышку: и люди, и собаки ужасно устали, так как работали без сна и еды более полутора суток.

В устье фиорда, куда впадала река, текущая на восток, интенсивного таяния льда пока было незаметно, чему все весьма обрадовались. По гладкому льду сытые, отдохнувшие упряжки быстро долетели до мыса Берга, где путники вновь поставили лагерь.

Пока занимались хозяйственными заботами, на льду у мыса появилась медведица с прошлогодним медвежонком. Найдя свежий нерпичий продох, она улеглась прямо возле него караулить добычу, а своё уже довольно крупное дитяtko предварительно увела подальше в сторону, за большой торос. Всё это она делала спокойно и неторопливо, совершенно не обращая внимания на то, что буквально рядом, в лагере ходят и разговаривают неизвестные ей существа. Журавлёв двумя выстрелами тут же убил обоих. Жалко их было, конечно, но что делать – ни людям, ни собакам прожить тут без мяса невозможно (да и самим медведям тоже!).

Медведица с годовалым лончаком, добытые на мысе Берга острова Октябрьской революции

А вечером пришёл к лагерю ещё один медведь, но заметив движущуюся и злобно гавкающую упряжку Журавлёва, бросился в море наутёк. Журавлёв на собаках, разумеется, за ним. Вскоре они скрылись в торосях, и злобный собачий лай в двенадцать глоток постепенно затих. Вернулся торжествующий каюр через час и привёз тушу молодого жирного медведя. Он рассказал, что гнал его километров пять или даже шесть, после чего и зверь, и собаки без сил упали на лёд друг возле друга. Почти бездыханными пролежали они минут десять, прежде чем медведь открыл глаза и грозно зашипел. Журавлёв не стал испытывать судьбу и в упор застрелил его.

На другой день Журавлёв в одиночку отправился на Домашний остров, в свой тёплый, почти родной дом. По дороге он должен будет заглянуть на Диабазовый остров с тем, чтобы забрать из схрона, тяжеленный рюкзак с образцами, медвежьей шкуру и остатки продовольствия (две медвежьих шкуры с мыса Берга у него уже с собой были). Расставались путешественники спокойно и молчаливо. Все понимали, что пройти в одиночку, без палатки, с довольно тяжёлым грузом на уставших собаках двести пятьдесят километров не так-то просто, да и в пути может приключиться что угодно. И вот – крепкие рукопожатия, пожелания счастливого пути, и упряжка лихого каюра и охотника помчалась под гору.

Через день после очередных астрономически замеров, 14 июня, Урванцев с Ушаковым отправились в непростой съёмочный маршрут, взяв с собой месячный запас продовольствия, двадцать литров керосина, а для собак – немного собачьего пеммикана в банках, а также столько медвежатины, сколько могли увезти.

Дорога оказалась очень тяжёлой. Днём щедрое арктическое солнце сильно припекало, и собакам в их шубах бежать было очень жарко. Пришлось перейти на ночную езду, когда всё-таки порядочно примораживало. Пройдя сорок три километра, путники стали лагерем на мысе Анучина для определения очередного астрономического пункта, поскольку конфигурация береговой линии оказалась очень сложной да к тому же ещё и не совпадала с той, что была показана на

Урванцев возле астрономического реперного пункта на мысе Анучина

карте 1913 года экспедицией капитана Б. А. Вилькицкого. Вдоль берега там шла цепь небольших каменистых островков, разделённых узкими протоками. Самый крупный из них, тот который прежде был назван мысом Арнольда, пришлось переименовать в остров Арнольда.

Пройдя ещё двадцать километров, исследователи пересекли обширную бухту фиордового типа, куда по долине спускался крупный ледниковый язык, доходящий здесь до самого моря. Затем берег повернул на юго-запад, и они попали к заливу Шокальского, где определили астрономический пункт и затем отправились дальше. Собаки весело бежали по плотному и гладкому, как паркет, снеговому покрову, а вот людям приходилось намного тяжелее. Ведь по дороге они должны были также заниматься и работой, связанной с географической и геологической съёмкой, а это – непрерывные остановки, беготня к обнажениям и добыча образцов, причём четырнадцать часов подряд. И сколько это будет продолжаться ещё, одному Богу известно.

Тем временем, погода начала портиться: небо заволочло тучами, поднялся противный юго-западный ветер, густыми хлопьями повалил снег, и весь мир стал невозможным для обычной жизни. И вдруг из этой мутной облачно-снежной мешанины навстречу полярникам вынырнули два таких знакомых, птичьих силуэта: крупные веретенообразные тела, огромные мощные крылья, длинные шеи. Да ведь это же гуси! Гуси на Северной Земле среди льда, мрачных скал и тяжёлой безбрежной густой воды! Да, это были чёрные казарки, самые северные обитатели семейства гусиных и, значит, скоро можно ожидать настоящего потепления и сильного таяния льда и снега.

Берег, по которому они продвигались, по-прежнему простирался на юг, слегка отклоняясь к западу, а на востоке, километрах в двадцати-тридцати, были видны чёрные скалы противоположного берега. И они нигде не смыкались на протяжении более, чем пятидесяти километров. А это значит, что залив Шокальского становится не заливом, как это обозначили гидрографы Б. А. Вилькицкого, а проливом. И противоположный берег никакого отношения к острову Октябрьской революции не имеет, а является северо-западным краем другого, четвёртого по счёту, острова архипелага Северная Земля, который отряду Ушакова ещё предстоит исследовать.

Гуси их не обманули. Уже через два дня резко потеплело, и днём, несмотря на пасмурную погоду, термометр показывал плюс шесть, а ночью всего минус два градуса. Снег начал основательно раскисать, но ночью ехать на нартах было вполне возможно. Берег стал уверенно поворачивать на север или северо-запад. Это означало, что путники выезжали на западную сторону острова Октябрьской Революции. Впрочем, до дома было ещё далековато, километров около двухсот. Пользуясь ясной погодой и вынужденной остановкой во время полудня, когда снег особенно раскис, Урванцев определил астрономические координаты при выезде на западную сторону острова.

Пообедав и немного отдохнув, они тронулись в путь дальше, надеясь, что вскоре, ближе к вечеру, начнёт хоть немного подмораживать. Однако их надежды вскоре оказались

развенчанными: снег подморозило только чуть-чуть сверху, а под хрупкой коркой он успел уже пропитаться талой водой. Тонкая ледяная корка не выдерживала веса саней, и они проваливались в снежную кашу, по которой путники брели почти по пояс, поддерживая сани и помогая собакам. Пробовали разгружать сани и перевозить груз малыми порциями, но толку от этого оказалось мало. Возникла угроза «залетовать» здесь до следующей зимы. Ну, что же, прожить охотой тут вполне можно, палатка есть, спальные мешки есть, керосина для примуса хватит, тем более, что неподалёку тут есть и «продовольственное депо». Надо только выбрать сухой высокий берег и поставить там хороший лагерь, а также основательно запастись терпением.

С трудом преодолев бухту, которую исследователи назвали Снежной, они кое-как добрались до мыса на её противоположном берегу и надолго стали там лагерем. Здесь было сухо, весь снег почти растаял, по камням журчали ручейки, обильно цвели вокруг камнеломки, незабудки, жёлтые полярные маки, а кое-где даже зеленели кустики карликовой ивы. Кругом парами летали гуси, собираясь гнездиться (одного из них Ушаков умудрился даже добыть из винтовки). Далее на север летели гагары, кулички и чайки. Погода по-прежнему стояла тёплая: днём – плюс три-четыре градуса, ночью – минус два-три. Насколько хватало глаз, весь лёд вокруг был усеян чёрными точками – это нерпы вылезли понежиться на солнышке. В толстом сплошном льду они проделывали проёмы – круглые отверстия, через которые вылезали на поверхность для того, чтобы подышать воздухом и отдохнуть. Журавлёв как-то за кружкой чая рассказал, что у каждой нерпы есть по нескольку лунок. Он уверял, что лунки они проскребают когтями передних лап. Встав подо льдом торчком, они с помощью задних лап придают своему телу вращательное движение и передними лапами «выбуривают» круглое отверстие размером точно в своё тело. В этом ему вполне можно было верить: во-первых, он был человеком весьма наблюдательным, а во-вторых, промышлял морского зверя в течение нескольких десятков лет.

К середине июня снег стоял целиком, а талая вода сбежала со льда в трещины и полыньи. Можно было попробовать по краю ледяного припая пробиться на север, в сторону Домашнего острова.

Эта дорога оказалась не просто очень трудной, но практически непроходимой. Вертикальные ледяные кристаллы при вытаивании создавали на поверхности морского льда острую тёрку, о которую собаки обдирали лапы до крови. Нарты шли очень медленно – по десять-пятнадцать километров за переход. Местами, там, где к морю подходили языки пресного льда, вода с них проедала лёд насквозь и превращала его в сплошное решето, лишь кое-где соединённое относительно прочными перемычками. А там, где стоял прочный многолетний лёд, бугристый и торосистый, во впадинах над ним скапливалось много воды, огромные озёра которой людям приходилось проходить вброд, а собакам вплавь, так что потом их нужно было руками вытаскивать из воды. Урванцев с Ушаковым брели по береговому льду, мокрые по пояс, подерживая сани и помогая собакам.

Но настоящим кошмаром на пути к дому были для путников реки, впадавшие здесь в море. Две из них с грехом пополам удалось перейти, а третья, за мысом Кржижановского, оказалась мало того, что весьма глубокой и полноводной, но ещё и с довольно сильным течением. Пришлось выйти на берег, разгрузить сани, перенести весь груз на себе, а потом уже вплавь переправлять собак с пустыми санями. За этот тяжчайший переход преодолели всего пять километров.

Погода стояла препротивная: туманы, дожди, низкая облачность. Наступало короткое полярное лето. Надо было спешить, поскольку вскоре лёд на море начнёт вскрываться, ледяные поля придут в движение и отрежут путникам дорогу на базу, к острову Домашнему.

И всё же путникам, торопящимся изо всех сил, приходилось делать остановки для того, чтобы дать хотя бы немного отдохнуть измученным ездовым псам, которые страдали не столько от непосильной работы, сколько от потери крови, непрерывно сочившейся из их стёртых чуть ли не до костей

лап. Уж если ледяные иглы раздирали даже подошвы сапог путников так, что в них сочилась вода, что можно говорить о собачьих лапах? И всё же отважные и безотказные работники из последних сил бежали вперёд и тащили за собой гружёные нарты. На остановках псы сразу падали замертво, так что приходилось их брать на руки и переносить на сухое место. От боли и усталости даже к корму они не притрагивались, хотя и были очень голодны. Каждого пса вечером приходилось кормить, закладывая ему в пасть кусочки мяса, а утром приносить к гружёной нарте на руках и вновь надевать на него сбрую. При этом несчастные животные смотрели на своих погонщиков такими умоляющими, полными слёз глазами, что у тех сердца обливались кровью от жалости. Но, делать нечего, приходилось быть жестокими. Надо было идти вперёд, во что бы то ни стало.

Через день исследователи добрались, наконец, до той самой вехи-гнилушки, от которой началось их путешествие вокруг острова Октябрьской Революции. Эту приметную веху они установили ещё осенью, во время первого, пробного маршрута по архипелагу Северная Земля. Теперь, в конце июня, съёмочный маршрут полностью замкнулся, и эту часть работы можно было считать успешно выполненной. До дома по морскому льду Карского моря им оставалось пройти километров сорок, а по берегу и затем через мыс Серп и Молот – вдвое больше. Правда, длинный путь им был хорошо известен, а короткий – чреват разного рода тяжкими неожиданностями.

И всё-таки они выбрали короткий путь – ведь лёд буквально с каждым часом становился всё хуже, а кроме того, и у них, и у их собак практически закончилась еда. Этот отрезок пути оказался самым трудным во всём их путешествии. Измученные собаки падали одна за другой и поднять их, казалось, не было никакой возможности. Они лежали в ледяной каше как мёртвые. А некоторые, скорее всего, действительно были мёртвыми, а разбираться, кто мёртвый, кто живой, времени не было. Упавших псов отпрягали и бросали на произвол судьбы.

Последняя ложка рисовой каши: Г. А. Ушаков и Н. Н. Урванцев перед заключительным броском по тающим льдам к острову Домашнему

В этой агонии они прошли четырнадцать километров и стали на ночлег посреди старых, наполовину обтаявших многолетних торосов. Отдали собакам три последних банки их пеммикана, добавив к ним ещё одну свою. Теперь у людей на всех осталась одна, уже начатая, банка пеммикана, кружка рисовой крупы, а также половина литра керосина для прируса. И это всё!

Погода, между тем, стала ещё хуже. Пал такой туман, что ничего не было видно в двух шагах. Ехать в торосах на собачьей упряжке в таких условиях стало совершенно невозможно. Пришлось вновь остановиться и «ждать у моря погоды».

И вскоре упавшие было духом путники её дождались – через двое суток подул свежий северный ветерок, который угнал со льда всю воду к югу и, главное, развеял плотный туман. Быстро свернув лагерь, на оставшихся собаках они бросились вперёд, на запад, и уже часа через три-четыре увидели перед собой в колеблющейся дымке плоский берег

острова Среднего, за которым (они точно знали это) лежала их цель – остров Домашний.

Уже на другой день, к вечеру 20 июля, смертельно уставшие исследователи были дома, на базе. Надо ли говорить о том, как их там ждали?! Радостным восклицаниям, объятиям и суетливой беготне не было конца. Ведь Вася Ходов и Сергей Журавлёв в глубине души уже считали их погибшими – двигаться на собаках по такому льду было невозможно. Если с восточной стороны острова Домашнего лёд ещё кое-как держал гружёные нарты, то с западной стороны была абсолютно чистая вода. Кроме того, если их путешествие продлилось бы ещё два-три дня, ни одной собаки в живых у них бы точно не осталось.

После трёхсуточного отдыха и приведения себя в относительный порядок (вымыться, побриться, отъесться и отоспаться) Урванцев с Ушаковым вновь приступили к повседневным работам, которых на полярной станции не только зимой, но и летом всегда «выше крыши». Прежде всего, надо было выполнить все камеральные работы, связанные с исследованиями географических и геологических данных острова Октябрьской Революции. Затем – сделать инструментальную съёмку «своих» островов: Домашнего и Голомянного. (Ну, эту-то работу можно сделать и пешком, либо с помощью шлюпки). Надо было произвести также и месячные приливо-отливные наблюдения, заложить долговременные нивелирные репера, сделать полную переработку грузов с прицелом на будущее, осенние и весенние маршруты по исследованию Северной Земли. А, кроме того, разумеется, проводить ежедневные метеорологические наблюдения и передавать их на Диксон и ЗФИ. Да и ежедневные хозяйственные работы никто не отменял: приготовление еды, заготовка воды из пресного льда и снега, кормление собак, уборка в доме и прочее. Дежурили по очереди все, по неделе, друг за другом.

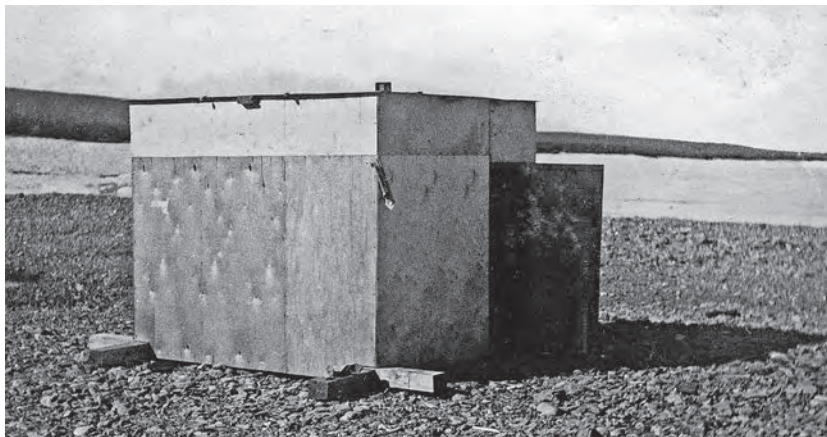
Однако самым ответственным делом было приведение в порядок собачьего поголовья. Из той полусотни ездовых псов, что были привезены ледоколом «Георгий Седов» на остров Домашний, в строю осталось не больше половины.

Часть из них погибла, часть была покалечена медведями, часть стала неспособной к тяжёлой продолжительной работе. Так что с трёх упряжек пришлось перейти на две, да и тех собак, что остались, надо было «доводить до формы». Правда, две ездовые суки, о которых говорилось выше, под неусыпным надзором Журавлёва оценились, принесли шестнадцать прекрасных щенков, которые в здоровом рабочем коллективе росли и развивались в нужном направлении. Но их в упряжку можно будет ставить не раньше следующей весны.

А сейчас, коротким полярным летом, следовало запасти собакам мяса на всю зиму и на два продолжительных маршрута (весенний и осенний): набить нерп, морских зайцев, белух и медведей. (Самим полярникам к столу годились только медвежатина да нерпичья печёнка.) Так что Журавлёв с Ушаковым надолго отправились в свои охотничьи угодья на северный мыс острова Голомянного, где было особенно много всякого морского зверя. Там Журавлёв выстроил себе прекрасный охотничий домик из бруса – с печкой, полатами и большим столом для разделки мяса.

За этот охотничий сезон они добыли четырнадцать белух, семь медведей, восемь морских зайцев и трёх нерп, что в общей сложности составило около пяти тонн мяса. Этого с лихвой должно было хватить на прокорм собакам в течение всей зимы. В дополнение к охоте, возле мыса острова Голомянного оказалась и прекрасная рыбалка: большими стаями ходила вокруг полярная треска (может, именно поэтому там и было столько морского зверя). Впоследствии эта рыба очень пригодилась к столу полярникам, прежде питавшимся только мясом.

С середины сентября стало крепко примораживать, временами до двадцати градусов, так что в проливе между островами лёд настолько окреп, что по нему можно было ходить без опасений. Дни становились всё короче, наступала полярная ночь, но зимовщики ждали её без особой тревоги. Урванцев решил основательно утеплить свой «немагнитный» домик с тем, чтобы там можно было долго и вдумчиво работать. А работы на всю полярную ночь накопилось достаточно.

«Немагнитный» научный домик Н. Н. Урванцева

Надо было вычислить координаты всех астрономических пунктов; подготовить планшет для полной карты Северной Земли; нанести на него географическую сеть координат и вычертить уже отснятые участки. В экспедиционном доме делать это было невозможно: тут требовались предельная собранность, аккуратность, точность и сосредоточенность. Для своего научного «немагнитного» домика Урванцев сам смастерил мебель: стол, табуретку и большой стол. А кроме того, поставил там небольшую железную печурку с дроссельной заслонкой в трубе, чтобы можно было регулировать тягу. Больше места в домике ни на что не осталось, поэтому для того, чтобы размять затекшие члены, приходилось выходить на улицу и совершать небольшую пробежку по отмели. Такие прогулки очень нравились местным щенкам, которые всей оравой с лаем обычно сопровождали географа, норовя схватить его за пятки сапог или за голенища.

За обедом 21 ноября Сергей Журавлёв торжественно заявил:

– Сегодня Михайлов день по церковному календарю, так что ждите в гости именинника.

Все посмеялись над суеверным охотником и вскоре разошлись по своим делам. Возвращаясь в свой научный домик,

Урванцев услышал около него характерное шипение рассерженного гиганта⁸⁴. Он быстро возвратился в сени общего дома, где всегда стояла заряженная винтовка, схватил её и в кромешной тьме отважно бросился навстречу будущей жертве. В темноте не было видно ни самого зверя, ни мушки винтовки, и Урванцев выстрелил почти наугад. При вспышке огня он увидел огромного медведя, который сделал прыжок на всех четырёх лапах и сразу же исчез. На выстрел прибежали собаки и бросились в погоню за ним. Однако вскоре все они, разочарованные, вернулись назад ни с чем.

– Вот и не верь после этого приметам, – вслух сказал себе Урванцев и потом добавил, – однако жаль, что я промахнулся.

После встречи нового, 1932 года, съёмщики стали готовиться к своему весеннему маршруту. В этот раз целью их путешествий был южный остров архипелага Северная Земля – «Большевик».

Но для начала следовало устроить там два продовольственных депо: одно на западной оконечности острова (мысе Неупокоева), другое – на его северо-востоке, мысе Евгенова. В каждое депо нужно будет отвезти по сто банок пеммикана, а также по двадцатилитровому бидону керосина и большому ящику галет, как обычно, наглухо запаянному Урванцевым.

Кроме того, по дороге они хотели изучить и нанести на карту ещё один остров – Пионер, – хотя для этого придётся дать небольшого крюка к северу. Впрочем, это уже были мелочи.

К концу февраля полярная ночь пошла на убыль, и в районе полудня было уже совсем светло, но тут, одна за другой начались свирепые пурги. Выезжать из дому даже на охотничью базу Журавлёва на острове Голомянном было совершенно невозможно, а уж на дальний мыс Неупокоева и подавно. Пришлось вновь «ждать у моря погоды».

⁸⁴ В книге «Золотой телёнок» Остап Бендер, говорил Паниковскому: «Что вы ревете, как белый медведь в тёплую погоду?!» Скорее всего, любимый литературный герой моей молодости был тут не в курсе дела. Белый медведь абсолютно безгласное животное. И лишь волнуясь, он шипит, как рассерженный кот.

К середине марта стало заметно тише, и Ушаков с Журавлёвым, взяв с собой продовольствие и керосин для юго-западного депо, отправились в путь.

Вернулись они уже на шестой день, не пройдя и половины расстояния. Дело в том, что на всём протяжении пути мела пурга, хотя и не очень сильная, но с сугубо встречным направлением ветра. Позёмка залепляла снегом глаза собакам, и они бежали с большим трудом, всё время норовя повернуться назад, спиной к ветру. Пришлось поклажу оставить возле мыса Кржижановского и вернуться на базу с тем, чтобы потом, когда станет потише или хотя бы сменится направление ветра, налегке добраться до поворотной точки, с тем, чтобы загрузиться там вновь и уж тогда закончить путь..

Этот план удалось осуществить только в самом конце марта. До мыса Неупокоева со второй попытки добрались безо всяких проблем и там хорошо обустроили первое продовольственное депо на этом острове. Мало того, на обратном пути неподалеку от депо удалось добыть хорошего медведя, освежать его, а тушу подвесить на высокой кромке айсберга, чтобы до неё не добрались песцы. Теперь у отряда была надёжная продовольственная база для исследования и съёмки самого южного острова архипелага.

Во время последней остановки у мыса Неупокоева путники увидели трёх оленей, один из которых был, видимо, прошлогодним телёнком. Выходит, на южном острове архипелага Северная Земля, олени не только живут, но даже и размножаются. Скорее всего, они попадают туда со льдами прибрежных припаев, оторванных ветром от берегов Таймыра, на которые они попадают, спасаясь от беспощадных оводов.

Возвратившись на базу, Ушаков с Журавлёвым стали готовиться к такой же заброске продуктов и горючего в юго-восточное продовольственное депо, но день шёл за днём, а треклятый свирепый «южак» всё дул и дул, никак не желая ни затихать, ни менять направления. Пришлось зимовщикам, тяжело вздохнув, от второго депо на Большевике отказаться, тем более, что теперь в запасе у них была ещё и отличная медвежья туша. Они решили начать съёмку от юго-западного

края пролива Шокальского и далее идти на юг вдоль западного берега острова Большевик, огибая его. В этом случае без северо-западного продовольственного депо вполне можно будет и обойтись. Все облегчённо вздохнули: решение было принято, так что теперь можно было готовиться к третьему съёмочному маршруту – нанесению на карту береговой линии острова Большевик. А съёмку маленького острова Пионер оставить напоследок и не соединять её ни с какими другими топографическими и астрономическим работами.

Глава 15

Третий съёмочный маршрут

Урванцев с Ушаковым выехали в него 14 апреля, взяв с собой практически всех собак, годных к долгому и трудному переходу, которых с трудом набралось на две упряжки. Журавлёву оставили только щенков, стариков, калек и инвалидов. С собой взяли месячный запас питания (и себе, и собакам), который полагали существенно пополнить из депо на мысе Неупокоева.

Поначалу дорога довольно долго пролегла по западному берегу острова Октябрьской революции, где с таким трудом они с работой (!) пробирались к себе на базу прошлой весной. Поэтому съёмку в некоторых местах сейчас они решили повторить, чтобы уточнить некоторые смутные и неясные места на карте. Теперь дорога была вполне проходимой, хотя по-прежнему движению упряжек мешала снежная позёмка, дующая прямо в морды собакам. Таким образом, они промучились целый день прежде, чем остановиться на ночлег. Утром ветер совершенно стих, но пока съёмщики запрягали собак, чтобы отправиться дальше, внезапно на них обрушился страшный снежный шторм, который бушевал потом четверо суток кряду.

Когда, наконец, эта ужасная пурга стихла, и путники выбрались из палатки, они ахнули: вокруг расстилалась безбрежная снежная пустыня. Насколько хватало глаз, ничего не было видно: ни саней, ни собак, ни каких-либо признаков лагеря. Пока они откапывали сани, тюки с грузом, свои вещи и утварь, их псы, зевая и отряхиваясь, один за другим, самостоятельно вылезали из сугробов. Вокруг каждой собаки образовалось нечто вроде небольшой пещерки, в которой они четверо суток спокойно спали, пережидая эту напасть.

Пока Урванцев на мысе Неупокоева определял астрономические координаты очередного реперного пункта, а также занимался другими топографическими работами, Ушаков

по хорошо укатанной береговой кромке налегке съездил за медвежьей тушей и оставленными рядом с нею продуктами. На юге, в проливе Вилькицкого, между тем царил полный ледяной хаос – там было сплошное нагромождение свежих торосов, совершенно непреодолимых ни людьми, ни, тем более, упряжками. Даже распряжённые собаки не могли туда сунуть носа – они тут же с головой проваливались в рыхлый снег между поставленными «на попа» громадными трёхметровыми льдинами. Однако по береговой кромке передвигаться можно было не только свободно, но даже и с комфортом.

Воспользовавшись этим, съёмщики после небольшого отдыха двинулись дальше на восток, непрерывно сверяя видимые ими очертания берега всё с той же картой 1913 года, составленной гидрографами Б. А. Вилькицкого. Следует признать, что береговая полоса на ней, хотя и была составлена с борта судна, в общем и целом соответствовала действительности и требовала лишь небольших уточнений.

Через четыре часа комфортной езды дорога вновь стала очень тяжёлой. Торосистые льды стали буквально налезать на обмёрзшие высокие скалы, так что путникам с гружёными санями и упряжками пришлось выбираться на террасу высотой метров в пятьдесят. Интенсивное торошение, судя по всему, началось совсем недавно, поскольку лёд в изломах был совсем молодым, а промежутки между льдинами ещё не были засыпаны снегом. Это означало, что в проливе Вилькицкого прямо сейчас происходит интенсивное торошение, что не сулит путешественникам ничего хорошего.

Несмотря на все эти трудности, за день путникам удалось пройти семнадцать километров, после чего они поставили лагерь прямо на льду пролива, возле берега, отыскав довольно большое ледяное поле без торосов. Снова лезть на террасу им уж очень не хотелось! К ночи задул довольно свежий северо-восточный ветер, который к утру превратился в серьёзную пургу. Бедные путники с трудом вылезли из палатки, ещё раз тщательно закрепили её, с наветренной стороны выложили рядом защитную стену из снежных кирпичей, после чего вновь залезли в тёплые спальные мешки. За ночь пурга до-

стигла ураганных размеров. Крыша палатки гудела, как бубен шамана. Зимовщики лежали в своих мешках, но уснуть под эту канонаду было не так-то просто.

На другой день к вечеру под порывами ужасной пурги они на четвереньках вылезли из палатки и увидели, что ледяное поле вокруг во множестве покрылось мелкими трещинами. Правда, пока эти трещины были незначительными, но опытные зимовщики приняли это за грозное предостережение: лёд под ними зашевелился! А это означало, что надо, во что бы то ни стало, выбираться на берег. Несмотря на бешеную пургу, они кое-как собрали свои вещи и, каждую минуту рискуя, что ветер вырвет палатку из рук и унесёт её прочь, откопали из-под снега собак, наспех подпрягли их и ползком, навстречу ветру, выбрались на берег, волоча псов с санями и поклажей за собой.

К счастью, рядом нашлось место с плотным снежным покровом, удачно защищённое небольшой возвышенностью. Съёмщики заново поставили палатку, перенесли к ней сани и груз, распрягли и привязали собак, ещё раз тщательно перепроверили все крепежи, после чего, переведя дух, уселись пить чай. А потом опять надолго залегли спать в свои спальные мешки – пурга!

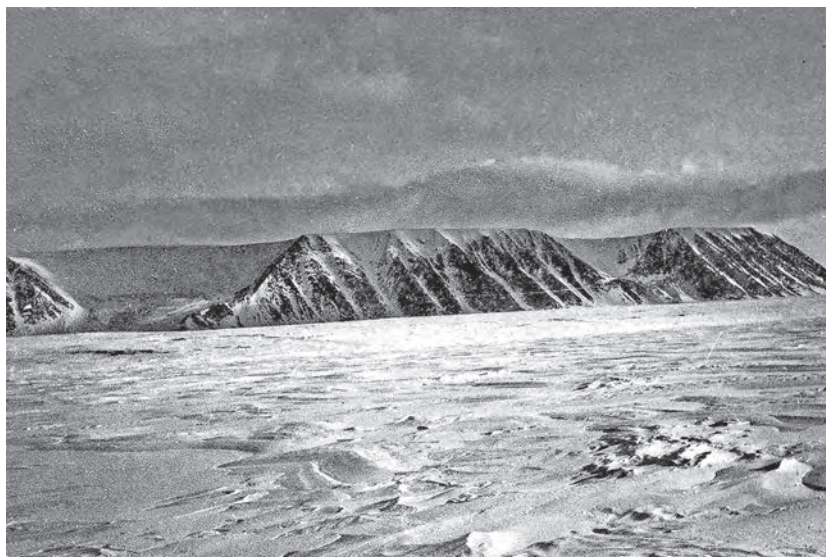
Только на четвёртый день она, в основном, стихла. Осталась лишь лёгкая позёмка, которая особой помехой движению не была. С самого утра решили отправиться дальше в путь, тем более что за время своего безумствования пурга напрочь вымела весь мягкий снег, и дорога стала такой гладкой – хоть боком катись!

Три дня пути съёмщики летели стрелой по прекрасной дороге и на четвёртый прибыли на мыс Евгенова, где определили и зафиксировали ещё одну реперную точку. Этот мыс представлял собою обширную галечную косу, вдающуюся далеко в Карское море. Торосящиеся льды на море были видны отсюда до самого горизонта во все стороны, и только вдоль берега, возле широкого и прочного припая лежала гладкая ледяная дорога, по которой обе упряжки вновь помчались во весь дух к северу.

Впрочем, такая роскошная жизнь продолжалась недолго. Уже километров через двадцать берег начал подниматься всё круче и круче, появились скалистые обрывы высотой до пятнадцати метров, а торосистые льды начали всё ближе и ближе прижиматься к скалам, оставляя совсем узкую полоску, по которой собачьи упряжки хоть как-то могли проезжать. Местами эта полоска пропадала совсем, и тогда приходилось осторожно пробираться по самому краю снежного забора, висящего над обрывом. Сани кренились и зависали так, что их приходилось поддерживать руками; собаки скользили, грозя обрушить снежный козырёк.

И наконец, гряда торосистых льдов подошла вплотную к отвесному уступу пятидесятиметровой террасы. Дальше на собаках ехать было нельзя, потому что ни снега, ни льда на той террасе не было вовсе – только голая земля да щебень.

В бинокль огорчённые путники смогли рассмотреть, что дальше, километра через три, терраса заканчивалась, а коренной берег острова трёхсотметровым обрывом спускался прямо в море, забитое торосящимся льдом. Дальше, в непро-

Восточный берег острова Большевик

ходимых торосах, были видны лишь небольшие открытые ледяные прогалины, через которые, лавируя, можно было попробовать как-то продвигаться вперёд. Но добраться до этого места можно только пешком, прорубая себе извилистую узкую тропу топором в ледяном лабиринте, по которому потом придётся протискиваться по одному, перенося на руках поштучно всех собак, сани и грузы. Самым же опасным было то, что в опасной близости оказалось теперь открытое море, и стоило задуть с берега отжимному ветру, как путники со своими собаками оказались бы в ледяной ловушке. Тем не менее, другого выхода у них просто не было, и Урванцев с Ушаковым взялись за топоры.

Они работали без отдыха десять часов в одних рубашках, мокрые от пота, несмотря на мороз, а потом быстро запрягли собак и по ледяному лабиринту двинулись зигзагами вперёд. Ещё часа через три перед ними явилась невысокая терраса, которая постепенно стала снижаться до уровня моря, после чего путники, преодолев последнюю невысокую прибрежную ледяную гряду, оказались на пологом заснеженном берегу.

Там они быстро поставили лагерь, привязали и накормили собак, напились горячего крепкого чаю с шоколадом и галетами и, обессиленные, торопливо заснули.

Проспали они более двенадцати часов и проснулись на другой день рано утром. Выйдя из палатки, Урванцев ахнул: там, где они вчера воевали со страшными ледяными торосами, теперь играло своими волнами беспредельное Карское море. Дул свежий отжимной ветер, который и отнёс все ледяные поля на северо-восток. Урванцев поёжился: он представил, что было бы с ними, если бы не вчерашняя каторжная, на первый взгляд не такая уж и необходимая работа. Теперь между коренным склоном и морем тянулась вполне приличная полоса ледяного припая, по которой вполне можно было ехать на упряжках. Берег был прямолинейным, почти без фиордов, с редкими мёртвыми ледниковыми языками, не доходящими до края моря.

Только на пятый день пути съёмщики достигли северной оконечности острова, где берег сначала повернул на

юго-запад, а потом и на юг. Здесь они сделали остановку и определили ещё один астрономический пункт, выехав на южный берег пролива Шокальского, в уже хорошо знакомые им места. Это означало, что самая трудная часть экспедиции была завершена. Предварительные вычисления показали, что северный конец острова Большевик лежит на тридцать километров дальше, чем это показано на карте экспедиции подполковника Б. А. Вилькицкого. Судя по всему, с борта корабля, откуда они производили съёмку, гидрографы высокие и крутые склоны острова приняли за его границу, а низменные части – за ледовый припай.

Далее по гладкому льду пролива Шокальского путешественники отправились к его северо-западному краю, откуда месяц назад они начали съёмку острова Большевик. Вскоре высокие обрывы коренной части острова опять вплотную подошли к береговой линии, но теперь это было уже не страшно: пролив был прекрасной гладкой дорогой без единого тороса, по крайней мере, в пределах видимости. Они безо всяких приключений пересекли два фиорда и подошли к третьему – фиорду Тельмана, где и закончили работу по съёмке этого острова, сделав в последний день рекордный переход – семьдесят километров!

Казалось бы, теперь можно было отдохнуть самим и дать ленивую поблажку собакам, которые весь этот месяц тоже потрудились на славу. Но позволить такой роскоши они себе не могли: им следовало изо всех сил торопиться домой. На календаре было уже 20 мая, а съёмщикам предстояло ещё провести обследование четвёртого, последнего из крупных островов архипелага Северная Земля – острова Пионер. Да и те мелкие огрехи, которыми сопровождалось окончание их работ по съёмке острова Октябрьской Революции летом прошлого года, непременно требовалось устранить. А для этого на обратной дороге к дому придётся дать порядочного крюка. И даже не одного, а нескольких. Правда, в сравнении с прочими более чем серьёзными съёмочными маршрутами, все эти «крюки», проблемы, недоделки и шероховатости были сущими пустяками. Но Ушаков с Урванцевым очень

*Н. Н. Урванцев и Г. А. Ушаков
в майском походе по острову Большевик*

серьёзно относились к качеству своей работы и никаких «шероховатостей» и неточностей допустить в ней не могли.

А главное: во второй половине августа за ними должен прийти с Большой Земли ледокольный корабль.

Здесь я вновь должен сделать небольшое авторское отступление. И оно тоже будет посвящено истории с географией.

Описываемый архипелаг (вернее, лишь его небольшая, восточная часть) был открыт 4 сентября 1913 года экспедицией под командованием капитана II ранга (подполковника) Бориса Вилькицкого, а своё официальное название на географической карте – «Земля императора Николая II» – получил 10 января 1914 года в связи с приказом морского министра Российской империи. Первоначально предполагалось, что это один огромный остров, на который дважды (сначала на восточный берег, а потом на южный) высаживались первооткрыватели. Там они установили российские флаги и после торжественного ружейного салюта дважды объявили его русской территорией. Впоследствии Президиум ВЦИК РСФСР специальным постановлением № 186 от 11 января 1926 года переименовал остров Земля Императора Николая II в архипелаг Северная Земля, а остров Цесаревича Алексея в остров Малый Таймыр. Однако Дума Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа своим специальным решением от 1 декабря 2006 года возвратила архипелагу Северная Земля прежнее название – Земля Императора Николая II, а острову Малый Таймыр – имени Цесаревича Алексея. При этом предлагалось переименовать остров Октябрьской революции в остров Святой Александры; остров Большевик – в остров Святой Ольги; остров Комсомолец – в остров Святой Марии; остров Пионер – в остров Святой Татьяны, а остров Домашний – в остров Святой Анастасии. Но после объединения прежнего Красноярского края и Таймырского автономного округа в расширенный Красноярский край, его Законодательное собрание эту инициативу поддержать категорически отказалось. И всё осталось в прежнем виде.

Впрочем, вернёмся в 1932 год на остров Большевик архипелага Северная Земля. На другой день, повторив астрономические наблюдения у начальной, реперной точки этого маршрута, съёмщики отправились к себе на базу. По пути они решили обследовать ещё и мелкие островки архипелага, которые второпях пропустили прошлой зимой, а также

Н. Н. Урванцев на привале

продублировать съёмку тех мест, где в условиях распутицы качество работы было, по их мнению, недостаточно надёжным. Собаки бежали ходко, словно понимали, что возвращаются домой, к сытой и ленивой жизни. Санный путь был в отличном состоянии, так что за день удавалось проходить по тридцать-сорок километров, тогда как прошлой весной отрезок даже в пять-шесть километров за сутки у них был достижением.

На остров Домашний съёмщики прибыли 28 мая, пробыв в пути полтора месяца и пройдя 1119 километров. И это был самый протяжённый маршрут всей их экспедиции.

Впрочем, на основной базе экспедиции, острове Домашнем, они пробыли всего три дня, и уже 1 июня вновь вдвоём отправились в последний маршрут по Северной Земле для того, чтобы исследовать и описать остров Пионер.

Сначала съёмщики заехали на мыс Серп и Молот, где забрали из тамошнего продовольственного депо все оставшиеся продукты, и в объезд поехали дальше. Они пересекли пролив Красной Армии и вдоль края острова отправились сначала на восток, а затем – на северо-восток.

Через пятнадцать километров берег круто повернул на северо-запад, и съёмщики своими глазами увидели, что, как они и предполагали, это был отдельный, четвертый большой остров архипелага Северная Земля.

На пути они повсюду видели множество белых медведей, которые неторопливо слонялись по всей округе среди торосящихся льдов, как видно, проверяя нерпичьи лунки. В одном месте неподалёку от берега путники заметили медведицу с медвежонком, в обнимку спавших прямо на льдине под лучами весеннего солнца. Заслышав скрип саней, звери проснулись, и ничего не поняв, на всякий случай бросились наутёк. Километра через четыре на абсолютно ровном ледяном поле полярники увидели молодого медведя, который, лёжа возле лунки, караулил нерпу. Урванцев, встав на нартах, которые вскачь понесли ошалевшие от азарта собаки, свистнул в два пальца. Медведь, смешно виляя жирным мохнатым задом, кинулся в видневшиеся невдалеке торосы, но съёмщики не стали его преследовать – теперь медвежье мясо им уже было не нужно.

Замкнув маршрут, исследователи завершили съёмку и 8 июня вернулись на базу острова Домашнего. И успели они вовремя, потому что всё небо обложило низкими, свинцовыми тучами, пошёл сначала мокрый снег, перешедший потом в проливной дождь, а температура воздуха поднялась аж до плюс пяти градусов по Цельсию. Снег и лёд начали таять

Медвежьи шкуры – охотничьи трофеи зимовщиков – на просушке

прямо на глазах, превращаясь в ужасную ледяную кашу, состоящую из острых жалящих игл.

Вечером того же дня с острова Голомянного, из своих охотничьих угодий, вернулся на базу на «инвалидной» упряжке Журавлёв. Он сообщил, что льды у этого острова взломало, и повсюду много открытой воды. А ещё он сообщил, что видел несколько больших стад белух, идущих к северной оконечности архипелага, где море бывает свободно от льда даже зимой. Появление белух в такое раннее время – хороший знак, свидетельствующий о том, что Карское море от Новой Земли до Северной Земли свободно ото льда, так что можно ждать хорошей навигационной обстановки.

На Домашний остров прилетела стайка гусей – всё тех же чёрных казарок. В прошлую весну их тут не было. Урванцев вспомнил, что позднее, уже в августе, идя вдоль ручья на острове Среднем, он встретил пару казарок с пятью пуховыми птенцами и очень удивился этому: выходит, иногда, в благодатные годы, гуси могут гнездиться даже в этих широтах.

На экспедиционной базе, в своём «немагнитном» научном домике, куда Урванцев теперь переместился на жительство почти совершенно (даже и ночевал там), он с головой погрузился в топографические и геодезические работы. Дело в том, что такие работы требовали абсолютного покоя, внимания и полной сосредоточенности исполнителя, а соблюсти их в общем доме было практически невозможно. Получив по радио из Главного астрономического института РСФСР запрошенные им координаты светил, он нанёс их на карту Северной Земли, начатую ещё прошлой зимой. Кроме карты в нормальной конической проекции, Н. Н. Урванцев решил вычертить ещё одну – в прямолинейной меркаторской проекции⁸⁵, специально для нужд полярного судовождения. Поскольку именно это было насущной задачей, по крайней мере, в период навигации.

⁸⁵ Одна из основных картографических проекций, разработанная ещё во времена средневековья для нужд судовождения картографом Герардом Меркатором.

Тем временем прижимные южные ветры сменились на северо-восточные, лёд вокруг островов взломало и возле Домашнего острова стала видна «открытая» вода вплоть до самого горизонта, так что до острова Октябрьской Революции теперь можно было добраться даже на шлюпке.

Вскоре зимовщики получили сообщение Отто Юльевича Шмидта о том, что ледокольно-транспортное судно «Александр Сибиряков» выходит через двое суток из Архангельска, намереваясь за одну навигацию дойти до Владивостока. При благоприятной ледовой обстановке оно предполагает посетить полярную базу и на Северной Земле. Однако во всех вариантах судно ограничится лишь кратким визитом вежливости и, разумеется, «любопытства». А привезёт новую смену полярников на теперь уже официально существующую для всего мира полярную станцию «Северная Земля» и заберёт с неё на Большую землю прежних, открывших её и героически проработавших там два с половиной года зимовщиков, другое судно – «Владимир Русанов».

Ночью 13 августа ледокольный пароход «Александр Сибиряков» подошёл к архипелагу Каменева, но остановился километрах в тридцати от острова Домашнего из-за тумана. В ожидании этого визита полярники команды Ушакова подстригли друг друга, подравняли бороды и переоделись в свою лучшую гражданскую одежду. Днём, когда туман немного рассеялся, «Александр Сибиряков» подошёл к зимовщикам и стал совсем рядом, пользуясь данными о прибрежных глубинах, сообщённых ему по радио. Разумеется, шлюпка зимовщиков уже стояла наготове, и не успело подошедшее судно бросить якорь, как она была уже возле его борта. А ещё через несколько минут «полярники Ушакова» были на палубе судна в объятиях моряков с «Александра Сибирякова».

Осмотрев полярную станцию на острове Домашнем и приняв участие в совместном с зимовщиками торжественном обеде, командование судна подробно ознакомилось с режимом льдов в районе Северной Земли, после чего решило обойти архипелаг с севера. На другой день ледокольное судно двинулось дальше на восток, приняв из рук в руки экземпляр

новой, только что вычерченной рукой автора (Н. Н. Урванцева) карты архипелага Северная Земля. Это был, несомненно, царский подарок!

Карта Северной Земли по работам экспедиции 1930-1932 гг., составленная Н. Н. Урванцевым

А ещё через день к острову Домашнему подошёл ледокольный пароход «Владимир Русанов» с грузом и новым персоналом для полярной станции «Северная Земля». На шлюпке его встретил Сергей Журавлёв, прекрасно знавший глубины и вообще всю прибрежную акваторию архипелага Каменева. Он помог поставить корабль в непосредственной близости от берега, что существенно облегчило и ускорило его разгрузку.

Закончив все работы на Домашнем острове и приняв на борт зимовщиков экспедиции Ушакова, ледокольный пароход «Владимир Русанов» отправился к проливу Шокальского, который оказался совершенно чист от льда. Глубины там были большие, метров по двести-триста, погода благоприятствовала путешествию, так что уже 21 августа судно было возле мыса Челюскин, где выгрузило на берег имущество для новой полярной станции, а также бригаду плотников, которым предстояло возвести для станции новый дом.

Эта ударная стройка была закончена 4 сентября, всего за две недели. Над ней, как и положено, был поднят советский флаг, прогремел залп ружейного салюта, после чего ледокольный пароход «Владимир Русанов» отправился в порт приписки Архангельск. И на нём – четвёрка первооткрывателей архипелага Северная Земля, оценить подвиг которых сегодняшнему человеку просто немыслимо. Ибо этого не может быть, но это было! При всём том, карты, начертанные вручную (!) Н. Н. Урванцевым, практически никак за девяносто лет не корректировались. Всё там было абсолютно точно!

Итак, на этом экспедиция по съёмке и изучению архипелага Северная Земля, продолжавшаяся в общей сложности около двух с половиной лет, закончилась. На собачьих упряжках её участники прошли в общей сложности около пяти тысяч километров, из них со съёмкой – две тысячи двести двадцать; для организации продовольственных складов – около двух тысяч; повторных маршрутов – семьсот восемьдесят километров. Для астрономической увязки было определено и зафиксировано семнадцать реперных пунктов, позволивших нанести на карту все очертания островов с весьма большой

точностью. На основании этих данных были начерчены географические карты, которые отвечали самым строгим требованиям. Было также изучено геологическое и морфологическое строение всех островов архипелага Северная Земля и составлены соответствующие карты. Удалось со всей полнотой выяснить климат, растительный и животный мир этих островов, характер ледового мира окружающих морей. И самое главное, установлены убедительные признаки присутствия там полезных ископаемых: меди, олова, железа и даже нефти.

Эта титаническая работа мировым полярным научным сообществом была признана научным подвигом, за который её руководители и главные исполнители Георгий Алексеевич Ушаков и Николай Николаевич Урванцев были удостоены высших советских наград того времени – орденов Ленина.

Часть III
НИИГА «Севморпути»

Глава 16

Поход с Ленским караваном. Вынужденная зимовка у островов Самуила

В тридцатых годах прошлого столетия буквально вся молодёжь нашей страны грезилась Арктикой. Так же, как потом, в шестидесятых годах, все мальчишки играли в космонавтов, в тридцатых годах они играли в полярников. В ту пору считалось, что настоящим героем можно стать только на Крайнем Севере. Впрочем, это дело касалось не только мальчишеских игр, но и большой политики Советской страны. Освоение Крайнего Севера было важнейшей стратегической задачей, особенно, если оно не только поднимало престиж страны, но и приносило ей реальную, притом вполне ощутимую прибыль. И одной из ключевых фигур в этом деле был в ту пору полярный геолог Николай Николаевич Урванцев.

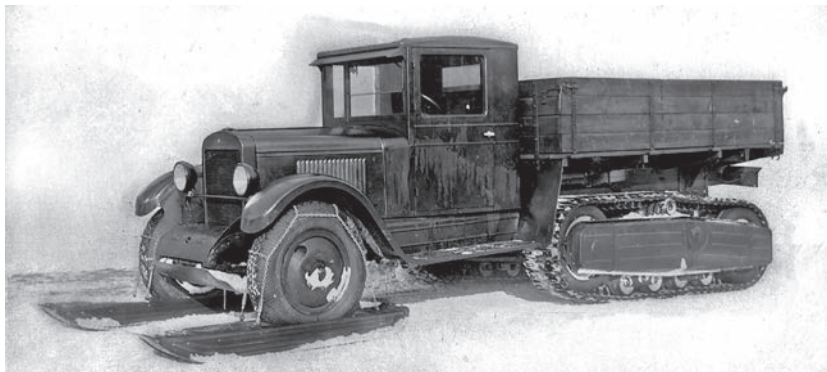
После героической зимовки четвёрки полярников на Северной Земле, которой рукоплескал весь мир, интересовавшийся Арктикой, у Урванцева возник вопрос: чем заниматься дальше? После зрелых размышлений в 1934 году он предложил учёному совету Арктического института Главсевморпути отправить к устью реки Анабар в район Нордвика экспедицию для разведки нефтяных месторождений. В ту пору нефтяная геофизика как наука была ещё в зачаточном состоянии, а о сейсмике никто из геологов толком и не слышал. Нефть искали тогда методом «проб и ошибок», выбирая места для пробуривания неглубоких скважин на основе собственных догадок или по рассказам о необычных находках бывалых людей и путешественников. Вот и Н. Н. Урванцев остановился на Нордвике лишь потому, что в Якутском архиве он наткнулся на сообщение промысловика Н. С. Белькова о том, что во время путешествия по Анабарской стороне тот «обнаружил соль каменную и масло, названное врачебной управой чёрной нефтью». Это сообщение было датировано 1804 годом.

Совершенно ясно было и то, что поиски нефти на Крайнем Севере можно вести только с помощью буровых работ, для которых вполне годятся станки КА-500, слава Богу, уже выпускавшиеся в то время отечественной промышленностью. Их можно было разбирать на части, весом пятьдесят-семьдесят пять килограммов каждая и транспортировать в условиях полного «бездорожья и разгильдяйства».

Экспедицию предполагалось доставить в бухту Нордвик морским путём на одном из судов Ленского каравана, который пойдёт из Архангельска на Лену, в бухту Тикси с промышленными грузами для всей Якутии (никаких других дорог, кроме рек в этой необъятной республике в ту пору не было).

Весьма важным вопросом для новой поисковой экспедиции был и обиходный транспорт. Ведь только с его помощью можно будет перебрасывать с места на место буровые вышки и оборудование, а также обеспечивать перевозку горючего, воды, продовольствия и вообще всего необходимого. О лошадях, оленях и собаках тут не могло быть и речи. Тут нужен был механический транспорт, опыт применения которого в своё время Урванцев приобрёл, работая в Норильске на гусеничных тракторах с прицепами. Тогда с их помощью из Дудинки (от Енисея) в Норильск доставляли крупные грузы, прежде всего стройматериалы. Это был первый опыт применения механического транспорта для работ в Арктике не только у нас в стране, но и во всём мире. Впрочем, уже тогда стало ясно, что тяжёлые гусеничные машины с большегрузными санями могут работать только либо на прочных ледяных дорогах, либо на укатанных ветром до асфальтовой плотности снежных равнинах. А для бездорожной снежной целины будут пригодны лишь лёгкие грузовики с гусеничным или полугусеничным ходом и лёгким буксиром на прицепе. Так что от тяжёлых тракторов сразу же пришлось отказаться.

Вскоре через своих энергичных помощников, которых у Урванцева всегда бывало множество, он узнал, что в Научном автотракторном институте (НАТИ) на базе полуторки, выпускаемой автомобильным заводом ГАЗ, разрабатывается

*Маневренная, высокопроходимая машина НАТИ-2
на полугусеничном ходу*

маневренная высокопроходимая машина на полугусеничном ходу. Именно такая машина, называвшаяся НАТИ-2, как раз и была нужна ему. Дело было за малым: получить эти машины для работы на Крайнем Севере. Кроме того, следовало сформировать шофёрскую группу водителей и механиков для этих вездеходов.

Поначалу высокомерное руководство НАТИ от работы с геологами в Арктике категорически отказалось, заявив, что никаких заказов со стороны институт вообще не принимает, тем более, от организаций, не связанных с автомобильным транспортом. Впрочем, когда дело касалось межведомственных дрызг разного рода, победить связку О. Ю. Шмидт – Н. Н. Урванцев было совсем непросто. Несколько телефонных звонков «с самого верха», парочка грозных писем за серьёзными подписями, и задача была решена: машины для экспедиции Урванцева были выделены, а к ним – двое опытных механиков-водителей НАТИ И. А. Бизикин и Г. Г. Колобаев. Затем к ним прибавили ещё двоих: механика Н. Н. Чуйкина из ЦАГИ и шофёра М. А. Грачёва из гаража Ленсовета.

Наступил июнь месяц. В Архангельске открылась навигация. На рейде стали три корабля Ленской экспедиции: лесовозы «Володарский», «Товарищ Сталин» и «Правда», последний из которых и должен будет доставить экспедицию

Урванцева в бухту Нордвик. Пора было собираться в путь. Из Архангельска по Белому и Баренцеву морям суда должны будут идти самостоятельно под руководством начальника морской проводки каравана капитана М. А. Сорокина, находившегося на лесовозе «Володарский». Возле Новой Земли суда Ленского каравана встретит ледокол «Красин» и станет сопровождать их во льдах Карского моря до острова Диксон и далее к проливу Вилькицкого, а если потребуется, то и во льдах моря Лаптевых до самой бухты Тикси. Впрочем, пока ещё «Красин» ремонтируется в Ленинграде, потом он должен будет пойти в Мурманск с тем, чтобы загрузиться там углем и только потом отправится на встречу со своим караваном

Все работы по погрузке судов Ленской экспедиции были закончены к 7 августа, и экспедиция Урванцева, свернув свой палаточный лагерь на берегу, перебралась на судно «Правда» в подготовленные для неё помещения. А 8 августа караван уже двинулся в путь. Встречу с «Красиним» руководство экспедиции назначило в проливе Маточкин Шар, разделявшем Новую Землю на два острова: северный и южный. Полярники исстари называли этот пролив «входными воротами» в Карское море.

В Баренцево море караван вошёл 10 августа, и тотчас райская погода, прежде сопровождавшая путешественников, напрочь испортилась: резко похолодало, подул пронзительный северо-восточный ветер, пошёл противный ледяной дождь. Псы из собачьей упряжки Урванцева, размещавшиеся в загоне на полубаке под открытым небом, стуча от холода зубами, жались друг к другу с подветренной стороны, пытаются хоть как то согреться. Однако мелкие кусочки льда, летевшие с неба, и холодные брызги из-под носа корабля не позволяли им этого. Особенно страдала от холода огромная кавказская овчарка палевой масти с подрезанными ушами и наполовину обрубленным хвостом. У неё, видимо, когда-то была повреждена левая передняя лапа, поэтому она слегка прихрамывала. Звали пса Чемаром, но за обрубленный хвост, который походил на небольшую чурку, все фамильярно именовали его Чуркиным, и это прозвище надёжно прилепилось к нему на-

всегда. Огромная, иззябшая до костей псина смотрела на всех такими печальными глазами, что врач экспедиции Елизавета Ивановна (жена Николая Николаевича Урванцева) не выдержала, сжалилась над нею и взяла к себе в каюту. С тех пор пёс Чуркин стал её верным другом и отважным защитником.

К вечеру 12 августа Ленский караван вошёл в пролив Маточкин Шар и стал на рейде возле полярной станции того же названия. В проливе, у самого входа в него, уже стоял ледокольный пароход «Челюскин», только что специально построенный для России на верфи в Дании. На нём Отто Юльевич Шмидт собирался за одну навигацию повторить своё сквозное плавание из Мурманска во Владивосток. Капитаном на «Челюскине» шёл тот же, что и в первом рейсе – знаменитый В. И. Воронин.

Ледовая обстановка на Карском море оказалась очень сложной. Всё это время там упорно дули северо-восточные ветры, которые напрочь забили льдом всю южную часть моря. Опытные полярные асы В. И. Воронин и О. Ю. Шмидт решили, что в связи с этим, скорее всего, более свободной ото льда будет северная часть Карского моря, и следует провести «Челюскин» возле мыса Желания. Поэтому этот ледокольный пароход самостоятельно пойдёт на север, а Ленский караван в сопровождении ледокола «Красин» через Маточкин Шар отправится на восток к Диксону. Сам «Красин» уже прибыл к выходу из Маточкиного Шара и стоял там в ожидании своих подопечных.

Уже 13 августа Ленский караван кильватерной колонной: «Володарский», «Правда», «Товарищ Сталин» двинулся к острову Диксон. Впереди, прокладывая путь во льдах, отчаянно трудился «Красин». Поначалу всё шло вроде бы неплохо, но уже на вторые сутки пути битые, разреженные льды сменились пространными торосющимися ледяными полями. Впрочем, пока что юркий ледокол ухитрялся лавировать в них, отыскивая трещины и разводья. К сожалению, проложенный им канал, быстро вновь затягивался льдом, так что лесовозам, идущим следом, приходилось нелегко. Особенно доставалось судну «Правда», где находилась экспедиция

*Караван судов 1-й Ленской экспедиции во льдах Карского моря.
Справа – ледокол «Красин», слева – лесовоз «Володарский»,
съёмка – с лесовоза «Правда»*

Урванцева. Возглавлявший его капитан Х. А. Балецкий вёл своё судно во льдах первый раз в жизни. Поэтому «Красину» часто приходилось возвращаться назад для того, прийти на помощь незадачливому капитану. В довершение к этому, над морем пал густой туман, видимость стала минимальной, и лесовозы пошли совсем малым ходом, боясь повредить корпуса своих судов. Временами они и вовсе вставали и начинали переключаться гудками, боясь сбиться с пути.

Вскоре «Красин» повёл караван существенно южнее, поскольку с ледокольного парохода «Владимир Русанов» сообщили, что Югорским Шаром они прошли по почти чистой воде, так что есть надежда на то, что ближе к матерiku путь будет легче. К счастью, так оно и оказалось. Вскоре появились разводья, битый лёд и к утру следующего дня караван подошёл к кромке ледяного поля. Участники Ленского каравана решили, что все их мучения на ближайшее время закончились.

Но ещё через день случилось большое несчастье. Конвоирующий караван ледокол «Красин» получил сообщение, что «Челюскин», идущий гораздо более северным курсом,

был зажат в сплошных льдах и при попытке вырваться из них получил серьёзное повреждение⁸⁶. В носовой части его левого борта от удара об лёд лопнули шпангоут и стрингер, из-за чего образовалась большая пробоина. Поэтому «Красину» было предписано, бросив своих подопечных, идти к пострадавшему «Челюскину» на помощь. Впрочем, теперь, когда сплошные льды на пути Ленского каравана закончились, помощь отважного «Красина», как тогда казалось морским полярникам, ему будет не очень-то и нужна.

Однако уже на другой день пути выяснилось, что ледовая обстановка на Карском море была далеко не такой благоприятной, как представлялось поначалу. И присутствие «Красина» Ленскому каравану совсем бы не помешало. Но, делать нечего, теперь лесовозам пришлось пробиваться к Диксону самим, без посторонней помощи. В результате, с грехом пополам до этого острова они всё-таки добрались, хотя и не без неприятных приключений: у лесовоза «Товарищ Сталин» в форпике появились серьёзная течь и пробоина в борту; на «Правде» – оказалась погнутой лопасть винта. И только «Володарский» практически не пострадал. Теперь, на внешнем рейде, ожидая возвращения «Красина», придётся проводить на пострадавших судах серьёзные ремонтные работы: заливать пробоины цементом, ставить новые крепежи и выправлять лопасти.

Здесь же, на рейде Диксона, стоял ещё и ледокольный пароход «Владимир Русанов», который должен доставить в бухту Марии Прончищевой на восточном Таймыре большую промыслово-охотничью артель, которую возглавлял Сергей Журавлёв, участник Североземельской экспедиции, соратник и друг Н. Н. Урванцева. Ехали охотники с семьями, надолго, надеясь на хороший промысел. Руководством Севморпути было принято решение, что «Владимир Русанов» после высадки артели пойдёт с Ленским караваном, помо-

⁸⁶ Это была ещё не та катастрофа, о которой потом узнал весь мир, а всего лишь небольшая авария, последствия которой «челюскинцам» легко удалось устранить. Настоящая катастрофа случится с ними гораздо восточнее, в Чукотском море.

гая лесовозам в тяжёлых льдах. До пролива Вилькицкого с ними пойдёт ещё один ледокольный пароход – «Александр Сибиряков», который доставит на полярную станцию Мыс Челюскин новый личный состав и полное снабжение на два года зимовки, а сам вернётся в Архангельск. Ну а Ленский караван пойдёт дальше, до бухты Тикси. Там он разгрузит на баржи свои пять тысяч тонн груза, которые через устья рек, впадающих в Лену (и по ней самой), доставят до различных якутских городов и посёлков.

Наступал конец августа, а никакой ясности с дальнейшим продвижением Ленского каравана всё ещё не было. К этому времени на рейд Диксона возвратился и ледокол «Красин», но уверенности это никому не прибавило. Ледовая обстановка на востоке Карского моря по-прежнему была тяжелейшей. Ледовый пароход «Владимир Русанов», вышедший на разведку, вскоре вернулся назад, поскольку льды возле шхер Минина оказались вовсе непроходимыми. Северо-восточные ветра изо всех сил продолжали дуть и менять своего направления не собирались. Ситуация была тупиковой.

Из Красноярска на Диксон прилетел начальник Ленской экспедиции по снабжению Якутской республики Б. В. Лавров и сразу же, по прилёте, собрал совещание, повестка которого состояла всего из одного пункта: каким путём каравану идти дальше. На это совещание он пригласил капитанов всех судов, стоявших на рейде, начальника гидрологов В. Ю. Визе, начальника проводки судов по Карскому морю М. Я. Сорокина, пилота гидросамолёта А. Д. Алексеева, а также начальника геологической экспедиции Н. Н. Урванцева. В наличии имелось три варианта: первый – идти напрямик, через шхеры Минина и архипелаг Норденшельда; второй – параллельно первому, но значительно севернее, по самой кромке береговой линии; третий – ещё севернее, на широте острова Уединения.

Первый вариант отпал сразу, поскольку и пилот Алексеев, и капитан «Владимира Русанова» в один голос категорически заявили, что и шхеры, и архипелаг битком забиты таким мощным торосящимся льдом, что пройти его без повреждений

Обсуждение плана проводки судов 1-й Ленской экспедиции от о. Диксон до пролива Вилькицкого. Слева направо: Н. Н. Урванцев, Б. В. Лавров, П. С. Сергеев, Х. А. Балецкий, И. П. Полещук.

судам будет никак невозможно. А вот по их северной кромке пройти вполне можно, там даже иногда видна открытая вода (безо льда), лишь изредка прерываемая перемычками не ломаного льда. Ещё севернее, где сейчас идут «Челюскин» и ледокольный пароход «Георгий Седов», встречаются разрозненные поля битого, вполне проходимого льда. Далее пройти в море Лаптевых можно либо проливом Шокальского, либо проливом Вилькицкого. Оба этих пролива, по сообщению радиостанций, свободны от сплошного, не взломанного льда. Все капитаны кораблей, в том числе и капитан ледокола «Красин», высказывались за второй вариант пути. Урванцев и Сорокин – за третий, учитывая полное господство в течение продолжительного времени северо-восточных, отжимных ветров. Начальник Б. В. Лавров после недолгого раздумья утвердил второй вариант, дополнив своё решение таким условием: если береговая полоса вдоль северного края не откры-

ется до полного ледостава, все корабли каравана уйдут вверх по Енисею на зимовку в Игарку до следующей навигации.

Порядок следования судов в караване был утверждён в таком виде: сразу за ледоколом «Красин», в пробитом им канале идёт «Товарищ Сталин»; за ним – «Правда»; далее, раздвигая отчасти закрывавшийся канал для «Володарского», – «Владимир Русанов»; замыкать караван будет «Александр Сибиряков».

И последнее: перед выходом непременно следует ещё раз произвести детальную ледовую разведку пути следования на гидросамолёте.

Около полуночи 24 августа караван двинулся в далёкий путь, полный трудностей и опасностей. Пролетевший над ним пилот Алексеев по радио сообщил, что вплоть до самого архипелага Норденшельда проход совершенно свободен ото льда. Что дальше – рассмотреть невозможно: там лежит густой туман. Погода пока что стоит отличная: ясная, с лёгким морозцем и небольшим, но, к сожалению, северо-восточным ветерком.

Два дня шли по почти чистой воде, лишь кое-где обходя небольшие ледяные поля. Прошли шхеры Минина и начали приближаться к архипелагу Норденшельда. Постепенно начал сгущаться туман – предвестник серьёзных льдов. Ночью он сгустился настолько, что караван вынужден был остановиться. К утру стало немного яснее, и караван потихоньку двинулся дальше. Особенно трудно пришлось лесовозам. «Правда» ещё как-то держалась в канале, прорубленном ледоколом, а «Володарский» здорово зажимало во льду, и он всё время просил о помощи. Его соседи ледокольные пароходы «Владимир Русанов» и «Александр Сибиряков» толком помочь ему не могли, поскольку и сами крепко застревали. Один только «Красин» отважно сражался за всех. Люди время от времени сходили на лёд – размяться и сменить впечатления. Сергей Журавлёв, как-то придя на «Правду» в гости, сказал, что видел свежие медвежьи следы и предложил сходить на охоту. Урванцев от такого приключения отказался и предостерег своего товарища по экспедиции на Северную Землю от

столь опрометчивого поступка. И правильно сделал, потому что вскоре из ледовой разведки вернулся «Красин», и его капитан обрадовал всех, сообщив, что к югу, ближе к берегу, он нашёл длинную полосу чистой воды, по которой намерен вести теперь караван.

Весь следующий день суда шли в своё удовольствие, но к ночи опять попали в тяжёлые льды и туман. Пришлось остановиться и целый день ждать улучшения погоды и ледовой обстановки. Ночью вдруг из тумана к каравану вышел медведь. Со всех кораблей тотчас поднялась винтовочная канонада, и вскоре зверь был застрелен. Кто убил его, осталось неизвестным. Ближе всех был «Красин», и добычу, не сговариваясь, решили уступить ему.

Ещё сутки пришлось проторчать каравану у северо-восточной окраины архипелага Норденшельда, около острова Русский. «Красин» вновь пошёл в разведку, предварительно вызвав себе на помощь гидросамолёт. Пилот Алексеев по радио сообщил, что к северо-востоку от стоянки каравана, всего в тридцати километрах, простирается совершенно чистая вода вплоть до самого мыса Челюскин. Да и в проливе Вилькицкого видны только отдельные редкие льды, которые лесовозам особенного урона нанести не должны. Казалось бы, всё складывается наилучшим образом, но, возвращаясь к каравану для того, чтобы вывести его из льдов, «Красин» умудрился потерять свой левый винт, и мощность его упала сразу на треть. Впрочем, этого можно было ожидать – то был, хотя и мощный, но старый трудяга, построенный ещё до Первой мировой войны в Англии. Да и двадцать лет борьбы с двухметровыми торосами в Русской Арктике – это тоже не шуточки. Тем не менее, ледокол с большим трудом пробил канал, вывел караван на чистую воду и пошёл дальше, к проливу Вилькицкого, до которого оставалось ещё около двухсот километров.

К мысу Челюскин караван подошёл 1 сентября. С полярной станции по радио сообщили, что, несмотря на упорные северо-восточные ветры, пролив Вилькицкого в этом году ни разу полностью не забивало льдом. Это означало, что и

в море Лаптевых его немного, так что Лавров отдал распоряжение «Правде» идти в Нордвик самостоятельно, а «Володарскому» и «Товарищу Сталину» – идти в Тикси. «Красин» же должен теперь пойти на запад, навстречу речным судам, идущим на восток, для того, чтобы, в случае необходимости, поддержать их своими ослабевшими, но всё ещё значительными силами. Кроме того, северо-восточный ветер без особенных причин переменялся вдруг на юго-восточный. Это позволяло надеяться на улучшение ледовой обстановки в самое ближайшее время, и тогда помощь трудяги «Красина» лесовозам могла не понадобиться.

Мыс Челюскин «Правда» покинула почти сразу же и весь следующий день шла по совершенно чистой воде. Вскоре, однако, за островами Самуила, начали появляться сперва редкие, а затем и довольно плотные льды. Капитан Балецкий вынужден был радировать Лаврову: «Окружён льдами. Не знаю, что делать. Ложусь в дрейф. Пришлите подмогу». Тот ему тотчас ответил: «Выбирайтесь сами. Ветер для вас благоприятный, а ледяные поля тут небольшие». Как ни странно, это оказалось правдой – льды вскоре стало разносить, и лесовоз «Правда» выбрался на чистую воду, по которой легко дошёл до конечной цели своего пути – бухты Нордвик

Он вроде бы и добрался до неё, да не совсем. К бухте Нордвик экспедиция Урванцева подошла 4 сентября, но туда (в бухту) ещё надо было зайти и как-то пришвартоваться там для разгрузки. В эту бухту было два входа: с запада – со стороны Хатангской губы, мимо островов Большой Бегичев и Преображения; и с востока – мимо полуострова Пакса. Капитан повёл свою «Правду» с восточной стороны, что оказалось грубой ошибкой, так как на западе было устье большой и полноводной реки Хатанги, текущей издалека, с плато Путорана. А на востоке – узкий и длинный пролив, полный песчаных отмелей и каменистых островков. Несмотря на отсутствие карты глубин, капитан Балецкий повёл судно, хотя и тихим ходом, но без измерения глубин по дороге. Геологи уже начали было готовиться к выгрузке, как вдруг, на самой середине пролива, судно село на мель. Никакие попытки

вернуться на глубину к успеху не привели. К счастью, это произошло в отлив, и, когда он сменился приливом, «Правде» с большими усилиями удалось всё-таки сползти с этой мели. Капитал отвёл судно назад, в открытое море, стал там на якорь, и предложил геологам разгружаться прямо в море, что было не только бессмысленно, но даже глупо.

Урванцев предложил спустить на воду хотя бы шлюпку и, последовательно измеряя глубины, поискать хороший проход к берегу. Вдали, на мысе острова Большой Бегичев, в бинокль был виден какой-то мореходный знак. Можно было бы сходить туда и посмотреть, что он обозначает или о чём предупреждает. На «Правде», между прочим, было также два мореходных катера, с помощью которых можно было бы провести эти промеры, но капитан от этого категорически отказался, заявив:

– На гружёном судне я заниматься промерами не стану!

И вместо поисков прохода, собрал судовой совет для ответа на вопрос: «Что будем делать?».

Совет постановил: вместо промеров, идти в бухту Марии Прончищевой, за сто пятьдесят километров от Нордвика, где уже вёл разгрузку ледокольный пароход «Владимир Русанов», доставивший туда промысловую артель Журавлёва, и там выгрузить экспедицию Урванцева. Это означало, что все геологические работы по поиску нефти на Таймыре были бы в следующем полевом сезоне просто невозможны.

Как выяснилось впоследствии, в то время, когда судно «Правда» сидело на мели, совсем рядом, в шести километрах, возле западного берега острова Преображения, стоял моторный бот «Пионер» гидрографического отряда, за трое суток до этого проводивший промеры глубин как раз в бухте Нордвик. Но у этого «Пионера» ни приёмной, ни, тем более, передающей радиостанции не было. О приходе «Правды» в бухту Нордвик и вообще о движении Ленского каравана судов гидрографы ничего не знали. Мало того, пока этот лесовоз сидел на мели, «ожидая у моря погоды», матрос с «Пионера» сходил на коренной берег и, поднявшись там на довольно высокую гору, увидел в бухте дым. Однако на судне ему никто

не поверил, поскольку все были убеждены, что в такую пору ни один пароход подойти сюда не сможет. А как уже сказано, о существовании каравана, сопровождаемого ледоколами, на «Пионере» не знали и знать не могли.

Одним словом, лесовоз «Правда», развернулся назад и пошёл к бухте Марии Прончищевой. Особенно мощных плавающих льдов по дороге он не встретил, видимость оставалась прекрасной, казалось бы, никаких препятствий для разгрузки «Правды» не ожидалось. Но в этой бухте оказалось серьёзное приливно-отливное течение, о чём капитан «Владимира Русанова», опытный полярный мореход Б. И. Ерохин заранее предупредил радиограммой капитана «Правды» Х. А. Балецкого. Но тот не внял его предостережению и, не делая никаких промеров, смело повёл своё судно к берегу. Как и следовало ожидать, сильное приливное течение тут же навалило «Правду» на входную песчаную косу, и судно с размаху уселось на мель, на этот раз «окончательно и бесповоротно».

Можно только удивляться, почему в бухту Нордвик, с неизвестными подходами к ней и не промеренными глубинами, было послано судно, ведомое капитаном, незнакомым с особенностями полярного плавания и до этого никогда в Арктике не бывавшим. Казалось бы, гораздо логичней было послать туда судно «Володарский» во главе с капитаном Н. В. Смагиным. А вместо него, в бухту Тикси, все подходы к которой хорошо известны и глубины промерены, направить «Правду», ведомую самоуверенным, но неопытным Х. А. Балецким.

Целый день лесовоз «Правда» своими силами пытался сползти с мели, но с каждым часом становилось всё понятнее, что это нереально. К нему на помощь пришёл ледовый пароход «Владимир Русанов» и попробовал стащить завязшее судно двумя своими машинами, но только порвал несколько мощных канатов и обломил свой кнехт. Делать нечего, пришлось идти на крайние меры: разгрузить, насколько это возможно, «Правду» прямо на лёд и попытаться всё-таки стащить с мели уже облегчённое судно. Кирпичи, глину и строительный лес выгружали на подносимые течением огромные льдины, которые относило отливом в открытое море, а потом

приливом заносило обратно, где их ловили и быстро разгружали на берег. Не покладая рук, без сна и отдыха работали все, включая команду парохода. Так продолжалось около десяти суток с небольшими перерывами на еду и сон. А тем временем Урванцев послал своих плотников на берег для того, чтобы они начали ставить там жильё для зимовщиков Сергея Журавлёва.

Когда грузчики, составленные из членов команд обоих судов и охотников промысловой артели, обалдевшие от этого на беду свалившегося труда, взмолились о пощаде, капитан «Владимира Русанова» Б. И. Ерохин смилостивился. Он решил, что «Правда», может быть, уже достаточно облегчилась, и теперь можно попробовать сделать ещё одну попытку стащить «Правду» с этой ужасной мели. Он аккуратно подвёл своё судно к «Правде» и вначале дал команду перегрузить к себе палубу оттуда все бочки с горючим, а потом откачать из трюмов «Правды» ещё и весь балласт. Только после этого «Владимир Русанов» аккуратно, мелкими рывками, с большим усилием стащил злосчастное судно с мели.

Тем временем, лесовозы «Володарский» и «Товарищ Сталин» уже дошли до цели своего путешествия и стали под разгрузку в бухте Тикси. Вскоре трудяга «Красин» привёл туда из Диксона также пароход «Пятилетка» с лихтером на прицепе, преодолев грозные льды архипелага Норденшельда. Эта «Пятилетка» и поведёт далее баржи с грузом для якутских селений сначала вверх по Лене, а затем и по её притокам.

Ну, а суда Ленского морского каравана после своей разгрузки 16 сентября вышли из Тикси в обратный путь и 20 сентября подошли к бухте Марии Прончищевой, чтобы забрать с собой в обратный путь и лесовоз «Правда». Время было на исходе – полярные льды стали смерзаться, и на воде повсеместно начал образовываться молодой «блинчатый» лёд.

До пролива Вилькицкого дошли без особых проблем: молодой лёд даже лесовозы преодолевали легко, а старые ледяные поля были небольшими, и их легко удавалось обходить. Но вскоре пришлось остановиться по другой причине: вокруг воцарилась чернильная, непроглядная тьма, в которой

двигаться через льды было никак невозможно. Нужно было ждать лунного света или хотя бы жидких полярных сумерек.

Ждать пришлось очень долго. За это время подвижками льдов караван унесло далеко назад, к восточному краю пролива Вилькицкого. За ночь выпал довольно большой пласт снега, льды уплотнились, и теперь уже нельзя было различить, где молодой лёд, а где старый. Лесовозы то и дело застревали во льдах и гудками просили о помощи. Все понимали, что впереди их ждут ещё более тяжкие испытания. От «Александра Сибирякова», доставившего новую смену на полярную станцию Мыс Челюскин и потом ушедшего вперёд, начальник Ленского каравана Б. В. Лавров получил радиogramму о том, что в районе архипелага Норденшельда очень тяжёлые, практически непроходимые льды. Сам «Александр Сибиряков» уже был крепко зажат ими и просил помощи у ледокола «Красин». Было совершенно очевидно, что в создавшихся условиях зимовка судов-лесовозов неизбежна. И только ледокольные пароходы «Владимир Русанов» и «Александр Сибиряков» при поддержке всё того же «Красина» могут сделать попытку сообща пробиться к Архангельску.

На зимовку решили идти назад, на северо-восток, к близлежащим островам Самуила, находящимся в ста десяти километрах от мыса Челюскин. От коренного берега их гряда находилась всего в двенадцати километрах, что было надёжной защитой от ледяных полей с западной стороны.

Утром 23 сентября начальник Ленского каравана и всей экспедиции издал приказ, который был передан всем судам по радио. Вот он:

«Приказываю остановить дальнейшее продвижение каравана на запад и вернуть для зимовки лесовозы "Володарский", "Правда", "Товарищ Сталин" в район островов Самуила. После постановки этих судов на зимовку ледоколу "Красин" продолжить поход на запад, взяв под свою опеку ледовые пароходы "Владимир Русанов" и "Александр Сибиряков". Капитанам судов "Володарский", "Правда" и "Товарищ Сталин" срочно проверить остающийся на зимовку штат сотрудников, списать лишнее количество людей на борт

ледовых пароходов "Владимир Русанов" и "Александр Сибиряков", обеспечив их тёплой одеждой и продовольствием на случай вынужденной зимовки при переходе. Начальнику геологической экспедиции товарищу Урванцеву предлагаю остаться на зимовку, подобрав для этого штат необходимых специалистов и рабочих для полного изучения района зимовки с точки зрения геологической, метеорологической, охотоведческой и прочих. Руководство всеми этими работами поручаю товарищу Урванцеву. Лишних людей из экспедиции Урванцева, находящихся на лесовозе "Правда", списать на пароход "Владимир Русанов", обеспечив необходимой одеждой и продовольствием на случай их зимовки при переходе. Капитана лесовоза "Володарский" товарища Смагина назначаю групповым капитаном зимующих морских судов. Товарищу Смагину поручается забота о надлежащей постановке судов и наблюдение за их состоянием во всё время зимовки. Начальник Ленского каравана Б. В. Лавров».

К полудню следующего дня все три лесовоза, ведомые ледоколом, подошли к островам Самуила. «Красин» вошёл в пролив между островами, пробил в нём канал, взломав многолетний лёд, ввёл туда по очереди все три судна и поставил их бок-о-бок друг к другу под защиту островов. Это было самое безопасное положение. От напора льдов с моря при восточных ветрах всех румбов суда охраняли острова, а от западных ветров – сам полуостров Таймыр. Опасными могли быть только ветер и напор льдов вдоль пролива, с севера. Но пролив был слишком узок, и чтобы взломать там лёд, нужен был ледяной шторм невиданной прежде мощности, который был маловероятен.

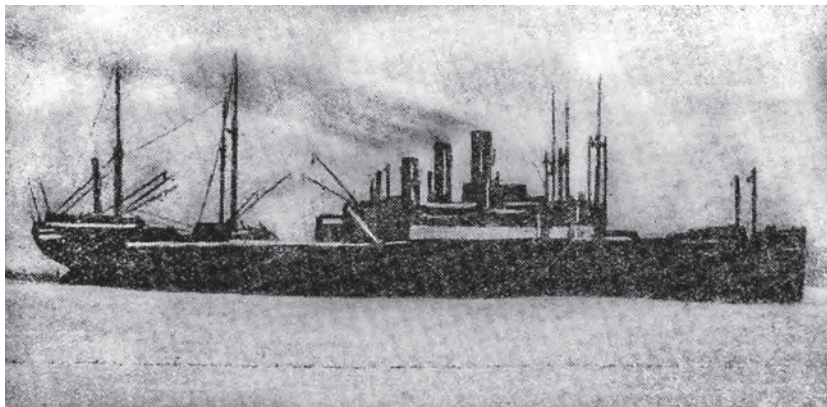
Как только этот приказ был получен, в экспедиции Урванцева стали решать кадровый вопрос: кто останется на зимовку, а кто будет пытаться на «Владимире Русанове» прорваться в Архангельск. В результате решили оставить на зимовку четырёх вездеходчиков, четырёх плотников, охотоведа Ломакина, метеоролога Ломакину (мужа и жену), врача Урванцеву, топографа Теологова, завхоза Болотникова, радиста, радиомеханика и, конечно же, повара. Всего, вместе с самим

Урванцевым – семнадцать человек. На материк отправили около семидесяти человек, в основном, буровиков и хозяйственников.

Если от бухты Марии Прончищевой до бухты Нордвик было всего сто пятьдесят километров, и буровики Урванцева могли попытаться завезти туда хотя бы один станок с тем, чтобы начать свои разведочные работы на нефть, то от островов Самуила было пятьсот с хвостиком и помышлять о какой-либо работе там не приходилось. Кроме того, сразу же после постановки лесовозов на зимовку, пока около полудня оставалось хотя бы немного светлого времени, нужно было приступить к строительству жилой базы для экспедиции. Жить и работать в бункере лесовоза, где геологи находились во время пути, зимой в Арктике, конечно, невозможно. Вместе с тем, такая база была необходима и для всего зимующего каравана в случае какого-либо несчастья с судами, поскольку полной уверенности в их сохранности во время зимовки ни у кого не было.

Быстро, буквально в течение часа, все уезжавшие на запад, перешли на борт «Владимира Русанова», перебросили туда продовольствие, багаж и свои личные вещи, после чего ледокольные суда, дав протяжные прощальные гудки, скрылись в ледяном тумане и хмурых сумерках полярного дня. Зимовщики остались одни, как минимум, до начала следующей навигации.

Теперь надо было думать о том, как жить дальше в таких суровых условиях. Главное зло всех внезапных продолжительных зимовок – безделье, скука и отсутствие дисциплины, а также прочие беды, связанные с этим, как-то: упадок духа, болезни, пьянка, склоки и ссоры. Если промысловикам, по восемь-девять месяцев в одиночку охотящимся за пушным или морским зверем, скучать зимой особенно некогда – нужно добывать пропитание собакам и себе, разбрасывать приваду, проверять капканы, выделывать шкуры и прочее, – то морякам и геологам на вынужденной зимовке особенно заниматься нечем. И с этим надо вести беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть.

*Зазимовавший караван 1-й Ленской экспедиции
у западного острова Самуила*

Первым делом, морскому комсоставу надо заранее придумать, как бороться с грядущими снежными штормами и подвижками ледяных полей, которые могут смять в лепёшку даже океанское судно. Далее следует немедленно, прямо с завтрашнего дня, начать возводить на острове большой жилой дом с необходимыми пристройками. Всем зимовщикам следует хорошо подготовиться морально и психологически к длинной и суровой полярной ночи с её ужасными пургами и пятидесятиградусными морозами. Во время зимовки каждому зимовщику следует быть предельно предусмотрительным и осторожным – опасность может подстергать его на каждом шагу. Пурга налетает здесь стремительно и неожиданно. Никаких ориентиров, кроме моря, льда и снега, тут нет, и только компас поможет вам найти нужное направление, если вы заблудитесь даже в двухстах метрах от корабля. Бесцельное лежание в койке по несколько суток кряду, тупо уставившись в потолок, уже за месяц превращает мышцы здорового мужика в вялые тряпочки, поэтому ежедневная физическая нагрузка, особенно связанная с общественными потребностями, просто необходима со всех точек зрения. Прежде всего, это касается заготовки пресного льда для приготовления воды (а её нужно ежедневно не менее пяти-шести тонн) или чистка

выпавшего за ночь снега, что следует рассматривать не как трудовую повинность, но как суровую и весьма полезную необходимость.

Обо всём этом говорилось на общем собрании зимовщиков, организованном руководством зимовки сразу же, буквально через несколько часов после ухода на запад «Владимира Русанова» и «Александра Сибирякова» в сопровождении ледокола «Красин». Кроме этих, общих вопросов, на собрании решались также вопросы конкретные: производственные, бытовые, личные. Так отопительные системы всех трёх судов решили объединить в единую сеть, оставив под парами лишь котёл на пароходе «Товарищ Сталин», который стоял посередине. Из кают и палубных надстроек в бункеры на жительство решили пока не уходить, хотя это и дало бы основательную экономию топлива, однако ухудшило бы условия жизни зимовщиков. В связи с этим, решено было уплотнить расселение и жить на двух пароходах, а третий пока законсервировать. В трюме одного из кораблей решили устроить нечто вроде клуба с небольшой сценой, где по воскресеньям могли бы выступать самодеятельные артисты и музыканты.

Среди зимовавших моряков оказалось немало тех, кто хотел бы за время зимовки повысить своё профессиональное мастерство и квалификацию. Для них силами комсостава и высшего технического персонала решено было организовать Морской техникум по программе Наркомвода. Руководство экспедиции заверило, что всем, успешно сдавшим экзамены, будут выданы соответствующие аттестаты.

Собрание продолжалось очень долго, было дискуссионным, а временами даже бурным, но руководство экспедиции добились главного: все поняли, что активная работа, дисциплина и культурный отдых – залог успешной и спокойной зимовки.

После собрания был устроен товарищеский ужин с вином, музыкой и песнями. На «Володарском» оказался баян, а на «Правде» – гитара и губная гармошка. Но, главное, были музыканты, которые неплохо владели этими инструментами.

На другой день Урванцев, старший плотник Самойлов и охотовед Ломакин отправились на остров выбирать место для будущего дома. Ближе всего к стоянке судов находился западный остров, до его южной части было всего около восьми километров. Туда они и направились.

Прибрежная часть острова, куда они подошли, представляла собой низменную террасу, плавно поднимающуюся от прибрежной ледовой полосы, отмеченной глубокой приливно-отливной трещиной. Терраса была высотой около четырёх метров и шириной около километра – прекрасное место для строительства базы. Дом фасадом будет обращён к морю, в сторону зимующих судов, которые отсюда хорошо видны. Начать строительство решили прямо с завтрашнего дня.

Всё произошло так, как и было задумано. Морозы стояли уже порядочные – двадцать градусов и ниже, так что лёд, взломанный возле судов, основательно смёрзся, и на него можно было спокойно выгружать вездеходы, которые повежут на остров стройматериалы и сами эти материалы. А пока шла разгрузка, Урванцев и старший плотник Иван Николаевич Самойлов начали подробно обсуждать планировку и конструкцию жилого дома, а также других необходимых для жизни сооружений.

Каркас дома будет из бруса, обшитого с двух сторон толстой фанерой, с промежутком, засыпанным опилками. Основание дома будет из толстых брёвен, такой же будет и верхняя обвязка. Пол и потолок – из шпунтованных двухсантиметровых досок, поверх которых уложат настил из войлока, толя и фанеры. В доме будет пять комнат, кухня, столовая и красный уголок. С узкой стороны к основной части будут пристроены холодные сени для хранения пресного льда и снега, а также дров и угля на случай длительной пурги, как это всегда делают на Севере. Оконные рамы будут с тройным остеклением: снаружи – одинарным, изнутри – двойным.

Кроме основного дома, где будет жить пятнадцать человек, будет поставлен ещё и маленький домик для радиостанции. Там поселятся радист и радиомеханик для того, чтобы регулярно передавать метеорологические данные, которые

трижды в день должна выдавать в эфир каждая полярная станция.

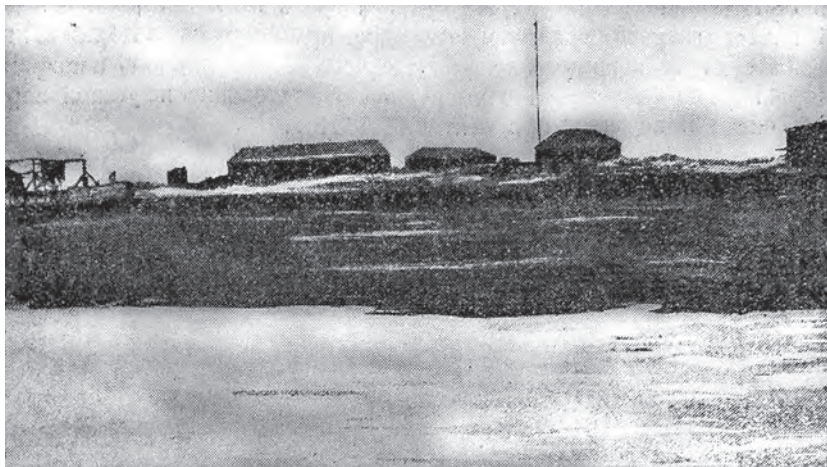
Намечено было также соорудить холодный склад для резервного запаса продовольствия, баню, гараж для машин с тёплой мастерской и просторное помещение для ездовых собак.

Далее начали обустраивать дорогу для вездеходов, по которой придётся возить с лесовоза «Правда» необходимые для стройки материалы и оборудование. Место для неё, прежде всего, очистили от ледяных глыб и лишнего снега, а потом, чтобы не блуждать в пасмурную тёмную погоду или пургу, устали прочными и заметными вешками («обвешели», как говорят на Севере). Словом, уже через неделю после постановки каравана на зимовку началось реальное возведение дома. Тут надо было очень торопиться – скоро наступит полярная ночь, когда на улице будет ни зги не видно. Впрочем, никого ни подгонять, ни упрашивать было не нужно. Каждому из членов экспедиции хотелось как можно скорее перебраться из «железных внутренностей» корабля в тёплый и уютный деревянный дом.

В первый же рабочий день соорудили временку – фанерный квадратный домик, где поставили печь-камельок, столик и лавки. Здесь можно было отдохнуть, согреться и перекусить. В погожие дни сюда привозили обед, чтобы строители не тратили время на дорогу до судов и обратно.

Погода во время строительства, слава богу, стояла довольно хорошая: пурги не было вовсе, да и морозы были не такими уж и большими – не более двадцати пяти градусов. Правда, светлая часть суток с каждым днём сокращалась, но строители и их помощники изо всех сил старались использовать каждую минуту, когда хоть что-то можно было видеть.

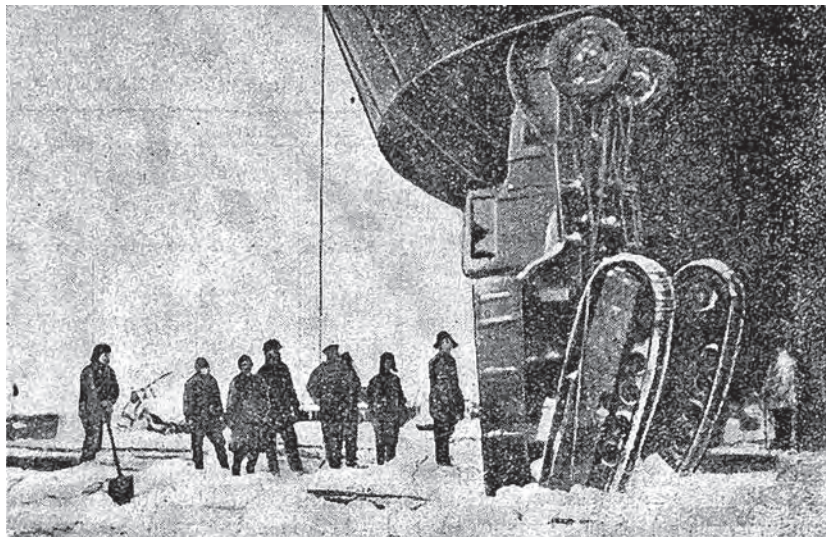
И вот к началу второй половины октября главный дом базы был практически готов. Правда, крышу для него пока делать не стали. Во-первых, потому что надо было засветло успеть построить ещё довольно много вспомогательных, но очень нужных построек. Во-вторых, неясно было: хватит ли на всё строительных материалов. И, в-третьих, все старинные

Общий вид зимовочной базы на западном острове Самуила

постройки на Крайнем Севере ставили без кровли – ураганные ветра всё равно подчистую сдували сверху весь снег.

При окончании строительства дома едва не утопили в море Лаптевых вездеход. Нагрузив, как обычно, кузов машины стройматериалами, поехали на остров. За рулём сидел лучший водитель, шофёр-испытатель НАТИ Ваня Бизикин, а рядом с ним – сам Урванцев. Огибая «Володарского» сзади, они взяли слишком близко к его корме, где лёд ещё недостаточно окреп. Раздался громкий треск, а следом за ним какой-то странный шум. Ваня с Урванцевым одновременно выглянули в окно и увидели, что вокруг плещется вода, кузов с кирпичами уже погружается в неё, а сама машина становится на дыбы. Размышлять было некогда. Оба они мгновенно выпрыгнули на лёд. Передние лыжи вездехода ещё частично стояли на старом и прочном, многолетнем льду, а задняя, гусеничная часть попала на молодой лёд и, поскольку была сильно нагружена, провалилась в воду. К счастью, совсем рядом с кормой «Володарского» на льду лежал трос от лебёдки, с помощью которой вытягивали на корабль бадьи со льдом для погрузки в водяной трюм. Не стовариваясь, Урванцев с шофёром Ваней схватили этот трос и его крюком успели

Подъём затонувшего вездехода

зачалить переднюю ось автомобиля, лыжи которого сразу соскользнули с края старой льдины. И машина целиком ушла под воду. Но теперь это было уже не так страшно. Урванцев запросил помощи, и сразу же со всех судов, стоявших рядом, набежали люди, вооружённые пешнями и ломами. С помощью этих орудий труда они быстро прорубили канал до самой кормы «Володарского», затем осторожно подняли несостоявшегося «утопленника» лебёдкой и переправили его в трюм на переборку. Конечно, всю электропроводку потом у него пришлось сменить целиком, а ходовую часть и мотор промыть в керосине, а также заменить всё масло. Но главное, что через день машина уже снова встала в строй, получив прозвище: «утопленница».

К началу второй половины октября дом уже был поставлен, оставалась лишь его внутренняя отделка, которую можно было заканчивать и в процессе заселения. Центральным местом в доме была большая столовая, по морскому наименованию: «кают-компания». Она была шириной в четыре метра и занимала всю среднюю часть дома от стены до стены. Посре-

ди неё стоял большой стол на двадцать пять персон (с расчётом на гостей из судовых команд) и столько же табуреток. Вся мебель была сделана местными плотниками из привезённого пиломатериала. В кают-компании стояла большая чугунная печь, которую топили дважды в день: утром и вечером. В комнатах стояли печечки поменьше и их топили один раз в день, обычно к вечеру. Топили, конечно, углём; дрова шли только на растопку и выпечку хлеба (и пирогов). За сутки уходило порядка двухсот килограммов угля, а в сильные морозы и пурги – до двухсот пятидесяти.

В кухне выложили из кирпича большую плиту с духовым шкафом и вмазанным в печь котлом для воды. В углу на кухне, перед самым выходом, стояла большая деревянная кадка для воды, а в коридоре на стене висели два умывальника. Для вентиляции по всему дому в стенах, наверху, у самых карнизов были сделаны квадратные отдушины, которые закрывались деревянными пробками, обитыми войлоком. Форточки в оконных рамах на Крайнем Севере обычно не делают: они быстро покрываются ледяной коркой, отчего плохо закрываются, и в пургу снег напрочь забивает всё межоконное пространство.

По комнатам участники экспедиции разместились в соответствии со своими специальностями и наклонностями. В передней комнате на правой стороне – четверо вездеходчиков; на левой стороне – четверо плотников. В комнатах по коридору, смежных со столовой, разместились семейные пары: в одной Урванцевы, в другой Ломакины. И, наконец, в большой комнате напротив кухни устроились повар Кругликов, топограф Теологов, радист и радиомеханик. (Впоследствии, когда будет выстроен домик для радиостанции, двое последних переберутся на жительство туда, а на их месте поселится завхоз Болотников, живущий пока на пароходе «Правда».)

С самого начала в экспедиции был заведён строгий распорядок дня, который неукоснительно соблюдался. Подъём в семь утра (повар и сменный дежурный вставали полчасом ранее, чтобы затопить печь и приготовить завтрак). В восемь утра был завтрак; в девять все расходились по своим рабо-

там; на обед собирались к часу дня. Далее следовал отдых до трёх часов пополудни и затем до семи вечера – вновь работа. Потом ужин, после которого, – личное время, когда каждый занимался, чем хотел. Одни читали, другие писали, третьи слушали патефонные пластинки, четвёртые играли в домино, шашки, шахматы и даже изредка – в преферанс.

Питание было одинаковым для всех. Поваром был виртуоз своего дела Сергей Яковлевич Кругликов, довольно пожилой человек с длинными, пышными усами. Его в своё время отыскала Елизавета Ивановна Урванцева в одной из московских столовых Нарпита. После первого похода «Сибирякова» слава покорителей Арктики гремела по всей стране, поэтому неудивительно, что Сергею Яковлевичу самому захотелось принять в этом участие. Он оказался весёлым, добрым человеком, весельчаком и балагуром, и вскоре стал всеобщим любимцем. Готовил он отменно. Особенно удавались ему пироги с всевозможными начинками и сладкие блюда. Каждую неделю ему назначался новый помощник (дежурный), который должен был следить за порядком и выполнять все хозяйственные работы на кухне: топить печи в столовой, заготавливать воду, запастись углем и дрова, мести и мыть полы, убирать и мыть посуду и т. д. и т. п. От этой повинности не освобождался никто, даже сам начальник экспедиции.

Закончив строительство дома, все дружно взялись за возведение бани, о которой мечтали давно, поскольку ходить мыться на пароход всем основательно надоело. Баню, как и дом, тоже сделали каркасной, и состояла она из предбанника, моечного отделения и парной. Суббота была традиционным «банным» днём, и никто из полярников никогда не упускал возможности не только помыться, но и попариться. Поначалу удалось где-то отыскать даже пару берёзовых веников, но они, к сожалению, быстро пришли в негодность.

После бани всегда бывал особый, торжественный ужин. Сергей Яковлевич в белой поварской куртке и колпаке лично раскладывал всем по тарелкам куски только что испечённого пирога, сопровождая каждый кусок какой-нибудь прибауткой, каждому своей. Кому-то одному из хозяев или гостей не-

пременно доставался «счастливый» кусок с запечённой там монеткой, пуговицей, гаечкой либо щепочкой. «Счастливчик» должен был исполнить для всех какой-нибудь художественный номер: рассказать стишок, спеть песенку, сплясать или показать фокус. Особенно радовались все, когда в «счастливчиках» оказывался капитан Смагин, который, лихо сбросив валенки, босиком плясал «Камаринскую». То-то было всем радости и даже восторга!

Переселившись из железного чрева «Правды» в тёплый и уютный собственный дом, члены экспедиции Урванцева сразу приступили к своим непосредственным занятиям. Метеоролог Ломакина с помощью плотников, приданных ей в помощь, занялась обустройством своего большого хозяйства. Для него на возвышенности, неподалёку от жилья, плотниками была поставлена специальная удобная и тёплая метеобудка. В ней в любую погоду ежедневно можно будет вести наблюдения за погодой с тем, чтобы сразу передавать их по радио на Диксон, где к тому времени была организована общая синоптическая служба всей Центральной Арктики. Эта задача была одной из важнейших в те времена – недаром Арктику всегда считали «кухней погоды». Кроме этой, других работ, приносящих конкретную пользу людям, пока что не предвиделось, по крайней мере, до конца полярной ночи.

Её муж, охотовед Ломакин, тем временем занимался экспедиционной собачьей упряжкой. Возле дома он соорудил для своих подопечных утеплённую загородку, защищавшую их от пурги и сильных морозов. Затем он перевёз туда с судов всех размещавшихся там по палубным закоулкам и схрамам ездовых псов и сразу начал их объезжать. Поначалу у него мало что получалось: собаки были «сборные», некоторые из них упряжки прежде и в глаза не видели, другие же за время дороги так разъелись и обленились, что заставить их работать, казалось, совершенно невозможно. Дело сразу изменилось в лучшую сторону, когда вожаком каюр Ломакин поставил любимца Елизаветы Ивановны, гиганта Чуркина, который чуть ли не вдвое был крупнее и сильнее каждого из прочих псов. Тот быстро освоил упряжь, команду голосом

и без труда заставил повиноваться всех остальных рабочих собак.

Всех, кроме, впрочем, Харди. Этого ездового пса ещё в Ленинграде подарил Урванцеву его приятель, зимовщик с острова Врангеля. Харди, красавец волчьей масти, с рыжими подпалинами, большим волчьим хвостом и подчёркнуто независимым взглядом, по характеру и манерам ни в чём не уступал Чуркину, хотя ростом и силой был намного меньше его. Между ними всё время шла настоящая война, из которой Харди всегда выходил битым, но не побеждённым. Врачу Елизавете Ивановне частенько приходилось зашивать его раны.

Тем не менее, вскоре упряжку удалось «довести до дела», и Ломакин стал непрерывно использовать её для коротких поездок на суда по хозяйственным нуждам, а также на охоту. Кроме того, часто врач Елизавета Ивановна пользовалась ею для поездок на корабли для оказания помощи матросам, пострадавшим от травм и обморожений.

Дни укорачивались стремительно, и вскоре солнце совершенно скрылось за горизонтом. Только в полдень небо окрашивалось сумрачными цветами блёклой радуги, да изредка освещалось фантастическими картинами северных сияний. Морозы постепенно усиливались, но серьёзной пурги практически не было ни одной. Пурги во всей своей ужасной красе явятся позднее, в феврале, когда солнце начнёт вновь возвращаться на небосвод.

И вот, в начале ноября наступила полная темнота. Даже в полдень небо теперь освещалось только бриллиантовым светом звёзд да сиянием ярко-жёлтого месяца, который, как ломтик дыни, лежал на тёмно-фиолетовой тучке, словно на тарелке. Работы на открытом воздухе были сведены к минимуму. Механики вездеходов в гараже устраивали своим машинам какой-то совершенно немыслимый профилактический ремонт для грядущих походов по снежной целине. Плотники в бане столярничали, делая мебель и всё, что нужно зимовщикам по «деревянной части». Елизавета Ивановна непрерывно посещала пароходы, устраивая там профилактические медосмотры, а также читая лекции по технике безопасного труда

и вопросам гигиены. Ежедневно для парового отопления и бытовых нужд требовалось около пяти кубов воды, которую добывали из льда старых торосов. Этот лёд надо было наколоть, подвезти на санках к борту «Товарища Сталина», погрузить в бадьи и лебёдкой поднять в тепловой трюм. Работа нелёгкая, но совершенно необходимая и очень полезная для зимовщиков.

Радисты в Арктике – народ общительный и всезнающий. Им известно всё, что делается на всех полярных станциях по соседству, и даже за их пределами. В то время едва ли не весь мир настороженно следил за экспедицией О. Ю. Шмидта, дрейфовавшей во льдах Чукотского моря на пароходе «Челюскин». Встретив в районе Колючинской губы тяжелейшие льды, судно не смогло их преодолеть, хотя до разреженных льдов оставалось всего каких-то двадцать километров, и было раздавлено в лепёшку при интенсивном сжатии ледяных полей. Теперь-то совершенно ясно: случилось то, что и должно было случиться. Слабый корпус «Челюскина», судна отнюдь не ледового класса, был раздавлен, как орех, и пароход затонул примерно в ста пятидесяти километрах от мыса Ванкарем. Правда, при этой катастрофе на лёд успели выгрузить большое количество продовольствия, тёплой одежды, палаток и другого необходимого имущества, и погиб тогда всего лишь один человек (завхоз), однако, положение зимовщиков всё равно было критическим и практически безвыходным. Вечерами полярники Урванцева в кают-компании своего тёплого дома живо обсуждали все перипетии «челюскинской эпопеи», но помочь в ней пострадавшим ничем не могли.

Не менее активно они обсуждали при этом и давно задуманный план дальнего кругового похода на вездеходах по северной части Таймыра. На этих машинах участники экспедиции собирались пересечь Таймырский полуостров с восточного побережья на западное с целью испытания их в условиях арктического бездорожья, а также длительной работы людей и машин вдали от обжитого людьми пространства. Урванцев со товарищи были уверены, что это установит пригодность механического транспорта для исследовательских

работ в Высокоширотной Арктике. Вблизи зимовочной базы на островах Самуила, в радиусе двадцати километров эти машины работали отлично, но одно дело двигаться с грузом по укатанной, хорошо известной дороге, а другое – на расстоянии сотен километров от жилья при полном бездорожье и наличии разного рода неожиданностей. Такого опыта применения колёсной или гусеничной техники в то время не было ни у кого в мире. Тут они, безусловно, были первопроходцами.

Теперь стало очевидно, что никаких работ по поиску нефти Урванцеву с его экспедицией в этом полевом сезоне произвести не удастся. Но возвращаться домой, в Ленинград, вообще ни с чем, с «пустыми руками» ему очень не хотелось. Поэтому он хотел в этом «механическом» походе собрать как можно больше информации: геологической, географической, топографической, астрономической, ледовой, словом, всякой, ибо в центре Таймыра до них прежде никто не бывал. Все исследования ограничивались тут только прибрежной частью загадочного полуострова. В связи с этим обсуждение подготовки к походу было едва ли не ежедневной темой вечерних разговоров за столом в кают-компании экспедиции. Обговаривали все, даже мельчайшие детали: маршрут, время выхода, состав участников, снаряжение и оборудование, материальную часть будущего отряда. Старались предусмотреть все возможные случаи неполадок и поломок, какие только могли случиться в пути. Опытные полярные путешественники знали, что любая забытая мелочь в Арктике может обернуться большой бедой и нанести непоправимый урон.

Маршрут был намечен такой: вначале маленький автокараван пойдёт на юг вдоль восточного побережья Таймыра до залива Терезы Клавенес⁸⁷, затем по его берегу или по ка-

⁸⁷ Подробное исследование этого залива было произведено зимой 1918–1919 годов членами экспедиции норвежского мореплавателя Руала Амундсена на корабле «Фрам» неподалёку отсюда. Именно Амундсен дал название этому заливу в честь своей знакомой Терезы Клавенес, придворной дамы, возглавлявшей комитет поддержки отчаянного ледового похода знаменитого полярника.

кой-нибудь удобной долине он поднимается на сушу и затем пересечёт Таймыр, выйдя затем на западную сторону полуострова где-нибудь в районе залива Дика. Отсюда, двигаясь вдоль побережья на север, караван доедет до мыса Челюскин, обогнёт его и далее вновь вдоль побережья отправится на юг до самых островов Самуила, то есть до своей экспедиционной базы. Протяжённость всего пути составит около тысячи километров.

Карта кольцевого автомобильного маршрута экспедиции Н. Н. Урванцева по северной оконечности Таймырского полуострова

Состав экспедиции – четыре человека: сам Урванцев, топограф Теологов, а также водители Бизикин и Грачёв. Две машины – тот минимум, с которым можно пуститься в столь длинный и опасный маршрут.

Продовольствия надо будет взять с собой на тридцать дней, с запасом. На охоту тут вряд ли можно надеяться: грохот гусеничных машин и запах бензина отпугнут по дороге всё живое в округе. Ещё одна серьёзная проблема – обувь для водителей. В кабине она будет греться от мотора, а на снегу – мокнуть и затем покрываться ледяной коркой. Валенки тут никак не годятся, меховая обувь тоже, кожаная обувь – тем более. Поэтому полярной ночью местные умельцы сшили для будущих путешественников восемь пар сапог из шкур нерпы, с подошвами из морского зайца, которые легки и удобны в носке, не промокают и не боятся сырости.

Из снаряжения, прежде всего, будут нужны две палатки с брезентовыми полами, толстые олени шкуры для сна и меховые пыжиковые или волчьи спальные мешки. Вторая палатка может понадобиться, если первую разорвёт в пургу ураганным ветром. Учитывая маловероятный, но всё-таки возможный случай гибели или безнадёжной поломки одной или даже обеих машин, решили взять с собой двое лёгких нарт, которые по эскизам Урванцева смастерили местные плотники. В начале пути эти нарты прицепили к машинам и загрузили их большими бидонами с бензином.

Вместо отдельных деталей и запасных частей решили взять с собой весь мотор в сборке, а также основную часть электрооборудования машины, аккумулятор, коренные листы рессор и бегуны, а также несколько кусков гусеничной ленты с замками, чтобы дорогой можно было заменить ими порванные участки траков.

В общей сложности, набралось около трёх тонн груза на обе машины (напомню, что обе они были сделаны на базе грузовой машины-полуторки Горьковского автозавода).

Следующий серьёзный вопрос, который непременно нужно было решить, – запуск машин после ночёвки во время пурги или на сорокаградусном (и даже более) морозе. Для

этого на ночь воду предполагали сливать в двадцатилитровые бидоны и убирать в специально сделанные термосы – ящики из фанеры с двойными стенками, засыпанными сухими опилками и закрытыми чехлами из оленьих шкур. Вода в них оставалась тёплой даже на вторые сутки. Заводить моторы придётся ручкой и, чтобы шофёру при этом не мешал ветер, были сделаны специальные складные ширмы. Кроме того, утеплили аккумуляторы и увеличили в них плотность электролита во избежание вымораживания, а для заливки бензина в баки сделали воронки с частыми сетками и замшевыми прокладками, чтобы в жиклеры карбюраторов не попало ни одной капли воды.

В маршрут, который всем миром сообща готовили едва ли не всю зиму, автомобильная группа Урванцева отправилась 20 марта при ясной, тихой, солнечной и довольно тёплой (всего лишь тридцать два градуса по Цельсию) погоде.

Проводы вездеходной автомобильной экспедиции Н. Н. Урванцева в кольцевой маршрут по северной оконечности полуострова Таймыр

В дорогу с собой путешественники взяли двух ездовых собак, Харди и Альфу, чтобы ехать было веселее и безопаснее.

– По запаху они медведя быстрее нас обнаружат, – пояснил Урванцев. – С ними нам будет и веселей, и безопасней.

Впрочем, беспутная сука Альфа⁸⁸ убежала уже на второй день, и её дальнейшая судьба осталась неизвестной. А вот Харди, несмотря на непреклонность и гордый нрав, остался верен своим хозяевам до конца путешествия.

Обогнув свой остров, путники пересекли пролив и двинулись вдоль коренного берега полуострова. Вскоре они подъехали к архипелагу Вилькицкого – большой группе крупных и мелких островов. Чтобы не путаться в этом лабиринте, решили двигаться по льду, с его наружной, морской стороны.

Все острова Вилькицкого оказались скалистыми кусочками суши, в основном, с отвесными и причудливыми берегами. Для того, чтобы хорошенько осмотреть и описать их, приходилось останавливаться через каждую пару километров. На стоянках радиаторы машин водители плотно закрывали капотами из оленьих шкур, обшитых брезентом, но даже при этом из предосторожности моторы не глушили. Из-за этих остановок за девять часов хода прошли всего двадцать пять километров и стали первым лагерем под крутым скалистым обрывом последнего, самого южного острова архипелага Вилькицкого.

На стоянке свои машины путники поставили рядом друг с другом, радиаторами на юго-запад, навстречу господствующим ветрам. Воду из машин они сразу же слили в бидоны, которые поместили в «термосы», радиаторы машин сверху и снизу закрыли меховыми капотами. Палатку поставили рядом с машинами, на плотном снеговом забое, накрепко забив в него колья и намертво, до звона, натянув оттяжки. Расстелили в палатке брезент, на него уложили оленьи шкуры, внесли спальные мешки, ящики с посудой и продуктами. Грачёв притащил запасной аккумулятор и зажёл в палатке электрический

⁸⁸ В данном случае это не ругательство, а просто обозначение пола собаки.

свет. Начали готовить ужин на большом примусе, и в палатке сразу же стало не только светло, но и так тепло, что все разделись до свитеров. Нерпичьи сапоги и меховые собачьи чулки перед сном сняли и, вывернув наружу, повесили на гребень палатки для просушки.

После ужина Урванцев и Теологов записали в свои рабочие дневники все результаты первого дневного перехода, в том числе и те, что касались работы машин. Затем залезли в свои спальные мешки и почти мгновенно заснули крепчайшим сном. Заряжений карабин Урванцев по старой полярной привычке положил рядом с собой. Харди был привязан для охраны снаружи.

Утром Урванцев, как обычно, проснулся первым. Умывшись снегом, он разжёл примус и поставил на него чайник, а рядом – котелок с завтраком. (Впоследствии договорились, что дежурить будут по очереди все.) Мороз заметно покрепчал, градусов до сорока, а может, и больше. На улице ясно и тихо, слегка поддувает небольшой ветерок юго-западного направления. После плотного завтрака водители взялись разогревать свои машины, а «учёный люд» пошёл сворачивать лагерь и грузить в кузова имущество экспедиции. Недоеденные остатки завтрака отдали Харди, который давно уже сидел у входа в палатку и изо всех сил вращал куцым остатком обрубленного хвоста. Шофёры согрели паяльной лампой масло в картерах, налили в подогреватели горячую воду из бидонов, а также прогрели и просушили всасывающий коллектор и свечи. Потом залили в радиаторы кипяток из чайника, после чего запуск от стартера при подмоге пусковой рукоятки произошёл почти сразу. На всё про всё ушло каких-то полтора часа.

Пока длились эти сборы, небо постепенно начало хмуриться, юго-западный ветерок значительно окреп, появились характерные линзы облаков – «блинки» – зловещие признаки надвигающейся пурги. Вскоре началась порядочная позёмка. Тем не менее, всё-таки решили двигаться на машинах дальше до тех пор, пока это будет возможно, да заодно и посмотреть, как будут работать машины в пургу, и где та граница, за которой передвигаться гусеничным транспортом уже нельзя.

Идти решили всё так же – по кромке островов – и часа через три хода, миновав их, повернули к материку. Ветер, между тем, всё время усиливался и вскоре достиг двенадцати метров в секунду. Однако машины пока что шли абсолютно беспрепятственно, хотя через их стёкла практически ничего не было видно. Поэтому путники сообща решили: как только дойдём до суши, станем лагерем в первом удобном месте, тем более, что в таких условиях вести какую-либо съёмку всё равно совершенно невозможно.

На стоянке машины поставили, как обычно, кабинами против ветра, слили воду, быстро разбили палатку тоже, как обычно, за машинами, а с задней, тыльной стороны заложили её снежными кирпичами. Затем поужинали, разделись и завалились спать под вой и свист бесновавшегося снега.

На другой день в семь утра Анатолий Теологов, занимавшийся, кроме топографических работ, ещё и метеонаблюдениями, сообщил, что ветер достиг восемнадцати метров в секунду, но зато температура повысилась до двадцати пяти градусов (мороза, разумеется). Стенки палатки гудели и хлопали под ветром с такой силой, что путники с трудом разбирали слова друг друга. На улице в такой ветер человеку стоять в полный рост было невозможно даже здесь, в лошине, под защитой склонов и массивных тел машин. При такой погоде отправляться в путь, несомненно, очень опасно, а потому после завтрака, ещё раз проверив крепость растяжек у палатки, все опять завалились спать впрок.

На другой день стало немного тише, но пока ещё порядочно мело. Кое-где в разводах облаков появилось чистое голубое небо. Машины снегом совсем не замело. Наоборот, снег около их лыж и гусениц ветер выдул до полной чистоты. Зато сзади он навалил огромные сугробы и даже протянул их языками далеко по своему простиранию.

За ночь пурга совершенно утихла: скорость ветра упала до двух метров в секунду, а температура повысилась до восемнадцати градусов ниже нуля. Путники лихорадочно стали собираться в дорогу. Благодаря тёплой погоде и затишью, машины завелись легко, а вот с прицепными нартами случи-

лась проблема: их полностью занесло снегом, который ветер так утрамбовал, что их полдня пришлось вырубать топорами. Из этого путники извлекли хороший урок: на каждой стоянке нарты надо разгружать, отцеплять и ставить «на попу» в стороне от машин и палатки.

За мысом пересекли по льду большую бухту залива Фаддея и стали на ночь лагерем возле её южного края. И тут вновь ветер начал крепчать. Закат сделался багрово-красным, а над закатывающимся солнцем появился большой радужный столб снежной пыли. Всё предвещало новую пургу, не слабее вчерашней.

Так оно и случилось. Пурга неистовствовала всю ночь и всё утро. Лишь к следующему полудню она стала стихать. Несмотря на плохую видимость, путники решили двигаться дальше, вдоль южного берега залива на запад, и через четырнадцать километров подошли к довольно большой реке, которую назвали впоследствии Ленинградской. Текла она в низких берегах прямо с запада на восток, что полностью совпадало с маршрутом автокаравана. Поэтому машины далее довольно долго шли по прекрасной, хорошо укатанной дороге: по льду большой реки. Но постепенно низкие речные берега стали подниматься всё выше и круче, местами со скалистыми обрывами, по бокам появились огромные снежные наддувы, грозящие обвалом, так что пришлось вернуться назад и, поднявшись на северный берег реки, пойти на запад по бездорожным увалам. В воздухе висела мгла, в которой почти ничего не было видно. Делать нечего – пришлось вновь стать лагерем, выбрав для него подходящее местечко, где потише и где будет меньше заносить снегом.

Ночью опять началась пурга, которая продолжалась до самого утра. Однако утром потеплело и стало немного тише. Небо над головой было совершенно ясным, но воздух до высоты в три-четыре метра наполнился движущейся снежной пылью, через которую еле-еле просвечивало солнце.

Такая пурга у полярников называется «светлой» и считается неопасной. Вот когда небо плотно затягивается тучами, и из них сыплется снег, а снизу, с земли, ветер поднимает до

небес снежную пыль – такая пурга называется «тёмной». В такую погоду путешественнику, действительно, не видно ни зги и непонятно: где зад, где перед; где право, где лево. Мало того, его охватывает необъяснимая сосущая тоска, доводящая до иступления.

Пока пурга была «светлой», наши путешественники решились пройти ещё немного на запад поперёк пологих увалов, но вскоре ветер усилился. Мало того, что видимость при этом упала до десяти метров, моторы машин стали работать с перебоями из-за снежной пыли, засасываемой вместе с воздухом в моторы. Пришлось остановиться и стать лагерем, пройдя всего двадцать восемь километров, от места сворота со льда реки. С большим трудом под защитой машин поставили палатку и кое-как разместились в ней. К ночи ветер достиг ураганной силы. Метеоролог Анатолий на четвереньках выполз из палатки с тем, чтобы померить скорость ветра. Анемометр показал двадцать четыре метра в секунду. Барометр резко падал. Палатку полностью занесло снегом. Пришлось стать на прикол и, похоже, надолго.

Под порывами завывающего ветра путешественники просидели четверо суток. Такая жизнь всем ужасно надоела, но, что делать, таков уж Крайний Север. Он учит необходимости подчиняться суровым обстоятельствам. «Долготерпение – главное достоинство полярника» – гласит мудрая пословица зимовщиков. Впрочем, в палатке тепло и светло: тудяга-примус работает исправно. Жаль только, что со времени выхода с базы прошла уже неделя, а машинами пройдено всего сто тридцать километров. Впрочем, в этом походе им торопиться особенно некуда – до весенней распутицы ещё далеко.

При последнем переходе из-под гусеницы вездехода выскочила маленькая полярная мышка – лемминг – и побежала по глубокой снежной колее, выбраться из которой ей было никак невозможно. Урванцев выскочил из кабины, поймал перепуганного зверька и посадил его в рукавицу. Лемминга поместили на жительство в коробку из-под галет и поставили на довольствие, прикармливая крупой и сухарными крошками. Вскоре круглый пушистый симпатичный зверёк с гла-

зами-бусинками, толстым задиком и крошечным хвостиком стал совершенно ручным и очень скрашивал суровую жизнь полярников.

Но вот пурга, наконец, прекратилась, и первопроходцы двинулись в путь далее по маршруту. Несмотря на трудную дорогу по увалам, с одной стороны почти обнажённым от снега, а с другой – заваленным сугробами, двигаться вперёд всё-таки удавалось, хотя и не так быстро, как хотелось бы путешественникам. Моторы для такой работы были слабоваты, их мощность (пятьдесят две лошадиные силы) для условий Арктики была слишком маленькой. Поэтому шли в основном на второй, а иногда и на первой передаче и лишь изредка, на ровных участках, включали третью.

Вскоре случилась и первая поломка: порвался шкив вентилятора на одной из машин. Правда, эта неисправной оказалась пустяковой, и шофёры устранили её, пока Урванцев с Теологовым готовили чай и «сервировали» завтрак.

С окончанием марта пурги, прежде бушевавшие едва ли не каждую ночь, вдруг совершенно прекратились, как будто кто-то щёлкнул кнопкой какого-то гигантского выключателя. И как это всегда бывает в Арктике, на смену им пришли крепкие морозы. Дорога на запад по-прежнему пролегалa среди беспорядочного нагромождения галечно-валунных гряд, то круто поднимаясь вверх, на почти вертикальные склоны, то сваливаясь в низины, доверху наполненные рыхлым снегом. К радостному удивлению путников, несмотря на сложный рельеф, машины достойно преодолевали все преграды и нигде не застревали, благодаря широким резиновым лентам на гусеницах. Мало того, они вязли в сугробах даже меньше, чем идущий рядом человек.

И вот, в один прекрасный момент этот тяжкий путь вдруг закончился, а путешественники вышли на западный берег Таймыра, к заливу Дюка, как, впрочем, они и рассчитывали, и стали лагерем у мыса Могильного⁸⁹, неподалёку от малень-

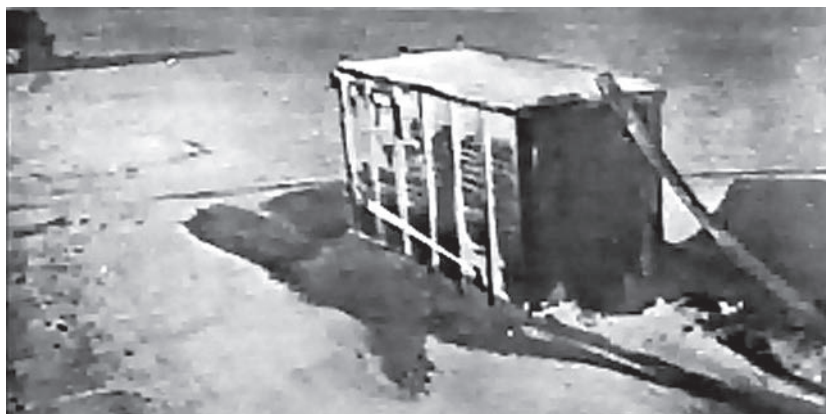
⁸⁹ Возле этого мыса в зимовку 1914–15 годов русской гидрографической экспедиции тут были похоронены два её участника: лейтенант Жохв и кочегар Ладоничев.

Мыс Могильный

кого, на две могилы, кладбища. Обе могилы были обнесены оградкой из якорных цепей, внутри которой были поставлены два железных креста и гидрографический знак – ажурная четырёхметровая железная пирамидка.

Метрах в пятидесяти далее по склону из снега торчал большой, закрытый наглухо (очевидно, от медведей) деревянный ящик, в котором был устроен склад продовольствия,

Продовольственное депо экспедиции Вилькицкого, 1914 г.

состоящий из консервов, приготовленных в 1911 году. Консервы – мясной борщ, щи и каша с мясом – сохранили превосходный вкус, несмотря на двадцатипятилетнюю давность. Банки были отлично залакированы и поэтому не повреждены ржавчиной. Путники разогрели на примусе припасённые для них кушанья и с удовольствием отведали их. А потом несколько штук прихватили с собой, чтобы угостить своих товарищей, зимующих на островах Самуила.

От мыса Могильного автокараван пошёл по льду вдоль берега на север, выбираясь на сушу лишь там, где ледяные торосы были плотно прижаты к берегу, и движение было невозможно. Пройдя таким образом километров двадцать, подошли к низкой длинной береговой полосе с широкой глинисто-песчаной террасой и перебрались на неё.

Здесь рыхлого снега почти не было, и машины весело покатали на третьей, а иногда даже и на четвёртой скорости. Лагерем стали у мыса Паландер, пройдя за день почти пятьдесят километров. Могли бы пройти и больше, но приходилось часто делать остановки для съёмок и наблюдений, которые отнимали едва ли не треть времени. У передовой машины, которой идти было труднее, прокладывая путь, начались перебои в цилиндрах из-за ослабевшей компрессии. Видимо, барахлили подгоревшие клапаны.

Следующий лагерь путники разбили на мысе Вега у западного входа в пролив Вилькицкого. Здесь при господствующих ветрах западных румбов гигантские ледяные массы, пришедшие с Карского моря, вплотную забили всё пространство вокруг, насколько хватало глаз. При этом во многих местах ледяные торосы были прижаты вплотную к высокому скалистому берегу. Пришлось выбирать на сушу по довольно крутому склону, который, правда, машины преодолели довольно легко. Но и наверху «дорога»⁹⁰ оказалась ненамного проще. Погода была, хотя и тихая, но очень морозная – ниже сорока градусов по Цельсию. На машине Грачёва из-за этого прихва-

⁹⁰ Это слово взято в кавычки потому, что никакой дороги, конечно же, там не существовало, а было лишь направление движения.

тило нижнюю часть радиатора. Слава Богу, шофёры вовремя спохватились, остановили движение и более часа отогревали её. К счастью, всё осталось в целости. Радиатор не потёк.

На полярную станцию «Мыс Челюскин» автокараван прибыл на следующий день к вечеру. Наверное, прилёт марсиан на космическом корабле вызвал бы меньшее удивление и восторг, чем прибытие команды Урванцева, да ещё и на автомобилях. Полярники со своим начальником Л. В. Рузовым во главе встретили неожиданных автомобильных пришельцев с распостёртыми объятиями. И хотя те собирались уже на другой день с утра отправиться дальше, хозяева станции и слышать об этом не захотели. Они соблазняли уставших путников отдыхом, грядущим банкетом, но более всего – настоящей русской баней с парилкой и берёзовым веником. Кроме того, шоферы стали настаивать на том, что их машинам необходимо устроить капитальный техосмотр с тем, чтобы исправить все заново обнаруженные шероховатости.

– Будем считать, что переживаем очередную пургу, – пожав могучими плечами, сказал Ваня Бизикин, и все рассмеялись.

На том и порешили, задержавшись на полярной станции на целых три дня.

Последний переход от мыса Челюскин до островов Самуила протяжённостью в сто километров путники решили проделать одним махом.

Бухту Мод они пересекли по льду залива, в километре от каменной избушки Амундсена, поставленной им в зимовку 1918 года под высокой каменной скалой. Изба была доверху занесена снегом снаружи и плотно забита снежной пылью внутри. Поэтому попасть туда для осмотра было невозможно. Вернее, потребовало бы огромного количества времени и труда.

Машины пересекли по суше мыс Прончищева и далее опять помчались по гладкому морскому льду. После подробного техосмотра и последовавшего за ним мелкого ремонта на полярной станции они работали безупречно и летели, как птицы.

Уже к вечеру 9 апреля автомобильная экспедиция Урванцева в полном составе без каких-либо аварий, потерь и потрясений была на своей базе на запальном острове Самуила. Там уже была приготовлена им торжественная встреча: радист с полярной станции «Мыс Челюскин» предупредил, что путешественники вернутся домой в самом скором времени.

После приветствий, восклицаний, дружеских объятий, рукопожатий, а также ласковых похлопываний по спине и плечам друг друга, Урванцев попросил внимания и сказал:

– Мы вернулись на базу не с пустыми руками, а с замечательным живым подарком. Это редкостный зверь, который разделил с нами все тяготы этого пути и прибыл сюда для того, чтобы стать вашим товарищем по зимовке.

После этого Урванцев достал ту самую коробку из-под галет и показал зимовщикам пойманного землепроходцами лемминга. Раздался громовой хохот: такого подарка, разумеется, не ожидал никто. К этому можно добавить лишь, что лемминг стал затем общим любимцем, но как только в тундре начал сходить снег, и показалась первая зелень, его выпустили на свободу. Может быть, он стал добычей песца, канюка или полярной совы, а, возможно, остался жив, превратившись в добродетельного отца многочисленного семейства, Бог весть.

После этого пробега полугусеничные вездеходные машины ещё некоторое время проработали на островах Самуила, доставляя на берег различные грузы с зимующих неподалёку кораблей, а потом, в навигацию 1934 года, их погрузили на лесовоз «Правда» и вместе с буровым оборудованием и необходимым снаряжением для поисковых геологических работ доставили в бухту Нордвик, куда и должны были доставить изначально. Всего же за сезон 1933–1934 годов на зимовке этими машинами было перевезено две тысячи шестьсот тонн различных грузов и пройдено, в общей сложности, семь тысяч километров по льду и бездорожью. Моторы этих машин проработали без серьёзных поломок тысячу восемьсот часов, показав вполне надёжную устойчивость. Из этого, самого первого, важнейшего опыта использования автомо-

бильного транспорта в Арктике стало ясно, что передвигаться на нём с грузом на большие расстояния, несмотря на тяжелейшие погодные и ледовые условия, не только можно, но даже нужно.

В начале мая на зимовочную базу экспедиции Урванцева прибыл неожиданный гость – Сергей Журавлёв. Он ехал на собаках со своей охотничье-промысловой базы в бухте Марии Прончищевой на станцию «Мыс Челюскин» за врачом, поскольку в их артели оказалось много больных. Зимовка кораблей у островов Самуила была для Сергея полной неожиданностью. Он был совершенно уверен, что и пароход «Правда», и вообще весь Ленский караван уже давно отдыхают в Архангельске. Следует сказать, что Сергей не только удивился, но и весьма обрадовался, увидев возле берега, зимующие корабли, а на острове Самуила – новую полярную станцию. О своей артели он рассказывал Урванцеву скупно: промысел песка нынче неважный, а вот моржа добыли много – более полусотни туш. Говорил, что у них среди больных много заразных, и это создаёт в артели атмосферу отчуждения и тяжкие конфликты.

После обстоятельного разговора было решено, что ехать на мыс Челюскин Сергею не стоит, а надо привезти в артель врача Е. И. Урванцеву, которая имеет большой опыт полярных зимовок. Журавлёв приехал на отличной упряжке из четырнадцати прекрасно выезженных собак. Он пообещал вернуть врача в целостности и сохранности через несколько суток, хотя пути туда не менее двухсот пятидесяти километров.

Сергей Журавлёв с Елизаветой Ивановной поехали не берегом, а напрямик, сушей – так намного ближе. На сани они погрузили также довольно много груза: слесарные инструменты и различные хозяйственные вещи, необходимые для артели, а, кроме того, взяли с собой палатку и спальные мешки. Нарты оказались перегруженными, поэтому продовольствия для себя и корма для собак они взяли всего на одни сутки. Сергей сказал, что по дороге он убил, освежевал и закопал в снег в приметном месте тушу упитанного медведя.

С. П. Журавлёв и Е. И. Урванцева отправляются на собачьей упряжке в бухту Марии Прончищевой

Выехали они около полудня при ясной, довольно тихой погоде и на ночёвку стали, преодолев восемьдесят пять километров. Свежие собаки бежали легко и без особых усилий тащили тяжёлые сани.

Однако на другой день погода резко изменилась: температура воздуха стремительно снизилась, и на землю пал густой морозный туман. Видимость упала до двух сотен метров. Несмотря на огромный полярный опыт Журавлёва, его острое «северное» чутьё и умение ориентироваться в любой обстановке, медвежью тушу найти так и не удалось. После долгих поисков махнули на неё рукой и отправились дальше. Однако прошли всего шестьдесят километров и вынуждены были встать и разбить лагерь.

К утру немного потеплело, и туман рассеялся, но зато задула пурга. Однако ехать всё равно было нужно: ни у собак, ни у людей не было еды. Голодные псы тянули нарты еле-еле, тем более, что им приходилось бежать навстречу довольно сильному и отнюдь не ласковому южному ветру. К вечеру пурга ещё более усилилась, и собаки совершенно выбились из сил. Пришлось вновь стать лагерем, хотя упряжка прошла всего сорок три километра. На ночь отдали собакам весь

продовольственный неприкосновенный запас (НЗ), а себе поджарили лишь крошки галет в пустой консервной банке из-под тушёнки. Всю ночь собаки выли от голода, и путники в своих спальных мешках не сомкнули глаз. К утру пурга стала затихать, и Сергей с Елизаветой решили ехать дальше, ибо другого варианта у них не было. Часа через четыре они выбрались к морю и вскоре подъехали к тому месту, где было сложено моржовое мясо для привады песцам. Тут они первым делом распрягли и накормили собак, а себе сварили большой кусок горькой моржовой печёнки. Отсюда до артельной базы оставалось всего двадцать пять километров, поэтому путники, оставив на берегу палатку и весь багаж, на «лёгкой санке» менее, чем за час добрались до промысловой базы.

Она располагалась в хорошем просторном доме с различными надворными постройками (баней, псарней, мастерской, складом и т. п.), где проживали десять охотников-промысловиков, из которых четверо с семьями (жёнами и детьми) – всего двадцать один человек. Каждая семья имела свою, отдельную комнату и, казалось бы, всем можно было жить в мире и согласии. Однако некоторые члены артели по своей медицинской малограмотности решили, что некоторые из этого недружного коллектива больны венерическим заболеваниями на том основании, что у них кровоточат дёсны, во всех движениях видны слабость и вялость, а также «мутные глаза». Их перестали допускать в места общего пользования, в том числе в баню и на кухню для приготовления пищи.

Через два часа по прибытии на базу Елизавета Ивановна провела тщательный осмотр всех «подозрительных (с медицинской точки зрения) личностей», но никаких признаков венерических болезней у них не обнаружила. Но зато она выявила у них явные признаки наступающей цинги. Вскоре выяснилось, что они всё это время питались исключительно консервами и сухарями, хотя свежего прекрасного мяса и рыбы у них было предостаточно. Просто готовить из консервов было намного легче и проще.

Елизавета Ивановна прожила на базе одиннадцать дней, за которые не только тщательно исследовала здоровье всех

полярников и членов их семей, но и провела большую кропотливую работу по искоренению медицинской неграмотности, а также наладила в коллективе здоровое питание. Едва ли не каждый вечер она проводила беседы и дискуссии по вопросам санитарии и гигиены, особенно среди женщин. При этих мероприятиях возникало много вопросов, был оживлённый обмен мнениями, возникали и разрешались споры, примирялись прежде «непримиримые» враги. Словом, постепенно восстанавливалась нормальная житейская атмосфера, которая и должна быть на зимовке в Арктике. А самое главное, поголовно все (как взрослые, так и дети) совершенно освободились не только от своих болезней, но и от всех недугов.

В обратный путь двинулись уже на двух упряжках – вместе с Сергеем отправился его брат Иван. На этот раз корма собакам и продовольствия людям вяли с избытком. В первый день при отличной погоде прошли более ста километров, но уже первой последовавшей за тем ночью началась серьёзная пурга, и путникам пришлось просидеть в палатке целые сутки. Потом ветер немного стих, но двигаться было очень трудно: в свежеевпавшем снеге собаки тонули практически с головой, так что за восемь часов упряжки прошли всего сорок километров.

А в следующую ночь – снова пурга, да какая! Палатка гудела и стонала так, что её полотнища щёлкали, как винтовочные выстрелы. Ветер выл и гудел в растяжках, грозя сорвать брезентовый дом с его кольев и унести, чёрт знает куда. И всё-таки это был дом, в котором можно как-то отсидеться. И так продолжалось трое суток. Слава Богу, что корма собакам и продуктов себе путники взяли с таким запасом!

Наконец, небо стало слегка проясняться, а ветер по-маленьку стихать, даже выглянуло солнце, и путники отправились в путь дальше.

По дороге произошла неожиданная встреча. Во время дневной остановки в пути рядом с упряжками вдруг сел маленький самолётик У-2 на лыжах. Оказалось, что это начальник Ленского каравана Б. В. Лавров летел с инспекцией к зимующим кораблям для того, чтобы проверить, как они го-

товятся к будущему вскрытию льдов. Попили чаю с галетами, поговорили о погоде, оценили ледовую обстановку, и каждый отправился дальше своим путём. До зимовочной базы на островах Самуила было ещё около пятидесяти километров.

Часа через три, поздним вечером, когда, по расчётам Сергея Журавлёва, до цели оставалось совсем немного, вновь начали сгущаться и напоздать тяжёлые, чёрные с проседью снежные тучи; взвыл ветер, обещая настоящую «тёмную» пургу, и путники решили остановиться и оглядеться по сторонам, боясь проехать мимо зимующих неподалёку кораблей и не заметить их. Было практически ничего не видно. В крошечном разрыве туч на несколько секунд блеснул узкий, как обрезанный ноготь, краешек жёлтого месяца, и остроглазый охотник увидел невдалеке, километрах в двух, силуэты кораблей. Таким образом, уже через десять минут путники были у себя на острове Самуила, на собственной базе.

С середины мая зимовщики экспедиции Урванцева начали собираться в отъезд. Жилой дом и все хозяйственные постройки начали готовить к длительной консервации. Плотники построили над бывшими экспедиционными «хоромами» надёжную крышу и покрыли её толем. Фронтоны стен зашили досками, а фанерные стены в целях защиты от летней сырости пропитали отработанным машинным маслом, которое для этого всю зимовку сливали в порожние железные бочки.

Большая работа кипела и на пароходах. Там нужно было поднять корму всем судам, обнажить у них винты, снять обломки повреждённых лопастей и поставить новые; зацементировать все пробоины в корпусах; перебрать судовые машины и сделать им хороший профилактический ремонт. Словом, дел было много, скучать некогда, и судовые команды трудились с утра до вечера.

Точно по намеченному графику, 30 мая, всё экспедиционное имущество геологи на вездеходах начали перевозить на свой несчастливый лесовоз «Правда». С началом навигации он вновь должен будет отправиться в бухту Нордвик и полностью там разгрузиться, чтобы в следующую зимовку можно было выполнить все те геологические работы, которые не

удалось провести команде Урванцева. Теперь проблем с заходом туда быть не должно – Б. В. Лавров при своём авиационном визите вручил Н. Н. Урванцеву карту глубин бухты Нордвик и подходов к ней. А ещё он передал пожелание командования Главсевморпути, чтобы острова Самуила на всех географических картах именовались теперь островами «Комсомольской правды»⁹¹.

Тем временем начался июль. Чёрный лёд вокруг перезимовавших кораблей начал интенсивно таять из-за кучи золы от сгоревшего за зиму угля, выброшенного за борт, и осевшей сажи паровых труб, так что даже ходить на берег пешком стало теперь небезопасно. (Как известно, всё чёрное притягивает солнечные лучи.) Крепко привязанные вездеходы уже стояли на приколе в трюме «Правды», а члены экспедиции Урванцева переместились на жительство в каюты лесовоза, а также в приспособленные под жильё помещения в трюмах. Однако вдали, там, где на снегу не было чёрных пятен, всё ещё стояли двухметровые торосы, и без посторонней помощи «Правде» выбраться из плена было невозможно. Для этого нужен был ледокол или хотя бы ледорез.

Ледорез «Литке» подошёл к «Правде» 12 августа. Кромка дотопленного льда в это время проходила вдоль северо-восточного края островов «Комсомольской Правды», там же, где и в конце навигации прошлого года. Для того, чтобы вывести лесовозы на чистую волю, «Литке» должен был пропиливать в нём канал длиной в девять километров. Эту работу он сделал с большой натугой, трудясь в течение пяти суток без каких-либо перерывов.

После вывода лесовозов из ледового плена их пути разошлись. «Володарский» отправился на восток, в Тикси, за углем для судов второго Ленского каравана. «Товарищ Сталин» вместе с «Литке» пошли на отдых и ремонт в Архангельск. А «Правда» отправилась вдоль восточного побережья

⁹¹ Кто таков этот Самуил, мне выяснить не удалось. Мне известно только, что так назвал эти острова в 1763 году их первооткрыватель, лейтенант Василий Прончищев, один из гигантов великой когорты «царёвой службы лейтенантов».

Таймыра на юг, к бухте Марии Прончищевой, туда, где жила и промышляла охотничья артель Сергея Журавлёва. Вначале оттуда нужно было забрать и перевезти в бухту Нордвик оставленные в прошлом году бочки с горючим, два катера и четыре пятитонных баркаса. Кроме того, Елизавета Ивановна хотела ещё раз осмотреть своих бывших пациентов (особенно женщин и детей), прописать им необходимые лекарства и назначить долговременное лечение, а тех, кому это необходимо по состоянию здоровья, вывезти кораблём на Большую Землю. Надо ли говорить, что встретили там её не только тепло, но даже восторженно, и на прощанье подарили две прекрасно выделанные роскошные песцовые шкуры.

В бухте Нордвик лесовоз «Правда», совершив несложное путешествие к северу среди свободно плавающих льдов, 24 августа подошёл почти вплотную к материковому берегу восточного Таймыра. Пользуясь полученной от начальства картой морских глубин, капитан «Правды» Х. А. Балецкий с запада, от островов Преображения и Большого Бегичева, в этот раз без особых приключений привёл своё судно в бухту и стал там под разгрузку. К тому времени Урванцев уже знал, что возле мыса Челюскин стоит ледокольный корабль «Владимир Русанов», который привёз сюда, на Нордвик, новую экспедицию, и что возглавляет её геолог Т. М. Емельянцеv. И ещё он знал, что в составе этой экспедиции прибывает бригада мастера Полуянова, которая должна была вместе с ним прошлым летом заниматься бурением для поисков нефти. Теперь они будут делать это уже без него.

Разгрузка лесовоза была сложной и продолжительной. Работать пришлось в три смены всем, причём более двух недель. Ведь к основанию Соляной Сопки на берегу бухты Нордвик «Правда» доставила три вездехода, всё буровое оборудование и снаряжение к нему, горючее и запасные части как к машинам, так и к буровым станкам, а также баркасы и катера. Слава Богу, глубина бухты позволяла ставить в ней большие океанские суда всего в ста метрах от берега.

За время разгрузки «Правды» к подножию Соляной Сопки подошёл «Владимир Русанов» с командой новых зимовщи-

*Разгрузка судна «Правда» на мысе Нордвик
с помощью карбаса и вездеходов*

ков, а также со снаряжением, оборудованием и припасами для них на всё время зимовки. Никто из команды Урванцева ещё на один год оставаться в бухте Нордвик не пожелал. Вездеходчики посчитали, что свою миссию испытателей они выполнили полностью. Плотники тоже стремились как можно скорее вернуться к семьям, в родной Архангельск. Самому же Урванцеву не терпелось заняться изучением геологических образцов, а также обработкой тех экспедиционных материалов, которые были накоплены за время этой зимовки.

Так что уже 20 сентября все они были в Архангельске.

Что же касается экспедиции Т. М. Емельянцева, то её полевой сезон оказался вполне удачным. Геологи обнаружили в одном из логов на склонах всё той же Соляной Сопки выходы жидкой нефти. (Не слукавил промысловик Бельков!) Разведочные работы на нефть тоже оказались успешными. С помощью буровых скважин было вскрыто несколько нефтеносных горизонтов на небольших глубинах, но значительных притоков нефти они не дали. И о промышленной добыче нефти на Таймыре на время забыли.

Глава 17

Зэк Н. Н. Урванцев

К середине осени 1934 года супруги Урванцевы после зимовки на островах Комсомольской Правды (бывших островах Самуила) вернулись в свою ленинградскую квартиру на Лесном проспекте. К тому времени полярный геолог Н. Н. Урванцев был в зените славы. Сразу же после приезда он был назначен главным консультантом горно-геологического управления Главсевморпути, а затем и заместителем директора Арктического института, который в то время возглавлял полярный исследователь с мировым именем Рудольф Лазаревич Самойлович. Впрочем, эти назначения никого не удивили. Все, кто интересовался освоением советской Высокоширотной Арктики, знали, что именно Урванцев открыл крупнейшее в мире платиновое и медно-никелевое месторождение в районе Норильска. Что именно он описал и нанёс на карту архипелаг Северная Земля, а также освоил большинство водных речных дорог Таймыра. Мало того, его, даже казалось бы, неудачная экспедиция в район бухты Нордвик и зимовка на островах Самуила принесли ему успех и славу, поскольку Урванцев наглядно показал всему миру возможности использования механического транспорта в условиях Крайнего Севера. Кстати, за это «выдающееся достижение»⁹² Советское правительство вручило ему невиданную по тем временам награду – личный легковой автомобиль. (Это, как если бы сейчас кого-то наградили личным самолётом.)

Его дальнейшие научная и административная карьеры непрерывно шли вверх. В июне 1935 года ему была присуждена без защиты учёная степень доктора геолого-минералогических наук. Газета «Известия» опубликовала начерченную им географическую карту архипелага Северная Земля с остро-

⁹² Эти слова взяты здесь в кавычки не для того, чтобы придать им иронический характер. Это кусочек цитаты из приказа, сопровождавшего данный подарок правительства.

вами Октябрьской революции, Большевик, Комсомолец и Пионер, а также опубликовала пояснения автора к ней.

В перерывах между своими экспедициями Н. Н. Урванцев часто совмещал должности директора и учёного секретаря Арктического института Академии наук СССР. И тогда через его руки проходили практически все научные труды института, планировались все арктические экспедиции в стране, в издательстве Главсевморпути выходили в свет интереснейшие книги о путешествиях по Крайнему Северу.

Весной 1937 года на XVII Международном геологическом конгрессе, который проходил в Москве, труды Н. Н. Урванцева не только высоко оценила вся мировая геологическая общественность, но он был официально признан «самым большим авторитетом своего времени в вопросах освоения Крайнего Севера».

И вдруг чёрным днём 11 сентября 1938 года за Николаем Николаевичем Урванцевым «пришли».

Далее я цитирую документы из архивов ленинградского «Большого дома», которые теперь, слава Богу, может прочитывать любой человек, интересующийся работой этой зловещей организации. Итак:

Дело № 00806

Ордер № 9/981 от 11 сентября 1938 года, выдан сотруднику Управления Государственной Безопасности УНКВД по Ленинградской области для ареста и заключения гражданина Н. Н. Урванцева, а также производства обыска в квартире № 190 дома № 61 по Лесному проспекту.

*Начальник Управления НКВД
по Ленинградской области С. А. Гоглидзе
Арест санкционировал замнаркома Л. П. Берия
Согласовано с прокурором СССР*

Урванцев Николай Николаевич

Родился 17(29) января 1893 года в семье купца Нижегородской губернии.

1918 год – окончил горное отделение Томского технологического института.

1919 год – участие в Норильской геологической экспедиции белогвардейца Александра Сотникова (расстрелян в 1920 г.).

1922 год – награждён медалью Пржевальского (от Правительства РСФСР) и именными золотыми часами (от Правительства Норвегии) за находку почты Руаля Амундсена.

1932 год – награждён орденом Ленина за горно-разведочные работы на месторождениях Норильск-1 и Новильск-2, а также за исследования на Таймыре и Северной Земле.

1934 год – премирован Советским правительством легковым автомобилем за внедрение автотранспорта в Арктике.

1935 год – присуждена учёная степень доктора геологических наук.

Во время обыска изъяты:

Орден Ленина – 1 шт.

Серебряная медаль Пржевальского – 1 шт.

Именные золотые часы (производства Норвегии) – 1 шт.

Охотничьи ружья – 2 шт. и документы, дающие право на владения этим оружием

Книги «Северная Земля. Краткий очерк исследования» и «Два года на Северной Земле» (автор Н. Н. Урванцев), экспедиционные дневники и материалы, геологические статьи.

Вот так открывалось дело «врага народа» Николая Николаевича Урванцева, которое с разного рода перерывами длилось около семнадцати лет. Причём, если следить по датам и формулировкам приговоров, это была полная чушь и чехарда, лишённая не только какой-либо логики, но и всякого смысла.

Судите сами:

11 сентября 1938 года – арест по политическим мотивам в его собственном кабинете в НИИГА в связи с обвинением по ст. 58 УК РСФСР п.6 (шпионаж).

30 декабря 1938 года – освобождение из-под ареста в связи с отсутствием состава преступления по постановлению Верховного суда СССР.

3 марта 1939 года – вторичный арест с обвинениями во вредительстве и участии в контрреволюционной организации.

11 ноября 1939 года – осуждение Военным трибуналом Ленинградского военного округа на 15 лет ИТЛ⁹⁵ по ст. 58 УК РСФСР, пп. 7 и 11.

22 февраля 1940 года – пересмотр и прекращение дела в связи с отсутствием состава преступления. Полная отмена приговора по решению военной коллегии Верховного суда СССР.

11 сентября 1940 года – третий арест.

30 декабря 1940 года – вынесение Особым совещанием при НКВД СССР приговора по обвинению в участии в анти-советской вредительской организации – 8 лет ИТЛ с зачётом отбытого срока по ст. 58 УК РСФСР п. 11.

Январь 1941 года – пересылка по этапам: Соликамск, Коканд, Актюбинск.

1941–1942 годы – перевод на Актюбинский комбинат ферросплавов НКВД, Работа на заводе бетонных изделий вначале лаборантом, затем техническим руководителем.

1942 год – назначение начальником геологического бюро и главным геологом Донских рудников хромистого железняка всё того же Актюбинского комбината ферросплавов.

24 января 1943 года – направление по личному распоряжению заместителя министра внутренних дел СССР А. П. За-вениягина на строительство Норильского горно-металлургического комбината. Привоз по этапу через тюремно-лагерную пересылку в Восьмое Красноярское отделение ГУЛАГа в Норильск.

1943 год – руководство поисковыми геологическими работами на реке Пясине и её притоках.

22 июня 1944 года – постановлением ОСО НКВД за высокопроизводительный и добросовестный труд снижение срока заключения на два года.

3 марта 1945 года – освобождение из-под стражи и назначение старшим геологом геологического управления Норильского горно-металлургического комбината.

1954 год – полная реабилитация по всем судимостям.

⁹⁵ ИТЛ – исправительные трудовые лагеря. В те время эту аббревиатуру знали все, теперь же, слава Богу, её мало кто помнит.

Вот таков послужной список зэка Н. Н. Урванцева, согласно официальным документам. Что же касается разного рода житейских и производственно-деловых подробностей этого периода его жизни, то в документах они отражены скупо, а сотрудники НКВД очень неохотно вспоминают те времена и события, а также собственное участие в них. Так что получить от них хоть какие-то вразумительные воспоминания и толкования никак не возможно. Сам же Николай Николаевич никаких разговоров на эту тему не поддерживал, а когда любопытствующие журналисты и биографы уж очень приставали к нему с ними, замыкался в себе и всякое общение прекращал. Так что пришлось искать другие источники информации о годах заключения и ссылки Урванцева.

По делам о заговоре против советской власти, шпионаже и вредительстве вместе с Н. Н. Урванцевым был арестован ещё один известный полярный геолог М. М. Ермолаев. Так же, как и у Урванцева, который свои первые геологические исследования проводил по личному заданию адмирала А. В. Колчака, у Ермолаева тоже было одноотягчающее обстоятельство: он был зятем великого полярного исследователя Р. Л. Самойловича. Рудольф Лазаревич Самойлович, полярник с мировым именем, директор Арктического института, был арестован в июле 1938 года и вскоре по приговору трибунала расстрелян. А вот Ермолаеву, так же, как и Урванцеву, посчастливилось дожить до своего освобождения и полной реабилитации. Вот что впоследствии напишет и опубликует Михаил Михайлович в своих воспоминаниях о годах заключения:

«В июле 1939 года, ровно через год после того, как я впервые перешагнул через тюремный порог, когда я душевно вымотался и отчаялся, по местному "телеграфу" мне поступило срочное сообщение о том, что у меня появился "одноделец" – некто Урванцев – и что завтра меня вызовут на допрос и, возможно, на очную ставку.

Всё оказалось правдой. С Николаем Николаевичем Урванцевым, известным полярным геологом, я трудился в Арктическом институте у Р. Л. Самойловича, правда, работали мы

в разных отделах. Видимо, в то время формировалось крупное "шпионское дело" по Арктическому институту во главе с его директором, и необходимо было для придания ему "веса", привлечь как можно больше известных личностей.

Соединить нас с Урванцевым в единое целое, доказать нашу совместную "шпионскую деятельность" следователям оказалось не так-то просто. У них возникли многочисленные сложности. "Дела" подобного рода тогдашние крючкотворцы НКВД обычно "шили" по территориальному признаку: "московское дело", "ленинградское дело", "арктическое дело" и т. д. Но Высокоширотная Арктика – велика, можно даже сказать, необъятна. Мы с Николаем Николаевичем работали в совершенно разных регионах, на расстоянии в несколько тысяч километров друг от друга. Я тогда занимался геологией Западной Арктики, до Новой Земли включительно, а Урванцев исследовал Таймыр и Северную Землю. Никогда и нигде мы не были связаны ничем. Следователи попытались было доказать, что мы действовали совместно после вербовки нас неким зарубежным мифическим Центром, меня – в Германии, его – в Японии. Но ни я, ни он, конечно же, в этих странах никогда не бывали. И никаких совместных отношений со спецслужбами этих стран напрямую поддерживать мы просто не могли.

А ещё я вспоминал – и сердце вновь сжимал мне стыд – те наши позорные собрания ("судилища", в которых участвовал и я сам) по поводу клеймления "врагов народа". И вот что удивительно: люди у нас в институте работали закалённые, в основном, кристально честные и надёжные, полярники, не раз смотревшие смерти в глаза, а на этих собраниях и они поднимали руку, как заведённые».

С первым арестом Урванцева вышел полный конфуз, ибо никакой мало-мальски правдоподобной шпионской организации в Арктическом институте собрать так и не удалось. Правда, директора (и руководителя «преступной шайки» по версии следователей НКВД) Р. Л. Самойловича успели расстрелять, но тут ретивые дознаватели несколько поторопились. Ни резидентов, ни конспиративных квартир, ни шпи-

онских материалов, с передачей которых преступники были бы пойманы за руку, добыть не получилось. Конечно, всё это можно было бы и «организовать» – никакие звания, заслуги и ордена тут спастись бы не помогли. Но ведь и над самими следователями НКВД висел всё тот же «дамоклов меч», а шпионская организация – это вам не политический анекдот, рассказанный в курилке. Словом, с пунктом 6 («шпионаж») статьи 58 УК РСФСР вышла осечка. Первое «дело», в котором якобы «участвовал» Урванцева, рассыпалось в прах и до суда так и не дошло. Ибо даже имена своих якобы «вербовщиков» практически все «шпионы» или не знали, или напрочь позабыли.

Тут я должен сделать отступление от своего основного повествования, для того, чтобы рассказать о жене Н. Н. Урванцева Елизавете Ивановне, которая, конечно же, во всём трагическом абсурде принимала непосредственное участие.

Все мы хорошо знаем о декабристках – жёнах осуждённых декабристов, отправившихся за своими мужьями и любимыми в каторжную Сибирь. Об этом нам рассказывали в школе на уроках истории, об этом писали книги для юношества, об этом даже был снят прекрасный фильм «Звезда пленительного счастья» известным кинорежиссёром В. Я. Мотылём. Однако, вспоминая о декабристках, люди моего поколения всегда невольно думали о тех женщинах, которые по многу часов (иногда даже не часов, а дней) стояли в страшных очередях в приёмную тюрьмы «Кресты» для того, чтобы получить хоть какую-то весточку о своих мужьях, сыновьях, любимых.

В подтверждение этого приведу здесь строки предисловия А. А. Ахматовой к её знаменитому «Реквиему»:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного всем нам тогда оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шёпотом):

– А это вы сможете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.»

Вот оно, начало этого страшного в своей гениальности произведения, которое в прежние времена мы читали на листках «Самиздата», отпечатанных на пишущей машинке:

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.

И когда, обезумев от муки,
Шли уже осуждённых полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.

Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами «чёрных Марусь».

Впрочем, Елизавета Ивановна Урванцева была женщиной совсем иной породы. После первого ареста Николая Николаевича она, не раздумывая и не рассуждая, кинулась в бой за своего мужа. Война между нею и дознавателями шла с переменным успехом и была довольно затяжной. Елизавета Ивановна подняла на ноги всех, кого только можно, чередуя собственные угрозы с документальными доказательствами. Вскоре следователь понял, что имеет дело с весьма серьёзным противником, и однажды, стукнув кулаком по столу, он с треском открыл ящик этого стола, достал оттуда бумагу и свистящим шёпотом сказал:

– Это ордер на арест Урванцевой Елизаветы Ивановны. Он пока что без виз, подписей и печатей. Однако, заверяю вас, что если вы будете продолжать мешать нам в нашей работе, они непременно появятся со всеми вытекающими для вас из этого обстоятельствами.

И тут Елизавета Ивановна испугалась по-настоящему, поскольку поняла, что это отнюдь не пустая угроза. Безус-

ловно, она, храбрая и даже отчаянная женщина, была готова не только умереть, но и принять любую муку за своего любимого мужа, но она не могла не бояться усугубить его и без того ужасное положение. Она понимала, что если её посадят, хлопотать за Урванцева будет просто некому.

Впрочем, никакого страшного выбора делать ей не пришлось, поскольку уже через день после этого угрожающего разговора Урванцева освободили по решению Верховного суда СССР. Так что никакого судебного процесса над ним не было, и следствие закончилось само собой безо всяких результатов. Бывали в те «чёрные» времена, оказывается, и такие случаи.

Однако на свободе пробыл Урванцев недолго. После второго ареста, тоже прямо с места работы, 3 марта 1939 года, Н. Н. Урванцеву решили «пришить» пункт 7 всё той же знаменитой 58 УК РСФСР – «вредительство», а заодно и пункт 11 (его, как правило, добавляли для солидности обвинения практически всем) – «участие в антисоветской или контрреволюционной организации». Тут уж с ним церемониться не стали: если и повторный арест да ещё с другим пунктом обвинения не удастся довести до суда – это будет откровенным браком в работе следственных органов. И допустить этого они никак не могли. Поэтому тут за Урванцева следователи взялись основательно и после многочисленных допросов, непременно сопровождавшихся зверскими избиениями и даже пытками, он свою «вину» признал. Но при этом не выдал дознавателям более никого из мифических «соучастников», ограничившись лишь «самооговором».

И вот 1 ноября 1939 года, через десять месяцев после второго ареста «врага народа» Н. Н. Урванцева, следствие по его «делу» закончили и передали в суд.

Суд! Как долго он ждал его. Как скрупулёзно и вдумчиво обдумывал свою линию поведения там! Как тщательно готовился к нелёгкой борьбе с прокурором и всей «командой» обвинения! Как вдохновенно сочинял свою речь, своё «последнее слово обвиняемого». Он уже знал: суд будет публичным, и на него специально пригласят работников Арктического

института. В их присутствии будут проходить все судебные заседания, допросы обвиняемых, выступления адвоката и прокурора. Словом, всё!

И «публичный суд» состоялся! Притихшие сослуживцы, коллеги, соратники по полярным экспедициям Урванцева сидели в зале, ожидая громкого и ужасного процесса, полного ошеломительных разоблачений. Однако ничего особенного не произошло. Никакого процесса, в сущности, и не было. Во время судебного заседания Урванцева ни о чём толком даже и не спросили. Всё произошло почти мгновенно. Зачитали обвинение, сообщили о полном признании своей вины обвиняемыми. Урванцеву, правда, дали слово. Но едва он успел сказать, что «от своих показаний, данных на следствии, отказывается, поскольку они были добыты под давлением», судья заявил, что «суду всё ясно» и закрыл заседание. После этого суд удалился в совещательную комнату. Через десять минут они вернулись и зачитали приговор: «Военный трибунал Ленинградского военного округа осудил обвиняемого Н. Н. Урванцева, дело № 00806, на пятнадцать лет исправительно-трудовых лагерей. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Вот и всё.

Что касается коллег Урванцева по Арктическому институту, присутствовавших в зале, то они сидели молча, словно окаменевшие, и после оглашения приговора так же молча, толпой пошли к выходу. Кто-то, правда, тяжело вздохнув, пробормотал себе под нос:

– Слава богу, что не пришлось голосовать...

Однако ни в какие исправительно-трудовые лагеря Урванцева в этот раз не отправили. Он был оставлен в Ленинграде и уже через неделю после вынесения приговора работал в одной из местных «шарашек»⁹⁴ – Центральной лаборатории автоматики Норильского горно-металлургического комбината НКВД – вначале лаборантом-геохимиком, а уже через месяц – главным геохимиком. Это была почти свобода!

⁹⁴ О том, что такое «шарашка» знают многие, в основном, из книги А. И. Солженицына «В круге первом».

Теперь заключённый Н. Н. Урванцев жил в приличной комнате тюремного общежития, где, кроме него, проживали ещё два вполне интеллигентных, порядочных постояльца – инженеры высокой квалификации. У него была своя кровать с чистым постельным бельём, которое меняли каждую неделю. Кормили его, как и всех прочих ИТР⁹⁵, вполне хорошо – калорийно и даже вкусно.

Однако в своей высокой должности Урванцев проработал в «шарашке» совсем немного, всего три месяца. А после этого произошло совершенно невероятное событие. Посреди рабочего дня его вызвали в кабинет начальника лаборатории, где находился какой-то солидный человек в форме полковника НКВД. Полковник вышел навстречу заключённому и протянул ему руку, которую тот с недоумением пожал. Полковник строго сообщил Урванцеву, что его из лаборатории отзывают, и велел немедленно собираться. Вскоре они оба уже были в «Большом доме», где тот же полковник вручил Урванцеву документ о том, что 22 февраля 1940 года военной коллегией Верховного суда СССР его дело прекращено «за отсутствием состава преступления». И он подлежит полному освобождению.

Урванцев обалдел. Он перечёл документ несколько раз, не веря своим глазам. Вскоре принесли одежду бывшего заключённого, ту самую, в которой он был в момент ареста. Причём, в карманах сохранились все те пустяковые вещи, которые тогда там были: две скомканные бумажки, сломанная скрепка и стирательная резинка, а также лежали ключи от его квартиры. Словом, всё было так, как будто год назад ничего с ним и не произошло. Полковник деликатно вышел из кабинета, дав возможность бывшему заключённому переодеться. А ещё через полчаса за Урванцевым пришла служебная машина, которая отвезла бывшего зэка в его квартиру, ту самую, что на Лесном проспекте. Дома его уже ждал накрытый крахмальной скатертью стол, на котором дымился

⁹⁵ ИТР – инженерно-технические работники. Это ещё одна общепринятая аббревиатура того времени.

горячий обед и посреди – открытая бутылка коньяка, а рядом стояла принарядившаяся сияющая жена Елизавета Ивановна. Её накануне специально предупредили по телефону о его возвращении домой.

Прежде, чем сесть за стол, Николай Николаевич подошёл к телефону и набрал номер квартиры Михаила Михайловича Ермолаева – тот тоже уже был дома. Вскоре Урванцев узнал, что в этот день многие известные геологи вернулись из заключения в свои дома. В связи с чем это произошло, Бог весть – неисповедимы пути, резоны и решения всемогущего НКВД того времени.

Через некоторое время, когда улеглись все страсти вокруг столь же внезапного, как и арест, освобождения и возвращения к прежней жизни, перед Урванцевым встали резонные вопросы: как жить дальше? Чем заниматься? Где и с кем работать? Возвращаться в разгромленный Арктический институт ему не хотелось. Никаких новых экспедиций на любимый Таймыр не предвиделось.

А кроме того, за время его отсидки в «Крестах», как учёный-геолог он был полностью дискредитирован. Ведь всем его «дальновидным коллегам» в те времена было понятно, что «враг народа» учёной общественностью должен быть непременно развенчан и ошельмован, будь он хоть семи пядей во лбу. Мало того, на этом можно было сделать прекрасную карьеру, быстро продвигаясь по головам поверженных научных лидеров к своей карьерной цели. И вот в толстом научном журнале Арктического института «Проблемы Арктики», № 4 за 1939 год появляется статья «Существует ли Таймырский шарриаж?»⁹⁶. Видимо, выполняя социальный заказ, молодые геологи Н. Анিকেев и Г. Моор вывалили на своего недавнего коллегу и научного руководителя столько «научной грязи», что только диву даёшься. Они писали в своей статье, что научные взгляды и выводы Урванцева

⁹⁶ Шарриаж (или шариаж, или шарьяж), от французского слова «надвиг», которым описывают такие строения горных пород, когда более старые геологические структуры залегают выше молодых. (Я написал тут это слово так, как было в журнале.)

чересчур заумны, малообоснованны, надуманы, легковесны, субъективны, а также реакционны. Что они «тормозят и дезориентируют успешное изучение природных богатств нашей Родины». Редакция журнала добавила к этому, что сам Урванцев давно «обанкротился в научном и политическом отношении», что его «спекулятивные и лженаучные теории сочетались с вредительством в практической линии бывшего руководства Арктического института». В другом, тонком журнале «Бюллетень Арктического института» тогда же была напечатана редакционная статья «Об антимарксистских извращениях в учении о Таймырском шарьяже». В ней наотмашь шельмовались научные идеи и воззрения Урванцева. Бедный Карл Маркс, какие только мерзости в то время не прикрывались его именем! Ну, скажите, какое отношение он мог иметь к шарьяжу и к геологии вообще?

И вот теперь рядом, бок о бок, работать с этими «коллегами» в Арктическом институте?! Или поставить вопрос ребром: либо я, либо они?! Но это нереально, и даже глупо. Ситуация казалась тупиковой, но вдруг и она разрешилась самым лучшим образом. Доктору геологических наук Николаю Николаевичу Урванцеву предложили стать профессором кафедры тектоники Ленинградского горного института. Это было предложение, от которого невозможно отказаться, и он с головой окунулся в новую стихию, накрепко связанную, тем не менее, с его любимой геологией.

Однако через полгода, вечером 11 сентября 1940 года, к Урванцеву на квартиру вновь пришли люди из «Большого дома». В этот раз он встретил «гостей» спокойно. Те особенного нетерпения тоже не проявили и дали ему, не торопясь, собраться. Перед выходом Урванцев попросил жену на прощанье приготовить ему чаю. Она предложила по чашке и «гостям». Те выпили, поблагодарили и ушли с хозяином квартиры в ночь.

В этот раз следователь Урванцева был со своим обвиняемым безукоризненно вежлив и даже предупредителен. Он сразу же предъявил ему новое обвинение по статье 58, пунктам 6, 7 и 11, то же, что и при первом задержании.

Но в этот раз Урванцеву вменялось в вину сотрудничество уже не с японской, а с германской разведкой. Следователь посоветовал Урванцеву, чтобы не осложнять дело (ибо абсолютно всё надёжно доказано), сознаться во всём, подписать необходимые бумаги и не доставлять лишних хлопот им и неприятностей себе.

– Правда, – вкрадчиво сказал он при этом, – есть возможность значительно смягчить ваш приговор. Для этого нужно лишь подтвердить и подписать показания некоего геолога Бориса Рожкова⁹⁷.

После этих слов он достал из ящика стола довольно толстую стопу исписанной бумаги, в некоторых местах запачканную кровью. Это были совершенно бредовые и ужасные показания человека, судя по всему сломленного физически и духовно. Там обвинялись во вредительстве и предательстве знаменитые геологи В. А. Обручев, Я. С. Эдельштейн, В. К. Котульский, М. П. Русаков, М. М. Тетяев, И. Ф. Григорьев, А. Г. Вологдин и ещё несколько человек. Судя по всему, готовилось какое-то новое, очень большое «геологическое» дело.

Урванцев безразлично отодвинул эти бумаги и твёрдо сказал:

– Борис Николаевич Рожков был одним из моих лучших учеников. Вместе с ним мы работали в тяжёлых и опасных «полях» на плато Путорана, где он показал себя с наилучшей стороны. Поэтому я не верю ни одному слову, написанному здесь, и, конечно же, ничего этого не подпишу. Всё это – бред затравленного вами человека.

– Очень хорошо, я вас понял, – сказал следователь и развёл руками, после чего убрал окровавленные бумаги в стол. – Ну, а вот это вы, как честный и порядочный человек, описать и подписать будете должны.

Он достал из того же ящика новое обвинительное заключение Н. Н. Урванцева, в котором упоминался теперь

⁹⁷ Б. Н. Рожков, один из первооткрывателей месторождения «Норильск-2», был расстрелян в 1940 году по приговору ОСО НКВД.

уже только пункт 11 статьи 58 УК РСФСР (участие в антисоветской организации). А рядом положил фотокопию мандата, подписанного самим адмиралом Колчаком, где было написано: «Все приказы предьявителя этого мандата исполнять, как мои собственные. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак».

– Ведь этот мандат был выдан вам, не так ли? – участливо спросил он.

– Мне, – согласился Урванцев, поскольку отрицать это было бессмысленно.

– Вот и напишите про это. И обязательно поставьте свою подпись и дату...

Теперь это был уже не самооговор, а констатация факта. Урванцев написал на предложенном ему листе две фразы, подтверждавшие это обвинение, подписался, поставил дату и, протянув его следователю, про себя подумал: «Это ещё далеко не самый худший вариант, а следователь, несомненно, умён, профессионален и хорошо подготовлен».

Таким образом, 30 декабря 1940 года тем же самым, пре-словутым «Особым совещанием при НКВД СССР» Н. Н. Урванцев по обвинению в участии в антисоветской контрреволюционной организации был приговорён к восьми годам ИТЛ с зачётом уже отбытого срока.

А уже через неделю он был отправлен пересылкой в распоряжение органов НКВД города Соликамска. Как видно, «специалистам» Ленинградского «Большого дома» хотелось как можно скорее расстаться со столь «неудобным» обвиняемым, с которым всегда непонятно, как себя вести и чего ждать от общения с ним – то ли «пирогов и пышек», то ли «синяков и шишек». А ещё больше хотелось навсегда расстаться с его ужасной женой, от которой даже всесильным «энкаведешникам» тоже можно было ждать чего угодно.

Теперь эти проблемы свалились на голову ничего не подозревавшим «соликамским товарищам из НКВД». И главным источником их головной боли стала жена осуждённого Урванцева – Елизавета Ивановна. Она отыскивала своего мужа в тюрьме Соликамского НКВД и стала методично досаждать

местные «органам», рассказывая им о своих связях и знакомствах (прежде всего, о С. С. Каменеве), о прежних ошибках следователей и дознавателей, которые жестоко поплатились за свой непрофессионализм и политическую близорукость. При этом она предъявляла копии постановлений Верховного суда СССР, и разного рода других компетентных и надзорных организаций. В результате, перепуганным «дознавателям» с огромным трудом удалось избавиться от такого неудобного заключённого. Его скрытно переправили из Соликамска вначале в Коканд, а оттуда – в Актюбинск для того, чтобы как можно скорее избавиться от нападок ненавистной «склочницы».

Так Н. Н. Урванцев оказался на Актюбинском комбинате ферросплавов НКВД СССР. Разумеется, там, в Актюбинске, никто и представления не имел о том, кто таков этот пресловутый «зэк Урванцев». В сопроводительных бумагах о нём было сказано лишь, что рекомендуется «использовать его как руководителя нижнего или среднего звена при производстве технических работ». Поэтому по прибытии в Актюбинск Николая Николаевича определили на завод бетонных изделий местного комбината ферросплавов. Вначале он был там лаборантом, а уже через два месяца – техническим руководителем. Ещё через полгода, в январе 1942 года, его назначают начальником геологического бюро, а вслед за тем и главным геологом Донских рудников хромистого железняка всё того же Актюбинского комбината ферросплавов. Вот такая удивительная, если не сказать «головокружительная» карьера, сложилась у заключённого Урванцева всего за два года в Актюбинске.

Ну, а что же его жена Елизавета Ивановна? Неужели она опустила руки и перестала искать своего пропавшего мужа по всем лагерям и тюрьмам необъятного архипелага ГУЛАГ? Ну, разумеется, нет – она старалась изо всех сил, наперекор нешуточным опасностям и даже здравому смыслу, не только вытащить его из этой ужасной трясины, но и вернуть ему его честное имя. Но в те времена это оказалось совсем непросто, а вскоре и невозможно, ибо 22 июня 1941 началась

*Капитан медицинской службы
Е. И. Урванцева после демобилизации в конце мая 1945 г.*

Великая Отечественная война, и врача-хирурга Елизавету Ивановну Урванцеву призвали на фронт, в действующую армию, направив в распоряжение полевого госпиталя Ленинградского фронта. Со своим госпиталем она прошла потом всю войну (после Ленинградского фронта – Кольский полуостров, затем Минск, Одессу и даже предгорья австрийских Альп), закончив её в звании капитана медицинской службы и получив за свою самоотверженную работу у хирургического стола многие боевые награды.

А пока Елизавета Ивановна находилась на войне, Николая Николаевича Урванцева по всем лагерям и тюрьмам искал ещё один очень серьёзный человек, тоже лично заинтересованный в жизни и судьбе великого таймырского геолога.

Этим человеком был Авраамий Павлович Завенягин – заместитель наркома внутренних дел страны⁹⁸, генерал-лейтенант госбезопасности, руководитель всех промышленно-строительных структур НКВД и, в том числе, начальник ужасного Норильлага. Зэк Урванцев генералу Завенягину был нужен позарез. Причём нужен не только живой и здоровый, но полный энергии, знаний, сил и идей.

Надо ли говорить, что поиски генерала А. П. Завенягина оказались гораздо более успешными, чем все усилия фронтového врача Е. И. Урванцевой. Так что 6 декабря 1942 года появляется на свет его приказ о переводе заключённого Н. Н. Урванцева в Норильлаг. А 24 января 1943 года Урванцев уже оказывается в своём дорогом Норильске, то есть в том

⁹⁸ С 1946 г., согласно новой табели о рангах, он стал именоваться «заместителем министра внутренних дел».

самом месте, где он, в ту пору совсем молодой геолог, не только открыл в середине двадцатых годов богатейшее в мире месторождение цветных металлов, но и подготовил его к эксплуатации.

А. П. Завенягин

Теперь из крохотного геологического посёлка, состоящего из четырёх деревянных рубленых домов, его любимый Норильск превратился в огромное, грозное «чистилище» с двадцатью тысячами подневольных узников, а прежний, хотя и очень тяжёлый, но радостный труд – в презренное, позорное и часто смертельное наказание. Подсчитано, что каждый четвёртый узник ИТЛ, а также каждый третий узник ИТК Норильлаг⁹⁹ умирал в первый же год своего заключения. Поэтому в навигацию сюда ежегодно огромными баржами вниз по течению Енисея или северным морским путём через Белое, Баренцево и Карское моря в Дудинку – приёмный пункт Норильлага – доставляли «человеческий материал» – тысячи «врагов народа», то есть рабов «дорогого товарища Сталина». В шахтах, в вечной мерзлоте кайлами они рубили уголь, добывали медную, никелевую или молибденовую руду. Вручную, забивали в промороженную до звона землю бетонные сваи, на которых потом возводились корпуса домов и металлургических цехов, укладывали рельсы железной дороги Дудинка-Норильск. Тех, у кого не хватало сил, здоровья или просто желания работать, собирали зимой по больницам и баракам, увозили в тундру, поближе к берегам рек, текущих в океан, и там просто бросали на снег замерзать от голода и холода насмерть. Хоронить эти трупы никому и в голову не приходило – в весеннее половодье талая вода сама уносила останки этих бедолаг в безбрежное ледяное море.

⁹⁹ ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь. ИТК – исправительно-трудовая колония.

Норильлаг был настолько велик, а режим смены «человеческого материала» в нём так интенсивен, что в число его узников не могли не попасть многие значительные личности и даже великие умы того времени. Это были: астроном Николай Козырев, биофизик Александр Чижевский, гидрограф Николай Евгенов, геолог и гидрограф Михаил Ермолаев, историк Лев Гумилёв (между прочим, сын поэтов «серебряного века» Анны Ахматовой и Николая Гумилёва») и многие другие. Вскоре после XX съезда партии Верховный Совет СССР постановил: годы заключения в ГУЛАГе считать каждый за три. (Урванцев впоследствии, исключительно шутки ради, вычислил, что его трудовой стаж по такой разрядке составляет более ста лет).

Во времена своего безжалостного правления «вождь и учитель» (он же – «отец народов») товарищ Сталин, предрекая неизбежную «мировую революцию», неоднократно утверждал, что «повернуть колесо истории вспять невозможно», и оно непременно в своём неизбежном движении докатится до «эры всеобщего счастья победившего пролетариата». Я хорошо помню эти лозунги – мы изучали их вначале в школе, а потом в институте. Но на практике всё оказалось совсем не так: самому товарищу Сталину это колесо повернуть вспять удалось запросто – он возвратил в XX веке нашу страну в рабовладельческий строй из времён египетских фараонов и римских патрициев в наше «прекрасное и светлое» социалистическое общество.

Очевидцы рассказывали, что в бане Норильлага к Урванцеву подошёл как-то зэк из числа «воров в законе», обильно украшенный лагерными наколками, и строго спросил:

– Это ты открыл Норильск?

– Я, – сознался Урванцев.

– А ты не мог бы закрыть его обратно?

– Теперь это вряд ли получится, – ответил Урванцев, пожав плечами.

Норильлаг был организован в 1935 году Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР по приказу № 00239 от 25.06.1935 г. Двадцать один год спустя, приказом уже МВД

*«Норильская Голгофа» – мемориальный комплекс,
посвящённый узникам Норильлага*

СССР № 0348 от 22.08.1956 г. «существование Норильлага было прекращено».

Авраамий Павлович Завенягин, в ту пору комиссар госбезопасности третьего ранга, работавший начальником Магнитогорского металлургического комбината, был назначен на пост начальника Норильлага приказом № 840 по НКВД СССР от 08.04.1938 г. Что удивительно, это назначение специально утверждалось на заседании Политбюро ВКП(б) от 23.04.1938 г. Не часто назначения начальников предприятий, пусть даже и очень больших, в те времена утверждали на заседаниях Политбюро ВКП(б). Со своей стороны отмечу ещё одно удивительное совпадение: первый арест Н. Н. Урванцева, первооткрывателя Норильска, произошёл именно в 1938 году, когда ничто, казалось бы, не предвещало этого. Впрочем, неизвестно, было ли это простым совпадением.

Впоследствии А. П. Завенягин, став уже генерал-лейтенантом МВД, был привлечён к работе над ядерным оружи-

ем в знаменитом проекте «Арзамас-16». Он вновь привлёк к сотрудничеству своего старого «знакомца из Норильска» геолога Н. Н. Урванцева, и тот вновь целиком и полностью оправдал ожидания своего могущественного шефа. Впрочем, об этом будет рассказано ниже.

В работе над этим сверхсекретным проектом А. П. Завенягин по работе часто встречался с великим физиком и гражданином А. Д. Сахаровым и даже был, в некотором смысле, его начальником. Вот как этот великий правозащитник впоследствии характеризовал своего тогдашнего куратора, генерал-лейтенанта МВД:

– Завенягин был жёстким, решительным, крутым, а также чрезвычайно инициативным начальником. Он очень прислушивался к мнению учёных, понимая их роль в предприятии. Он старался сам в чём-то разбираться, предлагая иногда технические решения, обычно вполне разумные. Несомненно, он был человеком большого ума и при этом вполне сталинских убеждений. Я иногда задавался мыслью: что движет подобными людьми: их энергия? честолюбие? страх? жажда деятельности или власти? убеждённость? Ответа на эти вопросы у меня нет.

Но вернёмся в начало 1943 года, в барак Норильлага.

Свой полувековой юбилей (29 января 1943 года) Н. Н. Урванцев встречал на лагерных нарах. Впрочем, где бы ещё он мог его встречать? Ведь он жил в бараке для ИТР на зоне и каждое утро вместе с другими «осуждёнными специалистами высшей квалификации» в отдельной колонне под конвоем отправлялся на своё рабочее место. А работал он – политзаключённый! – вначале старшим геологом поисково-разведочных работ геологического управления Норильского горно-металлургического комбината, а потом, менее чем через два года, (страшно сказать!) руководителем этого управления.

У начальника Норильлага Завенягина относительно эзка Урванцева, как геолога, географа, топографа и астронома, был свой интерес и большие, далеко идущие планы. И тот своей работой в течение нескольких последующих лет целиком и полностью этот интерес оправдывал.

Во-первых, как уже сказано, речной порт Дудинка на Енисее должен был непрерывно принимать огромные корабли, баржи и грузовые суда для нового горно-металлургического комбината, в том числе и с весьма крупногабаритными или чрезвычайно тяжёлыми грузами. А также пустотелые баржи, битком набитые «живым грузом». Для этого были необходимы высокоточные, профессионально выполненные морские и речные карты с хорошо промеренными глубинами, где указаны все бухты, линии берегов, подходы к ним и подъезды с суши. А также весьма желательно было знать породы, слагающие эти берега. Всё это уже, в общем, существовало относительно Енисея, в том числе и, благодаря трудам самого Урванцева. Однако одного Енисейского пути для такого грандиозного строительства было мало, тем более на Крайнем Севере, где возможны любые сюрпризы, как погодные, так и человеческие. Поэтому А. П. Завенягину было весьма желательно для своей «великой стройки социализма» иметь также и запасной путь, через устье другой великой таймырской реки – Пясины – практически до самого Норильска. Если речные пути по Енисею были хорошо разведаны, то путь от устья реки Пясины через озеро того же названия к самому Норильску представлялся почти сплошным «белым пятном». А Норильский комбинат – Завенягин безоговорочно верил в это – необходимо будет расширять и, следовательно, непрерывно достраивать и перестраивать. Так что и второй – пясинский – путь тоже надо было осваивать обстоятельно.

Во-вторых, в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б) начальник Норильлага генерал-лейтенант госбезопасности А. П. Завенягин сделал «отцу народов» царский подарок: к открытию съезда были выплавлены первые семьдесят пять тонн медно-никелевого штейна из норильской руды. Вождю подарок очень понравился. Он прилюдно пожал отличившемуся «металлургу» Завенягину руку и пошутил, что хотел бы получать такие подарки ежедневно. Шутки шутками, но генерал «намотал это себе на ус», поняв, что разведку медно-никелевых месторождений, открытых пятнадцать лет назад в районе Норильска, следует продолжать. По крайней мере,

Сооружение заключёнными фундамента плавильной печи горно-металлургического комбината в Норильске, 1939 г.

товарищ Сталин эти работы готов лично поддерживать. Попутно замечу, что этот «подарок вождю» в скором будущем имел своё продолжение: 29 апреля 1942 года Норильский комбинат выдал первую плавку металлического никеля.

И наконец, в-третьих, А. П. Завенягину, как заместителю Л. П. Берия, было известно, что на самом высоком уровне затевается грандиозный проект по созданию советской ядерной бомбы. А для её производства и последующего испытания надо было найти и приготовить к эксплуатации месторождение урановой руды на Таймыре, и дело это тоже следовало поручить Урванцеву. Кстати, Завенягин тут, как в воду смотрел: вскоре этого «генерала от металлургии» назначили одним из главных кураторов «атомного проекта».

Вот такими были причины острого интереса, который проявлял Завенягин к Урванцеву. Их вполне можно понять и не удивляться той настойчивости, с которой всемогущий генерал приближал к себе скромного полярного геолога.

Впрочем, тут было одно очень серьёзное препятствие. Для реализации всех этих замыслов необходимо было произ-

вести множество полевых работ, топографических, геологических и астрономических, а Урванцев – заключённый! О какой экспедиции тут, вообще, может идти речь?! Не включать же в её состав вооружённый конвой?! И далее: всякую экспедицию, тем более, на Крайнем Севере, непременно следует хорошо оснастить транспортом, продовольствием, оружием, географическими картами?! Но ведь это, фактически, не что иное, как настоящее подстрекательство государственного преступника к побегу! Нет, это никак не возможно! Этого не может позволить никто и никогда!

Всё это, вообще говоря, так, но в данном, конкретном, случае речь шла о личном задании товарища Сталина и товарища Берия – поиске на Таймыре урановых руд для будущей советской атомной бомбы. А это тот самый случай, когда «всем нельзя, а вот этому можно и даже нужно». И летом 1944 года, а затем и летом 1945 года Урванцев отправляется в довольно трудные и продолжительные геологические экспедиции на моторной лодке. В первый полевой сезон – по реке Пясине и её притокам; во второй сезон – в район шхер Минина, а в три последующих – в район залива Бирули на восточном берегу Таймырского полуострова. Его полевой отряд, был очень мал, но высокопрофессионален: сам Урванцев (руководитель, геолог и астроном), топограф Дюкерев и рабочий Петров. Все, разумеется, – заключённые Норильлага. (Как легко догадаться, на зиму, после окончания полевых работ, они ежегодно возвращались в Норильлаг, в свои бараки, к повседневной лагерной жизни.)

Все геологические и топографические полевые задания отрядом Урванцева были выполнены полностью и с самым высоким качеством, в особенности те, что касались урановых руд. Они были обнаружены, описаны и зафиксированы, хотя никогда впоследствии не разрабатывались, а хранились впрок как запасные. В стране одновременно над этой проблемой первостепенной важности трудилось несколько геологических экспедиций, и для дальнейшей разработки выбрали те месторождения, осваивать которые было проще и дешевле. Однако высокой оценки работ зэка Урванцева это обстоятель-

ство несколько не снизило. Ему специальным Постановлением ОСО НКВД от 22 июня 1944 года «за добросовестный и высокопроизводительный труд» был снижен срок заключения на два года. А затем 3 марта 1945 года Постановлением того же ОСО НКВД он был вообще освобождён из заключения и получил статус «вольноработного работника» и должность старшего геолога геологического управления Норильского горно-металлургического комбината. Смешно, но его новая «вольная» должность была много ниже той, которую он занимал, будучи зэк. Впрочем, эта нелепость вскоре личным распоряжением генерала А. П. Завенягина была исправлена.

Кроме того, при этом Урванцеву была выделена для проживания отдельная комната в первом доме Норильска, поставленном при его первой зимовке в Норильске, где они с Елизаветой Ивановной провели свою первую совместную «медовую зимовку». Воистину, как сказано в Библии, «всё возвращается на круги своя», только на другом, как правило, более высоком уровне. Другими словами, всё в этой жизни развивается по спирали.

Капитан медицинской службы Е. И. Урванцева была демобилизована в конце мая 1945 года и сразу возвратилась в Ленинград в их прежнюю квартиру, которая стояла пока, слава Богу, никем не занятой и даже опечатанной. Однако соединиться в ней со своим мужем на жительство она пока не могла.

Во-первых, потому, что Н. Н. Урванцев, хотя и был «расконвоирован» и вроде бы как «свободен», но свобода его была довольно условной или, скорее, призрачной. По крайней мере, пока что паспорта с пропиской у него не было, и перемещаться далее Дудинки он никуда не мог (не считая, разумеется, своих поездок в экспедиции). А уж о том, чтобы добраться до Ленинграда или даже до Красноярска, он не мог и мечтать. Сама же Елизавета Ивановна попасть в Дудинку или Норильск могла не ранее следующего лета. Для этого ей требовалось выправить множество разрешающих документов (не только выехать с Таймыра, но и приехать туда было большой проблемой), а кроме того, следовало дожидаться

*Строительство самой северной в мире железной дороги
Дудинка – Норильск, 1937 г.*

вскрытия Енисея. В навигацию 1945 года сделать этого она никак не успевала, так что надо было ждать следующей, поскольку реальный путь в ту пору был только один: вначале на поезде от Ленинграда до Красноярска, а оттуда – на пароходе по Енисею до Дудинки. Конечно, можно было бы попытаться пробиться к любимому мужу северным путём: на поезде до Архангельска, оттуда на каком-нибудь ледокольном судне до Диксона, а уже оттуда через устье Енисея до Дудинки. Однако этот северный путь хотя и был короче, но гораздо опасней и ненадёжней. Впрочем, как известно, нет худа без добра, и Н. Н. Урванцев в течение огромной полярной зимы сумел выправить себе настоящий паспорт с пропиской в посёлке МВД городского типа Норильске, а также сделать нечто вроде ремонта в «их» комнате, превратив её из холостяцкого мужского «медвежьего угла» в некое подобие «семейного очага».

Елизавета Ивановна приплыла из Красноярска в Дудинку на первом пассажирском пароходе, идущим следом за отступающими к Ледовитому океану ледяными полями

в 1946 году. Её встречал долгожданный муж с букетиком тундровой «пушицы» – полярными одуванчиками, оголить которые могли только здешние свирепые ветра, но никак не дыхание шаловливого ребёнка. Теперь добраться от Дудинки до Норильска особой проблемы не было – по местной узкоколейке ежедневно ходил поезд из паровоза и двух вагонов. Так что уже к вечеру того же дня (по стрелкам часов, разумеется, ибо на небе круглые сутки стояло незакатное солнце) они были у себя «дома», где всё напоминало Елизавете Ивановне счастливые дни ее «медовой» зимовки 1925–26 годов.

Через неделю она отправилась устраиваться на работу в местную больничку, куда её, опытного врача-хирурга, да ещё и с богатым фронтовым опытом, взяли с распростёртыми объятиями. Кроме того, местные долганы и нганасаны всё это время помнили о своей «кузьяке» – ведь про неё среди местных националов до сих пор ходили легенды, как о волшебной целительнице.

А Николай Николаевич со своим прежним крошечным отрядом продолжал тщательно готовиться к следующему полевому сезону, провести который им предстояло неподалёку от залива Бирули, тем более, что работа там предстояла очень серьёзная: большая (как минимум на три полевых сезона), трудная, сверхсекретная и, главное, очень ответственная. Недаром сам генерал А. П. Завенягин едва ли не каждый день лично вмешивался в ход её течения.

И вот в конце июля 1946 года геологический отряд Урванцева отправился в путь. Как уже сказано, экспедиция эта, как и всё, что связано с «советской ядерной программой», конечно же, была сверхсекретной. Поэтому практически никаких материалов, касающихся её, мне найти не удалось. Известно лишь, что её там искали, перелопатили миллионы тонн пустой практически породы и прекратили работы. Поэтому всю эту «руду», замуравав в большие железные бочки, утопили в какой-то глубокой морской яме моря Лаптевых, но где конкретно – большой государственный секрет. Впрочем, всё это произошло позже и никакого отношения к Н. Н. Урванцеву уже не имело.

Я же об этом слышал в 1972 году, когда работал на Таймыре в районе горного массива Тулай-Кирыка-Тас, от известного полярного геолога Л. В. Махлаева, который тогда был руководителем наших работ. Он рассказывал нам, как в начале шестидесятых годов они вместе с маршрутным рабочим в районе бухты Бирули набрали на огромный брошенный лагерь из длинных брезентовых палаток с печками, в три ряда огороженный колючей проволокой. Но гораздо больше тогда потряс их не сам лагерь, а чудовищных размеров склад, состоящий из колючей проволоки, разных материалов и инструментов, но главное, из продовольствия, запасённого на долгие годы. Тысячи мешков с мукой, крупой, сахаром, сушёными овощами, а также ящиков с разного рода консервами и прочими съестными припасами, образуя неприступные горы и стены, покрывали огромное пространство. На эту фантастическую «халяву» со всей округи собралось всё проживавшее неподалёку полярное зверьё: лемминги, зайцы, олени, волки, полярные совы, канюки и ещё Бог знает кто. Все они разжирили от дармовой еды и лени до немислимых размеров, заплыв салом и практически потеряв всякий интерес к активной жизни и желание двигаться. Судя по всему, это и было одно из небольших месторождений урановой руды, открытых в ту пору Урванцевым. Возможно, существовали и какие-то другие месторождения подобного типа здесь, на Таймыре, но имел ли отношение к ним Н. Н. Урванцев, мне неизвестно. Думаю, что были и что он, как геолог, отношение к ним имел.

Ну, а пока что они с Елизаветой Ивановной жили, как и тридцать лет назад, в своей отдельной комнатке того самого, первого норильского дома, который Урванцев со товарищи построили своими руками из сосновых брёвен, заготовленных неподалёку ещё в 1924 году. Оба они теперь были вольнонаёмными работниками, однако, в отличие от своей жены, Урванцев пока ещё имел не снятую с него судимость и еженедельно обязан был отмечаться в «компетентных органах».

Дважды, поздней осенью 1952 и 1953 годов, он посылал прошения о снятии с него судимостей и получении возможности прописаться на квартире своей жены в Ленинграде.

(Е. И. Урванцева, слава богу, судимостей не имела и в их общей «профессорской» квартире всё ещё была официально прописана.) Однако оба раза Особым совещанием МГБ, занимавшимся этими вопросами, ему в этом бывало отказано. Как видно, вышнему начальству он всё ещё был нужен в Норильске, а не в Ленинграде.

Не только местное, но и вышнее начальство, довольное результатами работ крошечного отряда, руководимого Урванцевым, решило щедро поощрить его, и осенью 1954 года он безо всякой просьбы со своей стороны, получает полную амнистию по всем своим судимостям и право прописаться в городе Архангельске, переехав туда на постоянное место жительства. Члены его отряда получают статус «вольнонаёмных работников», право жить не на зоне в бараке, а в «вольном» общежитии и свободно перемещаться в пределах всего Норильлага, то есть быть «расконвоируемыми».

Конечно, большое спасибо и за это, однако, никакого резона поселяться в Архангельске Николаю Николаевичу не было, и они с Елизаветой Ивановной решают остаться на жительство в своём дорогом им (несмотря ни на что!) Норильске до тех пор, пока Н. Н. Урванцев не получит разрешения на прописку в Ленинграде в их собственной квартире. Тем не менее, благодаря этому приказу, юридически Урванцев эком быть перестал, хотя полной свободы пока ещё и не приобрёл.

Глава 18

Последние годы жизни

XX съезд КПСС, на котором был зачитан доклад тогдашнего Первого секретаря ЦК правящей партии Н. С. Хрущёва «О развенчании культа личности Сталина», происходил с 14 по 26 февраля 1956 года в Москве. Без преувеличения можно назвать и доклад, и сам съезд, крупнейшим политическим событием в жизни нашей многострадальной державы. Вскоре едва ли не на всех предприятиях, ВУЗах, фабриках и даже колхозах на закрытых партийных и комсомольских собраниях, куда, впрочем, не ограничивали приход никому, стали знакомить народ с содержанием этого важнейшего партийно-политического документа того времени. Практически во всех ВУЗах, не только гуманитарных, но и технических, на экзаменах по «Научному коммунизму» – был тогда учебный предмет с таким смешным названием, и мы по нему сдавали экзамен – в билетах имелся вопрос на эту тему.

Вскоре немного ослабли вожжи цензуры – в журнале «Новый мир» была напечатана повесть А. И. Солженицина «Один день Ивана Денисовича», которую некие горячие головы из числа «искусствоведов в штатском» пытались рекомендовать даже на Ленинскую премию по литературе.

Но самое главное, страшный лёд архипелага ГУЛАГ начал понемногу таять, и постепенно по градам и весям нашей страны начали появляться недавние политические узники, выпущенные на свободу.

Ранней весной 1957 года Николай Николаевич и Елизавета Ивановна Урванцевы, наконец-то, получили возможность переселиться на постоянное жительство в Ленинград, получив право на прописку в своей прежней «профессорской» квартире. Норильягу они более были не нужны, прежде всего, потому, что сам он к этому времени канул в вечность. Ибо приказом МВД СССР за № 0348 от 22 августа 1956 года его существование, как государственной организации, было

прекращено. Исправительно-трудовой лагерь МВД в Норильске этим же приказом следовало ликвидировать к 1 сентября 1956 года, для каковой цели был создан специальный Ликвидком, который, в свою очередь, должен быть расформирован к 16 мая 1957 года. Надо ли говорить, что приказ этот был выполнен безукоризненно в указанные там сроки.

Почти год ушёл на восстановление Н. Н. Урванцева во всех его правах. Во-первых, им с Елизаветой Ивановной наконец-то были выданы ключи от их прежней квартиры, которая всё время отсутствия прежних хозяев так и стояла опечатанной под строгими гербовыми печатями, словно терпеливо ждала их возвращения.

Во-вторых, при прописке им в милиции выдали новые паспорта взамен тех, которые были у них в Норильске – с другими сериями. В прежние времена паспорт каждого советского гражданина имел серию и номер. Серия в те времена состояла из римских цифр и заглавных букв русского алфавита (например, III-ЕТ), а шестизначный номер – из привычных нам арабских цифр (например, 713852)¹⁰⁰.

Серия паспорта сообщала о его владельце довольно много информации бдительным «кадровикам», которые часто пользовались ею в своей работе, не прибегая ни к каким запросам в разного рода компетентные ведомства. Ну, а гражданин, не имевший паспорта, де-юре вообще как бы и не существовал вовсе. Вот что, оказывается, имел в виду пройдоха Остап Бендер, когда написал куском кирпича на плите, положенной на придорожную могилу своего соратника по приключениям: «Здесь лежит Михаил Самуэльевич Паниковский, человек без паспорта».

В-третьих, Николаю Николаевичу вернули его диплом о присвоении учёной степени доктора геолого-минералогических наук (без защиты диссертации), а также восстановили его полный послужной список по всем научным, педагогическим и творческим вопросам и проблемам.

¹⁰⁰ Для определённости автор указал здесь серию и номер своего паспорта того времени.

В-четвёртых, ему вернули личный легковой автомобиль, которым ещё в 1924 году Советское правительство наградило его за внедрение легкового транспорта в Высокоширотной Арктике. Правда, та прежняя машина давным-давно превратилась в музейный экспонат и по прямому назначению использована быть не могла, но Урванцеву вручили ключи от новенького «с иголки» (вернее, «с отвёрточки») автомобиля «Победа».

Однако самым важным вопросом, который более всего интересовал Н. Н. Урванцева в то время, было его трудоустройство. Хотя Урванцев уже перешагнул порог пенсионного возраста и с его заслугами, наградами, полярным стажем, а также возвращённой славой «Колумба Таймыра» вполне мог бы с почётом уйти на пенсию, своей жизни без геологической работы он пока не представлял. Возвращаться на работу в Арктический институт Урванцев по-прежнему категорически не хотел, на преподавательскую работу в Горный институт его не очень-то приглашали. Но тут он выяснил, что во время его вынужденного отсутствия, в Ленинграде, ещё в 1948 году, на базе горно-геологического управления Главсевморпути и отделения геологии Арктического института был создан Научно-исследовательский институт геологии Арктики (НИИГА). В 1953 году он был переподчинён Министерству геологии и охраны недр СССР для проведения «всесторонних научных исследований по изучению геологического строения и перспектив на полезные ископаемые Центрального и Восточного секторов Советской Арктики и геологического картирования этих регионов»¹⁰¹.

В приёмной начальника НИИГА, генерал-директора III ранга Севморпути Бориса Васильевича Ткаченко Урванцев попросил секретаршу доложить о себе. Буквально через секунду тот с широкой улыбкой на сияющем лице вышел в приёмную и долго тряс руку дорогому визитёру, потом, обняв его за плечи, препроводил к себе в кабинет.

¹⁰¹ Строки, взятые здесь в кавычки, приведены как цитата из приказа Совета министров СССР об организации НИИГА.

Словом, уже через день Н. Н. Урванцев был приказом зачислен в штат НИИГА на должность старшего научного сотрудника с последующим избранием по конкурсу, каковое избрание произошло через месяц и никаких возражений ни у кого не встретило.

Н. Н. Урванцеву была поручена очень большая и ответственная, а главное, очень важная именно для него работа. Он возглавил группу геологов, которые должны были составить новую кондиционную, государственную геологическую карту Норильского района. Надо ли говорить, что Урванцев сразу же с головой окунулся в эту работу. Безусловно, он был, прежде всего, полевым геологом, и, казалось бы, «кабинетная» работа удовлетворить его никак не могла. Но, вместе с тем, он прекрасно понимал, что в свои шестьдесят пять лет сверхтяжёлую работу в Арктике он может и не потянуть. Его прежде железное здоровье вполне может дать сбой в любой момент, и тогда участникам отряда придётся, бросив свои производственные дела, спасти его от смерти или инвалидности. А страшнее перспективы, чем стать обузой для своего отряда, он ничего представить себе не мог.

Вместе с тем, работая над этой картой, он, словно на машине времени, вновь возвращался во времена своей прекрасной геологической молодости и зрелости – на плато Путорана, на озеро Пясино, на пороги Хантайки, в шхеры Минина, на мыс Челюскин и острова Самуила (острова «Комсомольской правды»). А также в Норильск, Дудинку, на Диксон и в другие дорогие и памятные ему места. Кроме того, эта большая и нужная геологам будущих поколений работа была прекрасным итогом всей его творческой и героической жизни на Крайнем Севере, как путешественника, первооткрывателя и исследователя. Что тут скажешь: для него это была такая работа, о которой можно только мечтать. И при этом занимался он ею в своём любимом, прежде недостижимом для него Ленинграде, в НИИГА, научно-исследовательском институте, созданном, как будто, специально для него.

В разгар работы над этой картой Урванцев неожиданно получает уведомление о том, что Географическое обще-

ство СССР (правопреемник бывшего Императорского русского географического общества – ИРГО) наградило его своей Большой золотой медалью. Он получил её за «научные достижения, за вклад в географию, изучение и освоение Крайнего Севера, а также за стойкость и мужество, проявленные им при проведении географических и геологических исследований»¹⁰².

К 1963 году Н. Н. Урванцев становится учёным с мировым именем, одним из крупнейших специалистов в области рудной геологии, главным авторитетом по многим вопросам, касающимся «полярной» геологии.

В этом году в связи с семидесятилетним юбилеем его награждают вторым орденом Ленина, и в НИИГА проводят пышную и представительную научно-поздравительную конференцию, посвящённую этой дате. Ему адресуют статьи в центральных журналах и газетах, хвалебные дифирамбы ему поют учёные, политики, артисты, известные люди страны, коллеги-геологи, даже те, кто совсем недавно клеймил его как «врага народа», утверждая, что он «обанкротился в научном и политическом отношении», что его «спекулятивные и лженау-

*Н. Н. Урванцев
на торжественном заседании,
посвящённом его 70-летию*

¹⁰² Большая золотая медаль – награда Географического общества СССР, являвшаяся высшим знаком отличия Общества, вручаемым за выдающиеся научные достижения. После прекращения награждений Константиновской медалью в начале тридцатых годов, новое «Положение о медалях и премиях» в связи со столетием Общества было утверждено Советом Министров СССР в 1946 году. В соответствии с ним Большая золотая медаль вручалась раз в три года за наиболее выдающиеся географические исследования, открытия и труды. Присуждение медали сопровождалось премией в 2500 рублей.

учные теории сочетались с откровенным вредительством». Когда с поздравлением на сцену вышел бывший начальник Севморпути И. Д. Папанин и после своего славословия обнял и расцеловал юбиляра, тот сказал ему на ухо, но так, что это услышала, по крайней мере, половина зала: «Твой поцелуй, как поцелуй Иуды».

В том же 1963-м году, чета Урванцевых (в семьдесят лет!) приняла участие во Всесоюзном автопробеге по маршруту Москва-Ленинград-Москва. И не просто участвовала, но победила в нём! При этом от Москвы до Ленинграда машину вела Елизавета Ивановна, а от Ленинграда до Москвы – Николай Николаевич.

В штате НИИГА Н. Н. Урванцев проработал до 1967 года, получив в 1961 году от ВАКа¹⁰³ официальное звание профессора. В связи с этим он вернулся к своей преподавательской деятельности в Ленинградском горном институте, а также снова решил заняться писательской деятельностью, прерванной ещё в 1935 году – начал писать научно-популярные книги, в которых рассказывал о своих путешествиях по Крайнему Северу. Большую популярность у молодой читательской публики сразу же получили его документальные книги: «Норильск» (М.: изд. «Недра») и второе, дополненное и переработанное издание книги «На Северной Земле» (Л.: Гидрометеорологическое изд-во), вышедшие в свет в 1969 году. В книжных магазинах они шли нарасхват и «проглатывались» читателями одним махом, как самые остросюжетные детективы. Ибо в них было такое обаяние правды, такая живая реальность, что читателя буквально продирали мороз по коже. Причём автором преподносилось это не как описание подвигов какого-то немыслимо везучего и отважного героя, а как тяжёлая и опасная, но весьма необходимая всем людям повседневная работа. Что, во многом, так и было на самом деле.

Впрочем, не стоит думать, что годы работы в НИИГА были для Н. Н. Урванцева совершенно безоблачными. Да, он, безусловно и полностью, был реабилитирован по всем своим

¹⁰³ ВАК – Высшая аттестационная комиссия.

Н. Н. и Е. И. Урванцевы на своей «золотой свадьбе»

судимостям одним из первых, ещё в 1956 году, вскоре после XX съезда КПСС. Ему не только вернули все его прежние звания, награды и титулы, но и удостоили новых, не менее значительных. Однако отношение к нему, как к враждебному и социально чуждому элементу, у бывших «сталинских полярных орлов» было, мягко говоря, сдержанным или даже подозрительным.

«С чего вы взяли, что Урванцев был первооткрывателем Норильского богатства? – возмущались они. – Он, по сути своей, был и остаётся вредителем, колчаковцем, примазавшимся к советской власти. Он – всего на всего купеческий сынок, под горячую руку Хрущева вытащенный из кучи лагерного социального дерьма! Это мы, а не он, открыли, разработали и передали Родине несметные богатства Норильска. Это легендарный Никифор Бегичев открывал и осваивал Таймыр, а вовсе не Урванцев! Не мог классовый враг сделать ничего доброго для страны Советов!»

Тем не менее, ещё довольно долго, до самого Октябрьского пленума ЦК КПСС, на котором был снят и отправлен на пенсию Н. С. Хрущев, растерянные и испуганные «вожди мелкого и среднего масштаба» не осмеливались откровенно

опровергать то, о чём писалось в партийной прессе. И в том числе, рассказывать о достойных и даже выдающихся людях, обгаженных клеветническими поклёпами их политических противников. Однако, как писал поэт: «года минули, страсти улеглись».

И тогда в бой с Н. Н. Урванцевым ринулся геолог А. Е. Воронцов, в 1930 году направленный по заданию главка «Цветметзолото» в Норильск руководителем геологоразведочной экспедиции, а впоследствии, в 1938–1945 годах, уже в Норильлаге, ставший главным инженером Норильскстроя и горнорудного комбината.

Биография А. Е. Воронцова была просто на загляденье. В 1918 году юношей пятнадцати лет он стал красноармейцем и членом ВКП(б), участвовавшим в Гражданской войне (на стороне красных, разумеется). Затем он поступил в Московскую горную академию, где был однокурсником самого А. П. Завенягина, будущего властелина Норильлага и заместителя Л. П. Берия. Впрочем, надо отдать Воронцову должное: он был знающим, способным и успешным геологом, так же, как и Урванцев, много сделавшим для открытия и запуска в работу Норильского медно-никелевого месторождения. Но он был вторым (а иногда третьим или даже четвёртым), пришедшим вслед за Урванцевым. А. Е. Воронцов был увенчан лаврами лауреата Сталинской премии I степени; он стал кавалером двух орденов Трудового Красного знамени, двух орденов Ленина и почётным гражданином Норильска (так же, как и Н. Н. Урванцев). Впрочем, судьбы этих «почётных граждан» сложились по-разному, можно даже сказать, диаметрально противоположно, как, впрочем, и биографии многих других первооткрывателей Крайнего Севера. Первый из них – Н. Н. Урванцев – был изгоем, зэком, плеем, в сущности, рабом и каторжником, работавшим разве что лишь без кандалов. Второй – А. Е. Воронцов – повелителем, избранником, уполномоченным партией и правительством, патрицием, от которого целиком и полностью зависели жизнь и судьба тысяч ни в чём не повинных людей. Впрочем, они, эти новые патриции, зэков, то есть рабов, за людей и не счи-

тали. В большинстве своём эти «вершители судеб» брезгливо и высокомерно относились к жертвам репрессий. Ведь это давало им в прежнюю пору шанс безмерно преувеличивать собственные заслуги, очерняя реабилитированных землепроходцев и замалчивая преступления их мучителей. И одной из их главных мишеней стал Николай Николаевич Урванцев.

Вот что писал А. А. Воронцов в 1967 году:

«В связи с тем, что в последние годы в журналах, по радио и в кино очень много внимания уделяется личности Урванцева, как первооткрывателя Норильска, создателя рудной и угольной баз района и даже организатора освоения Норильска, я вынужден написать краткую историю изучения и освоения Норильска. Она основана на фактах, которые целиком опровергают такую роль Урванцева.

В 1919 году, когда истинные патриоты нашей Родины сражались на фронте за Советскую власть, Урванцев отправился в Норильск обследовать залежи углей для речного и морского флота адмирала Колчака, а говорил всем и писал потом, что выполнял задание Ленина.

Реку Пясину открыл и обследовал исследователь Севера Бегичев, а золотую медаль за это исследование и открытие получил Урванцев.

Погибшего норвежца, члена экспедиции Амундсена, обнаружил Бегичев, а подарок – золотые часы от норвежского правительства – получил Урванцев.

Урванцев, вроде бы способный и удачливый геолог, проработал в Норильске шесть лет (с 1919 по 1925 годы). И за это время он раскрыл только микроскопическое рудное месторождение горы Рудной с таким запасом металла, которое не позволяло не только строить промышленные предприятия, но экономически даже не обеспечивало строительство узкоколейной железной дороги Дудинка – Норильск. В то время, как мощное рудное месторождение (наверняка хорошо известное Урванцеву), расположенное совсем рядом, так и осталось неразведанным. Очень странная, если не сказать «вредоносная» точка зрения, непонятное поведение для такого опытного геолога.

Но достаточно было приехать в Норильск двум малоопытным геологам в 1930 году, как рудное месторождение «Угольный ручей» тут же разведывается, подсчитываются его запасы, и правительство моментально принимает решение о строительстве в Норильске мощного металлургического комбината...»

Свою записку А. Е. Воронцов отправляет по следующим адресам: в Норильск, в ЦК КПСС, в Радиокomiteeт, в Кинокомитет, в Министерство геологии СССР.

Вслед за этим, в 1971 году выходит в свет брошюра В. Н. Лебединского и П. Н. Мельникова «Звезда Заполярья», в которой повторяются все основные тезисы противников Урванцева, как первооткрывателя Норильских горнорудных богатств и руководителя экспедиции, нашедшей почту Руала Амундсена.

В. Н. Лебединский работал инженером Норильского комбината и участвовал в работе литературного объединения при редакции местной газеты «Заполярная правда». П. Н. Мельников был профессиональным журналистом, корреспондентом газеты «Правда». Впрочем, скорее всего, он (Мельников) был здесь всего лишь литературным консультантом и «пробивным орудием», способствовавшим выходу этой брошюры в свет¹⁰⁴.

Н. Н. Урванцев, прочитав эту брошюру, отправляет 6 февраля 1972 года в газету «Заполярная правда», в Министерство геологии СССР и самому В. Н. Лебединскому, эмоциональную записку на шести машинописных листах с такими выводами:

«Грубое извращение исторической действительности в книге В. Лебединского и П. Мельникова «Звезда Заполярья» не может быть вызвано незнанием фактического материала. В. Лебединский жил в сороковых годах в Норильске, встречался там со мной, а также с моим соратником В. Корешковым, беседовал с нами о работах первых лет в Норильске. Здесь имеет место злостное и умышленное искажение

¹⁰⁴ В то время существовала исключительная монополия государства на издание всех печатных произведений.

фактического материала по истории Норильска с целью опорочить и оклеветать имена его первых исследователей. Из книги «Звезда Заполярья» следует, что Н. Урванцев с 1920 по 1928 г. работал в Норильске, но ничего не сделал для выявления его горных богатств и промышленных перспектив. Из приведённых мною выше ссылок, цитат из различных отчётов и других официальных документов видно, что это ложь и клевета. Они рассчитаны на то, чтобы дезориентировать и ввести в заблуждение читателей. Такого рода действия автора В. Лебединского законами Советского Союза квалифицируются как уголовно наказуемые деяния».

Вскоре вслед за этим в редакцию «Заполярной правды», а также лично Лебединскому стали поступать письма и отзывы на его книгу от тех, кто был категорически не согласен с мнением авторов упомянутой брошюры об Н. Н. Урванцеве.

Известный журналист и историограф С. Л. Щеглов-Норильский, руководивший литобъединением при газете «Заполярная правда», указывал на множество ошибок, неточностей и нелепостей, которыми грешит эта книга. Он утверждал, что она вместила в себя все основные тезисы противников Н. Н. Урванцева, как первооткрывателя богатств Норильска. Щеглов-Норильский был убеждён, что она написана с единственной целью: очернить великого первооткрывателя богатств Норильска и возвысить до небес его соперника геолога А. Е. Воронцова. В этой книге Урванцев несправедливо обвинялся во всех смертных грехах, причём делалось это с социальной, «классовой» точки зрения.

А вот что писал в письме к В. Н. Лебединскому 13 мая 1972 года известный журналист Никита Болотников, в свои молодые годы зимовавший с Урванцевым на островах Самуила:

«Я зимовал под начальством Н. Н. Урванцева около года на островах Самуила. Там я смог узнать его особенности, положительные и отрицательные черты характера. Он бывал крут, не всегда справедлив, вспыльчив, но быстро отходил и снова оставался доброжелателен и приветлив. Испытания, выпавшие на его долю, конечно, способствовали его смягчению, а не озлоблению. Он стал более терпим к людям,

возможно, и теперь он далёк от эталона идеальной личности, но он был и остался Урванцевым! Его имя навсегда останется в истории освоения Арктики! И этого никак ни замолчать, ни заслонить именами его последователей невозможно.

Впрочем, вскоре и эти страсти улеглись сами собой. И подытожил их сам Н. Н. Урванцев в письме к С. Л. Щеглову-Норильскому: *«Теперь меня совсем не трогает мышинная возня всех этих воронцовых, лебединских, алкацевых»¹⁰⁵. У них же нет никаких документальных материалов, всё основано на одних словесных рассказах Воронцова и прочих, никем не подтверждённых фактически. Мне же заниматься всеми этими «литературными измышлениями» некогда. Я сейчас руковожу большими работами по поискам на всей территории севера Сибирской платформы и Таймыра новых крупных месторождений медно-никелевых руд. Это очень важная задача не только для Норильска, но и для всей страны в целом.*

Практически весь 1972 год Урванцев проработал над большой программной статьёй «Новые никеленосные области в северной части Центральной Сибири». На её основе летом следующего года он сделал большой доклад в Норильске на Всесоюзном совещании геологов по перспективам поисков новых месторождений богатых полиметаллических руд. Эту статью впоследствии Урванцев опубликовал в журнале Сибирского отделения АН СССР «Геология и геофизика» № 3 за 1973 год под названием «Северо-Сибирская никеленосная область».

Десять лет Урванцевы не были на Таймыре, в тех местах, где прошла их яркая, но очень непростая «норильская молодость». Им страшновато было ехать туда, где они в своё время были так счастливы, поскольку их тогдашнее счастье было уж очень специфическим. Но, тем не менее, такое желание по прошествии времени у них обоих возникло и постепен-

¹⁰⁵ Дебола Каспولاتович Алкацев совместно с сотрудником местной комсомольской газеты Ж. Трошевым выпустил биографическую книгу об А. П. Завенягине.

но стало расти и даже крепнуть. Они всё сильнее и сильнее желали теперь, спустя десять лет, снова поехать в Норильск для того, чтобы посмотреть, каким он стал ныне. Им хотелось вновь пройти теми тропами, увалами и карликовыми перелесками, которыми они ходили в середине двадцатых годов, когда он, Николай Урванцев, был «кузьяном», а она, его жена, «кузьяйкой» этих мест – так называли их местные долганы и нганасаны.

И вот, в июне 1973 года, ранней полярной весной Урванцевы прилетели в Норильск из Ленинграда на большом современном самолёте. Теперь на полпути из Дудинки в Норильск (этот путь они в молодости проделали столько раз на оленях и собаках!) в безжизненной заполярной тундре был построен современный аэропорт Алыкель, принимавший самолёты практически всех типов. (Попутно замечу, что теперь он носит имя первооснователя города Норильска – Николая Урванцева.) В ту пору, в 1973 году, никакой дороги, кроме железной (узкоколейной), построенной ещё во времена Норильлага заключёнными, там не было. И поезд по ней ходил два раза в сутки: один раз туда, другой обратно. Но по сравнению с прежними временами, когда тут можно было передвигаться только на оленях, собаках или пешком, это был, безусловно, весьма комфортный способ преодоления пространства.

Город Норильск произвёл на взволнованных визитёров из северной столицы ошеломительное впечатление. Мало того, что он был сплошь застроен добротными современными домами на сваях, во всех них были те же коммунальные удобства, что и в столичных городах (и это несмотря на жуткие морозы, пурги и вечную мерзлоту!). А центральная часть его была изысканно красива и напоминала собой порядочный кусок того самого Санкт-Петербурга, что был построен волей Петра Великого на финских болотах в начале XVIII века. Как видно, среди эзков ГУЛАГа нашлись свои Бартоломео Растрелли и Доменико Трезини¹⁰⁶. Ну, а то, что построен этот

¹⁰⁶ Бартоломео Растрелли и Доменико Трезини – знаменитые архитекторы, выстроившие лучшие здания Санкт-Петербурга в начале XVIII века.

красавец-город был на костях многих тысяч рабов, так ведь и сам Санкт-Петербург был выстроен на костях крепостных, которые, впрочем, мало чем отличались от зэков ГУЛАГа. Обо всём этом, наверное, думал Урванцев, когда ему показывали нынешний город его молодости.

Однако главной городской достопримечательностью, куда повезли дорогих гостей, был тот самый первый дом Норильска, ныне превращённый в городской музей. Плотно сбитый из брёвен, маленький и чистенький, он стоял среди огромных каменных многоэтажных исполинов, как гордый крошечный лилипут Гульго среди Гулливеров, несмотря на свои пустяковые размеры, полный достоинства и даже значительности.

Супруги открыли входную дверь и через обширные сени вошли в коридор. Там, рядом с кухней-столовой они отыскали «свою» комнату. Всё было как прежде. Они вновь вернулись в 1926 или в 1946 год, где провели лучшие годы своей жизни.

На совещании Урванцев был встречен коллегами-геологами с восторгом и восхищением. Его доклад закончился под громовые аплодисменты всего зала, словно выступление примы-балерины или какого-нибудь эстрадного любимца публики. После выступления его окружило плотное кольцо коллег. Все стремились пожать ему руку, напомнить о себе, доложить о своём восхищении его работами, уверить в том, что всегда понимали значение их для блага всего советского народа. Сам же Урванцев, не ожидавший такой реакции зала, был смущен и даже несколько растерян. Ему был не по душе тот трон или даже Олимп, на который вознесли его коллеги. Впоследствии они с Елизаветой Ивановной решили, что ещё хотя бы раз непременно вернуться сюда, в их Норильск, и проживут тут неделю-другую, но уже безо всякого ажиотажа и восторженной суеты. Обещание, данное себе, они выполнили лишь отчасти – вернулись в Норильск через год, но обойтись без ажиотажа, восторгов и суеты им вновь не удалось. Ведь повторный визит в город их молодости тоже был связан с торжественным событием: присвоением Н. Н. Урванцеву звания «Первого почётного гражданина города Норильска».

Первый дом Норильска, ныне превращённый в музей

В 1974 году Н. Н. Урванцеву присваивают почётное звание «заслуженного деятеля науки РСФСР», хотя к этому времени научными исследованиями он заниматься уже практически перестал. Как говорят у нас в Рязани: «лучше поздно, чем не вовремя» – на девятом десятке геологу-полевому практически невозможно заниматься своей профессией – здоровье не позволяет. Поэтому теперь он всего себя отдаёт писательской работе: пишет научные статьи и рецензии, оппонирует на защитах докторских диссертаций (в основном, тех, которые касаются геологии Крайнего Севера), а также заново редактирует свои прежние книги. Из его новых литературных работ особенно интересными являются: большой очерк «Как мы нашли почву Амундсена», опубликованный в ежегодном сборнике «Полярный круг» за 1974 год; большая статья «Трагедия спутников Амундсена», вошедшая потом главой в книгу «По северному Таймыру», а также книга «Таймыр – край мой северный» (М., изд. «Мысль», 1981 г.).

В 1983 году в связи со своим девяностолетним юбилеем Николай Николаевич Урванцев был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Тогда же в Московском филиале Географического общества СССР состоялось большое торжественное заседание, посвящённое этому выдающемуся событию. На нём было принято решение: «За большой вклад в освоение Советского Заполярья осуществить издание всех научных трудов Н. Н. Урванцева, почтовой марки с его портретом и двух стипендий его имени – одну для студентов Ленинградского горного института, другую для студентов Томского политехнического института. Кроме того, присвоить его имя улицам в городах Ленинграде, Томске и Норильске». С прискорбием должен сообщить, что ничего из этого решения осуществлено не было. Правда, имя Урванцева получила набережная реки Норилки в городе Норильске, о которой в решении юбилейной комиссии ничего сказано не было.

Незадолго до кончины, в 1984 году, Урванцев дал последнее интервью своему биографу Анатолию Львову. Тот спросил его:

– Николай Николаевич, было ли в вашей жизни что-то такое, чего вы так и не сумели осуществить, хотя и были к этому очень близки?

Немного подумав, Урванцев ответил:

– Было. Я не открыл ещё одного такого же богатого месторождения, как в Норильске, южнее, в районе реки Хантайки. Мне кажется, оно там есть, да вот, как-то не дошли руки. Не хватило времени.

Умер Николай Николаевич Урванцев в Ленинграде 20 февраля 1985 года на девяносто третьем году жизни. Елизавета Ивановна пережила его всего на сорок три дня. Они прожили в браке более шестидесяти лет. По их завещанию урны с их прахом похоронены под одной плитой в городе Норильске. На плите выбиты их годы рождения и смерти: «1893–1985», ибо были они одногодками и по рождению, и по смерти. Многие русские сказки, былины и сказания о верных супругах заканчиваются одной и той же фразой: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день».

Могила Н. Н. и Е. И. Урванцевых в Норильске

А великий китайский мыслитель и моралист Конфуций ещё в глубокой древности заметил: «Всякое жизненное испытание, если не убивает нас, то закаляет наш дух и наше тело. И чем тяжелее испытание, тем крепче закалка». Так что нет ничего удивительного в том, что Николай Николаевич Урванцев прожил такую долгую и богатую событиями жизнь.

Заключение

Я не знаю, кто первый и при каких обстоятельствах начал величать Николая Николаевича Урванцева «Колумбом Таймыра», но этот титул прижился на Севере и стал общеизвестным, особенно среди геологов. Однако, мне кажется, что фигура сибирского землепроходца и первооткрывателя не только не уступает в величии мореплавателю средневековья, но даже превосходит его. Ибо если сравнивать фигуры Урванцева и Колумба, то пальму первенства я, безусловно, отдаю первому из них.

Безусловно, Христофор Колумб – личность замечательная. Ведь это был средневековый мореплаватель, открывший европейцам Сарагассово и Карибское моря, Антильские и Багамские острова, Кубу, Гаити и Сан-Сальвадор¹⁰⁷. Он был первым из известных путешественников, переплывшим Атлантический океан. Однако, вопреки общему мнению, Америки он не открывал, да и никогда на её континентальном берегу не был. Тем не менее, на многие годы (и даже на века!) он стал символом первооткрывателя, подарившего благодарному человечеству несметные, умопомрачительные богатства открытых им земель. В течение нескольких веков после его плавания парусные корабли возили золото с американского континента в Испанию. Однако даже своё имя новому континенту он оставить не сумел: континент стал именоваться Америкой в честь другого путешественника – Америго Веспуччи¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Именно на этот остров высадился Колумб, будучи уверенным в том, что достиг берега вожделенной Индии. В ту пору он назывался островом Саман. Однако, Колумб решил почему-то его переименовать в Сан-Сальвадор.

¹⁰⁸ Америго Веспуччи был близким соратником и последователем Колумба, совершившим после него четыре успешных плавания на новый континент. Именем же самого Колумба была названа всего лишь небольшая страна в Латинской Америке.

Королевская чета Испании (Фердинанд и Изабелла) дала согласие на снаряжение эскадры из трёх кораблей для поиска западного пути в Индию, хотя нищая испанская казна того времени не имела средств для такого предприятия. Испанские монархи пообещали Колумбу, в случае успешного завершения им экспедиции, дворянский титул, звания адмирала и вице-короля всех тех земель, которые ему удастся открыть, но денег не дали совсем, а лишь разрешили пользоваться их именами при финансировании этого сомнительного предприятия. Деньги на экспедицию именем короля Христофору Колумбу пришлось брать взаймы у андалузских банкиров и купцов.

Своих обещаний чета монархов не выполнила, и Колумб умер, прожив всего пятьдесят четыре года, в полной нищете и безвестности в 1506 году, через тринадцать лет после своего знаменитого путешествия.

Очень многое в судьбе Христофора Колумба и Николая Урванцева совпадает: вера в собственное предназначение; упорство и энергия в достижении цели; жажда новых знаний, неизвестных прежде никому; огромное честолюбие в самом лучшем смысле этого слова. А, кроме того, их стремление к открытию несметных богатств для своей Родины. На самом же деле – «для сильных мира сего», которые послали и Колумба, и Урванцева в их опасные и даже безрассудные путешествия. При этом оба великих путешественника впоследствии были жестоко обмануты своими надменными и всесильными заказчиками, чего, впрочем, от этой вероломной публики и следовало ожидать.

Однако были у этих путешествий «большие различия», и не две (как говорят в Одессе), а гораздо больше. Первая и самая серьёзная разница, это, конечно, климат, вторая – регион, в котором «Урванцеву со товарищи» пришлось не только путешествовать, но и трудиться в поте лица ежедневно и ежечасно. Что такое настоящая «тёмная» пурга, мороз под пятьдесят градусов и вечная мерзлота Колумбу было неизвестно. Кроме того, Урванцеву приходилось непрерывно решать транспортные проблемы, которых у Колумба просто

не было – корабли обеспечивали его передвижение по океану целиком и полностью. Урванцев должен был заботиться о продовольствии не только для людей в своих отрядах, но и своего «транспорта»¹⁰⁹. Затем – фиксация местности (нанесение на карты всех географических объектов и их астрономическая привязка), добыча образцов пород, проходка шурфов и штолен, бурение скважин, аппаратура для этого, а также специалисты, умеющие на ней работать. Кадровые вопросы, которые в условиях полярных будней приходилось решать непрерывно. А также самое важное и трудное – взаимоотношения с местным «туземным» населением (долганами, нганасанами, эвенками, ненцами), которые Урванцеву всегда удавалось сохранять в наилучшем виде.

Разумеется, и у Колумба были кое-какие трудности, которых у Урванцева не было, и быть не могло. Разведчиков, путешествующих по тундре, не интересуют мели, морские банки, высокие и низкие прибои, морские приливы и отливы. Ему не нужно заботиться о сохранности воды и провианта под палящими лучами солнца, бороться с цингой и другими болезнями. Урванцеву и его соратникам было хорошо известно, что такое витамины, а местные жители, которым цинга отродясь была неведома, научили его прекрасно бороться с этой напастью.

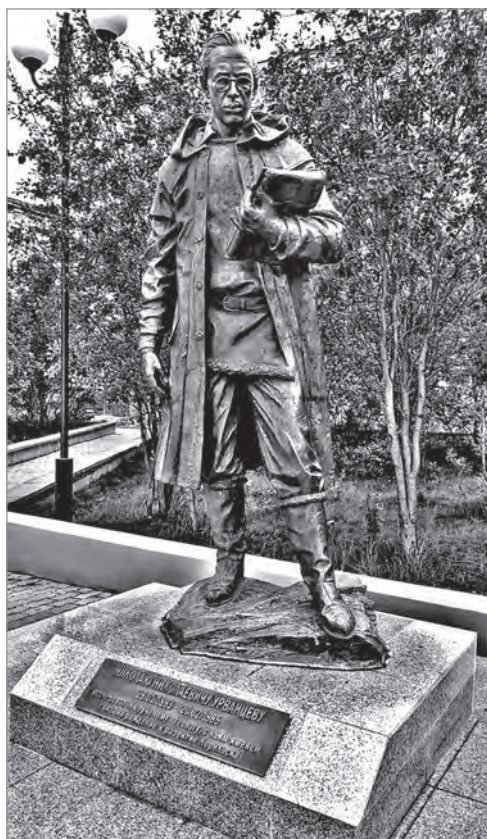
И всё-таки Урванцеву в его путешествиях было намного труднее и опаснее, чем Колумбу на его «островах вечной весны». И дар великого полярника Н. Н. Урванцева своей Родине намного щедрее и важнее дара Колумба. А кроме того, он, этот дар, был рассчитан на всех россиян на многие века, а не как у Колумба, только на живших в ту пору испанцев (прежде всего, королевского двора), но также и на будущие, далёкие поколения простых людей.

«Коемуждо воздастся по делом его», – сказано в Писании. И у меня нет в этом никаких сомнений. Кто таков Христофор Колумб – известно теперь едва ли не каждому мало-мальски

¹⁰⁹ Урванцев, в основном, передвигался на оленях или собачьих упряжках и был обязан думать о прокорме этих животных.

просвещённому человеку на Земле. Как уже сказано, оно из обычного имени превратилось в символ первооткрывателя новых земель, упорного и бесстрашного, несмотря ни на что идущего к своей цели, вопреки общепринятому мнению и даже здравому смыслу. Памятник Христофору Колумбу установлен в Барселоне и на Гранаде. Его прах перевезён из Севильи, где он скончался, на открытый им остров Гаити, где великий первооткрыватель покоится в мире до сих пор.

Урны с прахом Николая Урванцева и его верной соратницы Елизаветы Урванцевой под массивной каменной плитой захоронены по их завещанию в Норильске. Там же непо-

Памятник Н. Н. Урванцеву в Норильске

далёку, в сквере Музея Норильска, установлен и памятник великому первопроходцу Крайнего Севера и блистательного геолога. Скульптура великого сына земли Русской отлита из бронзы в его полный, богатырский рост. Он стоит не на постаменте, а на тонкой плите норильского камня и смотрит вдаль. В руках у него большой блокнот, в котором он, то ли делает какие-то записи, то ли рисует мензультную карту окружающей местности. А в нескольких метрах неподалёку возвышается тот самый, первый дом, выстроенный им из брёвен в начале двадцатых годов, с которого и начинался нынешний город Норильск. Памятник Николаю Николаевичу Урванцеву был торжественно открыт 06.07.2017 года. Автор проекта – скульптор Александр Рукавишников.

Оглавление

Предисловие 3

Часть I. Норильск

Глава 1. Юность «таймырского Колумба» 19

Глава 2. Уголь для судов Северного морского пути 36

Глава 3. Первая зимовка в Норильске 87

Глава 4. Водный путь из Норильска в Карское море ... 117

Глава 5. Вторая зимовка в Норильске 151

Глава 6. Елизавета Ивановна Урванцева (Найдёнова) .. 198

Глава 7. Третья зимовка в Норильске 216

Глава 8. По порогам реки Хантайки 245

Часть II. Архипелаг Северная Земля

Глава 9. История с географией.

Разработка идеи экспедиции 287

Глава 10. Кадровые проблемы. Сборы 298

Глава 11. Путь к Северной Земле 312

Глава 12. Начало зимовки 327

Глава 13. Первый съёмочный маршрут 349

Глава 14. Второй съёмочный маршрут 357

Глава 15. Третий съёмочный маршрут 373

Часть III. НИИГА «Севморпути»

Глава 16. Поход с Ленским караваном. Вынужденная

зимовка у островов Самуила 391

Глава 17. Зэк Н. Н. Урванцев 442

Глава 18. Последние годы жизни 471

Заключение 488

Вишнеvский Евгений Венедиктович
Колумб Севера
Николай Николаевич Урванцев

Редактор
В. Ф. Свиньин

Компьютерная верстка
М. В. Янушевич

Дизайн обложки
В. А. Хананов

ООО «Свиньин и сыновья»
www.isvis.ru, isvis@mail.ru

Подписано в печать 25.11.2022.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 33,88.

Типография АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр., д. 42, к. 5
тел.: (495) 322-38-30, www.t8print.ru

ISBN 978-5-98502-250-6

9 785985 022506